

Константин Котельников

Русский Берлин 1919 – 1933

2022

Котельников К.Д. Русский Берлин 1919 – 1933: проблемы и механизмы адаптации русской эмиграции в Германии / монография. М.: ДПК-Пресс, 2022. 238 с.

Монография подготовлена на основе диссертационного исследования автора, посвящённого проблемам адаптации, социальной истории и повседневности русской эмиграции первой «волны» в Берлине. Анализируется сообщество выходцев из Российской империи, сложившееся в столице Веймарской республики в начале 1920-х гг., его формирование, существование и распад. Отдельное внимание уделено взаимоотношениям эмигрантов и немецкого общества, проблемам трудоустройства, жилья, преступности, а также истории благотворительной и общественной деятельности русских берлинцев.

Издание рассчитано на историков, эмигрантоведов, аспирантов и студентов гуманитарной специализации, широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91976-242-3

DOI russian-berlin-1919-1933/978-5-91976-242-3

Kotelnikov, Konstantin. Russian Berlin 1919 – 1933: adaptation problems and mechanisms of Russian emigration in Germany / monograph. Moscow: DPK-Press, 2022. 238 p.

The monograph is based on the dissertation research on the adaptation problems, social history and everyday life of Russian emigration of the first "wave" in Berlin. The author analyzes the community of the immigrants from the Russian Empire, developed in the capital of the Weimar Republic in the early 1920s, its formation, existence and collapse. Special attention is paid to the relationship between emigrants and German society, problems of employment, housing, crime, as well as the history of charitable and social activities of the Russian Berliners.

The publication is intended for historians, graduate students and students of humanitarian specialization, a wide range of readers.

ISBN 978-5-91976-242-3

Содержание

Введение	4
Глава 1. Русская «колония» в Германии: истоки, численность, состав	31
§ 1.1. Германия как центр притяжения эмиграции. Пути бегства	31
§ 1.2. Численность эмигрантов в Германии и «Русском Берлине» 1920-х гг.	42
§ 1.3. «Пирамида без основания»: социальный и национальный состав русской «колонии» в Берлине	51
Глава 2. Немцы и русские	60
§ 2.1. Анти-интеграционная политика германского правительства и всплеск ксенофобии в начале 1920-х гг.	60
§ 2.2. Немцы и русские: образы «другого», эмигрантский изоляционизм и «русская мода» Германии.....	78
Глава 3. Социально-экономические процессы в «Русском Берлине» 1920-х – начала 1930-х годов.....	99
§ 3.1. Первые шаги в эмигрантской жизни: доход, жилье и занятость	99
§ 3.2. Предпринимательство	119
§ 3.3. Путь к угасанию. «Русский Берлин» второй половины 1920-х – начала 1930-х годов	129
Глава 4. Преступность в «Русском Берлине» 1919 – 1933 гг.	139
§ 4.1. Социальная база и основные черты преступности.....	143
§ 4.2. Специфика эмигрантской преступности: самозванство и политическая борьба ..	158
Глава 5. Благотворительные и общественные организации «Русского Берлина»	167
§ 5.1. Гуманитарная деятельность объединений «Русского Берлина».....	167
§ 5.2. Объединение и раскол: политическая рознь как фактор общественной жизни....	196
Заключение.....	210
Список использованных источников и литературы.....	215
Приложение.....	229

Введение

Международные и национальные институты и программы, способствовавшие адаптации беженцев, появились в первой половине XX века (сначала в рамках Лиги Наций, затем ООН и других организаций). Первая мировая война и связанные с нею потрясения вызвали острую проблему массового беженства. Перемещения большого числа людей, происходившие ранее, не носили такого характера: неподготовленные беженцы (прежде всего, российские и армянские) в огромном количестве и в очень краткий промежуток времени покинули родину. Центральное место в этом процессе занимал исход русской эмиграции: в основном в ходе Гражданской войны в России (и меньше – по её окончании) около 1 млн (а по некоторым предположениям, больше)¹ бывших подданных империи оказались за её пределами. В процессе адаптации эмигранты не могли опираться на отсутствовавшие тогда ещё в Европе, а ныне действующие беженские институты и практики (программы ООН, Международного Комитета Красного Креста, программы помощи беженцам в отдельных государствах и так далее). Беженская проблема такого характера решалась принимающими обществами и эмигрантами впервые (к 1920-30-м гг. относятся и первые попытки теоретического осмысления проблем адаптации и ассимиляции мигрантов). Внимание исследователей к этому опыту, заложившему основы современных подходов к адаптации мигрантов, вполне объяснимо. Именно русская эмиграция «первой волны» вызывает интерес ещё и потому, что являет собой пример сообщества с уникальными для своего времени социальным составом и внутренними проблемами, определившими её судьбу.

В начале введения необходимо уточнить некоторые понятия, которые часто встречаются в книге и имеют особое значение. В первую очередь речь идёт о понятии «эмиграция». Оно кажется интуитивно ясным, однако сами эмигранты видели в нём разное содержание. Современный им авторитетный словарь Брокгауза и Ефрона даёт следующее общее определение слова «эмиграция»: «Под словом эмигрант обыкновенно подразумевают лицо, по той или другой причине оставившее своё отечество с целью основаться на чужбине; самый же акт передвижения подобных лиц называется эмиграцией или выселением».² Содержание этого понятия в общих чертах в течение XX-XXI вв. не менялось. Словарь Д.Н. Ушакова (1935 – 1940 гг.) определяет эмиграцию как «вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по тем

¹ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность: историографическое исследование о численности "первой волны" российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. С. 44.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Том XLA (80): Электровозбудительная сила – Эрготин. СПб: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1904. С. 732.

или иным причинам»³. Современный нам Малый академический словарь русского языка предлагает почти такое же амбивалентное определение: «Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по экономическим, политическим или религиозным причинам»⁴ (важно отметить, что допускается и вынужденный характер перемещения – в таком случае понятие эмиграции сближается с понятием «беженства»). Тем не менее русские эмигранты «первой волны» наделяли это слово различными смысловыми оттенками, отражающими уникальные черты их сообщества. Так, в 1924 г. И.А. Бунин, возражая против употребления к русской эмиграции понятия «беженцы» (лица, покинувшие своё место жительства вследствие войны или стихийных бедствий⁵) или «изгнанники», говорил: «Мы в огромном большинстве своём не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, *добровольно* покинувшие родину. [...] мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину»⁶. Таким образом Бунин пытается исключить из понятия «эмиграции» тех, кто вынужден был покинуть Россию из-за угрозы их жизни или здоровью, и настаивает на добровольном характере исхода, хотя и признаёт (что несколько парадоксально) угрозу гибели тех противников большевиков, которые оставались в России. Он рассматривал эмиграцию после 1917 г. прежде всего как политическое явление. Видный в эмиграции общественный деятель, мемуарист И.В. Гессен замечал, что многие русские эмигранты подобно Бунину негативно воспринимали определение «беженцы», считали его унижительным, «постыдным» и «оскорбительным»⁷ и предпочитали называть себя «эмигрантами», подчёркивая тем самым политическую мотивацию отъезда из России.

Сам же Гессен относился к понятиям более либерально. Он называет эмигрантов и «эмигрантами», и «беженцами» как в своих воспоминаниях, так и на страницах газеты «Руль» (другие эмигрантские издания, например, «Время», поступали так же). Гессен признавал, что значительная часть эмиграции носила беженский характер. Эмигранты нередко, как и он, в качестве синонимов употребляли для самоопределения оба понятия: и «эмигрант», и «беженец». Вслед за ними эти слова на равных правах использовал известный историк эмиграции М. Раев: «Русские, оказавшиеся за пределами бывшей Российской

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4. С – Ящурный. Стб.1420-1421. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/30/us4e2018.htm> (дата обращения: 05.03.2020).

⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С – Я. С. 760.

⁵ Там же. Т. 1. А – Й. С. 68.

⁶ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апреля.

⁷ HIA (Hoover Institution Archives, Stanford University, California). B.I.Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 102.

империи после 1919 года, были в прямом смысле беженцами»⁸. Этот подход представляется справедливым, поскольку исход эмиграции из России вызвали потрясения Гражданской войны, экономическая разруха, политическое преследование и другие причины, связанные с угрозой жизни и здоровью человека. Таким образом, грань между добровольным и вынужденным решением эмигрировать после 1917 года часто оставалась очень неопределённой. Поэтому в данной работе мы тоже употребляем понятие «беженец» в качестве синонима слова «эмигрант».

Я также не использую понятие «русский беженец» в узком значении, которым его наделила Лига Наций: «Всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства»⁹. Впервые это определение дала созванная Лигой Женевская конференция представителей европейских правительств в июле 1922 г.; организация нуждалась в урегулировании прав русских эмигрантов и потому приняла его для правовых нужд, в неформальной же речи оно не бытовало.

Важно отметить, что под *русскими эмигрантами* подразумеваются в гуманитарных науках все выходцы из России и СССР и их потомки независимо от их национальной и этнической принадлежности (в примордиалистском понимании), вероисповедания и рода занятий. Главным критерием, по которому человек признавался частью русской эмиграции и в 1920-е гг., и позднее, был критерий идентификации и самоидентификации: признание своей духовной и культурной связи с Россией и русским языком¹⁰. Ещё в начале XX века в Германии переселенцы разных национальностей из России считали, что «тот, кто говорит и думает по-русски – русский»¹¹. Эмиграция 1920-х гг. так же именовала себя русской, хотя её этнический состав весьма неоднороден, и этнические группы отличались порой двойственной идентичностью (в основном русские евреи, русские немцы и украинцы). Это позволяет и нам следовать историографической традиции и называть выходцев из России «русскими эмигрантами» вне зависимости от их национальности, а для уточнения последней при необходимости пользоваться самоопределениями эмигрантов (напр., «русские евреи» или «русские немцы»).

⁸ Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919 – 1939*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 16.

⁹ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 5.

¹⁰ Пронин А.А. *Источники по истории эмиграции из России*. Уфа: А.А. Словохотов, 2016. С. 5-6.

¹¹ Будницкий О., Полян А. *Русско-еврейский Берлин (1920-1941)*. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 30.

Русской **колонией** именовали эмигрантское сообщество, сложившееся в Берлине (так же говорили о других «колониях» в Европе).

Объяснения заслуживает и понятие «**первой волны**» эмиграции. Наиболее распространённая периодизация русской эмиграции XX века обычно делит её историю на три «волны», подразумевая под «волной» массовый исход за рубеж в короткий срок: первая «волна» (1918 – 1940 гг.) связана с последствиями революции 1917 г. и Гражданской войны, пик её пришёлся на начало 1920-х гг.; вторая «волна» (1941 – 1956 гг.) – преимущественно её представителями были так называемые «перемещённые лица», то есть люди, оказавшиеся и оставшиеся вне СССР в ходе Второй мировой войны; и третья (1956 – 1988 гг.) – в основном политическая и национальная, сравнительно небольшая по численности¹². Относительно эмиграции в Германии эта периодизация может вызывать возражения, так как подданные Российской империи, которые переселялись в Германскую империю и до 1914 года в значительном количестве, остаются «за кадром». Американский историк Р. Вильямс предложил по этой причине периодизацию, в которой «первой волной» в Германии назвал переселенцев 1881 – 1914 гг. По его данным, в 1910 году в Германии насчитывалось более 137 тысяч русских, путешествовавших по стране или проживавших там¹³. Очевидно, это число значительно снизилось в 1914 г. (насколько точно, неизвестно), когда страну покинули туристы, люди, приехавшие по служебным делам, гости лечебниц и курортов, а также несколько тысяч студентов¹⁴. Основная часть этих переселенцев – балтийские немцы и евреи (последних насчитывалось в 1910 г. около 21 тыс.¹⁵; в Берлине, по оценке немецкой газеты «Москауер Дойче Цайтунг», сделанной в 1913 г., около трёх четвертей живших там «русских» были евреями¹⁶). Гораздо меньшее число составляли эмигранты политические, покинувшие Россию в 1905 – 1908 гг.; некоторую долю представляли трудовые мигранты, хотя основным их направлением были страны обеих Америк¹⁷, а не Германия, поэтому речь идёт о небольшом количестве (судя по всему, по этой причине в нарративных источниках и прессе эмигрантов в Берлине мы почти не встречаем упоминаний экономических мигрантов конца XIX – начала XX вв.). По составу, причинам и целям переселения эмиграция в Германию до 1917 г. значительно отличалась от последующих «волн» (к примеру, те же евреи из российской части Польши имели

¹² Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.) / науч. ред. И.А. Шомракова. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. СПб.: СПбГУКИ, 2008. С. 9.

¹³ Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881 – 1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. P. 20.

¹⁴ Ibid. P. 51.

¹⁵ Ibid. P. 33-34.

¹⁶ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 30

¹⁷ Тарле Г.Я. История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940. Кн. 1. М.: 1994. С. 16-24. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_1143.htm (дата обращения: 20.11.2019).

гораздо больше общего с евреями из Галиции и Буковины, нежели с русскими эмигрантами 1920-х гг.). К тому же, в Германии они оказались не в результате массового исхода из России, как представители других «волн», а в ходе многолетних миграционных процессов, в кардинально иных условиях и обычно движимые иными мотивами, нежели беженцы после 1917 г. По этим причинам другие историки (как и автор данной работы) не переняли периодизацию Вильямса и связывают «первую волну» именно с революцией. Тем не менее стоит иметь в виду, что в русской «колонии» в Берлине 1920-х – начала 1930-х гг. жили бывшие подданные России, которые покинули родину до 1917 г. (этого вопроса мы ещё немного коснёмся в основной части книги).

Отдельно стоит прокомментировать понятие **миграции**. Оно обычно применяется в теоретических работах, так как значение этого термина, означающего просто перемещение с целью смены места жительства, – более широкое, нежели значение понятий «эмиграция» и «иммиграция». Два последних термина обозначают частные случаи миграции и указывают на её направление. Под «эмиграцией» понимается обычно процесс отъезда из какой-либо страны или само это действие (отъезд); в рамках данной работы «эмиграцией» называется и совокупность русских эмигрантов (такое употребление этого понятия сложилось ещё во время Гражданской войны в России). «Иммиграцией» же называется въезд в какое-либо государство. Характерно, что люди, покинувшие Россию после революции 1917 года, называли себя всегда «эмигрантами» и никогда «иммигрантами»: для их самосознания и групповой идентичности важен был не пункт пребывания за рубежом, значение имело только российское происхождение.

Понятие **адаптации** также может вызывать вопросы. В социальных науках нередко при рассмотрении схожей проблематики используется другой термин – интеграция, отражающий степень включенности меньшинства в жизнь и структуры доминирующего общества. В данном случае термин адаптация (от лат. *adaptare* - приспособлять), то есть приспособление в самом общем смысле, – несколько шире, так как он применяется не только для анализа отношений большинства и меньшинства (это лишь часть адаптационного процесса), но и для описания «внутренних» проблем эмиграции. Понятие социальной адаптации закрепилось в гуманитарных науках ещё во второй половине XX века и уже традиционно используется исследователями эмиграции. В данном случае речь идёт об адаптации как процессе социализации, приспособления эмигрантов к требованиям новой социальной среды и с учётом собственных потребностей, мотивов и интересов¹⁸. Под

¹⁸ Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-пресс, 2003. С. 17.

механизмами адаптации в работе подразумеваются все факторы и практики, которые способствовали преодолению эмигрантами встреченных ими за пределами России вызовов.

Так как в Германии в начале 1920-х гг. сложился крупнейший центр русского зарубежья, эмигранты с самого начала начали вызывать не только чисто политический и журналистский интерес. Академические работы об эмиграции в этой стране появились уже в 1920-е годы. Йенский исследователь Ханс фон Римша написал в 1924 – 1927 гг. два труда о Гражданской войне в России и исходе русских в Европу¹⁹. Римшу интересовали в первую очередь политические и партийные особенности и перспективы эмиграции (в том числе претенденты на русский трон), а также её культуртрегерская роль и восприятие Европы. Римша привлёк в своей работе многочисленные немецкие и русские публицистические издания (например, авторства П.Н. Милюкова, А. Керенского и А. Пешехонова), а также периодическую печать (берлинские «Дни», «Голос России», «Руль», «Накануне» и другие газеты). Учитывая время появления сочинений Римши, ясно, что он мог отразить текущий момент, но для исторического обобщения ещё не настало время.

Следующая монография о русских эмигрантах в Германии появилась уже в 1960-е гг., снова в Германии. Ханс-Эрих Фолькманн («Русская эмиграция в Германии: 1919 – 1929»²⁰) тоже сосредоточился преимущественно на политической дифференциации русской эмиграции, её отношении к Антанте и Германии, но он же первым обратил некоторое внимание на проблемы адаптации беженцев, а также на способы их решения - благотворительную деятельность эмиграции и международную помощь. Важной особенностью работы Фолькманна было использование материалов Политического архива министерства иностранных дел Германии (тогда расположенного в Бонне), в котором систематически наблюдали за общественной жизнью бывших российских подданных; источниковую базу историка составили также источники личного происхождения и, что важно, публикации в германской прессе 1919 – 1929 гг., позволяющие оценить немецкое восприятие эмиграции.

Через несколько лет после работы Фолькманна свет увидела ещё одна чрезвычайно важная монография, затрагивавшая проблемы адаптации русской эмиграции в Германии – книга Роберта Вильямса «Культура в изгнании. Русские эмигранты в Германии 1881 – 1941» (1972)²¹. В центре внимания историка – развитие русской культуры в эмиграции и её

¹⁹ Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917 – 1921. Jena: Frommansche Buchhandlung, 1924. 170 S.; Idem. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena: Frommansche Buchhandlung, 1927. 238 S.

²⁰ Volkman, H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg: Holzner-Verlag, 1966. 154 S.

²¹ Williams, R.C. Culture in Exile...

контакты с европейской культурой; общие характеристики эмиграции и подробности её повседневности играют здесь вспомогательную роль – они являются контекстом истории культуры и потому рассматриваются во вторую очередь в масштабе, необходимом для выполнения основных задач автора.

Большой шаг в сторону истории рядовых беженцев сделала Б. Доденхофт («Отпустите меня домой в Россию»: русские эмигранты в Германии с 1918 по 1945 гг.»)²². Историк обратила внимание на социальные характеристики и численность русской колонии, правовое положение эмигрантов, а также на их отдельные группы (помимо политических): литераторов, издателей и художников. Сильной стороной работы Доденхофт является использование документов германских архивов (прежде всего, Политического архива министерства иностранных дел и Бундесархива) и немецкой историографии межвоенной Германии (У. Кристофель, В. фон Блюхер, Х. Грамл и другие); это позволило учесть немецкий контекст, в котором разворачивалась история эмиграции. Однако автор не ставила себе задачу подробного исследования проблем адаптации эмиграции и не привлекала ряд источников, необходимых для изучения такого вопроса (пресса, большое количество мемуаров).

Открывшиеся в 1990-е годы возможности для изучения истории эмиграции (более широкий доступ в архивы, публикация ранее не востребовавшей эмигрантской литературы) использовали не только отечественные исследователи. В первую очередь необходимо упомянуть К. Шлэгеля, который считается ведущим немецким историком русской эмиграции в Германии. Работа «Берлин, Восточный вокзал Европы: русские и немцы в их столетие», впервые опубликованная в 1998 году, уже дважды переиздана на немецком языке, а также переведена на русский язык (под немного другим заголовком)²³. Для Шлэгеля Берлин 1920-30-х гг. – пространство русско-немецких и советско-немецких встреч: историк отталкивается от конкретных мест (например, Силезский вокзал или посольство СССР на Унтер ден Линден), чтобы рассмотреть истоки и формы появившихся вокруг них явлений и связей. В одной из глав Шлэгель составляет путеводитель по маршрутам беженцев и местам «Русского Берлина», обозначает ключевые точки городского пространства, в которых концентрировалась общественная жизнь эмиграции (ряд благотворительных и коммерческих организаций). Важной частью работы Шлэгеля стало изучение контактов и взаимного восприятия русских и немцев, в том числе на основе

²² Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim": russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993. 338 S.

²³ Шлэгель, К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. 626 с.

публикаций об эмиграции в немецкой прессе 1920-х гг. В довольно большом количестве привлёк историк и художественные произведения русских эмигрантов, живших в Берлине и вписавших в своё творчество этот опыт (В. Набокова, Р. Баталина, Л. Лунца и других).

Под редакцией Шлөгеля появился также сборник докладов российских и немецких историков о русской колонии в Германии и разных сторонах её жизни²⁴. Часть этих докладов прямо относится к теме данной работы; они представляют собой очерки о русской церкви в Берлине, русских общественных объединениях и отдельных персоналиях: так, историк Александр Ушаков опубликовал первую в историографии обзорную статью о русских организациях взаимопомощи в Германии в 1920-е гг. (на материалах ГАРФа и газеты «Голос России»); М. Хатли – статью о газете «Руль»; Р. Эрбентраут – о берлинской судьбе художника Ивана Мясоедова (на основе его судебнo-следственных документов). Сборник продемонстрировал обилие малоизученных аспектов истории эмиграции в Германии и потенциал источниковой базы для их исследования.

Существовала и советская историография эмиграции. О покинувших Россию «белоэмигрантах» писали сперва партийные историки и публицисты (преимущественно в 1920-е), как правило, в контексте идеологического противостояния, а затем и историки 1950-80-х гг. В 1970-80-е гг. появилось сразу несколько монографий по истории политических процессов в эмиграции: среди известных – работы Г.Ф. Барихновского («Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921 – 1924»), Ю.В. Мухачёва («Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР») и С.А. Федюкина («Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу»)²⁵.

Работы позднего советского периода тоже испытывали идеологическое влияние, характерное для гуманитарных дисциплин в СССР, но в то же время они содержат ценные конкретно-исторические данные, которые использовались в последующих исследованиях, уже свободных от необходимости «разоблачать буржуазную идеологию» и контрреволюционную сущность эмиграции²⁶. В частности, известная работа Л.К. Шкаренкова с тенденциозным названием «Агония белой эмиграции»²⁷ не только завершается выводом о полной несостоятельности и провале эмиграции в её реакционной

²⁴ Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / hrsg. von Karl Schlögel. Berlin: Akad. Verl., 1995. 550 S.

²⁵ Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921 – 1924. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.; Мухачёв Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М.: Мысль, 1982. 270 с.; Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М.: 1977. 352 с.

²⁶ Квакин А.В. Была ли советская историография «белой эмиграции»? // Нансеновские чтения 2010. СПб.: СПБИИРАН, ИКЦ «Русская эмиграция», 2012. С. 53-54.

²⁷ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 236 с.

антикоммунистической борьбе, но и включает в себя ряд обоснованных наблюдений о повседневной жизни эмигрантов и их адаптационном процессе (в небольшой главе «Жизнь на чужбине»). Историк опирался на актуальные и сейчас источники – документы ГАРФ (тогда ЦГАОР), эмигрантскую прессу и мемуары, а также на работы западных историков (тех же Вильямса и Фолькманна). На излёте советского периода Шкаренков и другие историки сделали важный шаг на пути эмигрантоведения – начали расширение хронологических, географических и тематических рамок исследований, включение в научный оборот новых архивных документов и других источников²⁸.

Вопросы, затронутые Шкаренковым, ставились уже более широко в историографии постсоветской России. Однако в целом отечественная историография 1990-х годов все ещё была сосредоточена в первую очередь на политической истории, биографиях и творчестве писателей, философов, поэтов и учёных эмиграции²⁹. История рядовых эмигрантов, проблемы и закономерности их адаптации в Европе оставались на периферии внимания историков. На этот факт обратил внимание К. Шлэгель в докладе на крупной международной конференции «Русский Берлин: 1920 – 1945 гг.», состоявшейся в Москве в декабре 2002 г.: «Мы знаем очень много о литературе, литературной жизни и литературных фигурах, но почти ничего о других немаловажных вопросах: об источниках дохода, жилье, передвижении [...]. Речь идёт не просто о механическом расширении или пополнении тематики, а о новом и более фундаментальном подходе: следует стремиться к изучению миграционных потоков и беженства XX в., к рассмотрению возникновения новых идентичностей, генерирующих новые культурные потенциалы и видоизменяющих и ускоряющих контакты в культурной сфере. Необходимо контекстуализировать диаспору и эмиграцию, в данном случае – ввести её в контекст берлинского общества и немецкой и европейской истории»³⁰. На той же конференции прозвучали доклады, отвечающие этому запросу³¹.

Историки справедливо признали, что история эмигрантских масс заслуживает интереса не только в качестве контекста истории культуры эмиграции. В 2000 году А.А. Пронин указывал в своём историографическом исследовании, что «внимание к проблемам адаптации российских переселенцев – сравнительно новое направление в историографии

²⁸ Квакин А.В. Указ соч. С. 57.

²⁹ Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980 – 2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. С. 173.

³⁰ Шлэгель К. Русский Берлин: попытка подхода // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 12-13.

³¹ Флейшман Л.С. Высылка интеллигенции и русский Берлин в 1922 г. // Там же. С. 92-106; Янгиров Р.М. Эмигрантский фактор в российско-германских киносвязях первой половины 1920-х гг. // Там же. С. 191-222; и др.

российского зарубежья»³². С тех пор многое изменилось. В последние два десятилетия историки изучили ряд вопросов истории адаптации и повседневности русской эмиграции, в том числе «первой волны» (т.е. 1917 – 1939 гг.).

В первую очередь исследователи сосредоточились на проблемах эмиграции в крупнейшем её центре – во Франции³³. В частности, Ю.И. Руденцова подробно рассмотрела численность, правовое положение, психологические проблемы эмигрантов во Франции, а также экономические аспекты социальной адаптации. Историографическим венцом изучения адаптации эмиграции во Франции стала монография К. Гусефф «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы)»³⁴. Гусефф на основе архивных материалов, нарративных источников и прессы изучила комплекс социальных, экономических, политических проблем русских эмигрантов первой волны во Франции в 1920 – 1939 гг., проанализировала, как, под влиянием каких тенденций и факторов разворачивалась история эмиграции в этой стране на протяжении двадцати лет. Существуют также работы о повседневности русской эмиграции в Харбине (Г.В. Мелихов, И.К. Капран и другие), на Балканах (М. Йованович)³⁵, в Финляндии (П. Невалайнен)³⁶ и других городах, странах и регионах русского рассеяния.

На рубеже XX и XXI вв. опубликован ряд статей о проблемах адаптации эмигрантов Русского Берлина 1920-30-х гг., как отечественных, так и иностранных историков. З.С. Бочарова изучила проблему правового статуса русских беженцев в Германии³⁷. Исследовательница использовала материалы русской прессы в Германии 1920-х гг., а также документы из фондов ГАРФ и РГВА, и описала работу международных и эмигрантских институтов, занимавшихся защитой прав эмигрантов, а также описала проблемы паспортного контроля и правоприменения, указала на ограничения прав иностранцев в Германии.

³² Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 67.

³³ Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции, 1920-1930 гг. / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. РГГУ. М.: 2000; Хитрова Е.В. Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция. XVIII-XX века. М.: 2001. Вып. 4. С. 257-281; и др.

³⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 321 с.

³⁵ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920 – 1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; науч. ред. А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2005. 487 с.; Волошина В.Ю. История повседневности русского зарубежья как отрасль современного эмигрантоведения // Нансеновские чтения 2012. СПб.: СПбИИРАН, ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. С. 10-12.

³⁶ Невалайнен П. Изгой: российские беженцы в Финляндии (1917 – 1939). СПб.: Журн. «Нева», 2003. 366 с.

³⁷ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945... С. 369 – 405.

В 2000-е гг. другие историки – Й. Олтмер и А. Винник – также обратили внимание на политику германского государства в отношении мигрантов³⁸, при этом Олтмер установил её общий анти-интеграционный характер (некоторые результаты этой политики ещё нуждаются в описании); А. Чередникова проанализировала ряд аспектов повседневности русской эмиграции в Германии и, используя нарративные источники (мемуары В. Александрова, И. Эренбурга, Р.Б. Гуля и других эмигрантов), отметила процесс социального расслоения в эмиграции³⁹; О. Будницкий и А. Полян глубоко изучили русско-еврейскую группу эмиграции в Берлине, в том числе и те институты, что способствовали их адаптации в Германии – прежде всего, Союз русских евреев в Германии; они же тщательно исследовали судьбы отдельных общественных деятелей (Я. Тейтеля, А. Гольденвейзера)⁴⁰; В.И. Хрисанфов попытался оценить численность Русского Берлина⁴¹ (даже такой, на первый взгляд, несложный вопрос остался непрояснённым) – анализ периодической печати позволил историку выявить чрезвычайную противоречивость и сомнительный характер информации о численности эмигрантов и сделать вывод о недостоверности этого типа источников; поставленный Хрисанфовым вопрос – сколько насчитывалось эмигрантов в Германии и конкретно в Берлине – все ещё открыт. Общий очерк истории русской колонии в Берлине как сообщества предпринял ещё в 1999 г. В.М. Недбаевский⁴², из работы которого мы почерпнули идею изучения рекламных объявлений эмигрантских газет для выявления тенденций в коммерческой деятельности выходцев из России. Вместе с тем очерк в силу ограниченной источниковой базы (слабо использованы иностранная литература, источники) и просто лаконичности этого жанра лишь дал обзор, неполное представление об истории эмигрантов в Берлине в 1920-30-е гг. в целом. Сделав ряд верных наблюдений, автор оставил вне своего поля зрения множество существенных подробностей оставил (например, масштабы деятельности эмигрантских благотворительных организаций и эмигрантскую преступность).

Таким образом, тематическое поле, на которое ступил автор данной книги, частично разработано. У исторической науки есть здесь достижения, особенно если учесть работы по смежным вопросам, фрагменты которых охватывают и избранную нами проблематику.

³⁸ Oltmer J. Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. / Hrsg. von J. Oltmer. IMIS-Schriften, Bd. 12. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2003. S. 85-122; Idem. Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2005. 564 S.; Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945... С. 363 – 368.

³⁹ Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1. С. 176 – 200.

⁴⁰ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин...

⁴¹ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность...

⁴² Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х-1930-х гг. М.: СПАС, 1999. 206 с.

Введено в оборот и проанализировано немало источников, выявлены некоторые проблемы изучения и высказаны идеи их решения; описан ряд институтов, игравших роль в адаптационном процессе эмиграции. Тем не менее уровень разработанности темы пока остаётся невысоким. В историографии всё ещё не хватает специального исследования, целью которого было бы изучение комплекса проблем адаптации русской эмиграции в Германии в 1920-30-е годы на основе широкой источниковой базы, включающей в себя доступные актовые и нарративные источники на разных языках. Русская эмиграция в Веймарской республике принадлежит и русской, и немецкой истории. Предшествующим исследованиям не хватает как особого внимания к данной проблематике, так и анализа немецко- и русскоязычных источников в рамках одной работы (по разным причинам немецким историкам подчас недостаёт русскоязычных источников, а русским – немецкоязычных). Необходимо и далее расширять тематическое поле исторических исследований: русская эмиграция являлась численно огромным сообществом, но о жизни и судьбе большинства эмигрантов мы обладаем пока небольшим объёмом знаний.

Вне поля зрения историков остался ряд проблем, непосредственно составлявших содержание и результаты адаптационного процесса русской эмиграции в Германии: как и под влиянием каких факторов выстраивались отношения эмигрантов и немцев; каковы были практики экономической и социальной адаптации; где эмигранты жили, насколько успешно сотрудничали, какие группы в процессе адаптации оказались наиболее уязвимы; какую роль в истории русской колонии в Берлине сыграли благотворительные организации и союзы взаимопомощи; наконец, в подробном ответе нуждается вопрос, почему русская колония в Германии быстро распалась и Русский Берлин, по выражению К. Гусефф, оказался «бабочкой-однодневкой» (этому уделялось внимание, но достаточно поверхностное). Без рассмотрения упомянутых вопросов понимание истории Русского Берлина как сообщества и процессов адаптации эмиграции первой «волны» в Европе и её расселения останется неполным.

Целью монографии является изучение проблем и механизмов адаптации русской эмиграции первой «волны» в Германии и конкретно в «Русском Берлине». Хронологические рамки исследования – 1919 – 1933 гг., где нижняя граница является началом формирования так называемой «русской колонии»; верхняя граница, 1933 год – приход к власти НСДАП, который создал принципиально новые условия для иностранцев и евреев (в том числе русских).

В работе ставятся следующие задачи: 1) описать общие характеристики русского эмигрантского сообщества в Берлине: пути его формирования, численность, национальный

и социальный состав; 2) рассмотреть комплекс проблем адаптации эмигрантов в Германии, взаимосвязи этих проблем и негативных факторов истории немецкого общества в изучаемый период; 3) изучить особенности девиантного поведения и его крайних форм (преступности) в Русском Берлине; 4) описать механизмы, практики и позитивные факторы адаптации эмигрантов и дать оценку их эффективности; 5) проанализировать деятельность эмигрантских общественных и благотворительных организаций⁴³.

Отдельно следует подчеркнуть, что «Русский Берлин» рассматривается в монографии прежде всего потому, что в германской столице в изучаемый период сложилось сообщество бывших подданных Российской империи. Берлин превратился в начале 1920-х гг. в крупнейший центр русской эмиграции в Европе, в котором эмигранты сформировали своё специфическое общественное пространство. История политической борьбы в эмиграции, имеющая богатую традицию изучения и историографию, не является объектом внимания в данной работе; политические процессы, упоминаемые в книге, служат контекстом при рассмотрении основных вопросов.

Для решения поставленных в работе задач используются исторические источники разных видов. Значительную часть источниковой базы работы составляют документы бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Интерес представляют в первую очередь фонды эмигрантских объединений Русского Берлина, раскрывающие особенности и результаты их деятельности: фонды берлинского отдела Земгора, Общества помощи русским гражданам в Берлине и Общества русских инженеров⁴⁴; а также отдельные документы эмигрантов (например, И. Гессена, Ю. Офросимова и других) и редакции газеты «Руль» - переписка, данные о тиражах⁴⁵. Отчёты и учётные документы правлений общественных организаций верифицируют данные других источников (в первую очередь, прессы) и дополняют их. Сохранившиеся документы отражают в основном события первой половины 1920-х гг. и реже сообщают о происходившем позднее. Помимо официальных делопроизводственных документов, указанные фонды ГАРФ содержат переписку организаций с их партнёрами, членами и просителями, выписки и вырезки из периодических изданий, фотодокументы, а в ряде случаев и личные анкеты, дополненные автобиографиями эмигрантов.

⁴³ Нередко общественные организации занимались и благотворительной деятельностью, однако их следует выделить отдельно, так как среди задач ряда объединений благотворительность не была приоритетной; общественные организации могли концентрироваться на взаимопомощи её членов, религиозной, образовательной или иной деятельности. В работе рассматриваются союзы и общества, наиболее значимые в социальном отношении.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 6006; Ф. 5815; Ф. 5835.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5881; Ф. 9145; Ф. 5882.

Документы эмигрантских объединений отложились также в Женеве в архивах ООН (United Nations Archives, Geneva): прежде всего, это переписка с берлинским отделением Бюро Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Фритьофа Нансена в 1920 – 1930-е гг. Общественные деятели эмиграции, прося о правовой или финансовой поддержке их проектов (в основном благотворительных) сообщали ценные сведения о своей деятельности, состоянии русских организаций и положении русской «колонии»⁴⁶. Особый интерес для нас представляет переписка Российского Общества Красного Креста, которая содержит уникальные сведения о национальном составе Русского Берлина, а также о социальных процессах в нём в первой половине 1930-х годов.

Существенную часть привлечённых источников представляют материалы Ландесархива г. Берлин (Landesarchiv Berlin), городского архива, который хранит фонды полицей-президиума⁴⁷ и судебно-следственные документы генеральной прокуратуры при берлинском суде⁴⁸. Материалы уголовных дел 1920 – 1933 гг. в этих фондах – важнейшие сведения о преступности в русской эмиграции в Германии (и почти единственные подробные). Их дополняют документы Тайного государственного архива прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz): фонд прусского министерства юстиции периода Веймарской республики⁴⁹ включает в себя материалы ряда уголовных процессов 1920-х гг. Хранящийся в этом же архиве фонд прусского министерства внутренних дел⁵⁰ содержит акты, отражающие особенности политики германских властей в отношении иностранцев в изучаемый период (более всего в начале 1920-х гг.): служебные записки, донесения и переписку чиновников разных ведомств.

Значительную ценность для этого исследования имеют также опубликованные архивные документы. В первую очередь речь идёт о сборнике документов «Русские беженцы» (2004 г.), составленном исследовательницей эмиграции З.С. Бочаровой. Эта археографическая работа высокого уровня упрощает использование материалов РЗИА, извлечённых историком из фондов ГАРФ, РГВА и других архивов.⁵¹ Данные источники исходят в том числе от русских общественных объединений и касаются правового

⁴⁶ UN Archives (United Nations Archives, Geneva). Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). C 1252 / 167.1. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organisations of Russian refugees. A – T. 1924 – 1927; C 1252 / 167.2. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organisations of Russian refugees. U – Z. 1925 – 1928; C 1254 / 169.2. Delegation in Germany (Berlin). Russisches Rotes Kreuz: various correspondence 1929 – 1938; C 1253 / 168.1. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organisations of Russian refugees. A – N. 1928 – 1937; UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). C 1253 / 168.2. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organisations of Russian refugees. O – Z. 1928 – 1934. Копии перечисленных дел предоставил автору историк Игорь Романович Петров.

⁴⁷ LAB (Landesarchiv Berlin). A. Pr. Br. Rep. 030-05; A. Pr. Br. Rep. 030-02-04.

⁴⁸ LAB. A. Rep. 358-01.

⁴⁹ GStA PK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz). I HA Rep. 84a.

⁵⁰ GStA PK. I HA Rep. 77.

⁵¹ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину...

положения, расселения и отношений эмигрантов с властями Германии и Лигой наций. Для решения поставленных в работе задач были полезны извлечённые из ГАРФ (Ф. 5098) доклады участников съезда русских юристов 1922 года и материалы его комитета 1922 – 1923 гг., подробно раскрывающие правовые проблемы эмиграции в Германии.

Изучение истории повседневности и аспектов социальной истории многочисленного сообщества сложно представить без использования широкого круга нарративных источников. Задачи монографии предполагают большое внимание к частному опыту. До сих пор опубликовано не так много писем и дневников «русских берлинцев» (хотя в работе используются и они⁵²), однако их недостаток компенсирует богатое мемуарное наследие эмигрантов. Публикации воспоминаний о Русском Берлине 1920-х годов начались ещё в 1930-е годы (и они как наиболее хронологически близкие к изучаемым событиям имеют особенное значение). К их числу принадлежат, например, мемуары русского юриста и судебного деятеля Н.Н. Чебышева, опубликованные парижской газетой «Возрождение» в 1932 и 1934 гг.⁵³ Чебышев в основном сосредоточился на разразившей в Германии 1922-23 гг. экономической катастрофе и реакции русской эмиграции на неё (как и многие, он сам покинул Берлин в сентябре 1923 г.), а также на контактах с немецким окружением.

К ранним мемуаристам относится также юрист И.В. Гессен. Бывший депутат Государственной думы, кадет, Гессен жил в Германии в 1920 – 1936 гг., после чего переехал в Париж. Во второй половине 1930-х гг. эмигрант, игравший серьёзную общественную роль и в Русском Берлине, написал два тома воспоминаний, второй из которых («Годы изгнания») описывает преимущественно его личный берлинский опыт. Издан он был только в 1979 г., но не в полном объёме⁵⁴. Около двадцати страниц рукописи (в машинописном виде) ко времени публикации бесследно исчезло, а остальная часть подверглась редакции: редакторы изъяли некоторые неблагоприятные для эмиграции и автора эпизоды: например, воспоминания Гессена о том, как он время от времени задумывался, не вернуться ли в Советскую Россию, как советовал вернуться С.С. Прокофьеву и как преодолевал неприязнь к эмигрантам-актёрам, которых привлекал на эмигрантские благотворительные вечера. Поэтому в тексте я обращаюсь не только к

⁵² Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918 – 1921) // Минувшее: Исторический альманах. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. № 18. С. 426-477; Набоков В. Письма к Вере. М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.; Одоевцева И. На берегах Сены. Париж: La Presse Libre, 1983. 534 с.; Гулькевич К.Н. Письма к Олафу Броку, 1916 – 1923 / сост. В.А. Карелин, Й.П. Нильсен, К.А. Мюклебуст; вступ. ст. и предисл. В.А. Карелина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 284 с.; и др.

⁵³ Чебышев Н.Н. Близкая даль // Возрождение. 1932. 14 сентября; Его же. Скитания // Возрождение. 1934. 18 марта; 7 апреля; 12 мая; 19 мая; 26 мая; 15 июня; 20 июня.

⁵⁴ Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. 268 с.

изданию 1979 года, но и к копии рукописи мемуаров Гессена⁵⁵, когда необходимо использовать неопубликованные фрагменты.

Помимо Гессена в число главных хронистов Русского Берлина 1920-30-х годов входит Роман Гуль. Гуль (участник Белого движения, в 1920-е годы начинающий писатель) проживал в Берлине с семьёй в 1919 – 1933 гг. и оставил несколько автобиографических произведений: «Киевская эпопея» (1921), «Жизнь на Фукса» (1927) и самый главный труд, задуманный как справочник русской жизни в Германии, – «Я унёс Россию. Русские в Германии» (1981)⁵⁶. Повествование Гуля затрагивает важнейшие стороны эмигрантского опыта: отъезд из России, поиски работы, отношения с немцами и германским государством, последствия прихода к власти нацистов.

Мемуары Гессена и Гуля – необходимые источники для рассмотрения практически каждого из поставленных в книге вопросов, но они лишь начинают список воспоминаний эмигрантов, оказавшихся в Русском Берлине на более или менее длительный срок. Частный опыт адаптации и впечатления об эмигрантской колонии отразили хотя бы в небольших текстах ещё ряд авторов: Г. Чеботарев (русский студент, инженер), С. Куломзина (студентка), поэтесса В. Лурье, писатели В. Набоков, Л. Лунц, И. Эренбург, Ю. Галич, В. Андреев, В. Александров, С. Гессен, В. Шкловский, С.Л. Войцеховский, А. Эфрон, певец А. Вертинский и другие. Некоторые воспоминания требуют довольно осторожного использования: одни носят явно беллетризованный характер («Жизнь на Фукса» Гуля, «Путешествие на больничной койке» Лунца), другие написаны на значительной хронологической дистанции и отягощены последующим опытом авторов, более поздними оценками Германии, Советского Союза и эмиграции. Особенно в этом отношении выделяются мемуары «возвращенца» А. Вертинского⁵⁷, а также разочарованного опытом проживания в нацистской Германии В. Набокова⁵⁸ и опубликованные в СССР после смерти автора воспоминания В. Александрова «На чужих берегах»⁵⁹ (неизученная биография мемуариста вызывает дополнительные вопросы к его тексту). Далеко не все эмигранты располагали, как И. Гессен или Р. Гуль, личными архивами, вследствие чего в основном полагались на память, которая спустя несколько десятилетий неизбежно искажала восприятие прошлого. В результате в мемуарах С. Гессена, С. Войцеховского, А.

⁵⁵ НИА. В.I.Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. Копии предоставлены автору профессором А.В. Смолиным.

⁵⁶ Гуль Р.Б. Киевская эпопея // Архив русской революции. В 22 т. Берлин: «Слово», 1921 – 1937. 1921. Т. 2. С. 59 - 86; Его же. Жизнь на фукса / Р.Б. Гуль; под ред. Л.М. Сурица. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 180 с.; Его же. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Том I. Россия в Германии. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. 414 с.

⁵⁷ Вертинский А.Н. Дорогой длиною... / Сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; послесл. К. Рудницкого; М.: Правда, 1990. 572 с.

⁵⁸ Набоков В. Другие берега: автобиография. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 378 с.

⁵⁹ Александров В. На чужих берегах. М.: Прогресс, 1987. 230 с.

Вертинского, С. Куломзиной легко обнаруживаются фактические ошибки в описаниях некоторых событий, их деталей и последовательности. Эти ошибки, однако, больше связаны с внешними обстоятельствами, в которых разворачивался личный опыт эмигрантов, чем с самим опытом, то есть самым ценным для данной работы содержанием воспоминаний.

Мемуары перечисленных авторов отражают преимущественно события первой половины 1920-х годов, время расцвета Русского Берлина. В меньшинстве – эмигранты, оставшиеся в Германии и во второй половине 1920-х гг. (Гуль, Гессен, Набоков, Лурье, Чеботарев). Несмотря на тот факт, что мемуаристы принадлежали к разным социальным группам (студенты, которым приходилось примерить на себя и роль рабочих, писатели, политики разных направлений), зачастую они независимо друг от друга описывают схожие социальные и психологические явления, бытовые и трудовые проблемы, и выносят созвучные суждения об особенностях эмигрантской повседневности. Недостатком мемуаров и источников личного происхождения вообще является их принадлежность в основном к творческой интеллигенции: они не позволяют увидеть ни «беженскую голытьбу» (по выражению Н.Н. Чебышева) - людей крайне нуждающихся, ни рядовых эмигрантов иных профессий. Воспоминания врачей, военных, инженеров, коммерсантов – единичны; а другие виды источников (пресса и акты различных организаций) содержат лишь неполную информацию по многим связанным с этими группами вопросам. К тому же следует признать, что обстоятельства редакции и издания большей части мемуаров нам неизвестны, а как показывает пример рукописи И.В. Гессена, они могут сильно повлиять на оценку источника. Этот же пример демонстрирует, что не только мемуары, изданные в идеологически враждебном эмиграции СССР (как А. Вертинского, И. Эренбурга, В. Шкловского и В. Александрова), могли подвергаться цензуре, но и опубликованные за рубежом. В одном случае мы сталкиваемся даже с подлогом: книга, приписываемая известному русскому аферисту эмигранту Александру Зубкову (жил в Германии во второй половине 1920-х гг.). Вероятно, он сам согласился на её публикацию под своим именем. Мемуары под названием «Моя жизнь и моя любовь»⁶⁰, изданные в Бонне в 1928 году, написаны на немецком языке неизвестным автором, явно не имевшим никакого отношения к России, в расчёте на интерес широкой публики к учинённым «русским бароном» скандалам (эмигрант женился на сестре экс-кайзера Вильгельма II принцессе Виктории с корыстной целью). Это издание как исторический источник (вне контекста истории того скандала) практически не имеет ценности.

⁶⁰ Zoubkoff A. Mein Leben und Lieben. Hannover: Meistersprung Literatur, 2016. 124 S.

Большое количество писателей в эмиграции обусловило определённую специфику источниковой базы. Исследователи русской эмиграции используют произведения художественной литературы, не исключение и эта работа. Современные философы истории (например, Ф. Анкерсмит и Д. Карр) признают, что художественный нарратив может служить инструментом реконструкции исторической действительности⁶¹. Как указывают историки А.В. Квакин и Т.П. Тетеревлева, эмигрантская литература отражает распространённые в русской диаспоре модели поведения и шаблоны миропонимания. Художественная проза транслировала идеалы и стереотипы эмиграции и участвовала в их формировании. Литературные произведения раскрывают повседневные практики и наблюдения, бытовые детали и особенности, которые современники в силу их очевидности и обыденности не считали достаточно ценными для фиксации в документах или мемуарах⁶². Среди привлечённых литературных источников – произведения, сюжет которых связан с темой работы: роман «Машенька» В.В. Набокова⁶³, главный персонаж которого проживает в берлинском русском пансионе в середине 1920-х гг.; рассказ А. Толстого «Чёрная пятница»⁶⁴ 1924 г. об эмигрантах начала 1920-х гг. и написанная в 1923 г. о русских берлинцах повесть Р.Б. Гуля «В рассеяньи сущие»⁶⁵. К этому же ряду относится роман В. Шкловского «ZOO или Письма не о любви»⁶⁶, проникнутый неприятием Русского Берлина и критическими замечаниями в адрес эмиграции. Несмотря на личные особенности авторов и их разные политические взгляды, автобиографические черты их текстов указывают на общие детали эмигрантской повседневности, не зависящие от целей и настроения произведений. Огромное внимание литературоведов и историков к упомянутым писателям и их исследования⁶⁷ позволяют более взвешенно оценивать и использовать содержащуюся в художественных текстах информацию.

Мне удалось привлечь и работы малоизвестных авторов, обычно остающиеся вне поля зрения историков эмиграции. Поэт-сатирик с малоизученной биографией Жак Нуар (настоящее имя - Яков Окснер) опубликовал в 1920-е гг. малотиражные стихотворные сборники, один из которых, «Лицом к Берлину»⁶⁸, обладает чрезвычайной информативной

⁶¹ Ankersmit F. Truth in Literature and History // Narrative. 2010. Vol. 18, № 1. P. 47; Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. 2011. № 1 (61). С. 178-179.

⁶² Тетеревлева Т.П. Источниковедческие аспекты изучения социо-культурного пространства русского зарубежья 1917 – 1930-х гг. // Нансеновские чтения 2010. С. 219.

⁶³ Набоков В. Машенька. Подвиг. СПб: Азбука, 2017. 346 с.

⁶⁴ Толстой А.Н. Чёрная пятница // LIBREBOOK.ME. URL: https://librebook.me/chernaia_piatnica/vol1/1 (дата обращения: 07.06.2018).

⁶⁵ Гуль. Р.Б. В рассеяньи сущие. Берлин: Манфред, 1923. 174 с.

⁶⁶ Шкловский В. ZOO или Письма не о любви // Жили-были. М.: Советский писатель, 1966. С. 165 – 256.

⁶⁷ Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб: Издательство им. Н.И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит», 2013. 488 с.; Sheldon R. Shklovsky's "Zoo" and Russian Berlin // The Russian Review. Vol. 29. 1970. № 3. P. 156 - 177; Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. СПб.: Лики России, 2014. 187 с.

⁶⁸ Нуар Ж. Лицом к Берлину. Берлин: Издательство «Тритемись», 1924. 41 с.

ценностью – это «стихотворная энциклопедия» беженских забот 1920 – 1923 гг. Книга представляет собой изложенные в юмористической форме рассказы о типичных событиях и переживаниях эмигрантской жизни в начале 1920-х гг.: от поездки из России в Берлин и поисков жилья до проблем личного характера. Как и всякий юморист малых литературных форм, Нуар обращается к узнаваемым, типичным сюжетам и реакциям, что делает его тексты особенно ценными для историка. То же можно сказать о заметках (частью публицистических, частью художественных) Дона-Аминадо (А.П. Шполянского)⁶⁹, однако с оговоркой, что они имеют значение прежде всего для исследователей истории русской эмиграции во Франции.

Стоит отметить и малоизвестную работу бытописателя Р.Г. Баталина «Петербург на Виттенбергплац»⁷⁰. Этот роман 1931 года почти не привлекался историками (за исключением К. Шлёгеля и Б. Доденхофт), так как он написан и издан только на немецком языке, а о его авторе практически ничего не известно. Очевидно, Баталин был одним из множества русских берлинцев, оставшихся в Германии до начала 1930-х гг. Роман интересен тем, что помимо бытовых деталей эмигрантской жизни он обнаруживает настроения русских через десять лет после исхода из России, а также их оценку случившегося.

Той же особенностью фиксации обыденности, что и художественная литература, обладает пресса; ценность периодической печати состоит также в том, что она синхронна; газетные статьи и заметки отражают текущие события, реакции и настроения современников, восприятие настоящего не подвергается влиянию последующих событий и воздействию времени; кроме того, газетные публикации служили насущным задачам – объявления о вакансиях, реклама, просьбы о помощи... Ни один иной источник не фиксировал систематически подобные «повседневные» сообщения об особенностях адаптации эмигрантов и об эмигрантах различных социальных групп. Колоссальный объём информации прессы позволяет назвать её неотъемлемой частью комплекса источников, составленного для выполнения задач исследования.

Особенно выделяется в отношении информативности самая популярная в Берлине ежедневная газета «Руль» (1920 - 1931), основанная И.В. Гессеном, В.Д. Набоковым и А.И. Каминкой. За 11 лет вышло более трёх тысяч номеров. Газета используется историками как источник, отражающий идейное развитие эмиграции и множество аспектов её

⁶⁹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: ТЕРРА, 1994. 769 с.

⁷⁰ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. Detmold: Verlag der Meyerschen Hofbuchhadlung, 1931. 314 S.

повседневности. Тем же интересна и еженедельная газета «Время» (1919 – 1925). Оба издания, в которых сотрудничали публицисты А. Яблоновский, В. Татаринов, Г. Брейтман, Б. Оречкин и другие известные ещё до эмиграции журналисты регулярно обращались к социальным и экономическим проблемам эмиграции. З.С. Бочарова справедливо называет «Руль» «летописцем» и «достаточно объективным источником по воссозданию целостной истории российской эмиграции»⁷¹. В большинстве случаев общественные деятели могли ответить на повседневные вопросы рядовых эмигрантов через эту газету. Так, петербургский присяжный поверенный и член союза русских юристов в Германии И.М. Рабинович периодически публиковал ответы на юридические вопросы читателей (о налогах для иностранцев в Веймарской республике, брачном, жилищном праве, паспортных правилах). Вероятно, эти статьи в «Руле» оказались весьма востребованы, так как через гессеновское издательство «Слово» в 1921 году Рабинович опубликовал юридический справочник «Русские в Германии»⁷² - книга перечисляла и объясняла правовые нормы, с которыми иностранец мог столкнуться в различных случаях, от въезда в страну до торговли и приёма в высшие учебные заведения. Справочник – весьма ценный источник, полезный при рассмотрении правовых проблем эмигрантов, и не раз уже использовался историками (например, З.С. Бочаровой).

Помимо газет «Руль» и «Время» в работе используются такие эмигрантские периодические издания как «Наш мир», «Дни», «Голос эмигранта», «Русский Берлин», «Русский эмигрант», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», а также немецкие берлинские газеты - умеренные «Berliner Tageblatt», «Ulk», «Vossische Zeitung», полицейские «листки» «Deutsches Fahndungsblatt», «Deutsches Kriminalpolizeiblatt» и «Tagesbericht»; и другие. Привлекаются и отдельные публикации русских и немецких публицистов (Ф. Степун, Ф. Наживин, Й. Рот⁷³).

Несмотря на информативные достоинства периодической печати, следует подчеркнуть, что присущая и ей неполнота (во многом связанная с приоритетом политических задач в большинстве эмигрантских редакций) должна компенсироваться другими видами источников. Пресса – только часть комплекса источников, и обретает большую ценность именно в его составе.

⁷¹ Бочарова З.С. Место «Руля» в ряду эмигрантской прессы 1920-х гг. // Издательское дело российского зарубежья (XIX-XX вв.). / сб. науч. трудов; отв. ред. Трибунский П.А. М.: ДРЗ, 2017. С. 435.

⁷² Рабинович И.М. Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин: Слово, 1921. 166 с.

⁷³ Степун Ф.А. Мысли о России. URL: <http://ido-rags.ru/?p=2490> (дата обращения: 19.03.2020); Наживин И. Среди потухших маяков. Из записок беженца. Берлин: К-во «ИКАРЪ», 1922. 237 с.; Рот Й. Берлин и окрестности. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 240 с.; Roth J. Werke. Bd. 2. / Hrsg. und eingeleitet von H. Kesten. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1990. 1028 S.; Idem. Der Fürst und die Balalaika // Berliner Börsen-Courier. 1922. den 23. März.

Особенного подхода к источникам потребовала задача изучения девиантного поведения и прежде всего его крайних проявлений (преступности) в эмиграции. В условиях отсутствия статистики правонарушений, совершаемых иностранцами в Берлине, было необходимо собрать отдельные факты в доступных исторических источниках. Так как опубликованные мемуары и письма эмигрантов лишь изредка сообщают о преступности, источниковая база, на основе которой составлялась выборка совершённых эмигрантами преступлений, состоит прежде всего из архивных документов и сообщений прессы.

Особое внимание я обращаю на изданную берлинской полицией в 1920-е гг. периодику, регулярно (несколько раз в неделю) сообщавшую о случившихся в Берлине деликтах (преступлениях), разыскиваемых и арестованных преступниках - «Deutsches Fahndungsblatt», «Deutsches Kriminalpolizeiblatt», «Tagesbericht». Исходящие от полиции сообщения, как правило, предоставляют информацию о самом преступлении, способе, месте и времени его совершения, а также о личности преступника. То же можно сказать о регулярных сообщениях, публиковавшихся в Берлине русской ежедневной газетой «Руль», журналисты которой имели доступ к сотрудникам берлинской полиции и чиновникам, посещали берлинские судебные процессы и наблюдали за криминогенной обстановкой в русской колонии. Наиболее подробно и точно отражены в газете случаи насильственных преступлений, убийств и грабежей, а также правонарушений, совершённых группами людей. «Руль» писал о всех таких случаях, а также о всех преступлениях, зафиксированных в привлечённых архивных материалах (таким образом, разные типы источников верифицируют друг друга). Это позволяет полагать, что газета сообщила о значительной части преступлений, совершённых на протяжении её существования, и использовать этот источник для формирования выборки, проанализированной в Главе 4.

Хранящиеся в Берлине архивные документы, как и редкие периодические издания Веймарской Германии (к ним относятся и привлечённые нами) отличаются серьёзной неполнотой. Большая часть документов прусского министерства юстиции (GStA PK. I NA Rep. 84a), государственного комиссара по наблюдению за общественным порядком (BArch. R 1507), прокуратуры при берлинском земельном суде (LAB. A Rep. 358-01) и полиции (LAB. A Pr. Br. Rep. 030-02-04) утрачены в ходе Второй мировой войны и после неё вследствие изъятия германских документов из архивов войсками союзников. Тем не менее немногочисленные отложившиеся в архивах документы имеют особенную ценность, так как материалы следствия и судебных процессов содержат подробную информацию о нескольких десятках русских эмигрантов, совершивших преступления. Документы

включают в себя сведения о социальном статусе фигурантов судебных процессов, самих деликтах, отношении к ним следователей и самих эмигрантов, личностях преступников и их характеристиках (пол, возраст, происхождение, мотивы). Полный список архивных дел и периодической печати, использованных для составления выборки совершённых эмигрантами преступлений – в Приложении № 1.

1. Angeblich Oberst a. D. Strinnikoff ist wegen Unterschlagung zu verhaften.
Siehe Nummer 7710 (5).

— 1348 —

Kammergerichtsbezirk Berlin.

5. Strinnikoff, Theodor, angeblich Oberst a. D., geb. 20. 7. 1879 in Petersburg, zuletzt in Berlin-Schöneberg, Quitpoldstraße 35 wohnhaft, sehr groß, auffallende Erscheinung, Haare graumeliert, Gang und Haltung etwas nachlässig, spricht deutsch und russisch, Abg. Strohhut, den er etwas ins Genick gehoben trägt, blauer Anzug, rotbraune Handschuhe, weg. Unterschlagung. Strinnikoff ist in der Beilage zu 1 abgebildet. 16 a V U 203/24.
Berlin, 14. 10. 1924.

Der Untersuchungsrichter beim Landgericht II.

6. Keil, Bruno, Kutscher, geb. 8. 7. 1893 in Berlin, zuletzt daselbst, Kaunynstraße 45 wohnhaft, zwecks Vollstreckung von 1 Jahr Gefängnis. 15 D 217/23.
Berlin, 10. 10. 1924.

Das Amtsgericht Berlin-Tempelhof.

7. Gottschau, Artur, Kaufmann, geb. 27. 5. 1878 in Altona, zuletzt in Berlin, Genähnerstraße 35 wohnhaft, zwecks Vollstreckung von 1 Jahr Gefängnis. B 2 E 5 J Nr. 1096/21.
Berlin, 9. 10. 1924.

Die Staatsanwaltschaft III.

Oberlandesgerichtsbezirk Stettin.

8. Köpke, Fritz, Arbeiter, geb. 29. 8. 1895 in Holkendorf, zuletzt in Berlin, Zeughoßstraße 25 wohnhaft, zwecks Vollstreckung von 6 Monaten 6 Wochen Gefängnis. 2 D 269/19 (40).
Ewinemünde, 7. 10. 1924.

Das Amtsgericht.

Oberlandesgerichtsbezirk Naumburg a. S.

9. Kozmann, Hans, Postaus Helfer, geb. 8. 2. 1903 in Leipzig, zuletzt in Wolmirstedt wohnhaft, weg. Unterschlagung im Amte. 12 J 899/24.
Magdeburg, 11. 10. 1924.

Der Oberstaatsanwalt.

Oberlandesgerichtsbezirk Karlsruhe i. S.

10. Büchel, Jakob, geb. 31. 3. 1899 in Willstätt, Amt Kehl, mittelgroß, schlant, Haare blond, Gesicht rund, gesund, kurz gestufter Schnurrbart, Abg. dunkelgrauer Sportanzug, graue Wickelgamalchen, weg. idemeren Dieb-

Einzulie
Nr. 1163
Hamb
14.
in Bre
wohnha
sicht bre
hühler
Breme

15.
Beundor
Böning,
Quebli
Büchner,
Koschüt
Sihmann
Hamme
Fid, Her
Wohdes,
Regenn
Grelka g
Kaufm
Silperi, S
1896 B
Höning g
1868 G
Alapprod
Braunf
König, P
Kumlin, J
1900 W
Zehmler,
Elberfel
Mayer, E

Пример публикации в «Deutsches Fahndungsblatt» информации о поиске русского преступника. Русский офицер Ф. Скрынников совершил мошенничество в 1924 г. (5. Skrinnikoff Theodor // Deutsches Fahndungsblatt. 1924. den 18. Oktober.). Заметку об этом преступлении опубликовала также газета «Руль».

В монографии используются общие исторические методы и методы, традиционно применяемые в исторических исследованиях: историко-генетический для изучения русского эмигрантского сообщества и динамики его развития; историко-сравнительный для описания особенностей формирования и адаптации русской колонии в Германии; контент-анализ для изучения периодической печати; применяется историко-системный подход, в соответствии с которым адаптация русского сообщества в Германии рассматривается как комплексный и многофакторный феномен, включающий в себя общественный, правовой, социально-экономический и психологический элементы; различные проблемы адаптации и другие вопросы социальной истории эмиграции рассматриваются во взаимной связи друг с другом.

Помимо традиционных исторических методов, поставленные задачи требуют междисциплинарного подхода. В Главе 2 используется имагологический подход: рассмотрено взаимное восприятие эмигрантов и принимающего общества, функционирование образов «чужого» и влияние этих образов на поведение их носителей. Применяются методы и подходы социологии и девиантологии. Так, ряд вопросов социальной истории эмиграции изучается через исследование девиантного поведения эмигрантов (Глава 4). Отразившие эту проблематику источники дают богатый материал для понимания проблем адаптации, взаимоотношений немецкого и русского населения, общих характеристиках русского сообщества в Берлине. При этом мы опираемся на ряд исследований природы девиации, предлагающих приёмы изучения её побудительных мотивов и описания социального контекста⁷⁴.

Для изучения преступности в эмиграции ставится задача численного и описательного анализа фактологического материала, собранного в источниках, что позволяет выявить социальную базу преступности и наиболее склонные к преступности категории эмигрантов, характерные черты и практики делинкветного поведения. Кроме того, для целей этого исследования большое значение имеет выявление предыстории преступлений. В девиантологии (дисциплина, изучающая социальные девиации и реакцию на них общества) распространённым подходом при изучении преступности и для построения моделей её развития стала концепция *карьер* – процесса становления

⁷⁴ Гишинский Я.И. Социальное насилие / 2-е изд., испр. и доп. СПб: Алетея, 2017. 212 с.; Matza D. Abweichendes Verhalten. Untersuchungen zur Genese abweichender Identität / übersetzt von Tobias Rülcker. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1973. 237 S.; Bellebaum A. Abweichendes Verhalten: Kriminalität und andere soziale Probleme // Sozialwissenschaften / Hrsg. und b. v. W. Breuer, F.J. Floren u.a. Paderborn: Schoeningh, 1984. Heft 6. 256 S.; Amelang M. Sozial abweichendes Verhalten: Entstehung – Verbreitung – Verhinderung. Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo: Springer, 1986. 488 S.

преступника в результате обучения образцам девиантного поведения⁷⁵. Особое значение при этом имеет социальное окружение, ситуация начального этапа *карьеры* и её результат. Конечным этапом преступной *карьеры* является изоляция от некриминального окружения⁷⁶ и включение в организованную группу преступников⁷⁷. Характерными признаками состоявшейся *карьеры* являются случаи рецидивов, приобретение криминальной идентичности и места в составе преступного сообщества.

Важное значение имеют потребности и ценности эмигрантов, совершивших преступления. Их можно выявить через выражающие их мотивы. Большую их часть, пользуясь классификацией агрессивного поведения Эриха Фромма, можно определить как *инструментальные*⁷⁸, то есть совершённые не ради преступления самого по себе, а ради обеспечения действующего индивида тем, что необходимо или желательно⁷⁹. Внимание к мотивам полезно, если необходимо выявить, удовлетворение каких потребностей эмигрантов было наиболее затруднено. Как уже указывалось выше, не только характерные мотивы, но также и характерные способы совершения преступлений, требующих межличностного взаимодействия, также указывают на принятые сообществом и распространённые социальные практики, форматы социального взаимодействия. Прежде всего, речь идёт о мошенничествах. Разного рода аферисты и в прошлом, и сегодня опираются на массовую психологию и массовые представления – не зная индивидуальных черт своих жертв, они надеются обнаружить в них распространённые в обществе черты.

Помимо описания собранной выборки в целом, в Главе 4 также рассматривается несколько типичных случаев криминальной *карьеры* в Русском Берлине, чтобы придать выводам численного и описательного анализа человеческое измерение и продемонстрировать на этих примерах комплекс как личных факторов, так и факторов среды, повлиявших на конкретных эмигрантов и побудивших их пойти на конфликт с законом.

Для исследования проблем адаптации, стратегий и тактик их решения (Главы 2 - 5) мы опираемся также на подходы истории повседневности, ключевая особенность которой заключается в её предмете. Согласно формулировке теоретика этого направления Альфа

⁷⁵ Amelang M. Sozial abweichendes Verhalten... S. 163-164.

⁷⁶ Ibid. S. 164.

⁷⁷ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова; под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2018. С. 58.

⁷⁸ Фромм различает также следующие типы агрессивного поведения (по мотиву агрессии): агрессия как самоутверждение, оборонительная агрессия, псевдоагрессия (случайная), агрессия как игра (спорт) и злокачественная агрессия (деструктивного характера) – жестокость, садизм.

⁷⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 315-316.

Людтке, история повседневности изучает «жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Интерес вращается вокруг их обыденных злоключений и несчастий...»; «исследования повседневности описывают как их тяжёлый труд, так и праздничные развлечения, как мужчин, так и женщин, как молодёжи, так и стариков»⁸⁰, а также смену привычек и жизненного уклада, моральные и эмоциональные переживания. При изучении ряда аспектов повседневности мы стремились к получению численно обоснованных выводов (когда это возможно), чтобы преодолеть свойственную истории повседневности проблему репрезентативности.

Наконец, для анализа и обобщения данных источников, касающихся адаптации эмиграции, необходим понятийный аппарат, принадлежащий дисциплинам, наиболее сосредоточенным на проблематике адаптации национальных меньшинств. На этом тематическом поле доминируют социальные науки, которые, однако, не выработали единой теории адаптации мигрантов. В исследованиях адаптации широко применяется среди прочих теория Милтона Гордона, предложенная им в начале 1960-х гг. Гордон сформулировал следующие типы ассимиляции: аккультурация (мигрант принимает нормы, ценности и образ жизни принимающего общества), структурная ассимиляция (мигрант включается в институты доминирующего общества), брачная и идентификационная ассимиляция (принятие идентичности нового общества); а также поведенческая, ценностная и гражданская ассимиляция (полное отсутствие конфликта личных представлений, вынесенных из прежней культуры, и ценностей культуры доминирующего общества). Данная классификация позволяет оценить способы и уровни инкорпорации этнического меньшинства в принимающее общество⁸¹, хотя, безусловно, ассимиляция как таковая – не единственная из возможных стратегий адаптации мигранта. Другой социолог – Дж. Берри – выделяет четыре основные стратегии (или реакции), связанные с психологическим ответом мигрантов на вызовы новой среды: ассимиляция (учёный определяет её как утрату своей культуры и полное принятие доминирующей); сепарация (отказ от контактов с новой культурой); маргинализация (утрата контактов с родной культурой при отказе от новой); и интеграция (установление тесных контактов с новой культурной при сохранении своей)⁸². Понятия теорий, принадлежащих социальным наукам, в междисциплинарном историческом исследовании могут использоваться для более

⁸⁰ Цит. по: Волошина В.Ю. Указ. соч. С. 10.

⁸¹ Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 64-65.

⁸² Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. Т. 8. № 4 (23). С.54-55.

чёткого формулирования обобщений и наблюдений, реже – для анализа точных, верифицированных достоверной статистикой сведений о процессах адаптации.

Некоторые методологические соображения изложены также в основной части работы, где они являются непосредственной частью анализа исторических источников.

Научная новизна исследования заключается в детальном изучении повседневности русской эмиграции в Берлине 1919 – 1933 годов и анализе проблем адаптации эмигрантов. Определена численность и описан состав русского эмигрантского сообщества; проанализирован характер взаимовосприятия и отношений бывших российских подданных с принимающим обществом; впервые глубоко изучена на основе сравнительно широкой выборки преступность русской эмиграции «первой волны» в Берлине; исследована деятельность ведущих эмигрантских общественных организаций Русского Берлина.

Глава 1. Русская «колония» в Германии: истоки, численность, состав

§ 1.1. Германия как центр притяжения эмиграции. Пути бегства

Эмиграция из России в связи с политическим кризисом началась в 1917 г. В конце года процесс стал массовым и продолжался почти до конца 1920-х гг., когда «первая волна» иссякла. Пик миграционной активности и стихийного движения за рубеж пришёлся на 1919-1921 гг. – время особенно критическое для экономики крупных городов и период поражений белых армий, с которыми перемещались гражданские беженцы. За каждым поражением и эвакуацией антибольшевистских сил – из Одессы, Новороссийска, Крыма, из Сибири и Приморья, из-под Петрограда (Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича) и Прибалтики (армия П.Р. Бермондт-Авалова), – следовал, по словам газеты «Русский эмигрант», поток беженцев, выброшенных «за российский борт десятков и сотен тысяч» людей⁸³. Наконец, это время утверждения советской власти, с которой не все могли смириться. Если в 1917 – 1918 гг. уезжали в основном монархисты, люди, близкие ко двору, дворяне старых фамилий и дальновидные представители буржуазии⁸⁴, то в дальнейшем эмиграционные настроения распространились в интеллигенции и самых широких слоях городского населения. В 1918 г., по выражению бывшего директора Департамента общих дел МИДа В.Б. Лопухина, думали вначале «отсидеться на юге России», а после были вынуждены «бежать с наступлением ужасов гражданской войны»⁸⁵.

Причины отъезда сотен тысяч бывших подданных Российской империи за рубеж очень разнообразны, но в целом – бежали от бесчисленных бедствий, связанных с Гражданской войной. Однако не все желающие уехать могли это сделать. Немногие успели покинуть Советскую Россию в 1917 – 1918 гг., в том числе уезжали и в Германию (в 1918 г. некоторое количество эмигрантов, в основном монархистов, получило в Москве и Петрограде визы⁸⁶; в их числе оказалась, к примеру, богатая дворянская семья русских немцев Фальц-Фейнов, часть её представителей жила затем в Берлине). Очень скоро всё изменилось. «Решить уехать было одно, а выполнить решение другое, - вспоминал московский профессор Р. Донской⁸⁷. – В то время все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики были обращены в крепостную зависимость»⁸⁸. Эта метафора Донского иллюстрирует ограничения прав граждан

⁸³ Бесправие и беспомощность // Русский эмигрант. Берлин. 1920. 1 – 14 декабря.

⁸⁴ Dodenhoeft В. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 11.

⁸⁵ Лопухин В.Б. После 25 октября // Минувшее: исторический альманах. 1986. №. 1. С. 33.

⁸⁶ Williams R.C. Culture in Exile... P. 70.

⁸⁷ Под этим псевдонимом учёный оставил свои воспоминания о бегстве из России.

⁸⁸ Донской Р. От Москвы до Берлина в 1920 году // Архив русской революции. 1921. Т. 1. С. 224.

республики. Из занятых белыми областей эмигрировать можно было более или менее свободно. Правительства их не чинили препятствий, главной проблемой являлось добывание визы и билетов или поиск проводников для нелегального перехода границы. Однако по Советской России перемещаться граждане могли либо скрытно, либо по разрешению властей, в основном отправляясь в командировки по служебным делам: борьба против «трудового дезертизма» и контроль транспорта фактически уничтожили провозглашенную свободу передвижения. Лишь по окончании гражданской войны, с 1922 до конца 1928 гг., советские граждане могли не только свободно перемещаться по СССР, но и сравнительно легко получить заграничный паспорт и уехать из страны⁸⁹. Советское правительство уже с 1919 г. сокращало возможности своих граждан выехать за рубеж и не признавало их право на эмиграцию, однако система ограничений ещё не достигла уровня «железного занавеса». Только к 1928 г. эмиграционная проблема была практически решена – и путём укрепления границ, и в результате преодоления острого экономического кризиса с помощью НЭПа. Тем не менее и в период Гражданской войны сбрасывать со счетов меры, принимаемые советским государством для контроля перемещений, было невозможно. Немногим удавалось выехать с разрешения или даже по приказу советской власти, как, например, пассажирам «философских пароходов» в 1922 году или В.Ф. Ходасевичу, получившему заграничный паспорт на полгода (данный с тем, чтобы затем не позволить поэту вернуться). Вполне официально выпустили также в 1919 г. из Петрограда малоприятного для большевиков кадета И.В. Гессена с семьёй. Но для большей части эмигрантов, бежавших не из подконтрольных Белому движению областей, а с территории РСФСР, бегство было связано с высоким риском.

О путях, которыми беженцы покидали Россию, мы больше всего знаем благодаря их собственным воспоминаниям. Подготовка и само бегство осуществлялись в схожих обстоятельствах, и мемуары содержат немало типичных эпизодов. Уезжали, как правило, распродав заранее всё имущество: так собирали деньги и драгоценности – сбережения на жизнь за границей. Если отправной точкой маршрута была Советская Россия, приходилось «выхлопотать» или за взятки получить на службе командировку куда-нибудь поближе к границе. Границу переходили самостоятельно или прибегали к услугам контрабандистов. Способы бегства были одни и те же везде – на Северо-Западе, Западе и на Юге. По окончании Гражданской войны советские граждане также выезжали под разными предлогами – «на лечение» или по служебным делам.

⁸⁹ Байбурин А.К. К предыстории советского паспорта (1917 – 1932) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 153.

Необычный способ уехать в Германию нашли жена бывшего члена Государственной думы С.И. Шидловского Александра Андреевна и их дочь Софья Куломзина (в девичестве Шидловская). Очевидно, таким же образом покидали Россию и другие эмигранты. В 1920 г. продолжалась репатриация немецких пленных и интернированных граждан, а также беженцев (этнических немцев). Софья вспоминала, как удалось это использовать: «Один оборотистый человек за большие деньги брался оформлять вместо немцев, которые уже уехали в Германию или умерли, [...] документы на выезд желающим». Подбирались подходящие имена, пол и возраст в списках репатриантов, и выдавались беглецам. Ставшие «Хеленой» и «Вандой Нейман» беженки, якобы из Симбирска, выучили названия улиц, магазинов, кафе и учреждений этого города, нашли на свои вещи новые инициалы. Женщины продали в Петрограде всё своё имущество, а в багаже спрятали драгоценности, которые должны были какое-то время их кормить за границей: «Одну или две брошки запекли в хлеб», в банку с карамельками из жжёного сахара положили сапфировую брошь. Жемчужины «разобранного» ожерелья «обтянули материей и пришили как пуговицы к блузке. В ужасном настроении и страхе в назначенный день двинулись на вокзал. «Мысль о разлуке с Россией была мне очень тяжела», - писала Софья. На границе нашли и изъяли только одну брошь из банки с карамелью. «Ванда» и «Хелена» достигли Нарвы, а оттуда пароходом добрались до Штеттина. Там на пристани стояли и ждали кораблей русские пленные, возвращавшиеся в Россию. А беженки отправились в Берлин.⁹⁰ Случай Софьи, однако, типичным назвать нельзя, гораздо чаще и повсеместно границу переходили, как её отец, с помощью контрабандистов, которые предоставляли транспорт и знали безопасные тропы. Однако её опыт показывает, сколь изобретательными могли быть беженцы и «оборотистые люди» в поиске путей из России.

Решившие бежать из европейской части бывшей империи направлялись во все приграничные государства. В некоторые страны попасть было тяжелее, чем в другие. Как писала газета «Голос России», ряд государств окружил себя «китайской стеной» против беженцев. Особенно много препятствий существовало для въезда в скандинавские страны⁹¹. Но Швеция, Дания и Норвегия не стали привлекательным направлением и по другим причинам. Гораздо больший поток вследствие географического положения и сохранявшихся связей устремился в Финляндию и страны Прибалтики.

⁹⁰ Куломзина С.С. Миры за мирами. Воспоминания русской эмигрантки. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихонов. богосл. ин-та, 2000. С. 56-65.

⁹¹ Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration... S. 50.

В Финляндии к началу 1920-х гг. скопилось до 20 тыс. русских эмигрантов⁹², и ещё больше проехало через финскую территорию транзитом. Бывшая российская окраина стала бы более массовым центром эмиграции, если бы не дороговизна услуг контрабандистов, трудности перехода границы (опасность движения по Финскому заливу во все времена года – люди и тонули, и замерзали) и трагические случаи, вызванные враждебностью многих пограничников и стремлением финских властей ограничить поток беженцев из России. Финская пограничная стража могла выслать беженца обратно в Россию, наоборот, избить и оскорбить; известны и случаи убийств и ранений⁹³; самый известный – гибель профессора-правоведа, сенатора А.Э. Нольде - произошёл 4 ноября 1919 г. Беженца при туманных обстоятельствах застрелил финский пограничник⁹⁴. Опасались и советских солдат. Студентка И. Еленевская писала, как одна дама, собиравшаяся вместе с ней покинуть Петроград, в последний день со слезами на глазах отказалась от бегства: «У меня нет сил бежать с вами, мне страшно...» Она не договорила, но мы поняли, что она думала об участвовавших за последние недели расстрелах лиц, захваченных при переходе финляндской границы⁹⁵. В самой Финляндии оттоку оказавшихся в стране эмигрантов способствовала распространённая в то время среди финнов русофобия⁹⁶.

Ещё одной страной, в которую устремились русские беженцы с Северо-Запада России и где они встретили враждебное отношение, стала Эстония. В бывшую провинцию Российской империи эвакуировались солдаты и офицеры Северо-Западной армии и следовавшие за армией гражданские беженцы. А.И. Куприн, остановившийся на какое-то время в Ревеле, вспоминал, что они встретили в Эстонии «сильную ненависть ко всему русскому»; с русских офицеров срывали погоны на улицах, их материли, били, грабили, в ряде случаев убивали.⁹⁷ Русофобия побуждала эмигрантов двигаться в другие страны Европы, а Эстония для большинства осталась транзитной зоной. Ехали беженцы также в Латвию и Литву. Так, через Ригу добирался в Германию Василий Кандинский в конце 1921 г.⁹⁸ Через Литву направился в Берлин в 1920 г. Саша Чёрный.

⁹² Leinonen M. Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / hrsg. von Karl Schlögel. München: Beck, 1994. S. 183.

⁹³ Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии... С. 73; Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. С. 82; Андреевский В.М. Как мы бежали из Петрограда (1920 г.) (публикация Е.М. Мироновой, Н.Т. Энеевой) // Проблемы истории Русского зарубежья... 2008. Вып. 2. С. 399.

⁹⁴ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 49.

⁹⁵ Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 108.

⁹⁶ Котельников К.Д. Побег из Советской России в Финляндию в воспоминаниях русских эмигрантов первой волны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 20 (2): Материалы двадцатой ежегодной научной конференции / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 169-171.

⁹⁷ Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919 – 1921) / Сост., вст. ст. и комм. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. СПб: Журнал «Нева», 2001. С. 72-73; 132-134; Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. С. 92.

⁹⁸ Urschriftlich. Landesgrenzpolizei Osten // GSTA PK. I NA Rep. 77. Tit. 1812. Nr. 21. Bl. 102.

Хотя Финляндия и Прибалтика занимают важное место в истории эмигрантского исхода, но большая масса беженцев выехала через государства, близкие к южным регионам, где в 1919 – 1921 гг. скопилось огромное количество потенциальных эмигрантов. Они до конца 1920 г. покидали Россию – как правило, не преодолевая сопротивление советского государства, но зачастую также с большим риском. Эмигрантский поэт-сатирик Жак Нуар упоминал в одном из стихотворений, как это происходило: «Гонимы страхом и терзаньем, / Мы разорвали адский круг. / И не стесняясь расстояньем, / Метнулись с севера на юг...»⁹⁹. В 1918-1920 гг. белый Юг России стал основным направлением беженства в европейской части России. На Украину, на Кавказ, в Крым и южные губернии стекались жители Москвы, Петербурга и других крупных городов, надеявшиеся переждать неспокойное время под защитой антибольшевистских вооружённых сил. Так как белое дело проиграло, массы беженцев двинулись за границу.

Немало людей, оказавшихся на Юге ещё до поражений и отступления ВСЮР, покидали Россию через Одессу. До апреля 1919 г. в Одессе находились союзники и поддерживалась регулярная связь с европейскими портами. После поражения деникинского наступления на Москву эмигрантский поток с Юга России усилился. Апогея этот процесс достиг в ноябре 1920 г., когда произошла Крымская эвакуация армии генерала П.Н. Врангеля и гражданских беженцев. Заметное движение с Юга России за границу (во всех возможных направлениях) продолжалось до 1922 г.

Популярным направлением была также Польша. Обычный эмигрантский маршрут преодолел А.В. Бахрах, бежавший через год после октябрьского переворота: Киев – Варшава – Данциг – Берлин. Через восстановленную польскую державу уехали Д. Мережковский, З. Гиппиус, московский профессор Р. Донской. Через Польшу ехал в Германию и Зиновий Арбатов: «После коротких, чувствительных мытарств, я пробрался в Варшаву, а оттуда, с меньшими трудностями, в Берлин»¹⁰⁰. Через Украину и Польшу уезжали также беженцы во время голода на исходе Гражданской войны¹⁰¹.

Огромное количество русских беженцев с Юга России попало в результате Крымской эвакуации в Турцию. Это был самый массовый исход, совершённый в столь короткий срок. В течение двух суток (14-15 ноября) на 126 судах Россию покинуло более 145 тыс. человек. Большая их часть через 4-5 дней достигла Константинополя, откуда затем эмигранты постепенно рассеивались по миру¹⁰². На кораблях теснились беженцы, ехали

⁹⁹ Нуар Ж. На сквозняке. Берлин: Чужбина, 1927. С. 7.

¹⁰⁰ Арбатов З.Ю. Без неба: (в Америке). Берлин: Книгоиздательство «Чужбина», 1926. С. 12.

¹⁰¹ Беженцы // Время. 1922. 22 мая.

¹⁰² Пученков А.С. 1920 год: агония белого Крыма // Россия на переломе. Войны, революции, реформы. XX век. СПб.: Лема,

скуденно, и у большинства – минимальный запас или полное отсутствие средств на будущее. Как и у почти всех эмигрантов, при отъезде здесь царило угрюмое, похоронное настроение. К эмиграции не были готовы.

Из Константинополя русские разъезжались в течение нескольких лет. По данным Русского комитета в Турции, даже в ноябре 1922 г. уехать желало и просило содействия 14 272 беженца из России. Они называли более 30 стран назначения: Сербия, Франция, США, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Германия, Польша, Бельгия, Египет, Южная Америка, Сирия, Румыния, Италия, Англия, Греция, страны Прибалтики и другие (даже Япония и Индия)¹⁰³.

Тенденции в перемещениях массы эмигрантов после эвакуации отслеживал генерал П.Н. Врангель. По его наблюдениям, в 1920 г. с Юга России эвакуировались в основном в Сербию, Болгарию и Константинополь, а также в Грецию, на Мальту, в Египет¹⁰⁴. Ещё одним важным центром эмиграции стала Югославия. В 1921-1923 гг. массы эмигрантов переместились в другие европейские страны. Больше всего – в Германию и Францию.

Нельзя не упомянуть отдельно поток беженцев из Сибири и с Дальнего Востока, пик которого пришёлся на 1920 г. – после поражения войск адмирала А.В. Колчака. Отток эмигрантов из этого региона продолжался до 1922 г. Ехали прежде всего в Маньчжурию, в Харбин, сохранявший потом два десятилетия облик дореволюционного российского города. Иные уезжали в Шанхай и другие китайские города, в Японию, или пускались в дальние путешествия. Случаев переезда эмигрантов из Маньчжурии в Европу известно не так много, но они, несомненно, время от времени происходили, несмотря на огромные расстояния и соответствующие трудности. Так в Берлин, а затем в Латвию попал Юрий Галич (полковник Георгий Гончаренко). Путь на разных кораблях из Владивостока в Германию занял почти два года (мотив переезда был романтического характера: в Берлин полковник ехал ради любви к женщине; он добрался до немецкой столицы в начале 1923 года¹⁰⁵).

Вероятно, небольшое количество эмигрантов попало в Германию после долгого путешествия с Севера России (через скандинавские страны) - в 1919 – 1920 гг. белогвардейские войска и беженцы покидали и этот фронт Гражданской войны. Осенью 1919 г. поражение сил генерала Е.К. Миллера стало неизбежным. 27 сентября интервенты

2018. С. 194.

¹⁰³ Русский комитет в Турции. Сводка результатов произведённой отделом расселения Русского комитета регистрации русских беженцев, желающих выехать из Турции в другие страны // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹⁰⁴ Квакин А. Русская интеллигенция в изгнании. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2013. С. 101-102.

¹⁰⁵ Галич Ю. Золотые корабли. Скитания. Рига: М. Дидковский, 1927. С. 286-306.

ушли из Архангельска, 12 октября – из Мурманска. Этот путь исхода закрылся окончательно в феврале 1920 г. – 19 февраля два судна (ледокол «Козьма Минин» и яхта «Ярославна» с членами северного белого правительства и их приближёнными на борту – около 800 человек) покинули Архангельск и ушли в Норвегию под провожающие их выстрелы из ружей и пулемётов. Спустя трое суток пал и Мурманск – оттуда в Финляндию успели сбежать 377 офицеров и 493 рядовых, а всего с гражданскими – 1001 человек¹⁰⁶.

Хотя источники представляют богатый выбор историй отъезда отдельных эмигрантов, мы сознательно упоминали выше в основном тех, кто рано или поздно оказался в Германии, несмотря на то, что их эмигрантские маршруты могли сильно отличаться друг от друга, да и начинались в самых разных местах. Как бы эмигранты ни сетовали впоследствии на формальные трудности и дороговизну перемещений между европейскими странами, но они были уже неизмеримо проще, чем путь из России за границу. Эмиграция в 1920-1930-е гг. динамично перемещалась по миру в поисках лучшего пристанища.

Веймарская республика в этот период времени привлекала беженцев по многим причинам. Прежде всего, Германия близка к России территориально. Это первая страна на западном направлении после пояса государств-лимитрофов вокруг Советской России, и первая крупная по соседству с балканскими странами. Обычно в Германию попадали через другие государства, и лишь в отдельных случаях напрямую из России, как Александра и Софья Шидловские, Роман Гуль или интеллигенция на «философских пароходах». Из Финляндии, Прибалтики и Польши попасть в соседнюю Германию было проще всего. К этому подталкивали распространённая в бывших российских провинциях русофобия, нехватка работы и знания местных языков.

Р. Донской, попав в Польшу, решил отправиться в Германию потому, что «отношение к нам в Польше было таково, что оставаться там было невыносимо»¹⁰⁷. К тому же, поляки на границе отняли у него деньги. Решение остаться казалось не самым многообещающим. По той же причине двинулся на запад белогвардеец, будущий писатель Юрий Офросимов: «Из России вышел (буквально) с 3 рублями царских через Польшу (где чуть не умер, никогда не забуду и этих зверств), через Литву (...) бежал в Германию...»¹⁰⁸. Затем Офросимов поселился в Берлине, где стал журналистом. В Финляндии и Эстонии к русским относились не лучше, и оттуда тоже наблюдался поток эмигрантов в Германию.

¹⁰⁶ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 175.

¹⁰⁷ Донской Р. Указ. соч. С. 191.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 46. Автобиография Ю.В. Офросимова. Рукопись. Л. 2.

«Чемоданные настроения» эмиграции побуждали многих оставаться всё же в относительной близости к России, и Германия подходила и по этому критерию. К тому же перед бесподданными беженцами стоял небогатый выбор стран, готовых предоставить им право на въезд. Германия принимала их пусть не с большой охотой и с опасением встретить среди беженцев большевистских агентов, но всё же не чинила эмигрантам непреодолимых препятствий. Ещё один фактор, безусловно привлекавший русских – прежние культурные связи России и Германии, высокий престиж немецкой культуры, науки и техники, и относительно распространённое знание немецкого языка среди русских.

Язык имел во многих случаях решающее значение и даже разделял семьи. Так случилось с почётными петербургскими гражданами братьями Баталиными. Прежде они держали на Невском проспекте магазин автомобильных принадлежностей. Александр, в эмиграции в 1920-е гг. ставший шофёром в Париже, в гимназии учил французский язык¹⁰⁹; Фёдор, работавший шофёром в Берлине, в гимназии учил немецкий¹¹⁰. Французский и немецкий языки в российских гимназиях и училищах преподавались чаще всего, и неудивительно, что Франция и Германия в 1920-е гг. стали популярными направлениями эмиграции (по оценке Лиги наций, около трёх четвертей эмигрантов имели среднее образование¹¹¹). Рассуждая о причинах потока русских в Германию, эмигрант, бывший прокурор Н.Н. Чебышев в 1930-е гг. неслучайно говорил о значении географических, культурных и демографических связей, а также образования: «Сыграло роль географическое соседство, брачные узы правивших династий, немецкие балтийские семьи, так обильно вкрапленные в нашу бюрократию. Влияла и школа. У меня нет под рукой цифр. Но дополнять своё образование ездили чаще в германские высшие школы, чем в Монпелье или Кембридж, как мне кажется. Я имею в виду даже не учёных, а простых смертных, считавших нужным, окончив образование в России, провести зимний семестр в Берлине, а летний в Йене. В России существовали большие немецкие учебные заведения, не частные педагогические предприятия, а общественные училища, состоявшие при церковных лютеранских приходах. Три больших немецких гимназии Петербурга общеизвестны. Такая же гимназия существовала в Москве. Трудно сказать, конечно, кого было больше в России – гувернёров ли немцев, или французов? (...) Западная закваска нашего воспитания, надо заметить, вообще облегчила нам впоследствии подневольную жизнь за границей»¹¹².

¹⁰⁹ [Личное дело Баталина Александра Фёдоровича] // ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 14. Оп. 3. Д. 37699. Л. 4.

¹¹⁰ [Личное дело Баталина Фёдора Фёдоровича] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39601. Л. 4.

¹¹¹ Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. / СПб: Издательский дом «Коло», 2004. С. 36.

¹¹² Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 19 мая.

Чебышев справедливо отметил, что среди бывших граждан Российской империи, оказавшихся в эмиграции, было немало этнических немцев (поволжских, остзейских), часто обрусевших, но сохранивших родственные или дружеские связи с германскими гражданами. Они, в свою очередь, помогали знакомым русским найти в Европе пристанище. Так, молодой Григорий Чеботарев нашёл помощь у семьи прибалтийских немцев фон Медемов, осевшей в Любеке. У них Григорий оставил сестру, а сам отправился в Берлин, чтобы стать студентом¹¹³. Так же благодаря дружеским связям своих деловых партнёров с немцами поехал работать в Германию И.В. Гессен, с которым отправилась и его семья¹¹⁴. В Берлине обнаружили дальние родственники по фамилии фон Метч и у семьи Софьи Куломзиной (Шидловской), которые «сердечно и серьёзно отнеслись» к дальнему родству.¹¹⁵

Тот факт, что эмигранты «первой волны» встречали в Германии соотечественников, которые поселились там ещё до 1914 года, также привлекал их в эту страну. Дореволюционные переселенцы, уже приспособившиеся к жизни среди иностранцев, могли служить посредниками между «новичками» и немецким окружением. Самые значительные группы – балтийские немцы и евреи из Российской империи¹¹⁶. В период войны к ним добавились русские немцы, бежавшие из России из-за антинемецких настроений. Яркий пример – русский немец В.И. Корнель, московский купец. Он натурализовался в Германии, сумел каким-то образом сохранить капитал, продолжал заниматься коммерцией и помогал выходцам из России. В октябре 1916 г. Корнель активно участвовал в организации берлинского Комитета помощи русским гражданам в Германии¹¹⁷. До окончания войны его деятельность в основном направлена была на помощь пленным, в начале 1920-х гг. Комитет стал Обществом помощи русским гражданам и сосредоточился на помощи беднейшим эмигрантам. Корнель и позднее, в 1930-е гг., оказывал серьёзную финансовую поддержку благотворительной Русской амбулатории в Берлине¹¹⁸.

Говоря о факторах формирования центра русской эмиграции в Берлине, нужно также иметь в виду, что часть российских подданных оказалась в Германии недобровольно. Речь не только о военнопленных Первой мировой войны, некоторые из которых отказывались

¹¹³ Чеботарёв Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 352.

¹¹⁴ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 22.

¹¹⁵ Куломзина С.С. Миры за мирами... С. 94.

¹¹⁶ Williams R.C. Culture in Exile... P.7.

¹¹⁷ Галас М.Л. Россия, которая «самой себе была Лигой Наций»: правовой статус, политическая, социально-экономическая, идеологическая адаптация российских эмигрантов, беженцев, ремигрантов в 1920 – 1940-х гг. М.: Издательство Галас Марина Леонидовна, 2011. С. 237.

¹¹⁸ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год. Л. 12.

возвращаться на родину и стали эмигрантами, но и о солдатах и офицерах белых армий и членах их семей. Они спасались от потенциального преследования и террора, часто стихийно, в составе массовых эвакуаций и отступлений. Как говорил В.В. Шульгин, это не он эмигрировал вместе с белыми, а его «эмигрировала судьба в виде бури, бросившей» политика на берег Румынии¹¹⁹. Похожим образом судьба многих «забросила» в Германию. Так, в Пруссию ушли из Латвии в декабре 1919 г. остатки Западной добровольческой армии П.Р. Бермондт-Авалова. Солдаты и офицеры были частью интернированы, частью – сразу отпущены на правах свободных иностранцев. Сам командующий стал эмигрантом и остался в Германии (в Гамбурге). Ещё более неожиданными путями оказался в Германии Роман Гуль (он прожил затем в Берлине 13 лет). Гражданская война, участие в которой Гуль начал в знаменитом Ледяном походе, вынесла его на Украину. Роман воевал в частях гетмана Скоропадского. 14 декабря 1920 г. под напором петлюровцев около 2 тыс. человек, включая Гуля, других «гетьманцев» и белых, отступили в Педагогический музей в Киеве. Здание стало их тюрьмой на две недели – петлюровцы не знали, что делать с пленными. По соглашению с украинской властью перед приходом большевиков обречённых на расстрел арестантов спасли отступавшие из Украины немцы. 30 декабря их вывезли на поезде напрямиком в Германию¹²⁰. Таким же поездом (а возможно, и тем же самым) прибыли в Германию эвакуированные немцами монархисты П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий, в 1922 г. ставшие в Берлине печально известными террористами и убийцами В. Д. Набокова¹²¹, и ещё многие офицеры Скоропадского (а также некоторое количество интеллигентов, заключённых петлюровских тюрем¹²²). По сообщению берлинской газеты «Голос эмигранта» в 1921 г., немцы вывезли в Германию из Киева четыре эшелона с русскими офицерами¹²³.

Здесь нужно отметить, что часть деятелей белого движения, преимущественно германофилы, в Берлине концентрировалась ещё с 1919 г. и впоследствии сыграла видную роль в беженской колонии. Так, посланник А.И. Деникина и А.В. Колчака С.Д. Боткин затем представлял эмигрантов перед немецкими государственными структурами; в том же 1919 г. в немецкой столице образовалось «Берлинское правительство» (представлявшее белых на Северо-Западе)¹²⁴, входившие в него бывшие сенаторы А.В. Бельгард и А.А. Римский-Корсаков стали позднее руководителями ряда эмигрантских благотворительных и

¹¹⁹ Цит. по: Квакин А. Русская интеллигенция в изгнании. С. 46.

¹²⁰ Гуль Р.Б. Киевская эпопея. С. 75-85.

¹²¹ Abt. I A. Berlin, den 29. März 1922. Verhandelt [Befragung von S. Taboritzki] // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 264. Bd. 1. Bl. 29 – 30.

¹²² Н.П. П.П. Румянцев // Руть. 1924. 21 февраля.

¹²³ Б. Ч-ский. Русское офицерство в Германии // Голос эмигранта. 1921. 1 октября.

¹²⁴ Гражданов Ю.Д., Зимица В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917 – 1920 гг. Волгоград: Издательство ВАГС, 1997. С. 257.

общественных организаций (Красный Крест, Земгор, Русский третейский суд, Центральное бюро русских артелей и других).

Интересно, что и группе интеллигенции (небольшой, но выдающейся) пришлось оказаться за рубежом не по своей воле. В сентябре 1922 г. в Германию на уже упомянутых выше «философских пароходах» советское правительство выслало людей, к которым относилось с недоверием. Л.Д. Троцкому приписывали выражение: «Они не давали повода их расстрелять, но и терпеть их было невозможно». Высланные вызывали подозрение как настроенные против большевиков и способные влиять на умы. В эмиграцию вместе с семьями отправилось из Петрограда сначала около 60 мыслителей, учёных, политиков, писателей, инженеров и кооператоров (в том числе М. Осоргин, Ю.И. Айхенвальд, Н.И. Бердяев, Б. Вышеславцев, И. Ильин, Ф. Степун и С.Л. Франк). Пароходы «Обербургомистр Хакен» и «Пруссия» доставили их в Штеттин, а оттуда все они прибыли в Берлин, и часть высланных осталась там на продолжительное время (к примеру, кн. С.Е. Трубецкой, С.Л. Франк, Ф. Степун и другие). Всего же в 1920 – 1925 гг. советская власть депортировала около сотни граждан РСФСР¹²⁵ (не считая членов семей).

Однако военные и интеллигенты, оказавшиеся в Германии в результате перипетий Гражданской войны и ссылки 1922 г., составляли меньшую долю эмигрантской «колонии», большая же часть сделала в пользу именно этой страны сознательный выбор. С середины 1920 г. и почти до конца 1923 г. численность русских эмигрантов в Германии и особенно в Берлине росла практически непрерывно. Территориальная близость и культурные связи играли важную роль, но главное, что привлекало беженцев в этот период – дешевизна жизни в побеждённой стране за счёт постепенно ускорявшейся инфляции германской марки. Как метко выразился поэт Жак Нуар о самом себе, «прельщён культурой и дешёвкой – (...) я бодро двинулся в Берлин»¹²⁶. Ту же причину – инфляцию – указывал в своих наблюдениях за миграцией беженцев в Германию генерал П.Н. Врангель¹²⁷. В 1921 году газета «Время» объясняла становление Берлина как «столицы русской эмиграции» и вторила Жаку Нуару: «Причины экономические переплетаются с культурными и социальными. Вот почему в Берлин стекаются русские актёры и русские финансисты, русские писатели и русские коммерсанты: все, кто тянется не только к Западной культуре, но и к приложению своих сил в знакомой ему области»¹²⁸.

¹²⁵ Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. С. 76 – 77.

¹²⁶ Нуар Ж. Лицом к Берлину. С. 5.

¹²⁷ Квакин А. Русская интеллигенция в изгнании. С. 101-102.

¹²⁸ Столица русской эмиграции // Время. 1921. 26 сентября.

Таким образом, большая часть эмигрантов, решивших на какое-то время остаться в Германии, оказалась в Берлине: столица предлагала больше возможностей при поиске работы, жилья, знакомых и т.д. Следующие по численности колонии образовали беженцы в Гамбурге и Дрездене (до 4 тысяч эмигрантов каждая), затем следовал Мюнхен (более тысячи человек)¹²⁹. В начале 1920-х гг. в столицу Баварии стекались в основном монархисты, особенно радикальные, считавшие тогда Мюнхен «Меккой всех людей праворадикального толка». В этом городе немецкие правые круги охотно шли на контакт с русскими единомышленниками. Там также появился русский комитет помощи беженцам, помогавший новоприбывшим освоиться¹³⁰. Значительное число эмигрантов разместилось и в Вюнсдорфе (где располагался русский лагерь для интернированных и беженцев), Дюссельдорфе, Лейпциге, Баден-Бадене, Висбадене, Кёнигсберге, Гейдельберге и других городах¹³¹. Но всё же именно Берлин стал приютом большей массы русских в Веймарской республике.

§ 1.2. Численность эмигрантов в Германии и «Русском Берлине» 1920-х гг.

Немногие современники удерживались от преувеличения численности русских эмигрантов в Европе в те годы. И.А. Бунин говорил в 1924 г. о 3 млн¹³², звучали и другие фантастические величины. Историк В.И. Хрисанфов пришёл к выводу, что историография манипулирует цифрами от 1,5 до 4 млн человек, повторяя небылицы за эмигрантами – слухами о своей высокой численности они пытались увеличить и свой политический вес. Миф о «массовом исходе» из России превращал их сообщества не в группы безнадежно оторванных от родины беженцев, а в «Россию № 2» - альтернативу Советской¹³³. В результате слухи о масштабах так называемых «русских колоний» росли быстрее самих колоний. Исследовав противоречивые данные эмигрантской прессы о численности русских за границей в 1920-е гг. и подвергнув их критическому анализу, В.И. Хрисанфов заключил, что в действительности «первая волна» едва ли превышала 1 млн человек¹³⁴. Между тем вопрос численности имеет не последнее значение, так как позволяет оценить политический и экономический потенциал отдельных эмигрантских сообществ и эмиграции в целом, а также результаты их деятельности.

¹²⁹ Baur J. Die russische Kolonie in München 1900 – 1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. S. 66-67.

¹³⁰ Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 12.

¹³¹ Williams R.C. Culture in Exile... P. 115

¹³² Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апреля.

¹³³ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 6-9.

¹³⁴ Там же. С. 44.

Для уточнения реальных размеров эмиграции в Германии необходимо обратиться к сохранившимся документам наиболее информированных чиновников Берлина 1920-х гг. и ввести эти источники в оборот. Но прежде всего заметим, что понятия, которыми мы оперируем, отличаются от понятий некоторых источников. Под русскими эмигрантами «первой волны» мы вслед за современниками подразумеваем бывших подданных Российской империи, покинувших Россию после 1917 года и являвшихся носителями русской культуры, языка и идентичности. Источники же не всегда уточняют, кто именно имеется в виду под «русскими эмигрантами». В сообщениях о численности эмигрантов (исходящих от Лиги Наций и правительства Германии), передаваемых русскими газетами, лишь в редких случаях делались какие-либо уточнения или уделялось внимание национальному разнообразию России. Так, при оценке количества эмигрантов составители «Statistik des deutschen Reichs», Vol. 401 (Berlin, 1930) указали, что из 250 тыс. бывших граждан России, проживавших в Германии в 1925 г., только 80 тыс. были русскими – все прочие относились (или относили себя) к иным национальностям¹³⁵. В других случаях остаётся задаваться вопросом, кого составители источника вообще понимают под русскими – всех бывших подданных Российской империи без исключения или только тех, кто не относит себя к русским немцам, польским евреям и другим меньшинствам. В связи с этим все оценки национального состава эмиграции носят предположительный характер.

Современники делали разные предположения в одно и то же время. В 1919 г. диапазон называемых цифр ещё не очень велик. Немецко-русское общество содействия взаимной торговле в мае 1919 г. считало, что русских в Германии 60-80 тыс.¹³⁶ (очевидно, исключая военнопленных¹³⁷). В конце года Русская делегация по делам военнопленных и репатриантов говорила уже о 100 тыс.¹³⁸, что выглядит правдоподобно при учёте того, как ближе к завершению Гражданской войны в России рос поток беженцев. В 1920 г. счёт пошёл уже на сотни тысяч – стали звучать огромные числа в 560 тыс. эмигрантов в Германии, включая военнопленных и проезжающих (по данным американского Красного Креста¹³⁹) и 400 тыс. (по сведениям Ф.В. Шлиппе, председателя берлинского Комитета по делам русских беженцев¹⁴⁰). В дальнейшем разница в оценках только возрастала. В 1921 г.

¹³⁵ Williams R.C. Culture in Exile... P. 112.

¹³⁶ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 4.

¹³⁷ Вопрос динамики численности военнопленных уже подробно освещён в историографии и вынесен за рамки данной работы (см. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М.: Новый хронограф, 2010. 439 с.).

¹³⁸ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 4.

¹³⁹ Ibid. S. 5.

¹⁴⁰ [Выписка из протокола 2-го заседания Комитета по делам русских беженцев в Германии, 27 октября 1920 г.] ГАРФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

некий «Русский центральный офис информации» сообщал о 400 тыс.¹⁴¹ В то же время Министерство внутренних дел Германии зафиксировало только 50-80 тыс.¹⁴². В начале следующего 1922 года правительство Германии насчитало уже 250-300 тыс. русских¹⁴³ (те же данные приводила Лига Наций), а несколько месяцев спустя то же правительство сообщило о 600 тыс.¹⁴⁴. С конца 1923 г. численность русских в Германии резко упала из-за экономического кризиса, стабилизации марки и последовавшей дороговизны, и называемые числа уменьшились:

Дата	Оценка численности	Источник
1925	150 тыс.	Инспекция по делам беженцев Международной биржи труда в Женеве (далее – МБТ) ¹⁴⁵
	80 тыс.	Государственная статистика Германии - Statistik des deutschen Reichs, Vol. 401 (Berlin, 1930). pp. 456 - 459 ¹⁴⁶
1926	400 тыс.	МБТ ¹⁴⁷
1927 - 1928	150 тыс.	МБТ ¹⁴⁸
1929 - 1932	Нет данных	
1933	50-60 тыс.	Лига Наций ¹⁴⁹
	Около 100 тыс.	МБТ ¹⁵⁰
	8320	Газета «Наш век» ¹⁵¹

Приведённые данные соответствуют тенденции постепенного оттока русских из Германии с 1924 г. Но учитывая «разброс» данных, о достоверности их говорить не приходится. Исследователи эмиграции, столкнувшиеся с этой ситуацией, неоднократно комментировали её: отмечали неизбежность проблемы повторного подсчёта и отсутствие централизованного учёта; заинтересованность отдельных организаций в завышении численности. Стоит также учитывать, что Германия оставалась центром пересечения европейских путей и была для беженцев транзитной зоной – но и побывавшие там лишь проездом могли учитываться.

¹⁴¹ Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания... С. 66.

¹⁴² Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 5.

¹⁴³ Ibid.; Русские в Германии // Руль. 1922. 5 января.

¹⁴⁴ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 5.

¹⁴⁵ Schlögel K. Berlin: "Stiefmutter unter den russischen Städten" // Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / hrsg. von Karl Schlögel. München: Beck, 1994. S. 237.

¹⁴⁶ Williams R.C. Culture in Exile... P. 112

¹⁴⁷ Rimscha H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926... S. X.

¹⁴⁸ Schlögel K. Op. cit. S. 238.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Ibid.

К этому можно добавить, что историки эмиграции приводят данные о численности эмиграции в Германии, опираясь, как правило, на труд Х. Фолькманна, реже – на публикации данных о численности в эмигрантской прессе¹⁵². В любом случае использование этих сведений походит на «свидание вслепую»: неизвестны методики подсчёта и источники оценок, сделанных Лигой Наций, германским правительством и русскими общественными организациями. Кое-что мы знаем благодаря историку Х. фон Римше о методе работы МБТ в Женеве – биржа запрашивала данные о беженцах у национальных правительств (конечно, такой способ получения информации не снимает вопроса о её источниках). Возможно, так же получала информацию Лига Наций, с которой МБТ¹⁵³ была тесно связана. Учитывая указанные недостатки источников, представляется верным решение В.В. Хрисанфова, который, опираясь на данные прессы и критикуя их, считает, что эмигрантов в Германии к середине 1920-х гг. едва ли насчитывалось и пол сотни тысяч и что лучше вообще не называть точных чисел¹⁵⁴.

Несколько больше возможностей предоставляют источники для подсчёта численности эмиграции в Берлине. Данные об этом в начале 1920-х гг. сообщала газета «Руль». Её главный редактор И. Гессен вспоминал, что в 1919 г. русская эмиграция в Берлине «была немногочисленна»¹⁵⁵, но в середине 1920 г. русских уже «много прибыло и с каждым днём всё больше накапливалось»¹⁵⁶. В ноябре 1920 г. «Руль» писал о 100 тыс. русских в Берлине¹⁵⁷ (по данным Общества помощи русским гражданам). «По некоторым сведениям, их ещё больше», – уточняла газета. Однако спустя два месяца она же сообщала о 50 тыс. русских в Берлине (без указания источника информации)¹⁵⁸. Ещё через несколько недель «Руль» опубликовал уже данные об «около 80 тыс.», также без ссылок на источник¹⁵⁹. 24 декабря 1921 г. газета «Берлинер Тагеблатт» сообщала, что «как стало известно, общее число русских в Берлине достигло около 100 тыс. человек»¹⁶⁰.

Рост потока иностранцев в Берлин в 1922-1923 гг. привёл к преувеличениям численности русских. По сведениям германского посланника в Копенгагене, Международное общество помощи бесподанным в Берлине считало, что в немецкой

¹⁵² См., напр.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920—1941); Dodenhoeft B. “Laßt mich nach Rußland heim”...; Schlögel K. Op. cit.

¹⁵³ Конечной целью организации было улучшение условий труда в мире; возможно, и её сотрудники действовали в интересах эмиграции, сообщая о её высокой численности.

¹⁵⁴ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 90-105.

¹⁵⁵ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 34.

¹⁵⁶ Там же. С. 52.

¹⁵⁷ Бор. Ор. Общество помощи русским гражданам // Руль. 1920. 26 ноября.

¹⁵⁸ Лери. Случайные заметки // Руль. 1921. 23 января.

¹⁵⁹ Лери. Берлинская болезнь // Руль. 1921. 6 марта.

¹⁶⁰ F. Sdl. Die russischen Emigranten in Berlin // Berliner Tageblatt. 1921. den 24. Dezember.

столице искали убежища 360 тыс. человек¹⁶¹. Другая организация – католическая «Папская помощь» (Päpstliche Hilfswerk) говорила о 300 тыс¹⁶². Эта цифра запомнилась современникам, а затем перекочевала в работу Х. Фолькманна и других историков.

Ряд исследователей приводит данные о 300 тыс., не сопровождая их критическим комментарием¹⁶³, хотя достаточно скептически к ней отнёсся уже «Руль», назвав информацию о 300 тыс. русских в Берлине «слухами»¹⁶⁴. Слухами питались и другие современники. «Триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города...»¹⁶⁵, - так Виктор Шкловский писал о Берлине в 1923 г.

Величина цифр 1923 г. (более 300 тыс.) и неясность их происхождения заставляют в них усомниться. Вместе с тем стоит признать, что, возможно, был прав берлинский студент и эмигрант Вадим Андреев, учитывавший значение Берлина как транспортного узла: «Берлин оказался чем-то вроде узловой станции – куда бы ни стремился русский эмигрант, на некоторое время он задерживался в Германии [...]. Говорили, что русское население Берлина в начале 20-х годов достигало двухсот или даже четырехсот тысяч человек. Меня не удивила бы вторая цифра, *если взять период за три года – с 1921-го по 1924-й* [курсив – К.К.]: кто только не оказывался берлинским жителем хотя бы на короткий срок!»¹⁶⁶. То же отмечал называвший Берлин «караван-сараем» М. Шагал – через Берлин путешествовали. Там могло проездом оказаться до 300 тыс. эмигрантов в течение нескольких лет, но трёхсоттысячного Русского Берлина, как у В. Шкловского, никогда не существовало.

Источники позволяют предположить, что число русских, проживавших в Берлине (а не только побывавших там проездом) вряд ли превышало в 1920-е гг. отметку в 100 тыс. Об этом сообщают документы, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия (г. Берлин) и в Федеральном архиве Берлин-Лихтерфельде.

Так как в соответствии с германским законодательством всякий иностранец обязан был регистрироваться в полиции (нем. «Meldepflicht»), полицией учитывались зарегистрированные эмигранты, получившие разрешение на пребывание в городе. Поскольку эмигранты избегали регистрации, данные полиции также неполны. С другой стороны, чиновники, нуждавшиеся в реалистичном представлении о количестве русских,

¹⁶¹ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 5.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ См., напр.: Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал... С. 18; Borosnjak A., Oberloskamp E. Das "Russische Deutschland" in den zwanziger Jahren // Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung – Das 20. Jahrhundert / Hrsg. von H. Möller und A. Tschubarjan. München, 2014. S. 65; и др.

¹⁶⁴ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 100.

¹⁶⁵ Цит. по: Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919–1939). М.: РОССПЭН, 2011. С. 51.

¹⁶⁶ Андреев В. История одного путешествия // Русский Берлин / Сост., пред. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 54.

делали соответствующие предположения. В феврале 1920 г. прусское министерство внутренних дел, как следует из его служебной переписки, считало, что в Берлине «предположительно, находится 80 000 русских»¹⁶⁷. Не сильно изменились оценки и позднее. По материалам того же министерства, в середине ноября 1922 г. майор полиции Вестенбургер и начальник департамента иностранцев (Fremdenamt) берлинской полиции регирунгсрат (Regierungsrat) Вальтер Бартельс в ходе дискуссии «установили, что во всех европейских странах находится примерно 1,5 млн русских беженцев, из них в Германии около 600.000 и в Берлине около 80 000»¹⁶⁸. Характерно, что, находясь в Берлине и непосредственно занимаясь учётом иностранцев, точными данными полиция не обладала, и её чиновники дискутировали об их числе. При этом оценки количества русских в Берлине, основанные на личных наблюдениях при выполнении служебных задач, сдержанны.

Особенно показательным в этом отношении сообщением полицай-президиума Берлина министерству внутренних дел от 27 января 1921 г.: согласно этому документу¹⁶⁹, полицией Берлина на тот момент было «зарегистрировано 33 345 русских. Однако, на взгляд полицай-президиума, нет сомнений, что число действительно проживающих здесь русских значительно больше. Многие приезжие уклоняются от регистрации из страха перед наказанием из-за неразрешённого перехода границы или по другим причинам. Как велико их количество, невозможно сказать, но часто называемое число в 100 000 однозначно завышено» (“die vielfach genannte Zahl von 100 000 entschieden zu hoch gegriffen...”)¹⁷⁰.

Важно отметить, что имя В. Бартельса неоднократно фигурировало в сообщениях «Руля» - начальник Фремденамта хорошо знал русских и шёл на контакт. Хотя в документе полицай-президиума от 27 января 1921 г. не указан составитель, вероятно, информация о числе зарегистрированных исходит от занимавшегося регистрацией Бартельса. Надзор за иностранцами он осуществлял и позднее. В марте 1924 г. он дал С.И. Левину (сотруднику «Руля») интервью, в котором отметил, что «мы насчитываем [...] в Берлине 100 тыс. русских»¹⁷¹ (правда, не пояснил, сколько из них было именно зарегистрировано). Указанные Бартельсом 100 тыс. – самая высокая из всех известных нам оценок численности Русского Берлина, исходящих от заслуживающих доверия источников. При этом более высоких появиться в дальнейшем уже не могло, так как в то время число русских начало заметно снижаться. В интервью Бартельс сообщил, что «иностранцы бегут из Германии»

¹⁶⁷ GStA PK. I HA Rep. 84a. Nr. 15. Bl. 132.

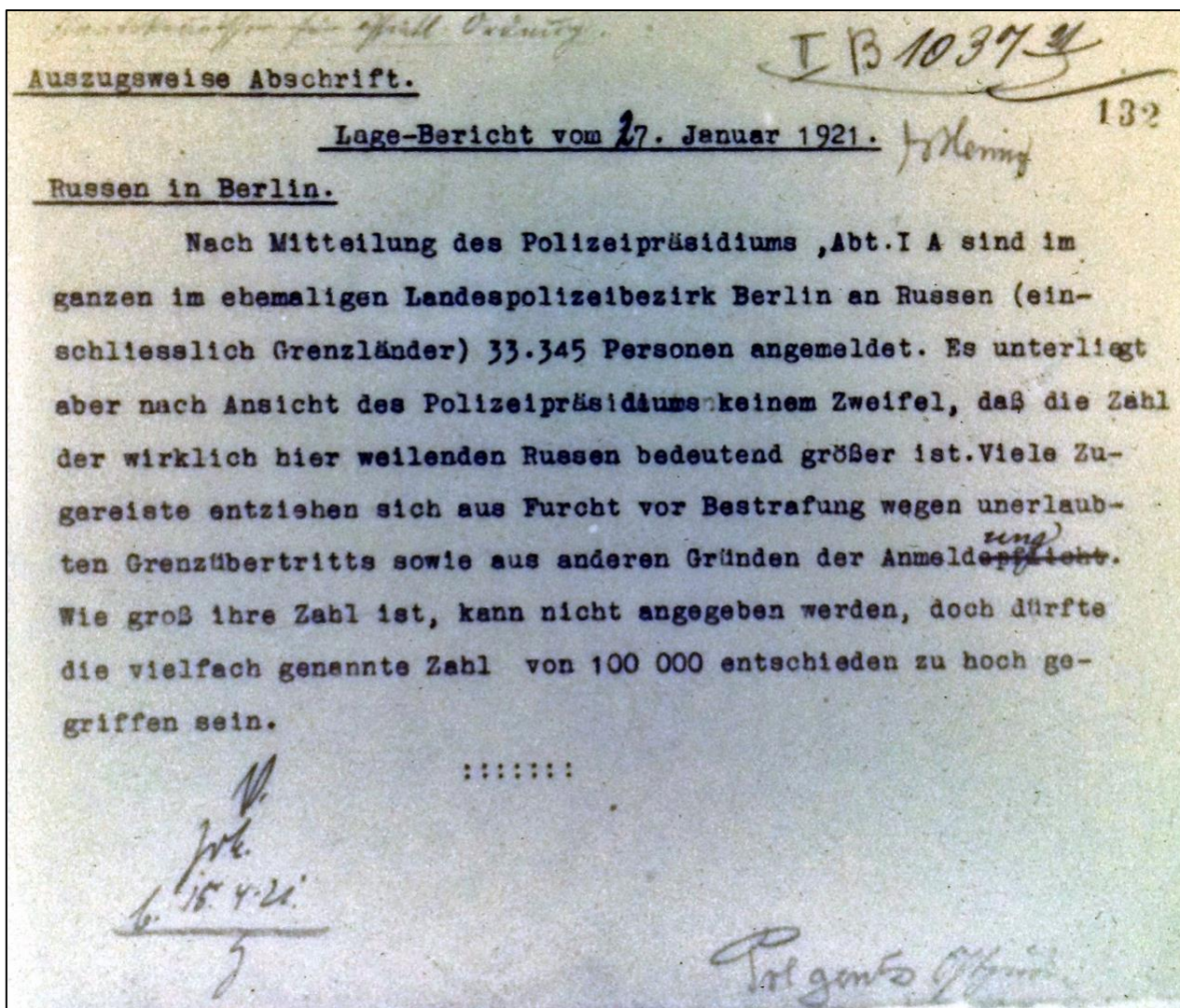
¹⁶⁸ GStA PK. I HA Rep. 77. Tit. 1811, Nr. 120. Bl. 70.

¹⁶⁹ Документ представляет собой краткое сообщение, видимо, составленное по запросу министерства внутренних дел. Так как министерство занималось проблемами, вызванными массовым притоком иностранцев в Берлин, вероятно, подобные запросы направлялись полиции регулярно, но других подобных ответов в архивах нами обнаружено не было.

¹⁷⁰ Lage-Bericht vom 27. Januar 1921 // BArch (Bundesarchiv Berlin). R 1501. Nr. 114050. Bl. 132.

¹⁷¹ С.И. Левин. Иностранцы в Германии // Руль. 1924. 9 марта.

из-за роста дороговизны, и в том числе русские. То же самое он повторил в феврале 1924 года¹⁷².

Сообщение от 27 января 1921 г. (Lage-Bericht vom 27. Januar 1921 // BArch. R 1501. Nr. 114050. Bl. 132).

Никто не мог знать ситуацию точнее, чем чиновники полицей-президиума, наладившие хотя бы несовершенный учёт русских и преследовавшие нелегалов. Служебная деятельность позволяла им оценить количество иностранцев в городе более трезво, чем самим иностранцам. Эмигранты же плодили слухи о своём числе чрезвычайно легко. 27 октября 1920 г. (т.е. всего за три месяца до сообщения полицей-президиума о 33 345 зарегистрированных русских) председатель Комитета по делам русских беженцев в Германии Ф.В. Шлиппе заявил на заседании Комитета, что «по сведению Полицей-Президиума», в Берлине «насчитывается 200 000» русских¹⁷³. С учётом документа самого полицей-президиума становится очевидно, что данные о 200 тыс. Ф.В. Шлиппе точно

¹⁷² Иностранцы в Германии // Руль. 1924. 26 февраля.

¹⁷³ [Выписка из протокола 2-го заседания Комитета по делам русских беженцев в Германии от 27 октября 1920 г.] // ГАРФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

получил не от полиции, на которую сослался. Интересно, что в конце заседания Комитет постановил просить Красный Крест об ассигновании до 1500 ф. ст. в связи с «тяжкой нуждой сотен тысяч пребывающих в Германии русских беженцев». Надо полагать, цифра в 200 тыс. страждущих более убедительна при ходатайстве о деньгах, чем реальные данные полиции о менее чем 100 тыс.¹⁷⁴

Для организаций русских беженцев преувеличения характерны – в поисках финансирования они изыскивали все возможные аргументы, и высокая численность, конечно, была одним из них. Так, при решении в Лиге Наций вопроса о создании Верховного комиссариата по делам русских беженцев самым веским доводом в пользу этого шага стало утверждение об огромных масштабах эмиграции¹⁷⁵. Стремление эмигрантов увеличить объём благотворительной помощи и политической поддержки международных организаций и национальных правительств в объяснении не нуждается.

Те немногие документы, касающиеся эмиграции, что уцелели в берлинских архивах, показывают, что в отличие от эмигрантских газет и организаций городские чиновники в 1921-1924 гг. не предполагали, что русских беженцев в Берлине может быть больше 100 тыс., а цифра в 300 тыс. не упоминалась даже в предположительном ключе. Позднее численность Русского Берлина неуклонно снижалась, а сведения о «сотнях тысяч» покинули даже газеты и ушли в прошлое.

Дополнительную трудность при попытке определить численность эмигрантов в Германии и других странах Европы представляет вопрос о том, сколько из бывших подданных России, оказавшихся в этой стране, не причисляли себя к эмигрантскому сообществу. Очевидно, это были не только советские граждане, приезжавшие по служебным делам, и не только польские евреи и балтийские немцы, переехавшие ещё в 1881 – 1914 гг. Это могли быть также бывшие пленные, оставшиеся за границей по личным причинам (к примеру, нередко пленные завязывали романтические отношения с немками), или русские, что прибыли в Германию до 1917 г. Характерно, что Роман Гуль в мемуарах так говорит об одном таком соотечественнике, киевлянине Будовском, с которым познакомился в Берлине: «Не думаю, чтобы он был эмигрант. Давно жил в Германии, немецкий подданный, занимал большое положение не то у Сименс-Шуккерт, не то у Симменс-Гальске»¹⁷⁶. Статистика редко учитывает самовосприятие отдельных

¹⁷⁴ Ни Шлиппе, ни полицей-президиум в документах не поясняют, что они поднимают под «русскими» - всех бывших граждан Российской империи или за исключением польских евреев и русских немцев.

¹⁷⁵ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 59.

¹⁷⁶ Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Т.1: Россия в Германии. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 408.

представителей эмигрантских сообществ. Для Гуля, Бунина и многих других эмигрантов само понятие «эмигрант» в то время было неразрывно связано с революцией, Гражданской войной и, как следствие, приобретало политический оттенок. Эту особенность заметил историк М. Раев, который считал условной границей формирования эмигрантского сообщества 1919 год и даже определял русского эмигранта как «человека, который отказался принять новый большевистский режим» и потому покинул родину. «Тотальное неприятие советского режима, - пишет Раев, - во многих случаях самой революции и ожидание возвращения домой (...) поддерживали беженцев в их эмигрантской идентичности»¹⁷⁷. Это отличало «первую волну» от прочих миграционных потоков и делало эмигрантов довольно замкнутым сообществом.

Отделить *эмигрантов* в этом политизированном смысле слова от других выходцев из Российской империи практически невозможно, если иметь дело со статистикой, тем более несовершенной: даже если бы мы точно знали, что в Берлине в начале 1920-х гг. проживало 100 или 120 тыс. русских, то не представляли бы, сколько из них следует отнести не к «эмигрантам», а к каким-то иным категориям. Речь, очевидно, может идти даже о десятке тысяч людей или более. Характерный пример – уже упомянутые бывшие военнопленные. Источники не позволяют ответить на вопрос, какая часть из них вошла в часть эмигрантского сообщества; не позволяют они и сделать уверенную оценку их численности. В 1921 году, незадолго до возвращения последних пленных в Россию, советское Бюро по делам военнопленных в Германии зарегистрировало 3,5 тысячи человек, включая жён и детей, которые по политическим или личным причинам отказались возвращаться домой¹⁷⁸. Немецкий историк К. Шлөгель предполагает, что в действительности в Германии осталось 15-20 тысяч пленных¹⁷⁹, правда, подкрепляет это ссылкой на данные того же 1921 г., тогда как последние пленники уехали в Россию позднее, в 1922 г. Таким образом, оставшиеся пленные, что ощущали себя эмигрантами, могли составить небольшую долю Русского Берлина, но какую - неизвестно. То же касается трудовых мигрантов – по данным историка У. Херберта, специально изучавшего занятость иностранцев в Германии в этот период, в индустрии и особенно сельском хозяйстве трудились в основном не русские, а поляки и так называемые «восточные евреи»¹⁸⁰ (*Ostjuden*¹⁸¹), некоторые из которых могли в прошлом быть подданными Российской

¹⁷⁷ Raeff M. *Russia Abroad...* P. 5 – 7, 16.

¹⁷⁸ Нагорная О.С. «Другой военный опыт»... С. 146.

¹⁷⁹ Schlögel K. *Op. cit.* S. 237.

¹⁸⁰ Herbert U. *Geschichte der Ausländerbeschäftigung in Deutschland 1880 bis 1980: Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter.* Berlin; Bonn; Dietz, 1986. S. 114-118.

¹⁸¹ *Ostjuden* - еврейские беженцы из Польши и Галиции, жители местечек, сохранявшие традиционный образ жизни, иудаизм и идиш. Русские евреи, жившие за чертой оседлости, такие, как И.В. Гессен, считали себя принадлежавшими к

империи и даже учитываться в начале 1920-х гг. как «русские». Как и в случае с пленными, их нельзя однозначно идентифицировать как эмигрантов или, наоборот, исключить из этого сообщества; следует, однако, иметь в виду, что в Русском Берлине могло оказаться и какое-то количество (впрочем, определённо незначительное) трудовых мигрантов.

§ 1.3. «Пирамида без основания»: социальный и национальный состав русской «колонии» в Берлине

Уточнению социального состава Русского Берлина историки также по разным причинам уделяли прежде недостаточное внимание, что препятствует более обоснованной оценке процессов и результатов адаптации эмигрантов (во многом это обусловлено скудной источниковой базой и нехваткой статистических данных). Существующая на сегодня историческая литература всё ещё остается плохим помощником – исследователи русской эмиграции, как правило, оставляют проблему её социального, демографического и национального состава без должного внимания, приводят противоречивые сведения или, что ещё хуже, ошибочные данные. В этом отношении показательна работа 1999 г. под названием «Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг.»¹⁸². Её авторы столкнулись с вопросом социального состава русской эмиграции в Германии и сослались на монографию немецкого историка Х. Фолькманна. Используя приведённую на восьмой странице этого труда таблицу, они прокомментировали её так: «Немецкий исследователь Х. Волкман оценивал относительный социальный состав российской эмиграции в Германии следующим образом....» [*далее следует таблица, которую мы воспроизводим чуть ниже – К.К.*]¹⁸³

Читатель вводится этим ошибочным комментарием в заблуждение, так как полагает, что в историографии существуют сведения о составе русской эмиграции в Германии в начале 1920-х гг., полученные, вероятно, с помощью статистических методов. В действительности же авторы «Трёх столиц», судя по всему, неверно перевели текст Фолькманна. Немецкий исследователь не оценивал состав русской эмиграции в Германии, а, напротив, констатировал отсутствие статистических данных: «...точной сводки представленных в эмиграции в Германии профессий, к сожалению, не имеется» (“eine genaue Zusammenstellung aller in der Emigration vertretenen Berufe gibt es für Deutschland leider nicht...”¹⁸⁴). Приведённая немецким историком таблица на самом деле относится к

русской культуре и русскому эмигрантскому сообществу и не воспринимались как Ostjuden. См.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин. С. 79 – 81.

¹⁸² Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания...

¹⁸³ Там же. С. 67.

¹⁸⁴ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland... S. 8.

составу русской эмиграции в 1922 г., но не в Германии, а на Кипре и в Египте. Фолькманн обратил внимание на данные, полученные там британцами путём анкетирования 5,5 тысяч эмигрантов, и использовал их как иллюстрацию состава русской эмиграции в целом. По сведениям британцев, в проанализированном ими русском сообществе в начале 1920-х гг.:

*преобладали коммерсанты, инженеры, клерки (26,8%),
профессора и студенты (20%),
военные (15,8%),
ремесленники, кустарные мастера и мелкие торговцы (12,5%)
немало насчитывалось крестьян (11,3%),
представителей свободных профессий – т.е. творческой интеллигенции (7,2%),
меньше – служащих (6,4%)
и рабочих (2,2%)¹⁸⁵.*

При этом сам Фолькманн заметил, что результаты анкетирования британцы подсчитали небрежно, так как указанная таблица в общем даёт не 100, а 102,2%, что вызывает недоверие к этим сведениям в целом. Фолькманн, в свою очередь, почерпнул их из французского журнала “Revue de Sciences Politiques”. В 1922 г. некий Б. Никитин опубликовал в нём статью «Русская эмиграция». Четыре десятилетия спустя Фолькманн обнаружил и процитировал приведённую выше таблицу, причём сделал он это не на родном для себя немецком, а на языке источника. В связи с этим авторы «Трёх столиц» допустили затем ещё одну ошибку, переведя франц. artisans (ремесленники) как «артисты». Вдобавок ко всему сразу после цитирования таблицы они сделали следующий вывод: «Таким образом, по информации Х. Волкмана, от 75 до 80% русских эмигрантов принадлежали к состоятельным и интеллигентным кругам», что, конечно, вовсе не следует из приведённых цифр.

Данная таблица, однако, сама по себе сомнительна, даже без учёта возможных языковых и иных ошибок. Б. Никитин не раскрыл, какими именно британскими организациями и как проводилось анкетирование русских эмигрантов, не сослался на какое-либо британское издание. Опубликованные им сведения не сопровождались информацией, позволяющей проверить или оценить их достоверность¹⁸⁶.

«Историографические приключения» таблицы из статьи Никитина 1922 г. демонстрируют распространённую в исторической науке проблему: сомнительные сведения кочуют из работы в работу и по пути «обрастают» новыми ошибками. Историк рискует эти ошибки процитировать и опереться на ненадёжные данные. В исторических исследованиях эмиграции подобная ситуация обнаруживается прежде всего в попытках

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Nikitine B. L'Emigration Russe // Revue des Sciences Politiques. 1922. № 45. P. 191.

дать оценку количественных характеристик эмигрантских сообществ (численность, состав и их динамика).

Объективная причина этой проблемы – отсутствие надёжной (а чаще вообще какой бы то ни было) статистики. В этих условиях идея Фолькманна (использовать данные о русских «колониях» в других странах) имеет рациональное зерно и заслуживает внимания. Приведённые немецким историком сведения не относятся к Германии, но всё же имеют ценность, так как дают представление об эмиграции вообще и могут быть до некоторой степени проверены путем сравнения с другими данными подобного рода. К тому же, в начале 1920-х гг. эмиграция в Европе по своему составу была в целом однородной: исход из России определялся общими факторами и произошёл в краткие сроки, поэтому состав русского сообщества в Египте в 1922 г. мог иметь схожие черты с составом русских беженцев в Германии и других странах.

Ещё одно анкетирование, о котором нам известно – исследование Земгора и Отдела труда Державной комиссии КСХС (Югославии) в 1921 г. В 1999 г. ИВИ РАН опубликовал данные анализа более 935 анкет эмигрантов среднего и пожилого возраста (более 50% от общего числа). К сожалению, мы не знаем, как формировалась выборка. Профессиональная структура выборки не исследовалась, тем не менее полученный результат представляет интерес:

*90,3% анкетированных составили православные,
4,4% - христиане других конфессий;
5,3% - приверженцы иных религий;*

*25,1% обладали высшим образованием,
38,7% - средним,
14,3% - начальным,
3% - неграмотных;*

*49,9% были женаты,
39,6% холосты,
5,4% составили вдовы.*

Исследовались также демографические и трудовые характеристики - 28,9% анкетированных эмигрантов оказались инвалидами, не были способны трудиться физически или вообще как бы то ни было; больше половины анкетированных (79,4%) являлись мужчинами. При этом большая часть опрошенных не имела в данный момент работы (741 человек). Среди детей мальчики также преобладали, число их было вдвое больше. Дети до 16 лет в целом составляли меньшинство (8,4%)¹⁸⁷. Данные анкетирования в Югославии в 1921 г., как и данные о профессиональном составе 1922 г., опубликованные Б. Никитиным,

¹⁸⁷ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 322-328.

могут рассматриваться как приблизительные, дающие некоторое представление об эмиграции, в том числе о русских в Германии и конкретно в Берлине; в свою очередь, их дополняют и уточняют наблюдения отдельных эмигрантов и эмигрантских организаций в этой стране.

Проще всего дело обстоит с национальным разнообразием: этот вопрос в 1925 г. изучали немецкие статистики. В уже упомянутом сборнике «Statistik des deutschen Reichs», Vol. 401 (Berlin, 1930) указано, что из 250 тыс. бывших граждан России, живших в Германии в 1925 г., 80 тыс. были русскими. Другими крупными группами были евреи (63,5 тыс.) и немцы (около 59 тыс.).¹⁸⁸ Эти данные, однако, не описывают исключительно состав эмиграции «первой волны», так как не делят «бывших граждан России» на приехавших до или после 1917 года. Более интересны сведения работавшей в Берлине с 1920 г. русской Амбулатории, которая вела статистику своих пациентов, в том числе национальную. В 1920 – 1934 гг. клиника приняла 171 955 посещений (в среднем один пациент делал 6-7 визитов), и получилось несколько иное соотношение: 107 569 русских (62,5%), 31 826 немцев (18,5%), 19 332 еврея (11,2%), 6 320 украинцев (3,6%), небольшое число татар (1,6%), жителей Кавказа (1,6%) и прочих национальностей¹⁸⁹. Более высокую долю немцев и евреев в немецкой статистике можно объяснить тем, что далеко не все выходцы из России этих национальностей причисляли себя к эмигрантам (особенно те, что переехали в Германию ещё до 1917 г.), входили в их сообщество и пользовались его организациями. Тем не менее число этнических немцев и евреев в эмиграции довольно велико, и велико было их значение. Их интегрирующую роль в отношениях с немецкими властями и внутри диаспоры подчёркивает и немецкий историк К. Шлёгель¹⁹⁰. Среди евреев насчитывалось множество представителей так называемых свободных профессий, предполагающих независимый образ профессиональной деятельности и их зримое присутствие в общественной жизни – адвокатов, врачей, литераторов.

В литературе реже упоминалось о присутствии в составе русской эмиграции в Берлине украинцев. Украинцы создавали свои объединения, а среди русских, «колонию» которых они не покидали, подчас подчёркивали именно украинскую идентичность. Значительную численность украинцев подтверждают не только данные берлинской русской Амбулатории, но и документы русского благотворительного общежития «Станица» в Берлине (по адресу Neue Königstr. 21). Общежитие принимало в начале 1920-

¹⁸⁸ Williams R.C. Culture in Exile... P. 112.

¹⁸⁹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год. Л. 7.

¹⁹⁰ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал... С. 159 – 160.

х гг. на ночлег эмигрантов, оказавшихся в столице Германии без средств и крыши над головой. Сотрудники администрации регулярно записывали, сколько мужчин, женщин и детей и какой национальности они приютили. Так, с 1 июня по 31 декабря 1920 г. в «Станице» ночевали 671 человек: из них 636 мужчин, 25 женщин и 10 детей; 449 русских, 132 еврея, 79 украинцев, 6 немцев и 5 представителей других национальностей¹⁹¹. Примерно те же пропорции (подавляющая численность взрослых мужчин, доминирование русских, заметная доля украинцев (около 15%) и евреев) в составе гостей общежития наблюдались в 1920 – 1923 гг.¹⁹² Правда, в данном случае нужно сделать поправку на тот факт, что в «Станице» жили в основном недавно прибывшие в Берлин бывшие солдаты и офицеры белых армий¹⁹³, так как их положение в эмиграции было особенно тяжёлым из-за обстоятельств бегства из России и отсутствия гражданских трудовых навыков. Это объясняет и практически полностью мужской состав жителей «Станицы».

В эмиграции в целом доля женщин, очевидно, была больше, чем среди посетителей «Станицы», но всё же уступала мужской. Высокая доля воинских контингентов в эмиграции нарушает нормальную демографическую структуру. Стабильный преимущественно мужской состав русской колонии в Берлине подтверждают и данные Русской Делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии. Эта берлинская организация до 1924 г. имела право наряду с германской полицией выдавать эмигрантам удостоверения личности¹⁹⁴ (их затем чаще стали заменять «нансеновскими паспортами»). С 10 октября по 31 декабря 1919 г. Делегация выдала 203 паспорта, из них 125 лицам мужского пола и 78 – женского. В 1920 г. – всего 1815 паспортов, из них 1328 – мужчинам и 487 – женщинам¹⁹⁵. Таким образом, в отношении полового состава имеющиеся сведения показывают схожесть эмиграции в Германии и Югославии в тот же период.

В отношении возрастного состава статистических данных также немного, известные нам сведения позволяют предположить, что результаты анкетирования в Югославии репрезентативны и по этому вопросу. Судя по всему, состав эмиграции в Германии был похожим (детей и стариков в эмиграции вообще, очевидно, насчитывалось немного). В 1922 г. Земгор попытался дать оценку численности детей в Германии. Земско-городской Комитет и Комитет помощи русским детям в Германии зарегистрировали только 512 детей, из них 169 – дошкольного возраста. Но большая часть регистрацией была не охвачена – общее

¹⁹¹ [Отчётная ведомость общежития «Станица» при «Обществе помощи русским гражданам в Берлине»] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 21. Л. 141.

¹⁹² [Отчётные ведомости общежития «Станица»] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 21. Л. 120 – 151.

¹⁹³ [О книгах для жителей «Станицы»] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

¹⁹⁴ Williams R.C. Culture in Exile... P. 145.

¹⁹⁵ [Русская Делегация по делам военнопленных и беженцев в Германии – В Комитет по делам русских беженцев в Германии, 10 декабря 1920 г.] // ГАРФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

количество детей в Германии, по предположению Земгора, составляло всего «несколько тысяч»¹⁹⁶, т.е. также до 10%. Примерно такое же соотношение наблюдала в Берлине Русская Делегация по делам военнопленных и беженцев в Германии. Детям паспорта не выдавали, поэтому точных данных об этом у организации не было, однако сотрудники её сделали в отчётных документах за 1920 год важную пометку: «Малолетние заносятся на паспорта родителей, а потому определить точное число их в данное время затруднительно, в процентном отношении следовало бы считать примерно 10%»¹⁹⁷.

Профессиональный и сословный состав также можно восстановить лишь по умозрительным наблюдениям современников. Как правило, они отмечали пестроту эмигрантского сообщества – тут были представители всех групп населения Российской империи. Та же Русская Делегация в Берлине сообщала в 1924 г., что эмигрантская масса «крайне разнообразна по общественному положению, религии и партийной принадлежности...»¹⁹⁸. Еженедельник Высшего Монархического Совета в Берлине 5 (18 июня) 1922 года (№ 44) писал о том же: «Русская эмиграция – (...) оторвавшиеся от материка сплошные куски населения. (...) Сословно тут все сословия, профессионально все профессии, этнографически все племена, все языки. Немец-колонист, кавказский горец, татарин, выходец Поморья. Политически представлены все партии, от абсолютистов до меньшевиков и левых эсеров включительно – вся клавиатура Государственной Думы»¹⁹⁹. О соотношении сословий, «племён» и партий газета судить не решилась.

Общепринятой и не требующей тщательной аргументации точкой зрения на русскую эмиграцию в Германии стало представление о ней как о сообществе, в котором невысокую долю составляли представители низших слоев российского общества – рабочие и крестьяне. Этому не противоречат ни данные анкетирования в Югославии в 1921 г., ни сведения Б. Никитина 1922 г. об эмигрантах на Кипре и в Египте. В источниках всех категорий, относящихся к истории русской эмиграции в Германии, представители крестьян и рабочих встречаются редко. Безусловно, они составляли численно незначительную и малозаметную в публичном пространстве группу: в основном это бывшие военнопленные и солдаты белых армий, по разным причинам оставшиеся в Германии (речь идёт, как мы выяснили ранее, максимум о нескольких тысячах человек²⁰⁰). Лишь изредка их присутствие отражается в

¹⁹⁶ [Справка о количестве русских детей в Германии] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 11. Л. 109.

¹⁹⁷ Русская делегация по делам военнопленных и беженцев в Германии, 10 декабря 1920 г. – в Комитет по делам русских беженцев в Германии // ГАРФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

¹⁹⁸ Осведомительное сообщение о положении «Организации защиты интересов русских беженцев в Германии» и «Русской Делегации в Берлине» // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1210. Л. 9.

¹⁹⁹ [Газетная вырезка] // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 118. Л. 126.

²⁰⁰ Колосова В.О. Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922) // Проблемы истории Русского зарубежья. Вып. 1. С. 144 – 145.

документах, связанных с прошениями о немецком гражданстве. Так, в 1929 г. прусское гражданство запросил Николай Артеев (1889 г.р.), крестьянин из Архангельской губернии. Артеев попал в плен, содержался до 1921 г. в лагере Альтдамм, и уже в Пруссии познакомился с дочерью местного фермера. Они поженились, родилось двое детей, бывший военнопленный выучил немецкий язык, и, конечно, уже не помышлял о возвращении в Россию²⁰¹.

Среди эмигрантов было и относительно немного людей, сумевших сохранить и перевести за рубеж свои капиталы. Доля экономически состоятельных оставалась невысокой, как и в российском обществе до 1917 г. Зато доля образованных – существенно выше. По оценкам Лиги Наций²⁰², 75% эмигрантов имели среднее образование, многие и высшее (до 15%)²⁰³. Историки К. Шлёгел и Й. Олтмер также пишут о высокой доле образованных и в прошлом привилегированных слоёв в русской диаспоре – при этом Шлёгел подчёркивает, что в Русском Берлине тем не менее представлены и влияли на жизнь сообщества все слои общества Российской империи²⁰⁴, в том числе люди невысокого достатка и статуса. Речь идёт не только о военнопленных или бывших солдатах белых армий. Некоторые состоятельные эмигранты увлекали за собой из России и прислугу. По выражению Н.Н. Чебышева, бывшие денщики и няньки «перекочевали с господами за границу»²⁰⁵. В частности, так поступила семья Татьяны Васильчиковой, с которой в Германию приехала няня. Когда деньги стали заканчиваться, Васильчиковым пришлось с ней расстаться, а ей, скорее всего, самостоятельно о себе заботиться²⁰⁶. Так же в Берлин приехала няня семьи Гулей Анна Григорьевна – ей, однако, в Германии не понравилось, немецкого языка она не знала, скучала по русским обычаям и людям, и вернулась в Вырыпаево²⁰⁷.

Нельзя не указать отдельно на долю интеллигенции - концентрация её была в эмиграции выше, чем в России, но всё же интеллигенция не стала численно преобладающим слоем эмиграции. Формируя немецкую столицу как русский культурный центр, интеллигенция являлась *наиболее заметной* социальной группой в Берлине, что отражается в мемуарах эмигрантов: об интеллигенции часто оставляли довольно подробные сведения при описании русской «колонии». К примеру, А. Андреев так вспоминал 1922 г.: «Берлин

²⁰¹ Verzeichnis über die auf Grund des § 8 des Gesetzes v. 22.7.1913 beabsichtigte Einbürgerung des Landarbeiters Nikolay Artejeff // GStA PK. I HA Rep. 77. Nr. 5817. Bl. 1 – 3.

²⁰² Данные Лиги Наций о числе и составе эмиграции из-за трудностей статистических наблюдений тоже всегда были приблизительны.

²⁰³ Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 36.

²⁰⁴ См. Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 262; Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал... С. 153.

²⁰⁵ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 26 мая.

²⁰⁶ Metternich T. Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976. S. 36

²⁰⁷ Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Т.1: Россия в Германии. С. 342.

оказался наводнённым русскими интеллигентами – философы, писатели, музыканты, художники [...], [русских] перед Европой представляют Алексей Толстой, Ремизов, Андрей Белый, Карсавин, Франк, Степун, Айхенвальд, Шкловский, Марина Цветаева, Эренбург, Ходасевич, Осоргин, Зайцев»²⁰⁸. Упомянутый Андреевым Фёдор Степун в статье «Патриоты в изгнании» тоже указывал на большую долю интеллигенции и буржуазии в эмиграции²⁰⁹. Андреев использует для описания других слоёв эмиграции характерную и многое объясняющую формулировку: они «служили фоном» для интеллигенции²¹⁰. Активность в эмигрантском сообществе, бурная издательская деятельность и художественное наследие русского Зарубежья (и в том числе Русского Берлина) долгое время ставили интеллигенцию и в центр внимания исследователей эмиграции²¹¹, хотя численность этой социальной группы в относительном выражении не могла быть подавляющей.

Социальная структура эмиграции «первой волны» в течение 1920-х гг. менялась, вероятно, незначительно, в результате естественных демографических процессов и очень небольшого притока новых эмигрантов из России. Данных об изменении состава русской эмиграции в Германии во второй половине 1920-х и в 1930-х гг., после массового выезда эмигрантов в другие страны с конца 1923 г., очень немного²¹². Нет и надёжных сведений о трансформации социально-профессиональной структуры эмиграции, связанной с процессом трудовой адаптации.

Историк К. Шлэгель полагает, что в эмиграции преобладали городские образованные слои²¹³, люди, пользовавшиеся в Российской империи высоким социальным статусом, доходом и привыкшие к относительно высокому уровню жизни. Наши наблюдения не противоречат этому суждению, однако речь идёт далеко не только о бывшей элите русского общества. Большинство эмигрантов – торговцы, ремесленники, офицеры, предприниматели разного уровня, интеллигенты, клерки, студенты, работники сферы услуг. Они же составляли основу социально-экономической жизни русской колонии в Берлине. Эмигрантский миф, который долгое время опирался на представление об эмиграции как дворянско-интеллигентском сообществе, даже вышел за пределы эмиграции. Согласно образному выражению дипломата Виперта фон Блюхера (в то время советник и референт германского министерства иностранных дел), русская эмиграция

²⁰⁸ Андреев В. Указ. соч. С. 55.

²⁰⁹ Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 152.

²¹⁰ Андреев В. Указ. соч. С. 55.

²¹¹ Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях... С. 173.

²¹² Некоторые имеющиеся сведения приводятся в Главе 3.

²¹³ Schlögel K. Op. cit. S. 240.

представляла собой социальную пирамиду, лишённую основания, от которой осталась только верхушка²¹⁴. Однако эта запоминающаяся метафора лишь отчасти отражает действительную картину. Состав русской эмиграции соответствует обстоятельствам исхода из России и условиям Гражданской войны. Социальные группы, больше других опасавшиеся террора советской власти, составляли подавляющую долю беженцев, но страх коснулся, разумеется, не только крупных предпринимателей, дворянства и интеллигенции. В самом деле, средняя и крупная буржуазия, дворяне, офицерство²¹⁵ и интеллигенция были заметнее других категорий беженцев в публичном пространстве эмиграции. Тем не менее следует учитывать, что стихия исхода из России увлекла за рубеж представителей всех слоёв русского общества.

²¹⁴ Doderhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 11.

²¹⁵ «Офицерство» в данном контексте представляет ещё одну проблему, так как и офицерство было, в свою очередь, довольно разнородно по социальному составу (офицеры военного времени, офицеры гражданской войны, довоенные кадровые офицеры и т.д.).

Глава 2. Немцы и русские

§ 2.1. Анти-интеграционная политика германского правительства и всплеск ксенофобии в начале 1920-х гг.

Массовые перемещения беженцев по Европе после Первой мировой войны стали «новинкой» для своего времени, прежде эмиграция (например, после Великой французской революции, или революционная эмиграция из той же России во второй половине 19 – начале 20 вв.) по масштабам не приближалась к русскому и армянскому беженству новейшего времени. И если ранее от иностранцев при пересечении границ и выборе места жительства требовали в основном просто добропорядочного поведения, то отныне упрощение перемещений и их массовость, а также развитие пограничных и бюрократических структур требовали правового оформления миграции, до сих пор не существовавшего.

Собственно, само право здесь представляет интерес лишь постольку, поскольку его развитие оказывало непосредственное влияние на беженскую повседневность: передвижение, налогообложение, выбор жилья, право на работу, социальную защиту, медицину и так далее. Исследователь правовой адаптации русской эмиграции З.С. Бочарова изучила международный аспект этой проблемы и пришла к выводу, что правовой вакуум в течение 1920-х гг. постепенно заполнялся отдельными решениями Лиги Наций об определении статуса беженцев – «апатридов», то есть не имеющих подданства. Если иностранцев, бывших гражданами существующих государств, защищали международные соглашения и официальные представительства за рубежом, то «бесподданные» беженцы находились вне какой-либо государственной юрисдикции.

До появления в конце 1922 г. «нансеновских паспортов» (удостоверений личности, выдаваемых по стандартам, утверждённым Советом Лиги Наций, и принимаемых десятками государств) были затруднены как идентификация личности отдельных эмигрантов, так и урегулирование их передвижений и любых действий, требующих формальных процедур. Но и до, и после 1922 г. сохранялась своеобразная «правовая пестрота» в отношении беженцев. Как указывает Бочарова, «правовое положение продолжало в основном зависеть от доброй воли правительств, принявших их»²¹⁶, несмотря на некоторые усилия Лиги Наций, взявшей за попечение о беженцах. В связи с этим рассматривать правовое положение эмигрантов и его изменения в отрыве от внутренней политики отдельных государств можно только в самом общем ключе. Его анализ следует

²¹⁶ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину... С. 19.

конкретизировать, вписав в контекст взаимоотношений немецкого государства и общества, с одной стороны, и эмигрантов – с другой.

В 1919 – 1921 г. Германия отличалась относительной лояльностью в отношении российских беженцев и сравнительно легко допускала их на свою территорию. Требовалось лишь свидетельство легального въезда – виза (чего, однако, у многих из-за экстремальных обстоятельств перехода границы не было), и беженец мог, уплатив небольшую пошлину, получить германское удостоверение личности для иностранцев (а до 1922 г. – удостоверение личности т.н. Русской Делегации в Берлине, возглавляемой С.Д. Боткиным).

В указанный период для пребывания беженцев в Германии её правительством не создавалось специальных препятствий. Проблема переполненности Берлина иностранцами ещё не обострилась так, как в последующие годы. В отношении эмигрантов распространилась уверенность в их высокой роли в управлении новой Россией, когда падёт советский режим (на что, конечно, рассчитывали далеко не только беженцы). На это восприятие эмигрантов указывали И.В. Гессен²¹⁷, газета «Daily Telegraph» в 1920 г.²¹⁸, исследователи А.В. Винник, Н.А. Харина²¹⁹. Насчитывалось немало сторонников будущего союза Германии и России (вроде помогавшего многим эмигрантам профессора Берлинского университета доктора Отто Гётча), - бывавших в России до войны и убеждённых в «общности интересов Германии и России, ещё сцементированной общим несчастьем»²²⁰. Молодой эмигрант Григорий Чеботарев вспоминал об этом в схожих с И.В. Гессеном выражениях: «...общие несчастья привлекли к русским беженцам симпатии немцев и образовали между ними как бы невидимую связь – обе страны проиграли войну и обе страдали от последствий этого». Более того, давали о себе знать бывшие имперские настроения: «...немцы всех слоёв общества, с которыми я сталкивался в поездах или где-нибудь ещё, обычно переводили разговор на возможность нового раздела Польши между Германией и Россией»²²¹. Итоги войны, для России не менее разрушительные, чем для Германии, изменили в глазах многих немцев образ русского человека, избавили его от роли врага.

До заключения Рапалльского договора вопрос о будущем эмиграции и возможности участия её в политической жизни России оставался открытым, и сохранение добрых отношений с эмигрантами имело политический смысл для германских властей. Положение

²¹⁷ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 30.

²¹⁸ Английский корреспондент о русских в Берлине // Руль. 1920. 11 декабря.

²¹⁹ Винник А.В. Указ. соч. С. 363; Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы) // Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. С. 150.

²²⁰ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 30.

²²¹ Чеботарев Г. Правда о России... С. 359-360.

советской власти в России выглядело ещё непрочным, и казалась возможной перемена политического курса, поэтому ставку делали на эмигрантов. Правые круги и ряд германских промышленников интересовались русскими (к примеру, И.В. Гессеном, А.И. Гучковым, князем А.П. Ливеном и др.²²²). Интерес этот, конечно, питался не праздным любопытством, а экономическими и политическими расчётами²²³. Он, однако, оказался недолгим. В 1921 г. светлейший князь Ливен и принц Лёвенштайн-Вертхайм основали даже в Берлине русско-немецкий клуб, в котором несколько десятков человек, настроенных монархически, собирались для встреч и чтения докладов. Очень быстро – в том же году – деятельность клуба угасла.²²⁴ Как только стало очевидным устойчивое положение советской власти, эмигранты утратили образ будущей элиты России и соответственные преимущества. Немцы поняли, что беженцы едва ли будут играть какую-то роль²²⁵. В то же время факторы, стимулировавшие недоброжелательность к эмигрантам, напротив, постепенно усиливались. Верным выглядит утверждение историка Р. Вильямса, что германское правительство чувствовало уже в 1923 г., что эмиграция «ненадёжна» («unreliable») в политическом смысле²²⁶.

С увеличением числа русских, польских евреев, поляков²²⁷ и других беженцев, а также с обострением экономического кризиса в послевоенной Германии проблема эмиграции приобрела в дополнение к политическому экономическое значение. Мировая война завершилась, но мирное время не принесло немецкому населению ни подлинного спокойствия, ни восстановления экономики. Период до 1924 г. характеризовался усилением кризисных явлений, ухудшением ситуации на рынке труда и снижением уровня жизни. По мере того, как усугублялись экономические проблемы, начали распространяться среди

²²² Williams R.C. Culture in Exile... P. 184 – 185.

²²³ № 244. Рапорт начальника Русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-лейтенанта И.А. Хольмсена начальнику штаба Русской армии генералу от кавалерии П.Н. Шатилову о существующих в правительственных кругах Германии мнениях по русскому вопросу // Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 год. М.: Триада-Х, 2001. С. 442.

²²⁴ Nr. 1166. 29. August 1928. betrifft: Russisch-deutschen Club. // РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 104. Л. 33; прим.: в 1927 г. клуб на некоторое время возобновил свою деятельность – собирались т.н. «николаевцы» и немецкие монархисты, помогавшие русским (с тем же расчётом, что в 1921 г.).

²²⁵ Здесь стоит отметить, что немецкое общество, конечно, не было монолитным. Коммунисты и близкие к ним социал-демократы изначально рассматривали русских эмигрантов как классовых противников; в лучшем случае они относились к ним равнодушно, зафиксированы и случаи конфликтов. Так, во второй половине 1920-х немецкие троцкисты напали на редакцию русской кадетской газеты «Руль» в Берлине, разгромили помещение, избили заместителя главного редактора (Г.А. Ландау) и сбежали до прибытия полиции (см. Гессен И.В. Годы изгнания... С. 132.); а коммунистическая и социалистическая германская печать периодически подвергала «белых монархистов» публицистическим атакам. Воплощением этого стереотипа является яркая карикатура с изображением пьяных и поющих «Боже, царя храни» эмигрантов, опубликованная в 1924 г. знаменитым немецким художником Г. Гроссом (см. Приложение № 2). К чести карикатуриста, он не преувеличивал. По воспоминаниям Н.Н. Чебышева (тоже скорее монархиста), в одном берлинском русском заведении «денежная публика» именно так проводила время, и «каждый вечер кто-нибудь требовал от оркестра исполнения “Боже, царя храни!”» (Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 7 апреля.).

²²⁶ Williams R.C. Culture in Exile... P. 289.

²²⁷ Poniatowska A. Die Polen in Berlin // Zwischen Abgrenzung und Assimilation – Deutsche, Polen und Juden. Schauplätze ihres Zusammenlebens von der Zeit der Aufklärung bis zum Beginn des Zweiten Weltkrieges. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, 1996. S. 82-83.

берлинцев и враждебные по отношению к иностранцам настроения. Это происходило под влиянием ряда факторов, некоторые из которых стали особенно значительны в 1923 г., когда ксенофобия в Берлине достигла своего пика.

Иностранцев, которые испытали на себе недружелюбие немцев, в Берлине жило немало. Берлин тех лет был переполнен европейцами, американскими и скандинавскими дельцами, счастливыми обладателями валюты и бедными беженцами из Восточной Европы – восточноевропейскими евреями, поляками и русскими, венграми и румынами. Вследствие большого наплыва иностранцев возросла конкуренция на жилищном рынке и рынке труда, ухудшалась криминогенная ситуация в городе. В 1922-1923 гг. количество иностранцев достигло максимума, и тогда же своего апогея достиг экономический кризис. В результате носителями ксенофобии в той или иной степени стали самые широкие слои населения, включая и группы, придерживающиеся самых демократических взглядов.

На усиление ксенофобии влияло несколько факторов. Конечно, нельзя не отметить унаследованные от военного времени и пропаганды предубеждения против иностранцев, а также унижение Версальского мира. Но основные факторы сложились уже в послевоенное время, когда иностранцы стали особенно неприятными конкурентами. При этом речь шла об основных экономических и социальных благах – жилищах, работе и даже еде. Продовольственное положение долгое время после войны оставалась непростым. В Берлине начала 1920-х гг. время от времени власти ограничивали производство и продажу взбитых сливок и других десертов, кофе был дефицитным товаром, сигары производились, как в военные годы, из сушёных и пропитанных никотином капустных листьев, а в 1921 г. рейхсрату пришлось на какое-то время запретить изготовление пирожных из молока и молочных продуктов и использование при этом более 30% настоящей муки²²⁸.

«Катастрофа прикидывалась благополучием», - вспоминал И. Эренбург. Его «поразили в витринах магазинов розовые и голубые манишки, которые заменяли слишком дорогие рубашки»²²⁹. Но если отсутствие дорогих рубашек и качественных пирожных, удручавшее в основном привыкших к потреблению деликатесов представителей среднего класса, можно было легко пережить, то недостаток простых продуктов питания ощущали десятки миллионов жителей Германии. Эмигранты тоже заметили, что постепенно, и особенно в начале 1923 г., отели и пансионы вынуждены были ограничить рацион своих гостей – за ту же плату меньше подавали яиц, масла и мяса²³⁰. Ариадна Эфрон, оказавшаяся

²²⁸ Хроника // Руль. 1921. 20 февраля.

²²⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: том первый. М.: Советский писатель, 1990. С. 383.

²³⁰ Хроника // Руль. 1923. 21 января.

в Берлине в 1922 году, вспоминала, как «за табльдотом нашего пансиона нас кормили все уменьшавшимися порциями редиски, овсянки, лапши...»²³¹. В этих условиях многочисленные иностранцы действительно усугубляли проблемы обеспечения города, и обозначенные сложности не были лишь благовидным предлогом для ксенофобии. По оценке регирунгсрата Вальтера Бартельса, начальника Фремденамта²³² берлинской полиции, в Берлине к лету 1923 г. проживало уже до 600 тысяч иностранцев²³³, то есть около 15% всего городского населения.

Жилищная нужда стала также одним из сильнейших факторов враждебности к чужеземцам. В Берлин переселялись немцы, не находившие занятости в провинции. По данным прусского министерства внутренних дел, в 1920 г. около 80 000 семей в столице испытывали острую нужду в жилье²³⁴, в 1922 г. – около 200 тыс. человек²³⁵. В апреле 1923 г. в городе насчитывалось более 100 тыс. безработных и 116 тыс. зарегистрированных бездомных²³⁶. Начавшаяся так называемая «распродажа Берлина» вызывала на этом фоне особенное раздражение: многие из прибывающих в Берлин иностранцев не просто арендовали жилые помещения, но, имея валюту, за бесценок покупали дома у разорившихся немцев²³⁷.

Власти были вынуждены на несколько лет запретить иностранным гражданам покупку крупной недвижимости в городе, опасаясь перехода всех домов в их руки. В результате бедствия инфляционного времени иностранное владение недвижимостью достигло высоких показателей: к 1926 году 25% всей берлинской недвижимости (около 25 000 домов) принадлежало иностранцам²³⁸. Поучаствовали в феерической «распродаже Германии» и некоторые русские эмигранты, которым посчастливилось иметь достаточно валюты и деловой хватки. И. В. Гессен вспоминал: «У меня был знакомый, умудрившийся таким образом выстроить и отмеблировать отличную виллу в Груневальде²³⁹. А сколько домов, целыми кварталами, перешло из рук разорённого инфляцией среднего сословия к иностранцам, в том числе и к русским беженцам...»²⁴⁰. Не замечать «распродажу» было невозможно. Ещё один русский эмигрант, офицер Юрий Галич, тоже писал о том периоде:

²³¹ Эфрон А. Страницы воспоминаний. Париж: LEV, 1979. С. 92.

²³² Fremdenamt – отдел по работе с иностранцами.

²³³ Оречкин Б. Новый начальник Фремденамта о положении иностранцев // Руль. 1923. 15 июля.

²³⁴ [Abschrift. Reichsminister des Innern. Berlin, dem 20. Juli 1920] // GStA PK. I HA Rep. 84a. N. 15. Bl. 153.

²³⁵ Geschichte Berlins. Bd. 2. Von der Märzrevolution bis zur Gegenwart / hrsg. von Wolfgang Ribbe. München: Verlag C. H. Beck, 1987. S. 579.

²³⁶ Mann W. Berlin zur Zeit der Weimarer Republik. Ein Beitrag zur Erforschung der wirtschaftlichen und politischen Entwicklung der deutschen Hauptstadt. Berlin: Das neue Berlin, 1957. S. 69.

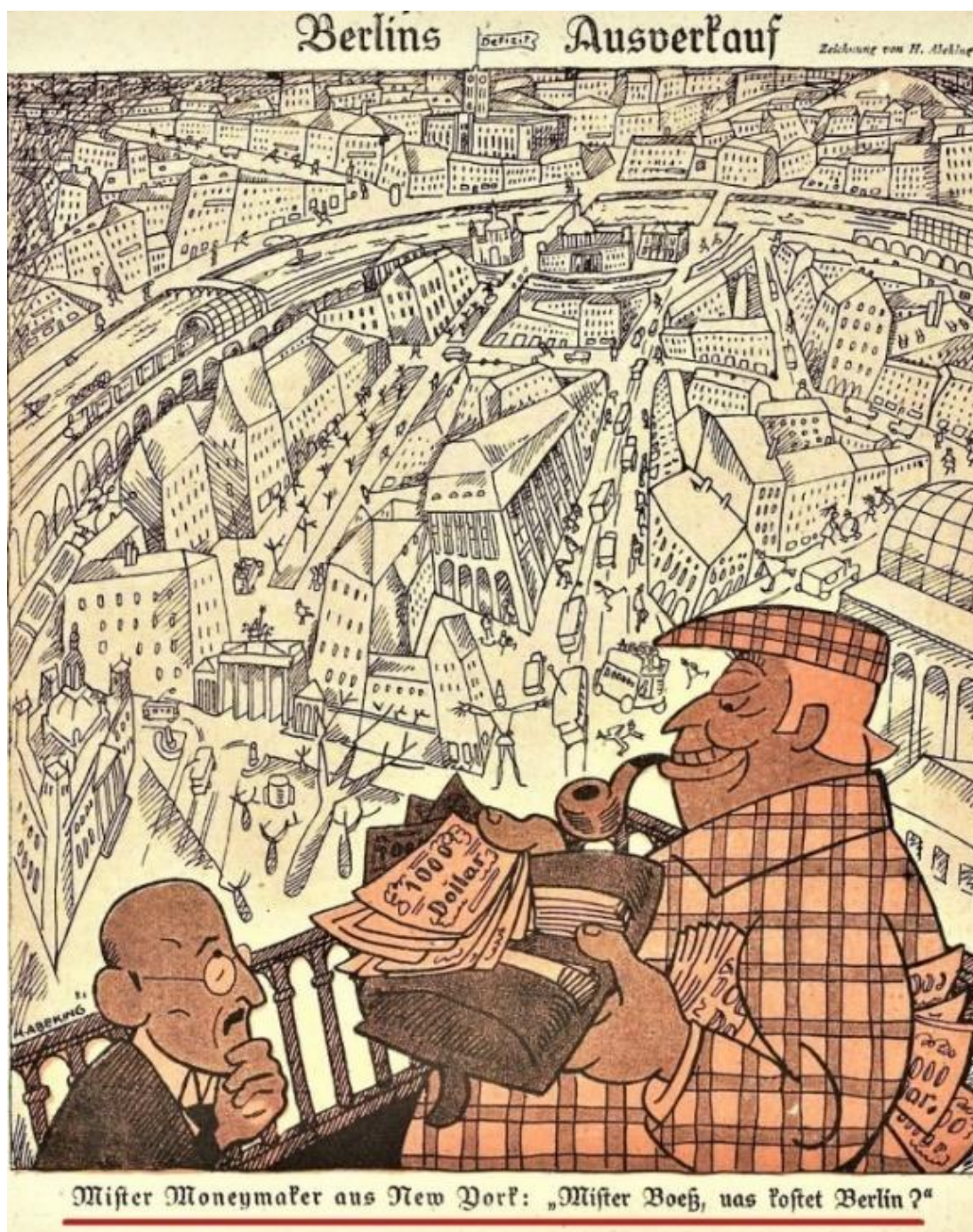
²³⁷ Левин С.И. Иностранцы в Германии // Руль. 1922. 26 февраля.

²³⁸ Хроника // Руль. 1926. 5 июня.

²³⁹ Пригород Берлина.

²⁴⁰ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 110 – 111.

«Валютная вакханалия ширится с каждым днём. Тучи иностранцев, привлечённые необычайно дешёвизной, слетаются в гигантский город со всех концов, представляя резкий контраст с обнищавшими немцами. Германия распродаётся оптом и в розницу»²⁴¹. Это явление неизбежно задевало национальные чувства жителей Берлина, уже обострённые поражением в войне и тяжёлыми условиями мира. На этом фоне обогащение иностранцев за счет сильнейшей инфляции марки при обеднении немцев вызвали резкое усиление ксенофобии (в том числе вылившейся на страницы газет).

Карикатура берлинской газеты "Ulk" «Распродажа Берлина». Мистер "Moneymaker" из Нью-Йорка спрашивает, «сколько стоит Берлин» (Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt). 1921. den 2. Dezember.).

²⁴¹ Галич Ю. Золотые корабли. Скитания. С. 290.

Так как в Берлине постоянно проживало до 100 тыс. русских эмигрантов, то и их отношения с немцами ухудшались. Приведём характерный пример этой перемены. Ещё в 1921 г., когда русских было уже много, но ещё не наступила гиперинфляция, крупная газета “Vossische Zeitung” писала о них благожелательно и призывала «задуматься кроме сиюминутных тягот о грядущих возможностях сотрудничества»²⁴². В 1923 г. настроение меняется, и газета публикует статью о том, как и почему иностранцы (и, по мнению негодующего автора текста, особенно русские) переполняют Берлин: «Но как это всё возможно, откуда у них [русских] здесь деньги? [...] Они приехали сюда, увидели побеждённый народ, подавленный Версальским миром, и без малейшей сентиментальности делали то, что только и могли делать люди, желающие оставаться на верхушке: трезво и бессовестно спекулировать на постепенном обрушении немецкой марки. [...] В Берлине довольно много людей, долго голодающих, но русских среди них нет»²⁴³. Другие европейцы и американцы вызывали такое же раздражение. Даже демократическая газета «Ulk», (а она была из числа немногих, выступавших против ксенофобии) регулярно печатала карикатуры на тему засилья иностранцев. Их персонажи – иностранцы, использующие несчастья Германии для обогащения, изображены рядом с борющимися за выживание берлинцами.

Помимо совершенно легальной «распродажи Берлина» и валютной спекуляции, иностранцев винили и в усилении криминального мира. С одной стороны, это обуславливалось тем, что многие из них незаконно пересекали границу²⁴⁴, для чего совершали коррупционные сделки и подделывали документы²⁴⁵. Это не значило, что все эти иностранцы были преступниками вообще: экстремальные условия перехода границы побуждали и законопослушных мигрантов совершать правонарушения²⁴⁶. Однако, как отметил историк К. Шлёгел, знание о нелегальных сделках на границе производит на общественное мнение определённый эффект: в результате гражданское общество склонно подозревать иностранцев в криминальной активности только потому, что они иностранцы²⁴⁷. К тому же, эти подозрения находили подтверждения в конкретных случаях, которые получали огласку, и заявлениях полиции. Так, в июле 1923 полиция сообщила, что количество иностранных воров в Берлине доходит до 10 000 (в основном из Галиции,

²⁴² Харина Н.А. Указ. соч. С. 149.

²⁴³ Russland in Berlin // Vossische Zeitung. 1923. den 13. Januar.

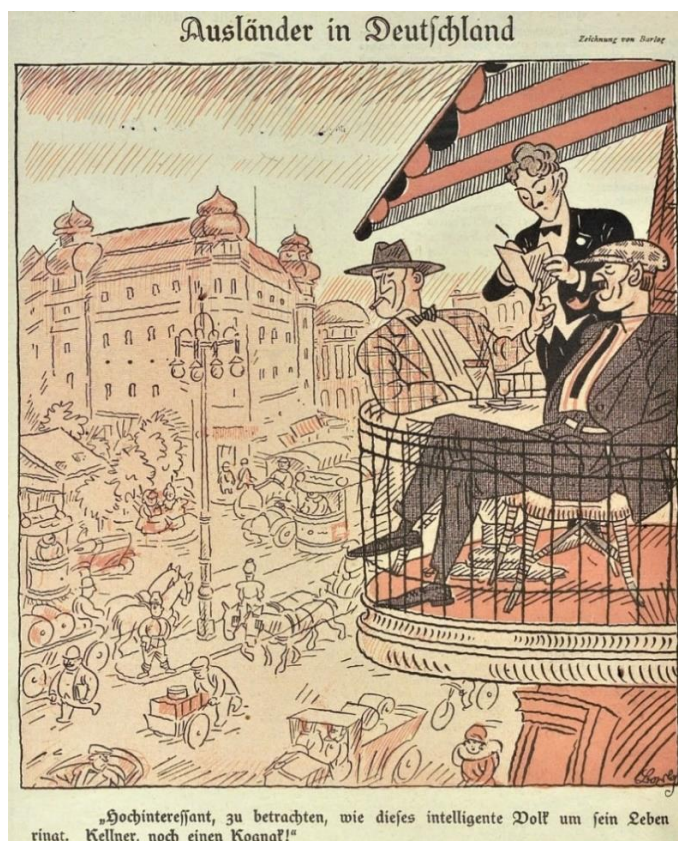
²⁴⁴ Русские в Германии // Руль. 1922. 5 января.

²⁴⁵ Новая фабрика фальшивых паспортов // Руль. 1922. 27 мая; Хроника // Руль. 1922. 28 ноября; Хроника // Руль. 1924. 6 апреля.

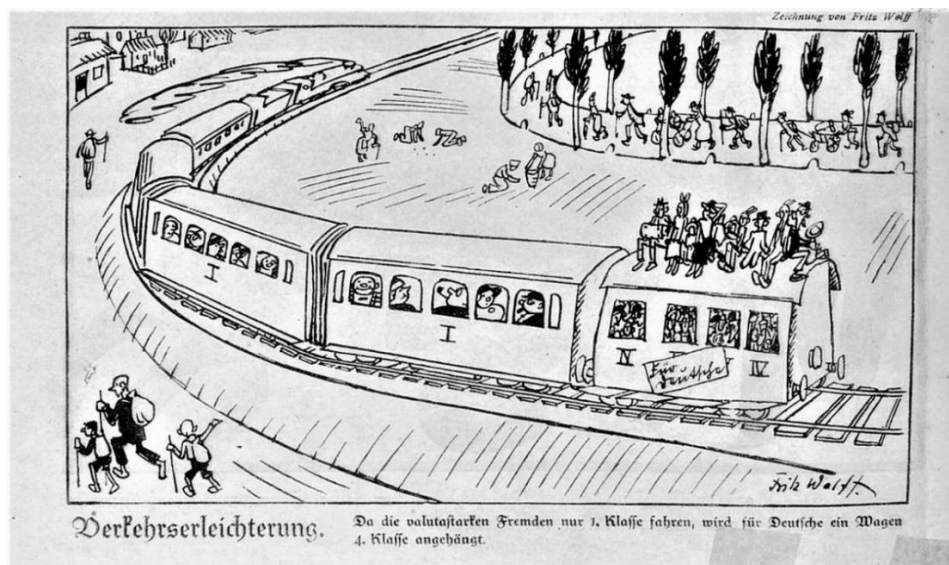
²⁴⁶ Яценко А. Русская трагедия // Голос эмигранта. 1921. 20 апреля.

²⁴⁷ Schlögel K. Planet der Nomaden. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006. S. 92.

Варшавы, Вены и Будапешта)²⁴⁸. Действовали в Берлине начала 1920-х гг. и грабители, фальшивомонетчики, в большом количестве мошенники²⁴⁹, сутенёры и другие иностранные «специалисты».

Карикатура «Иностранцы в Германии». Подпись: «Очень интересно наблюдать, как этот интеллигентный народ борется за жизнь. Официант, еще коньяк!» (Auslander in Deutschland // Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt). 1922. den 15. September.).

Карикатура «Упрощение транспорта». Подпись: «Так как богатые валютой чужаки ездят только первым классом, для немцев предназначен один вагон четвертого класса» (Verkehrserleichterung // Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt). 1922. den 30. Juni.).

²⁴⁸ Хроника // Руть. 1923. 31 июля.

²⁴⁹ Vossische Zeitung. Das Verbrechen nach dem Kriege [Ausschnitt aus der „Vossischen Zeitung“, den 31. Mai 1925] // РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 96. Л. 292.

И.В. Гессен, словно подтверждая будущее наблюдение К. Шлёгеля, вспоминал, что «громкие преступления, приписываемые иностранцу, оборачивались “суровым недоброжелательством” к иностранцам»²⁵⁰. Это коснулось и эмигрантов. Преступник неизбежно ассоциировался со всем русским сообществом и бросал тень на всю русскую «колонию». Ярким примером стала общественная реакция на резонансное преступление 28 марта 1922 г. – убийство кадета В.Д. Набокова русскими монархистами П.Н. Шабельским-Борком и С.В. Таборицким. В течение нескольких следующих дней самые заметные немецкие газеты разразились негодованием и напомнили, что отношения немцев и эмиграции должны строиться по модели «хозяин – гость», притом гость нежеланный, а потому обязанный вести себя особенно осторожно. Лишь монархические газеты (ввиду того, что преступники придерживались тех же политических взглядов) воздержались от комментариев в этом духе²⁵¹, а ряд изданий ограничился нейтральными сообщениями об убийстве²⁵². Показателен гнев в отношении русских монархистов, злоупотребивших гостеприимством Германии. Одна из самых известных газет – «Lokal Anzeiger» – указала, «что именно русские должны задуматься над тем, что при их большом числе и их склонности переносить с собою на чужбину свои нравы, они должны быть вдвое сдержанны. Конечно, отдельный случай не может повлиять на сочувствие к ним, но нужно весьма решительно напомнить о той границе, за которую не должна переступать в чужом доме политика гостей»²⁵³. Другая популярнейшая газета – «Berliner Tageblatt» – требовала «поставить предел» не только большевистским агитаторам, но и другим «сеятелям смуты» из среды «русских реакционеров, которые считают Германию подходящим поприщем для достижения своих целей»²⁵⁴.

В публикации «Berliner Tageblatt» обращает на себя внимание упоминание большевистских агентов, которых поставили в один ряд с эмигрантами-реакционерами. Внешнеполитическое положение Германии в 1923 г. также служило фактором формирования ксенофобии. Иностранцы воспринимались как угроза и виновники многих бед, исходивших и с Запада, где был оккупирован Рур и откуда доносились требования непомерных репараций²⁵⁵, и с Востока - то есть из России, агитаторы которой подпитывали коммунистическое движение Германии²⁵⁶.

²⁵⁰ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 208.

²⁵¹ Печать // Руль. 1922. 31 марта.

²⁵² Печать // Руль. 1922. 1 апреля.

²⁵³ Печать // Руль. 1922. 31 марта.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2011. С. 223 – 228.

²⁵⁶ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал... С. 262 – 267.

Проблема переполненности города иностранцами была хорошо осознана прусскими чиновниками. Ввиду экономического положения казалось необходимым введение строгого контроля иностранцев и политики ограничений в их отношении. Мероприятия по принуждению к исполнению правил регистрации, установление различных административных преград, трудовые, потребительские ограничения и иные меры против иностранцев принимались полицией, прусским министерством внутренних дел и другими ведомствами²⁵⁷. Политику тех лет в отношении иностранцев можно назвать анти-интеграционной; целью её было стимулирование оттока оказавшихся в Германии иностранцев, недопущение их на службу в государственных учреждениях, ограничение допуска на рынок труда и недвижимости²⁵⁸. Германские власти не желали адаптировать законодательство под нужды беженцев, а без этого многочисленные гражданские правовые процедуры становились для последних затруднительными. В частности, Германией не признавались русские браки и разводы, заключённые только в церкви²⁵⁹; то же касалось документов об образовании; иностранцы нередко не допускались к работе и в качестве членов в профессиональные объединения; если немецкая гражданка выходила замуж за иностранца, она теряла гражданство Германии (против такого ущемления своих интересов протестовали сами немки, но упрямые германские юристы на подобные протесты отвечали, что речь идет не об утрате гражданства, а о том, что женщина при заключении брака как бы автоматически «отказывается» от своего прежнего гражданства на неограниченный срок²⁶⁰; в случае союза с русским эмигрантом немка становилась такой же бесподданной с тем же минимальным набором прав и свобод; на практике эта норма служила серьёзным препятствием для заключения браков русских мужчин с немецкими женщинами и, как следствие, их интеграции в немецкое общество). Существовали и ограничения, с которыми сталкивался каждый эмигрант. Немецкие биржи труда имели право не обслуживать иностранцев. По распоряжениям различных городских ведомств, для чужаков в два раза дороже было обучение в вузах²⁶¹, в два или три раза дороже аренда жилища и пошлины за услуги государства, например, судебные²⁶². Помимо «жёлтых» удостоверений личности (т.н. «персональаусвайсов» - Personalausweis), выдаваемых структурами МВД, необходимо было получать также от местных жилищных бюро (Wohnungsamt) разрешения на

²⁵⁷ GStA PK. I HA Rep. 77. Tit. 1176. Nr. 1 V Bd. 1; Bd. 2. Ausländerwesen; GStA PK. I HA Rep. 77. Tit. 1814. Nr. 3. Berichterstattung Osteiwanderer; Nr. 4. Berichterstattung Osteiwanderer; Nr. 5. Berichterstattung Osteiwanderer; GStA PK. I HA Rep. 84a. Nr. 15. Ausweisung von Ausländern 1885 – 1934.

²⁵⁸ Oltmer J. Schutz des nationalen Arbeitsmarkts... S. 85 – 122; Idem. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 86 – 88.

²⁵⁹ № 73. Тезисы доклада О.А. Верта «правовые вопросы русской эмиграции в Германии» на съезде русских юристов за границей // Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину... С. 277.

²⁶⁰ Auszug aus den Beschlüssen des Deutschen Juristentages in Lübeck, September 1931 // LAB. B. Rep. 235-20. Nr 369.

²⁶¹ Студенты-иностранцы // Руль. 1924. 16 января.

²⁶² Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. С. 388.

проживание в определённом районе. В марте 1923 г. в Берлине ввели налог на жилые помещения, предусматривавший пятикратные ставки для иностранцев, что почти удваивало стоимость проживания. Эту дискриминирующую норму берлинские чиновники пересмотрели в пользу беженцев только в мае после обращения Комитета Союза русских юристов за границей²⁶³. Эмигрантам приходилось идти на всевозможные ухищрения и уловки для преодоления и обхода жилищных бюрократических препятствий.

Оказывалось на иностранцев и полицейское давление. Летом 1923 г. полицейский президиум и прусское министерство внутренних дел начали настойчиво предлагать отдельным русским эмигрантам покинуть Берлин, Пруссию или вообще Германию, угрожая принудительным выселением. Обычно такие недвусмысленные намёки делались в ответ на ходатайства о продлении прав пребывания («персональаусвайсы» требовалось продлевать раз в три месяца, «нансеновские паспорта» раз в год)²⁶⁴. Подобные факты освещались в прессе, вызывали тревогу в русской «колонии» и чувство незащищённости. Боязнь стать жертвой произвола при попытке продлить разрешающие пребывание документы или однажды утром узнать о новом дискриминационном распоряжении правительства побуждали задуматься о смене страны проживания. В. Набоков в своих мемуарах называл это положение эмигрантов «безнадёжной зависимостью» и связывал это чувство именно с бюрократическими процедурами. По его свидетельству, при столкновении с бюрократией сразу становилось отчётливо ясно, «кто бесплотный пленник и кто жирный хан», а «наша безнадёжная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда приходилось добывать или продлевать какую-нибудь дурацкую визу, какую-нибудь шутовскую карт д'идантите, ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников»²⁶⁵. Неудивительно, что Набоков использует для описания переживаний «просителя» в ожидании необходимых документов такие слова. Неудачная попытка получить или вовремя продлить удостоверение личности стоила дорого. Тех беженцев, кто уже какое-то время жил без действительных документов или не имел официально подтверждённого «определённого занятия» (а случайными заработками перебивались тысячи эмигрантов), могли выслать²⁶⁶; а с конца 1921 г. разрешения на пребывание выдавались только иностранцам, присутствие которых было признано желательным или не вредило стране с

²⁶³ № 76 Справка о налоге на жилье в Берлине для русских беженцев // Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину... С. 285 – 286.

²⁶⁴ № 77. Заметка О.А. Верта «О высылке русских беженцев за пределы Германии и Пруссии» // Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину... С. 286 – 289.

²⁶⁵ Набоков В.В. Другие берега: автобиография. С. 215 – 216.

²⁶⁶ Левин С.И. Положение иностранцев в Германии // Руль. 1921. 11 августа.

точки зрения переживаемых ею трудностей. На практике это означало, что иностранцы всё чаще оседали в Германии по проездным визам и тем самым нарушали правила пребывания²⁶⁷. Только спустя несколько месяцев полицай-президиум сделал послабление, увеличив срок действия удостоверений с 3 месяцев до «неопределённого времени»²⁶⁸. С июня 1922 г. правила получения «персональаусвайсов» усложнились – следовало знать немецкий язык и/или не иметь возможности вернуться в Россию по политическим обстоятельствам²⁶⁹. Это приводило не только к желаемому для немцев результату (отказу от проживания в Германии), но и к пассивному сопротивлению со стороны эмиграции и, конечно, к распространению взяточничества.

Зная о том, что масса беженцев избегает регистрации по разным причинам, полиция регулярно совершала облавы (в ходе которых задерживала сотни людей) и проверки документов, часто довольно грубые²⁷⁰. Жертвами этих облав неоднократно становились и русские, нарушившие правила регистрации иностранцев в городе (Meldpflicht). Беженцы с просроченными документами подвергались аресту, направлялись в беженские лагеря и по возможности репатриировались. Иногда происходили ситуации почти комического характера. Например, 31 января 1922 г. полиция обыскала несколько ресторанов и задержала там много иностранцев, подлежащих за различные нарушения высылке. Как сообщила газета «Руль», «во время обыска в одном из ресторанов внимание агентов полиции обратила на себя телефонная будка, запертая снаружи висячим замком. Дверь была открыта: в будке оказался русский подданный, давно разыскиваемый полицией»²⁷¹.

Облавы полиция объясняла публично. 23 марта 1922 г. берлинский полицейский президент В. Рихтер сделал характерное высказывание, отражающее отношение официальных учреждений Германии к русским беженцам: «В последнее время Берлин переполнен иностранцами, большинство их прибыло с Востока. Многие из них перешли незаконно границу или злоупотребляют оказанным им гостеприимством. При настоящих условиях, когда мы сами переживаем чрезвычайно трудное время и терпим нужду во всех жизненных областях, мы вынуждены применять меры для очищения Берлина от нежелательных элементов... Мы всячески сочувствуем русским и в каждом отдельном случае принимаем во внимание все обстоятельства, сопровождающие арест; но при всём

²⁶⁷ Высылка «нежелательных иностранцев» // Руль. 1921. 9 ноября.

²⁶⁸ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 62.

²⁶⁹ Винник А.В. Указ. соч. С. 365.

²⁷⁰ Хроника // Руль. 1922. 22 января; Хроника // Руль. 1922. 3 февраля; Левин С.И. Отголоски облавы в «Стрельне» // Руль. 1922. 23 марта; Облава // Руль. 1922. 11 мая; Облава на Курфюрстендамме // Руль. 1922. 30 мая; Проверка паспортов у иностранцев // Руль. 1922. 11 июня; Хроника // Руль. 1922. 30 августа; Письма в редакцию // Руль. 1922. 29 ноября; Хроника // Руль. 1922. 1 декабря; Хроника // Руль. 1923. 9 января; Хроника // Руль. 1923. 21 февраля; и др.

²⁷¹ Хроника // Руль. 1922. 3 февраля.

нашем сочувствии мы должны исходить не из русской, а из чисто немецкой точки зрения»²⁷². Эти высказывания однозначно давали понять, что власти действуют исходя из национальных приоритетов и требований момента; такая позиция означала, что даже добропорядочный иностранец, столкнувшись с чиновниками, рисковал под каким-либо предлогом получить статус «нежелательного».

Однако только облавами и другими полицейскими акциями вплоть до конца 1923 г. так и не удалось достичь ощутимого уменьшения числа иностранцев в Берлине. Несмотря на все связанные с иностранцами затруднения, берлинским властям приходилось терпеть присутствие русских, польских беженцев и «восточных евреев» - те не могли вернуться на родину (как правило, по политическим причинам). Так как немецкое население всё больше страдало от кризиса, ксенофобия стала повседневной практикой. При этом её проявления редко встречали общественное порицание и происходили при осознании того, что правительство и полиция также занимают недружелюбную позицию по отношению к иностранцам. Эти проявления враждебности были довольно разнообразными. В первую очередь, распространённым стало общее восприятие иностранцев как главных виновников текущих проблем. Сложившаяся ситуация нашла яркое отражение в стихотворении русского поэта-сатирика под псевдонимом Жак Нуар, написанном в 1923 году. Стихи обращены к воображаемой «фрау Шульц», воплощающей несправедливого обвинителя, и содержат такие строки:

*«Фрау Шульц, у вас суровый профиль,
Вы порой смотрите палачом.
Правда, снова вздорюжил картофель,
Но, ей Богу, я тут ни при чём...»
«Фрау Шульц, мы с вами не герои,
И не нам пронзить судьбу мечом –
... Если сахар вздорюжает втрое –
То, клянусь, что я тут ни при чём»²⁷³.*

Характерно, что персонаж стихотворения возлагает ответственность за возрастающую дороговизну не на войну, Антанту или собственное правительство, но на русского эмигранта. Необоснованность подобных обвинений на фоне проблем послевоенной экономики, отразившихся в повседневности горожан ещё до наплыва иностранцев, была очевидна (что и высмеивал сатирик), но речь шла именно об иррациональной неприязни. Вероятно, «фрау Шульц» имела вполне реального прототипа – возможно, арендодателя Нуара или домоправительницу его пансиона. Иностранцы

²⁷² Левин С.И. Отголоски облавы в «Стрельне» // Руль. 1922. 23 марта.

²⁷³ Нуар Ж. Лицом к Берлину. С. 18.

превратились в «козлов отпущения», удобный объект для недовольства, что создавало им дополнительные сложности при решении бытовых или деловых задач, таких как найм жилья или предпринимательская деятельность.

Доходило и до призывов к насилию. Эмигрант Н.Н. Чебышев вспоминал, как берлинцы винули иностранцев во всём подряд и прямо на улицах требовали: «Ausländer muss man an die Wand! Man muss damit ein Ende machen (“Иностранцев надо поставить к стенке, с этим надо покончить”))»²⁷⁴. Некоторые от слов переходили к делу. Открытое насилие на почве ксенофобии угрожало всем чужеземцам - евреям, полякам, китайцам, русским, американцам...²⁷⁵. Один трагический случай произошёл в Берлине в 1925 г. (в то время в более благоприятных экономических условиях проблема ксенофобии несколько утратила остроту, но вовсе не разрешилась): некий антисемит ранил в голову физика Григория Борисовича Ительсона, который в Берлине жил ещё с 1884 г. (но также участвовал в общественной жизни эмиграции «первой волны»)²⁷⁶. Известны и случаи словесной агрессии. Так, русский еврей, писатель Илья Эренбург вспоминал, как его в одном из берлинских трамваев обозвали «польской собакой»²⁷⁷. Деятеля американской ассоциации христианской молодёжи (УМСА) профессора Томаса Уиттмора, заботившегося о русских студентах, какой-то немец на улице сильно толкнул и назвал «проклятым иностранцем» (verfluchter Ausländer)²⁷⁸. Важно, что случившееся стало для Уиттмора «последней каплей» - после этого он принял решение покинуть Германию. Подобные случаи немотивированной агрессии (нередко с использованием именно этой дискриминирующей формулировки – «verfluchter Ausländer») отмечались и русской газетой «Руль»²⁷⁹. Помнил об этом явлении и русский певец Александр Вертинский: «Ферфлюхтер ауслендер!» (...) – слышалось на каждом шагу в трамваях, автобусах и магазинах, злобные взгляды обшаривали вас с головы до ног: немцы считали иностранцев виновниками своего падения и бессильно шипели от злобы и ненависти к ним»²⁸⁰. На Вертинского это произвело сильное впечатление – певец писал мемуары несколько десятилетий спустя, но не забыл, какими словами немцы называли иностранцев.

Прусское правительство отлично знало об этих настроениях. В начале 1923 г. чиновники прусского министерства внутренних дел отмечали, что «враждебность к

²⁷⁴ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 12 мая.

²⁷⁵ Oltmer J. Flucht, Vertreibung und Asyl im 19. und 20. Jahrhundert // IMIS-Beiträge, 20. Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 2002. S. 126.

²⁷⁶ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 14.08.2020).

²⁷⁷ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С. 386.

²⁷⁸ Чеботарев Г. Правда о России... С. 355.

²⁷⁹ См., напр.: В русской колонии // Руль. 1923. 7 сентября.

²⁸⁰ Вертинский А. Дорогой длинною... С. 173.

иностранцам в немецком народе растёт вследствие увеличивающихся сложностей с питанием и жильём, из-за нового политического изнасилования Германии»²⁸¹ и слишком многочисленного наплыва иностранцев: «В отдельных городах это привело к всплескам [враждебности] [...]. Полиция прилагает усилия, чтобы выслать [abschieben] нежелательные иностранные элементы и предотвратить новый приток. Однако только этих усилий недостаточно»²⁸². Правительство в значительной степени разделяло общественный настрой и искало эффективный способ борьбы с натиском иностранцев, но не успело: к концу года они сами начали разъезжаться – и из-за изменившейся экономической конъюнктуры, и из-за враждебного окружения. Население само сопротивлялось притоку чужаков, не только с помощью оскорблений или угроз. Распространённой практикой ксенофобии стала экономическая дискриминация по национальному признаку как со стороны потребителей, так и прямых конкурентов иностранцев на рынке. Уже с 1919 г. националисты призывали: «Немцы, покупайте только у немцев!»²⁸³. Особенно громко звучали воззвания Немецкого народного союза обороны и наступления (DVSTB - Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund) – политического антисемитского объединения, в 1922 г. насчитывавшего 180 тыс. членов)²⁸⁴. Потребительский бойкот и другие методы дискриминации широко практиковались против иностранцев, включая и русских. Так, эмигрант В. Александров пытался продавать бытовую электротехнику, но «патриотически настроенные буржуа не покупали технику у иностранца...»²⁸⁵. Противодействовали проникновению на рынок услуг чужеземцев и некоторые немецкие врачи²⁸⁶. Подчас дискриминация практиковалась и деятелями культуры. Один интересный случай произошел ещё в 1919 г., когда Союз немецких сценических деятелей донёс полицию о русском театре «Голубой сарафан», работавшем без лицензии. Директор Союза сообщил в полицию, что «сегодня в Берлине работает три постоянных русских театра» и «стало известно, что эти сцены не имеют разрешений [на работу]». Директор видел в этом «большую угрозу для берлинских [немецких] театров». Председатель Союза немецких драматургов тоже обращался 15 ноября 1919 г. к берлинскому полицай-президенту: «Русский театр наносит тяжёлый ущерб немецким. Поэтому мы просим запретить дальнейшую деятельность этого русского театра и не допускать основания новых»²⁸⁷. Для

²⁸¹ Речь, очевидно, о Русском кризисе.

²⁸² Der Preußische Ministerpräsident. Berlin W. 8, den 17. Januar 1923. [an Justiz-Ministerium] // GStA PK. I HA Rep. 84a. Nr. 16. Bl. 49.

²⁸³ Впоследствии этот лозунг превратился в «Немцы, не покупайте у евреев!».

²⁸⁴ Horn S. “Die Juden müssen in Deutschland ausgerottet werden!” Arnold Ruge und die Radikalisierung des Antisemitismus nach 1919 // Geflüchtet – Unerwünscht – Abgeschoben. Osteuropäische Juden in der Republik Baden (1918 – 1923) / Hrsg. von Nils Steffen & Cord Arendes. Heidelberg: Universitäts-Bibliothek Heidelberg, 2017. S. 76.

²⁸⁵ Цит. по: Чередникова А.Ю. Указ. соч. С. 183.

²⁸⁶ Русское медицинское общество в Германии // Рувль. 1921. 4 июня.

²⁸⁷ [Bericht, den 15. November 1919] // LAB. A Pr. Br. Rep. 030-05. Nr. 930. Berichte über die Tätigkeit des Russischen Theaters, am Nollendorfplatz.

культурных кругов, отчасти даже русофильских в то время и более устойчивых к ксенофобии, этот эпизод был скорее исключением, но мотивы доноса в полицию весьма характерны. После настойчивых требований этих союзов и проверки «Голубой сарафан» закрылся, дав всего 4 программы²⁸⁸.

Иностранцы, видя, какое сильное раздражение вызывает их присутствие, и сталкиваясь с открытой ксенофобией, начали уезжать из Берлина²⁸⁹ и всё меньше приезжать²⁹⁰. Если в сентябре 1921 г. в Берлин прибыло более 127 тысяч иностранцев²⁹¹, то в декабре 1923 – менее 5 тысяч²⁹². По оценке шефа Фремденамта В. Бартельса, высказанной им в феврале 1924 г., за несколько месяцев с конца 1923 г. Берлин покинуло до 40% русских²⁹³. Причиной этому была, конечно, и стабилизация марки, которая сделала жизнь в Германии менее выгодной для иностранцев. Но и ксенофобия имела большое значение, для некоторых, как в упомянутом выше случае Т. Уиттмора, решающее. Неслучайно указание на это мы встречаем и на страницах газеты «Руль» в конце 1923 г.: комментируя отъезд многих своих коллег из Берлина, один из русских студентов сказал: «Понятие «иностранец» в Германии унижительное; иностранец считается врагом»²⁹⁴.

Важно, что русские, оставшиеся в Берлине, делали попытки исправить ситуацию. Эмигрантские газеты писали о необходимости борьбы с недоброжелательством и сближения с немцами²⁹⁵. Выражалось понимание немецких проблем и связанной с ними враждебности: «...если даже хозяева иной раз прикрикнут, не следует на них обижаться. Мы, русские, это понимаем и не обижаемся»²⁹⁶. Чтобы улучшить отношение к эмигрантам, некоторые благотворители помогали немецким фондам, заботившимся о бедных немцах. Пожертвования собирал и И.В. Гессен, понимавший, как важно смягчить недоброжелательность к иностранцам. В начале 1923 г. он перевёл от «читателей Руля» 1 100 000 марок в пользу нуждающихся немцев, за что получил благодарственное письмо от рейхспрезидента Фридриха Эберта²⁹⁷. Эти усилия, однако, не смогли оказать влияние на общественное мнение. Хотя после 1924 г. экономическое напряжение спало, гиперинфляция кончилась, а иностранцев стало меньше, ксенофобия осталась частью массовой психологии. Так, в 1928 г. известный берлинский адвокат А. Клее заметил, что

²⁸⁸ Офросимов Г. Русский театр в Берлине // Голос эмигранта. 1921, 20 апреля.

²⁸⁹ Хроника // Руль. 1923. 22 августа; Хроника // Руль. 1923. 1 ноября.

²⁹⁰ Хроника // Руль. 1923. 6 ноября.

²⁹¹ Хроника // Руль. 1921. 5 октября.

²⁹² Хроника // Руль. 1923. 6 декабря.

²⁹³ Иностранцы в Германии // Руль. 1924. 26 февраля.

²⁹⁴ Хроника // Руль. 1923. 30 декабря.

²⁹⁵ В Берлине // Руль. 1923. 16 января; Робур. Эмигрантское засилье // Время. 1921. 5 декабря.

²⁹⁶ Лери. Случайные заметки // Руль. 1921. 20 января.

²⁹⁷ [Письмо Ф. Эберта И.В. Гессену от 9 февраля 1923 г.] // ГАРФ. Ф. 5882. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

«инфляционная психология» ещё жива, и враждебность к иностранцам (как её элемент) тоже. Каждый иностранец воспринимается как «нежелательный»²⁹⁸.

Таким образом, русские эмигранты оказались в Берлине в период неблагоприятного экономического положения Германии и переполненности города иностранцами, что вызвало распространение в городе ксенофобии и её проявлений, в том числе агрессивных. В то же время некоторые вербальные выражения ксенофобии (например, формулировка «проклятый иностранец») и суждения русских эмигрантов об отношениях с немцами свидетельствуют, что враждебность берлинцев не была направлена исключительно против русских. Это неоднократно подчеркивалось и немецкими официальными лицами. Среди русских периодически возникали слухи о якобы готовящихся против них репрессиях и массовых высылках. Полиция их опровергала. Так, чиновник полиции Вейс уверял корреспондента «Руля» С.И. Левина, что все слухи о специальных репрессиях являются вымыслом, и усиление контроля и проверок документов имеет в виду только обнаружение «обременительных иностранцев» (“lästige Ausländer”) - тех, кто нарушает условия пребывания в Германии²⁹⁹. Немцы, настроенные недружелюбно к иностранцам вообще, как правило, не придавали большого значения их конкретной национальности. Беженцы из России, как одна из многих групп иностранцев в Берлине, попали «под горячую руку» государства и общества, переживавших тяжелейший кризис, что, в свою очередь, стало одной из причин сильного оттока русских эмигрантов из Германии с 1923 г.

После денежной реформы и стабилизации новой марки немецкая экономика начала выходить из кризиса. Период 1924 – 1928 гг. считается «золотым» в истории Веймарской республики. Отъезд иностранцев также снял напряжение между немцами и эмиграцией. Берлин постепенно утрачивал роль крупной русской «колонии». В этих условиях правительство сочло возможным ослабить правовое давление на граждан других государств и бесподданных. К 1927 г. германское министерство труда даже распространило «право на бедность» (то есть на получение социальных пособий по безработице) на работающих иностранцев, что было честно, так как они наравне с немецкими наёмными работниками платили взносы на социальное страхование³⁰⁰. Тем не менее прав на «кризисные пособия» и другую помощь немецкого государства налогоплательщики-эмигранты так и не получили, остались в силе и многие правовые ограничения, а также обязанность регулярно продлевать документы на проживание и удостоверения личности.

²⁹⁸ К. Правовое положение иностранцев в Германии и вопрос о переходе в германское подданство // Руль. 1928. 4 февраля.

²⁹⁹ Левин С.И. Положение русских в Германии // Руль. 1921. 31 июля.

³⁰⁰ № 88. Доклад неизвестного лица «Помощь безработным, или Право на работу?» // Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину... С. 315.

Общий неблагоприятный тон политики в отношении иностранцев сохранялся все 1920-1930-е гг.

Карикатура «Экзотический Берлин» или «То ли еще будет!»: одинокий немец в окружении иностранцев, в том числе русских (Das exotische Berlin // Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt). 1923. den 3. August.).

§ 2.2. Немцы и русские: образы «другого», эмигрантский изоляционизм и «русская мода» Германии

Государственная политика и враждебные настроения немцев в отношении иностранцев в период обострения экономического кризиса составляют существенную часть содержания немецко-эмигрантских отношений, но не исчерпывают их. С одной стороны, эмигранты как иностранцы испытывали на себе влияние образа иностранца как врага, с другой - у берлинских немцев имелись специфические представления и образы конкретно русских. В свою очередь, и сами эмигранты находились под влиянием ряда предрассудков о немцах. Даже когда миновала острая фаза финансового бедствия начала 1920-х гг., взаимное восприятие русских беженцев и немцев оставалось непростым, отягощённым образами «чужого», часто неблагоприятными. В контексте проблем адаптации необходимо описать, помимо ключевых факторов, стимулировавших рознь между ними и рассмотренных в предыдущем параграфе, ряд других культурных и психологических препятствий для взаимного понимания и сближения.

Первая мировая война не могла не наложить отпечаток на отношение немцев к русским. Некоторые эмигранты, исходя из повседневного опыта и первых впечатлений в Германии, полагали, что это не так. И. Гессен и Г. Чеботарев упоминали об этом в воспоминаниях. По словам Гессена, «война и прошлая вражда была будто забыта»³⁰¹. Чеботарев писал даже, что «общие несчастья привлекли к русским беженцам симпатии немцев»³⁰². Сотрудники русской берлинской газеты «Время» считали, что и эмигранты отбросили стереотипы о немцах и 5 декабря 1921 года сообщали: «Взвинченные войной предрассудки против германской культуры уже отпали»³⁰³. Со временем стало ясно, что, хотя острая вражда, связанная с войной, действительно уже в прошлом, но предрассудки – распространённые и устойчивые образы русских, выработанные военной пропагандой и публичным пространством после Первой мировой в связи с революцией и Гражданской войной в России, сохранились и продолжают влиять на поведение. То же можно сказать и об образе немцев в русской культуре, негативные элементы которого российская пропаганда культивировала в 1914 – 1917 гг.

Некоторые исследователи прямо связывают с предрассудками о русских характер складывавшихся между немцами и эмигрантами отношений. К примеру, К. Шлёгель, сославшись на оценку одного современника, указывал, что русская студенческая жизнь

³⁰¹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 33.

³⁰² Чеботарев Г. Правда о России... С. 359.

³⁰³ Робур. Эмигрантское засилье // Время. 1921. 5 декабря.

была совершенно изолированной от немецкой, и одной из причин был германский стереотип о русских как нигилистах, неспособных к общественной жизни; дополнительной проблемой стал антисемитизм: среди русских студентов насчитывалось немало этнических евреев, а около 90% немецких студентов принадлежали к явным антисемитам или по меньшей мере были антисемитски настроены³⁰⁴. Факт, приведённый К. Шлөгелем, свидетельствует, как стереотипы могли препятствовать сближению эмигрантов и немцев. Живучесть предрассудков, унаследованных ещё от довоенных времён, демонстрировала и германская пресса, которая их воспроизводила. В 1923 г., по наблюдениям Б. Доденхофт, пресса недружелюбно высказывалась о русских беженцах, подозревая наличие в их среде шпионов (как советских, так и Антанты) и вообще носителей германофобии и франкофильства. К тому же, русские связывались с коррупцией, космополитизмом, их считали чуждыми немецкому образу жизни и, в целом, бременем для немецкого народа³⁰⁵.

В подобных высказываниях отчётливо проявлялось мышление по модели «свой – чужой», при этом «чужой» по определению несёт угрозу «своим» и рассматривается с помощью внушительного набора стереотипов. Первая мировая война обострила и развила негативные представления о русских, которыми их наделяли немцы, и конечно, те же качества видели они и в эмигрантах; как считает известный историк Герд Коэнен, образ русского характеризовался такими определениями как «ребяческие», «естественные», «мечтательные», «способные», их описывали как близких к почве и природе, руководимых бессознательным и оттого «душевных» и «естественно религиозных»; вместе с тем распространились и образы, внушающие опасения: о русском человеке думали как о «варварском», «жестоком», «анархичном», «фанатичном», «фаталисте» и «азиате» (этот стереотип русского как «азиатского варвара» был особенно актуален во время Первой мировой войны, в ходе которой «европейская Германская империя противостояла русскому варварству»)³⁰⁶. Эти образы продолжали оказывать влияние на немцев и впоследствии легко актуализировались пропагандой уже во время Второй мировой войны. В источниках мы встречаем свидетельства того, что некоторые эмигранты осознавали поверхностность восприятия России и русских немецким обывателем. Один из персонажей бытописателя Р.Г. Баталина ярко высказался на этот счёт, укоряя немцев и особенно их «четырёхнедельных журналистов», для которых «русская загадка решена: Фатализм. Мощь. Православие. Мавзолей Ленина. Батюшка-царь. Матушка-Маркс. Нигилизм. Икра.

³⁰⁴ Schlögel K., Tschäpe K. Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Berlin: MSB Matthes & Seitz, 2014. S. 68.

³⁰⁵ Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 18 – 19.

³⁰⁶ Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 – 1945. München: Beck, 2005. S. 17.

Чека. Евразия»³⁰⁷. Примерно о том же наборе стереотипов у немцев писал в 1921 г. журналист В. Татаринов: «Что знают они о нас? “Сибирь”, “водка”, “кнут”, - вот популярные для европейца русские слова. Потом прибавился “погром”, а теперь – “большевик”. Лексикон, как видите, небольшой. Европа упрямо хочет знать только два лика России: царский и большевистский. Оба она презирает и обоим она боится». В русском априори угадывали мрачного реакционера или большевика, и оба образа несимпатичны: «Русские превратились в каких-то париев Европы, в касту отверженных и нечистых», - резюмировал Татаринов³⁰⁸.

Свои предрассудки о немцах, как позитивного, так и (ещё больше) негативного характера, имели и эмигранты. Первые традиционно (ещё с XVIII-XIX вв.) связаны с «сумрачным германским гением», деловой этикой, организационными навыками немцев и достижениями германской науки и техники. В этом отношении характерно, к примеру, одно из воззваний правления русского союза бывших военнопленных и интернированных в Германии от 1921 г. к тем, кто не пожелал уехать в Россию: «Мы должны учиться у народа, во многом опередившего нас, всему, что оказалось бы после полезным и ценным для нашей милой родины...»³⁰⁹. В том же году в берлинской газете «Время» эмигрант А. Яковлев критиковал «российское зубоскальство насчёт немецкой аккуратности и германского педантизма» и обращал внимание на свойственные немцам «трудолюбие, ум, настойчивость и добросовестное отношение к делу»³¹⁰.

Негативные же стереотипы представляли собой набор из старых довоенных предрассудков, дополненных тем впечатлением, которое на эмигрантов производила побеждённая Германия, переживавшая политический и экономический кризис. Немецкая повседневность бедного послевоенного времени не нравилась эмигрантам – её считали пропитанной мелкобуржуазными, меркантильными настроениями, сухостью и бюрократизмом. Русские критиковали, как многим из них представлялось, присущие немцам казарменный милитаризм, жестокость, отсутствие склонности к тёплым сердечным отношениям, приверженность дисциплине, иерархии, чрезмерную расчётливость, практичность и до безумия доходящую аккуратность. «Бурые, скучные, пресные

³⁰⁷ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 65.

³⁰⁸ Татаринов В. На путях национального самосознания // Голос эмигранта. 1921. 25 июня.

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 118. Л. 14.

³¹⁰ Яковлев А. О немцах // Время. 1921. 18 июля.

бюргеры...», - такой вердикт вынес берлинцам Андрей Белый³¹¹. О том же впечатлении «тягости» и «всемирной скуки» Берлина говорил А.А. Гвоздинский в 1921 г.³¹²

В. Набоков и в своих воспоминаниях, и в романах (особенно в «Даре») писал о «быть может, слишком примитивном и безрассудном презрении, которое русские эмигранты питали к туземцам (Берлина, Парижа или Праги)»³¹³. Не был вовсе лишен этого чувства и сам писатель, а его персонажи, которых он наделял типичными эмигрантскими чертами, - тем более. Главный герой «Дара» Фёдор Годунов-Чердынцев живёт в Берлине и подрабатывает, как и Набоков, частным преподаванием. В его мыслях и переживаниях писатель на двух страницах отразил большую часть негативных обобщений русских о немцах: «Он ехал на урок, как всегда опаздывал, и, как всегда, в нём росла смутная, скверная, тяжёлая ненависть [...] к ногам, бокам, затылкам туземных пассажиров. [...] почему-то ему сдавалось, что все эти скользящие, холодные зрачки [...] принадлежат лишь гнусным кумушкам и гнилым торгашам. Русское убеждение, что в малом количестве немец пошёл, а в большом – пошёл нестерпимо, было, он знал это, убеждением, недостойным художника; а всё-таки его пробирала дрожь...». Когда в вагон вошел мужчина, представитель «жалкой, бедной, вымирающей нации», и сел перед Годуновом-Чердынцевым, тот «отчётливо знал, за что ненавидит его: за этот низкий лоб, за эти бледные глаза; за фольмильх и экстраштарк³¹⁴ – подразумевающие законное существование разбавленного и поддельного; [...] за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за то, что, если прислушаться, что у него говорится внутри (или к любому разговору на улице), неизбежно услышишь цифры, деньги; за дубовый юмор и пипифаксовый смех; за толщину задов у обоего пола, - даже если в остальной части субъект и не толст; за отсутствие брезгливости; за видимость чистоты – блеск кастрюльных днищ на кухне и варварскую грязь ванных комнат; за склонность к мелким гадостям, за аккуратность в гадостях, за мерзкий предмет, аккуратно нацепленный на решетку сквера; за чужую живую кошку, насквозь проткнутую в отместку соседу проволокой [...]; за жестокость во всём, самодовольную, как-же-иначе; за неожиданную восторженную услужливость, с которой человек пять прохожих помогают тебе подбирать обронённые гроши; за...» И как неожиданно закончился этот поток стереотипных критических замечаний к немцам, когда вдруг Годунов-Чердынцев понял, что перед ним сидит не немец, а русский: пассажир «вынул из кармана номер васильевской «Газеты», равнодушно

³¹¹ Цит. по: Heidenamm G. Das schreibende Ich in der Fremde. II'a Erenburgs und Vladimir Nabokovs Berliner Prosa der 1920er Jahre. Bielefeld: AISTHESIS, 2005. S. 117.

³¹² Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918 – 1921) // Минувшее. Вып. 18. С. 473.

³¹³ Набоков В.В. Дар: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 380.

³¹⁴ Нем. «цельное молоко».

кашлянув с русской интонацией. [...] Теперь в чертах читавшего газету он различал такую отечественную мягкость – морщины у глаз, большие ноздри, по-русски подстриженные усы, - что сразу стало и смешно, и непонятно, как это можно было обмануться»³¹⁵. Черты, которыми Годунов-Чердынцев наделяет немцев, перекликаются с тем, что писали о них другие эмигранты, из реального, а не литературного мира: скучные, жестокие, коварные, меркантильные, аккуратные, но мелочные... С помощью развязки этой сцены (в которой пассажир оказался русским) Набоков демонстрирует не только обманчивый характер национальных предрассудков, но и силу их эмоционального воздействия. При этом персонаж «Дара» не упоминает ни одного позитивного качества немцев; этот факт заслуживает внимания, так как и в других источниках мы гораздо чаще встречаем замечания критического характера.

Доминирование негативных стереотипов о немцах и Берлине среди эмигрантов (и даже их одобрение) отмечал Илья Эренбург: «Все [...] Берлином недовольны и не пропустят возможности его поругать. Особенно русские: это считается хорошим тоном. Я совсем не хочу оригинальничать. [...] Берлин уныл, однообразен и лишён “couleur local”»³¹⁶. Это впечатление можно объяснить также контрастом между воображаемой Германией, литературной, той, которая запомнилась бывавшим здесь по довоенным путешествиям, и реальной. Так, ассоциируя с этой страной впечатления от произведений Гёте, Брентано, Рильке и других авторов, в Берлин в 1922 г. приехала Марина Цветаева, но надолго там не осталась – столкновение с реальным городом немцев производило совершенно иной эффект: поэтесса чувствовала скуку, отчуждение, писала об ощущении пустоты и давящей атмосфере эмигрантского общества³¹⁷. Серость и тоскливость столицы Германии – вообще характерное наблюдение эмигрантов начала 1920-х гг. Русские застали Берлин в удручающем состоянии. Послевоенная столица лишь отдалённо напоминала гордый парадный Берлин 1914 года. В глазах жителей эмигранты видели уныние, тревогу и «надлом»³¹⁸. В витринах стояли эрзацы, на тротуарах встречалось непривычно много проституток. О подавленном состоянии немцев, их бедности (и даже нищете), неопределённости, ненадёжном положении писали решительно все, кто приезжал в Берлин и решил зафиксировать свои наблюдения: А. Вертинский, И. Эренбург, Р. Гуль, И. Гессен, В. Набоков, Г. Чеботарев, А. Толстой, Ю. Галич, А. Эфрон, С. Куломзина и др., об этом же регулярно сообщали газеты. В сравнении с Петроградом и Москвой периода Гражданской

³¹⁵ Набоков В.В. Дар: роман. С. 86-87.

³¹⁶ Heidenamm G. Das schreibende Ich in der Fremde... S. 124.

³¹⁷ Рымарь Н.Т., Сомова С.В. Берлин начала 20-х годов XX века в восприятии русской эмиграции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2-4. С. 1033.

³¹⁸ Гулькевич К.Н. Письма к Олафу Броку... С. 204.

войны Берлин, несомненно, выигрывал, но всё же падение этого города было очевидно, особенно на фоне воспоминаний о былом блеске. «Всё выцвело, завяло, загрязнилось, на всём печать чего-то обездушенного, разбитого», - писал в 1922 г. писатель И.Ф. Наживин³¹⁹. Пожалуй, самое безжалостное описание Берлина и эмиграции оставил в 1923 г. Виктор Шкловский:

«Развалилась старая Германия.

Обломки старого войска занимают по кафе педерастией.

Улицы полны плохо починенными калеками.

Триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города.

Музыка в кафе.

Нация официантов и певцов среди нации побежденных.

А в общественных уборных Берлина мужчины занимают друг с другом онанизмом. У них низкая валюта, голод и страна гибнет.

И медленно, подъедая оставшееся, проходят через них иностранцы»³²⁰.

Не было эмигранта, которого не впечатлил этот, по выражению А. Вертинского, «блиц-крах» Германии³²¹ и бедный, серый, буйный инфляционный Берлин, который экономит на всём. Ариадна Эфрон через много десятилетий детально помнила вещь, что стояла в богатейшем берлинском универмаге “KaDeWe” в холле - огромную пепельницу. На ней лежали недокуренные сигары, к каждой из них прилагался листок с фамилией курильщика. Посетители, покидая универмаг, забирали сигару, чтобы докурить её снаружи³²². Эта же деталь немецкого быта поразила и Н.Н. Чебышева: «Мы удивлялись “яслим для сигар” - медным выступочкам в тамбуре при входе в универсальный магазин, куда бережливые покупатели могли класть недокуренные сигары»³²³. Именно такие запоминающиеся мелочи, как эти «ясли» и упомянутые Эренбургом манишки в витринах магазинов, формировали у эмигрантов ощущение «разбитости», «уныния», «надлома», «катастрофы» - в общем, неблагоприятной обстановки, которую не жаль покинуть, если представится удачная возможность.

Помимо национальных предрассудков и тягостного впечатления, что производил Берлин в начале 1920-х годов, препятствовали сближению русских с немцами и психологические проблемы эмиграции, довольно тесно взаимосвязанные: нежелание изучать немецкий язык (далеко не все обладали его знанием), уже упомянутые «чемоданные настроения» и стремление эмигрантов к обособленности (которое мы для краткости называем далее «изоляционизмом»). На связь изоляционизма и неприязни к

³¹⁹ Наживин И. Среди потухших маяков... С. 198.

³²⁰ Шкловский В.Б. Гамбургский сч'т: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 184.

³²¹ Вертинский А. Дорогой длинною... С. 174.

³²² Эфрон А. Страницы воспоминаний. С. 92.

³²³ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 7 апреля.

немцам указывал тот же В. Шкловский: «Откуда нам знать, гниёт ли или не гниёт Запад, когда мы видим друг друга. Видим ещё несколько немецких и американских журналистов, двух чехов и одного полицейского чиновника, которому даём взятку сигарами. Мы ездим по дорогам Европы, едим её хлеб, но её не знаем. Только презираем на всякий случай»³²⁴.

Изоляционизм эмигрантов в 1920-е гг. был результатом комплекса факторов. Значительная часть эмиграции отказывалась от общения с немцами из-за языкового барьера. Немногим эмигрантам удавалось, как В.В. Набокову, прожить в Берлине пятнадцать лет и по-немецки выучить лишь кое-какие фразы, да и те воспроизводить с ошибками (правда, немецким языком владела жена писателя Вера Слоним, которая решала общие бытовые задачи). В результате, писал Набоков, «между ними [немцами – К.К.] и нами не было и подобия тех человеческих отношений, которые у большинства эмигрантов были между собой».³²⁵ И.В. Гессен за долгие годы берлинской жизни также не приобрёл ни одного друга из числа немцев и связывал это со своими языковыми навыками: «Бесспорно, мешало этому и плохое знание языка, да и возраст был уже не тот, чтобы плести новые интимные нити»³²⁶. Такие писатели как А. Белый, Б. Пастернак и Л. Лунц также свидетельствовали, что большое число эмигрантов практически не владело немецким языком. Недостаточно хорошо говорил по-немецки и А. Вертинский. С этим обстоятельством, вероятно, можно связать тот факт, что его мемуары, как и воспоминания Набокова и Гессена, чаще других транслируют стереотипное, отстранённое восприятие немцев. Мемуаристы, неплохо владевшие немецким языком – к примеру, Р. Гуль, Г. Чеботарёв, Н.Н. Чебышев – напротив, чаще упоминали об общении и добрых отношениях с отдельными немцами.

Ещё одна проблема – «чемоданные настроения» – особенно распространёнными были именно в начале 1920-х гг., когда складывалась судьба Русского Берлина. Всеобщее ожидание падения большевиков длилось несколько лет. Непокколебимую убеждённость в скорое возвращение на родину отмечал почти каждый мемуарист, ею проникнута как публицистика, так и пресса начала 1920-х гг. Неслучайно основное содержание эмигрантской прессы – статьи и заметки о России: её прошлом, настоящем и будущем. Сила надежды была такова, что в расчёте на возвращение велась даже рискованная коммерческая деятельность. Так, Алексей Ремизов просил у профессора А.С. Яценко³²⁷ помощи с

³²⁴ Шкловский В.Б. Гамбургский счет... С. 188.

³²⁵ Набоков В.В. Другие берега: автобиография. С. 216 - 217.

³²⁶ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 61.

³²⁷ Правовед А.С. Яценко (1877 – 1934) вращался в издательских кругах, много помогал авторам, основал в 1921 г. в Берлине журнал «Русская Книга», затем работал в издательстве И.П. Ладыжникова; умер в Берлине 10 июня 1934 г. (Русский Берлин, 1921 – 1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те / Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 11 – 13.).

поиском в Берлине покупателя его имения под Москвой, которое «при любом строе, кроме большевицкого, останется в частной собственности»³²⁸. Письмо датируется 22 декабря 1920 г., когда Гражданская война в России была уже практически закончена, а победа большевиков – несомненна. И даже позднее эмигранты совершали сделки под залог имущества в России – земель, имений и домов.

Расчёт на падение большевизма – одно из общих мест в источниках, отражающих психологическое состояние эмиграции того периода. До 1921 г. эмигранты, «на время» покинувшие Россию, ожидали победы белых, а после – надеялись на интервенцию или разрушение советского государства изнутри теми или иными способами. Эмигрант-обыватель, по выражению Р. Гуля, «просидел всю эмиграцию “на чемодане”» и в «каменной убеждённости в своей “чемоданной философии”»³²⁹. Гуть и сам верил какое-то время, что НЭП – признак эволюции СССР, которая завершится поворотом к «нормальной, национальной, правовой государственности»³³⁰. Поэт Г. Адамович, эмигрировавший в 1923 г. в Берлин, а после – во Францию, где прожил всю дальнейшую жизнь, уехал из России в 1923 году «с твёрдым намерением вернуться не позднее чем через шесть месяцев: это было время нэпа, когда все, казалось, входило в привычное русло»³³¹. Эти безнадежные ожидания оставались распространёнными и годы спустя. Одна из эмигрантских газет опубликовала в 1930 г. такую юмористическую зарисовку:

«Диалог эмигрантов:

– Вы увидите: через полгода мы будем в России!

– Вы это говорите уже десять лет.

– И ещё десять лет буду повторять, потому что я в этом уверен!»³³²

Утрата социального статуса большинством эмигрантов, проблемы заработка, незнание языка и неподготовленность к смене страны проживания компенсировались ожиданием возврата к прежней жизни. Естественным следствием было стремление отказаться от сложного адаптационного процесса и максимально связать свою повседневность с соотечественниками. Переживания, связанные с утратой занятости, социальных связей и привычного образа жизни, – всё это сложилось в формулировке поэта В. Ходасевича: «Я здесь не равен себе, я здесь минус что-то, оставленное в России, притом болящее и зудящее, как отрезанная нога, которую чувствую нестерпимо отчётливо, а возместить не могу ничем»³³³. Превращение эмигрантов в Европе в представителей «нации

³²⁸ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 209.

³²⁹ Гуть Р.Б. Я унёс Россию. Том I. Россия в Германии. С. 138.

³³⁰ Там же. С. 327.

³³¹ Цит. по: Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 104.

³³² Сатира и юмор русской эмиграции / Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998. С. 33.

³³³ Цит. по: Kissel W. S. Flüchtige Blicke. Relektueren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. AISTHESIS VERLAG.

официантов и певцов» тяжело принималось психологически; у многих складывалось противоречие между их социальным статусом и характером труда и уровнем жизни за границей. Как метко подметил А.П. Шполянский, «русский эмигрант – это чаще всего и принц, и нищий в одном переплёте»³³⁴. Потеря социального и профессионального окружения и положения, у многих неизмеримо более высокого до эмиграции, требовала психологической компенсации и усиливала стремление замкнуться в сообществе беженцев и болезненное, ностальгическое увлечение прошлым. Последнее ярко проявилось в небывалом всплеске популярности мемуарного жанра. Воспоминания (преимущественно о дореволюционной России) писали без преувеличения сотни людей, и это даже стало поводом для шуток. Масштаб ностальгии сделал её массовой психологической чертой. Ностальгические устремления стали основой, на которой затем эмигранты, не имея возможности вернуться в Россию, пытались воссоздать Россию за рубежом и формировали образы эмиграции как «Зарубежной России», «России номер два», «унесённой с собой России» и тому подобные.

Принятие случившегося приходило спустя годы после окончания Гражданской войны. Особенно заметно это в 1920-1921 гг., когда беженцы ещё совсем недавно лишились своего имущества и социальных позиций и встали перед необходимостью адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам жизни за пределами родины. Требовалось время, чтобы вполне осознать такую перемену и оставить надежды на возвращение к привычной устроенной жизни. Об этом явлении писал в 1920 г. бывший русский посланник в Швеции К.Н. Гулькевич: «Отчаянная порода эти эмигранты! Не хотят примириться с утраченным, не хотят честно приспособляться к новым, невыгодным для себя условиям. Мечтают перевернуть всё ради своих мелких выгод»³³⁵. С другой стороны, упрекнуть эмиграцию в «чемоданных настроениях» нельзя – и потому, что эти ожидания психологически объяснимы, и потому, что их рационализация опиралась на разные варианты будущего развития событий. В скорое падение большевиков верили и многие европейские политики. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, к примеру, летом 1921 г. и вовсе называл советскую власть «мёртвым трупом», который «некому похоронить»³³⁶. Со стороны положение большевиков казалось непрочным. Многочисленные восстания, голод, продолжение сопротивления на Дальнем Востоке, - всё это, казалось, говорит о неприятии советской власти значительной частью населения и о высоком уровне недовольства.

Bielefeld, 2009. S. 295.

³³⁴ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь... С. 483.

³³⁵ Гулькевич К.Н. Письма к Олафу Броку... С. 164.

³³⁶ № 238. Донесение военного агента в Чехословакии М. Леонтьева генерал-лейтенанту И. А. Хольмсену о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем и о перспективах освобождения России от большевиков // Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Т. 2. С. 401.

Журналист газеты «Время» в мае 1921 г. писал, как недавно приехавшие беженцы из Украины «искренно хохочут, когда им говорят, что на Украину нельзя будет скоро возвратиться. Для этих людей так ясен скорый переворот в России и на Украине, что они даже не понимают пессимизма своих собеседников, давно покинувших Родину»³³⁷. В данном высказывании журналист демонстрирует зависимость ожиданий эмигрантов от длительности их пребывания за границей.

Лишь через несколько лет многие эмигранты осознали безнадёжность «чемоданной философии» и, более того, поняли, что именно из-за неё не стремились к интеграции в немецкое социально-экономическое пространство. Русский берлинец, учёный С.И. Гессен сожалел позднее об этом психологическом состоянии: «Впоследствии я не раз ещё жестоко поплатился за свой легкомысленный оптимизм, который соблазнял меня выдавать собственные желания за реальную действительность и жить всё время на бивуаке, вместо того чтобы примириться с жизнью на чужбине и стараться войти в эту жизнь, не рассчитывая на скорое возвращение на родину»³³⁸. Подобное отношение к Берлину и немцам как к «фону» русского «бивуака», как у С.И. Гессена, а также В. Набокова и Н. Берберовой³³⁹, дистанцировавших себя от Германии, характерно для многих эмигрантов.

Периодически замкнутость русской «колонии» замечала и критиковала пресса. В декабре 1921 г. газета «Время» рекомендовала эмигрантам обратить внимание на немецкую жизнь и включиться в неё: «Не пора ли нам одуматься и сбросить с себя беженские ризы? Или, вернее, сбросить с себя путы беженской психики? Не пора ли громко сказать и себе, и другим, что мы, попавшие на простор западной культуры, свершаем грех, загоняя самих себя в эмигрантское подполье? Теперь, когда первое ошеломление после невольного бегства, первое изумление перед новым и непонятным прошло, преступно и глупо создавать муравьиную кучу, копать в затхлой атмосфере эмигрантской среды и вариться в собственном беженском соку?»³⁴⁰ Определения «подполье» и «вариться в собственном соку» очень чётко характеризуют стремление русских к самоизоляции от окружающего их коренного населения.

Призывы, подобные тому, что опубликовала «Время», обнаруживали, судя по мемуарам и публицистике, мало сочувствия. И.В. Гессен сравнивал отношения немцев и русских, образовавших в Берлине как бы «государство в государстве», с взаимодействием

³³⁷ Последние новости // Время. 1921. 30 мая.

³³⁸ Гессен С.И. Избранное / Сост., автор вступ. ст., Е.Л. Петренко, авторы коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 794.

³³⁹ Williams R.C. Culture in Exile... P. 323.

³⁴⁰ Робур. Эмигрантское засилье // Время. 1921. 5 декабря.

масла и воды³⁴¹. Вадим Андреев использовал ту же метафору: «Два города – немецкий и русский, - как вода и масло, налитые в один сосуд, не смешивались друг с другом»³⁴². В. Шкловский также отмечал замкнутость Русского Берлина: «Мы никуда не ездим, везде одно и то же, живём среди немцев, как море, зажатое своими берегами»³⁴³. Эмигранты читали русские газеты и книги и старались избегать столкновения со всем немецким. Молодой писатель Лев Лунц оставил одно из наиболее красочных описаний обособленности и предвзятости русских беженцев: «Немцы – идиоты. Гарпагоны³⁴⁴, грубияны. Эту аттестацию я слышал от каждого русского берлинца и удивлялся, но недолго. На второй день по приезде я убедился, что русские с немцами вообще не встречаются, не разговаривают, не якшаются. Есть эмигранты, живущие в Берлине 4-6 лет, и по-немецки, кроме слова «биттэ», ни с места. Потому что разговаривают только друг с другом, покупают в своих русских магазинах, читают русские газеты. Единственный представитель германской нации, с которым эмигрант имеет дело - это квартирная хозяйка. Отсюда ненависть ко всему германскому. [...] Они не видели ничего немецкого. Ни разу не были в немецком театре, в немецком музее, на фабрике. Не прочли ни одной немецкой книги»³⁴⁵. По свидетельству писателя, ненависть к немцам и всему немецкому на фоне мучительной тоски по родине стала характерной чертой интеллигенции. Однако и сам Лунц считал, что Берлин – «действительно, паршивый город», а немцы «чудные» (правда, русских он не жаловал ещё больше: «Но русские – г... . Такого парша я в своей жизни не видел. Сталкиваются друг с другом на всех улицах, орут на весь город и потом хором ругают немцев последними словами...»³⁴⁶).

Описанное Лунцем, Шкловским, Андреевым и другими мемуаристами было бы невозможно, если бы не большая численность эмиграции до 1924 г. и наличие сбережений у части сообщества. Появление русских магазинов, театров, врачебных кабинетов, юристов, парикмахерских, ресторанов, газет и журналов и даже пансионатов позволяло огромному числу русских решать повседневные задачи и при этом минимально контактировать с немцами. Уже в 1921 г., согласно русскому путеводителю по Берлину издательства З.И. Гржебина, в германской столице работало 6 русских банков, три ежедневные газеты, 20 книжных лавок и 17 контор крупных издательств³⁴⁷. Помимо этого, существовали десятки

³⁴¹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 52.

³⁴² Цит. по: Kissel W.S. Flüchtige Blicke. Relektueren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. S. 118.

³⁴³ Цит. по: Баев В.Г. Германское государство в межвоенный период 1919-1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60-80-х гг. XX в. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 17.

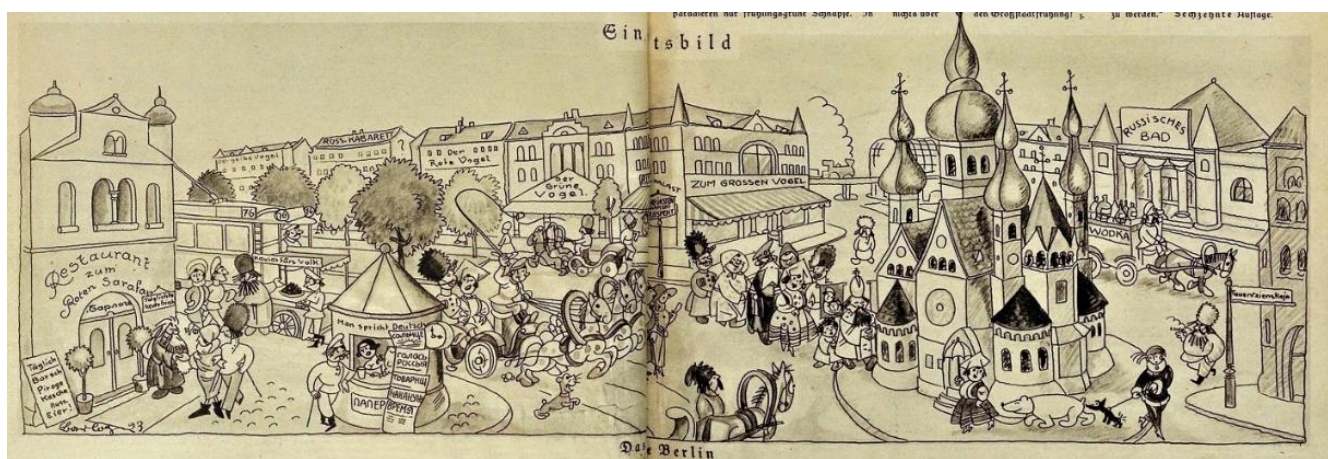
³⁴⁴ Гарпагон – герой комедии Мольера «Скупой» (1668), страдающий патологической жадой стяжания.

³⁴⁵ Лунц Л. Путешествие на больничной койке // Лунц Л. «Обезьяны идут!». Собрание произведений. Составление, подготовка текстов, комментарии, указатели, послесловие Е. Лемминга. Вст. ст. В. Шубинского. СПб: ИНАПРЕСС, 2003. С. 69 – 70.

³⁴⁶ Л.Н. Лунц – «Серапионовым братьям». 1923, 20 июня, Гамбург // Лунц Л. «Обезьяны идут!». С. 569.

³⁴⁷ Kissel W.S. Flüchtige Blicke. Relektueren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. S. 121.

союзов, имевших избы-читальни, столовые и другие помещения для встреч. С немцами контактировали в основном по необходимости - при решении неизбежных и малоприятных бюрократических и бытовых задач, например, с хозяевами жилья. Благодаря изобилию эмигрантских заведений большинство немцев знало, что русских много (правда, на этом для большинства знакомство с ними и заканчивалось), а русские получили повод для шуток вроде «Берлин мне нравится, но в нём слишком много немцев»³⁴⁸. Андрей Белый иронизировал: немецкая речь вызывает в Шарлоттенбурге удивление: «Немцы? Что они ищут в нашем городе?»³⁴⁹. Немцы отвечали взаимным юмором – один немецкий дипломат сказал, встретив эмигранта: «Нам скоро не будет места у себя дома»³⁵⁰. Русские вели активную культурную жизнь и открыли много заведений на Курфюрстендамм, широком проспекте в центре города, и в этом месте присутствие эмигрантов было особенно заметно. Популярный анекдот того времени повествует о немце, который, прогуливаясь по Курфюрстендамм, слышал только русскую речь, и, придя домой, повесился от тоски по родине³⁵¹. И.В. Гессен писал, что беженцы хоть и «составляли горсточку в четырехмиллионном Берлине и, казалось бы, должны в нем раствориться, а сумели так намозолить немцам глаза, что однажды в «Ульке» - иллюстрированном приложении к «Берлинер Тагеблатт» - появилась карикатура под заголовком «Картина будущего», изображавшая «Курфюрстендаммский проспект» и «Гауэнцинскую улицу», пестрящие русскими вывесками и названиями и редкими надписями в окнах магазинов: здесь говорят по-немецки!»³⁵².

Карикатура, упомянутая И.В. Гессеном: «Картина будущего» (1923) (Ein Zukufsbild // Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt). 1923. den 4. Mai.).

³⁴⁸ Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 182.

³⁴⁹ Bely A. Op. cit. S. 56 – 68.

³⁵⁰ Цит. по: Чередникова А.Ю. Указ. соч. С. 182.

³⁵¹ Sheldon R. Op. cit. P. 263.

³⁵² Гессен И.В. Годы изгнания... С. 139.

Обособленность русских подпитывалась и психологическими проблемами, свойственными для эмигрантов любой национальности и социального слоя. Ощущение утраты, психическая травма, напряжение и страх быть отвергнутым не позволяют быстро установить контакты с новым культурным окружением даже при знании языка и менее экстремальных условиях переезда, чем те, в которых оказалась «первая волна» русской эмиграции³⁵³. О подобных чувствах вспоминал В. Андреев: «Вначале мне казалось, что Берлин окружил меня каменным молчанием. Я не чувствовал в себе силы войти в жизнь и был полон смущения перед собственной душевной неустроенностью. Бродил по улицам, всматривался в лица прохожих, изредка знакомился с новыми людьми, но сразу же начинал их сторониться, и люди уходили, нисколько не заинтересованные моей хмуростью и отчуждённостью. Так прошло несколько месяцев, прежде чем мне удалось преодолеть себя самого»³⁵⁴. Похожие психологические переживания мы находим и в рассказе героя романа Р.Г. Баталина «Петербург на Виттенбергплатц», мужчины средних лет с десятилетним эмигрантским стажем: «Быть эмигрантом – паршивое дело. Вообще ни единого светлого момента. Всё безнадежно, серо, серо... Первые годы я жил в надежде на будущее. Я надеялся, что правление большевиков в любой момент уйдёт в небытие. [...] Но после того как все сроки [возвращения], предсказанные эмигрантскими пророками, остались позади, я начал жить сегодняшним днём»³⁵⁵.

Далеко не каждый беженец успел преодолеть подобные чувства к тому моменту, когда численность эмигрантов в столице Германии стала резко снижаться, что усложняло адаптационный процесс и дополнительно стимулировало их к отъезду. В то же время замкнутость эмиграции в Берлине в начале 1920-х гг. – явление неоднозначное. С одной стороны, сохранение развитой русской общины позволяло решить многие бытовые задачи, зарабатывать, получать помощь. С другой – это проявление массовой психической травмы, переживаемой эмигрантами на первом этапе смены среды проживания, это стремление упростить процесс адаптации, избежав самой болезненной её части – выхода за рамки привычной социокультурной среды, без которого невозможна аккультурация.

Малое распространение дружеских связей эмигрантов и немцев – свидетельство и результат замкнутости эмиграции. Источники сообщают о единичных случаях таких контактов. Даже Григорий Чеботарев, который получил в Берлине высшее образование,

³⁵³ Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 1. С. 253 – 255; Её же. Психология эмиграции. Социально-психологические и личностные проблемы / Автореферат диссертации на соискание ст. д-ра психологических наук. СПб., 1996. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy> (дата обращения: 03.02.2019).

³⁵⁴ Андреев В. Указ. соч. С. 54.

³⁵⁵ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 33 – 34.

жил и работал в Германии до 1929 г., отлично знал немецкий язык и не испытывал проблем в общении с немцами по деловым вопросам, в мемуарах не упоминает о друзьях из их среды (хотя и пишет, что конфликтов не было). Другие же мемуаристы, которых мы цитировали выше, прямо говорят, что близких отношений завязать им ни с кем из немцев не удалось, а круг общения состоял сплошь из русских (исключение в этом ряду составляет юный Николай Набоков, который благодаря занятиям музыке и общению в творческих кругах быстро завёл в Берлине немецких приятелей и подругу)³⁵⁶. Даже романтические чувства с трудом преодолевали дистанцию между эмигрантским и немецким миром. Этот вопрос имеет большую практическую значимость, так как дружеские отношения и браки сильно способствуют успешной адаптации мигрантов, культурной, поведенческой и гражданской ассимиляции. Помимо гражданско-правовых препятствий, брачным союзам мешали также материальные (отсутствие у массы эмиграции, в которой преобладали мужчины, достатка). Ещё одну помеху в этом отношении представлял, конечно, тот же языковой барьер. С весёлой иронией проиллюстрировал эту проблему Жак Нуар: «О, Каролина, - ангел прусский, - / В каких воспеть тебя стихах, / Когда ты зэр [нем. «очень»] слаба по-русски, / Я ж по-немецки очень швах [нем. «слаб»]»³⁵⁷.

В Берлине 1920-х гг. русско-немецкие любовные союзы были относительной редкостью, нам удалось обнаружить в источниках всего несколько конкретных случаев. В июне 1936 г., когда Русский Берлин практически опустел, В. Набоков, который и сам вскоре уехал, встретил в берлинском парке «компанию русских, из коих, одна, собственно, была толстой немкой и соответственно произносила, так что, когда её муж спросил: «Пупуша, ты на чём там сидишь?» - то она ответила: «на шопе»³⁵⁸. В опубликованной переписке и воспоминаниях Набокова это единственный смешанный союз, упомянутый им за 15 лет жизни в Берлине. За такой же срок И.В. Гессен вспомнил всего о двух случаях. В обеих речь шла о немках – хозяйках пансионатов – и их русских постояльцах (интеллигентах)³⁵⁹. Студент В. Андреев также едва не попал в объятия пансионной хозяйки, фрау Фалькенштейн, которая рассматривала русского юношу в качестве потенциального жениха для своей 25-летней дочери, «некрасивой девицы», и звала его «дер зюсе» [т.е. «сладкий»]³⁶⁰. А самый известный брак русского и немки относится к истории аферистов, а не обывателей: женитьба в 1928 году мошенника А. Зубкова на пожилой прусской принцессе и вдове Виктории Шаумбург-Липпе, сестре кайзера Вильгельма II (брак распался

³⁵⁶ Набоков Н.Д. Багаж. Мемуары. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 146 – 179.

³⁵⁷ Нуар Ж. Лицом к Берлину. С. 19.

³⁵⁸ Набоков В. Письма к Вере. С. 269 – 270.

³⁵⁹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 54 – 55.

³⁶⁰ Андреев В. Указ. соч. С. 58

через несколько месяцев, когда любовь юного авантюриста растаяла вслед за промотанным им 12-миллионным состоянием его супруги). Семейные союзы, таким образом, в редких случаях служили основой интеграции эмигрантов в германское общество.

Следует отметить, что изоляционизм эмиграции всё же не был абсолютным, не перерос в полную изоляцию и не привёл к образованию русского гетто. Социальные связи «верхушки» эмиграции, активность русских и иностранных благотворителей и неизбежная необходимость взаимодействия для решения базовых проблем эмиграции волей-неволей вынуждали часть сообщества к общению с немцами. Есть и другие факторы, способствовавшие преодолению обособленности эмигрантов. Сближение русских и немцев происходило также на почве социальной и чаще - профессиональной солидарности. Помимо деятелей культуры и коммерсантов, оказывали друг другу помощь представители студенчества, ветераны Первой мировой войны, юристы, машинисты, врачи. Так, в 1920 г. немецкая коллегия адвокатов (Anwaltskammer) предоставила русскому союзу присяжной адвокатуры в пользование одно из своих помещений³⁶¹; а в 1921 году русские и немецкие машинисты встречались для совместного продвижения на рынке труда и устранения конкуренции между собой³⁶². В том же году самым запоминающимся примером дружелюбия стала встреча немецких и русских ветеранов Первой мировой войны, не имевшая связи с деловой активностью эмигрантских «верхов». 20 ноября (день всех усопших) «депутация» от союза германских воинов пришла на православное кладбище на окраине Берлина – в Тегель. Немцы возложили венки на могилы русских воинов, умерших от ран. В тот же день русские возложили венки с национальными лентами Германии и России на могилы убитых немцев на немецком кладбище³⁶³.

Однако в целом контакты стотысячной массы русских и миллионов немцев в Берлине были в основном поверхностны все 1920-е гг. Факторы сближения оказались слабее факторов отчуждения – это и поглощавшие немцев политические и экономические пертурбации тех лет, и особенности взаимного восприятия, и языковая и культурная дистанция, и психологические особенности эмигрантов. Если прослойка, участвующая в культурном трансфере, некоторые коммерсанты и младшее поколение эмиграции более или менее тесно контактировали с немецкими гражданами, то большая часть русской колонии

³⁶¹ Хроника // Руль. 1920. 21 декабря.

³⁶² Хроника // Руль. 1921. 19 июля.

³⁶³ № 244. Рапорт начальника Русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-лейтенанта И.А. Хольмсена начальнику штаба Русской армии генералу от кавалерии П.Н. Шатилову о существующих в правительственных кругах Германии мнениях по русскому вопросу // Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Т. 2. С. 442.

держалась обособленно. У эмигрантов этот феномен получил название «невидения заграницы».

Несколько лучше складывались отношения в мире творческой интеллигенции и бизнеса, где притягательная сила и коммерческий потенциал русской культуры, которую привезли с собой эмигранты, стирали барьеры. Работа деятелей культуры стала ещё одним сильным фактором сближения русских и немцев, поводом к общению и совместной деятельности, в том числе предпринимательской. Уже в 1921 г. журналист И.С. Гуревич констатировал «триумф русского искусства» в Германии: «Куда ни заглянешь – не только в эмигрантскую русскую печать, но в местную германскую – всюду русские имена: Карсавина, Полевицкая, Бакланов, Брагин и т.д. И всюду похвалы, неподдельный восторг, подчас даже поклонение»³⁶⁴. Пресса регулярно сообщала об успехах русских артистов. Деятели искусства первыми стали ориентироваться на немецкую публику и вести часть своей деятельности на немецком языке, таким образом преодолевая изоляционизм эмиграции и предрассудки германского общества.

Немецкий критик В. Виттнер в 1931 г. писал, как «с конца войны, которая, как помнится, велась нами отчасти против русского варварства, разлился по нашим землям с множеством эмигрантов поток русской духовности, и новое немецкое общество вдруг открыло “русскую душу”»³⁶⁵. Этого открытия «русской души» не произошло бы, если бы не исторические события, предшествовавшие притоку эмигрантов. Интерес немцев к эмиграции и России, который получил наименование «русская мода», подпитывался естественным стремлением понять масштабные события 1917 года и Гражданской войны, а кроме того – ещё до 1914 года наметившейся модой на Ф.М. Достоевского, сменившей увлечение А. Стриндбергом. В начале 1920-х гг. она набрала силу и возникла немецкая «достоевщина» («Dostoevschina») ³⁶⁶. Появилось множество переводов романов русского классика на немецкий язык и публикаций о самом писателе³⁶⁷.

Иногда Достоевский оказывал эмигрантам услугу и помогал наладить добрые отношения с немцами. Р.Б. Гуль вспоминал, как жил в Берлине у квартирной хозяйки фрау Шмидт на Байройтерштрассе. Её муж «мечтал, что поедет в новую Россию и станет миллионером» и потому усердно учил русский язык, а сама она читала Достоевского. Если с герром Шмидтом Гуль быстро подружился, с то фрау Шмидт – нет. После очередной

³⁶⁴ Гуревич И.С. Триумф русского искусства // Время. 1921. 17 октября.

³⁶⁵ Wittner V. Theater am Kurfuerstendamm // Berlin im “Querschnitt”. / Hrsg. v. Rolf-Peter Baacke. Muenchen: Quadriga, 2001. S. 113.

³⁶⁶ Koenen G. Der Russland-Komplex... S. 348.

³⁶⁷ Лютер А. Достоевский в Германии // Грани. Кн.2. Берлин, 1923. С. 127 – 128.

перепалки из-за квартирной платы хозяйка смилостивилась и пошла на примирение: «Я была вчера так расстроена чиновником Финанцамта, что позволила в отношении вас грубость. После этого я не могла спать. Я взяла «Достоевски» и читала всю ночь «Брюдер Карамазофф». Когда я прочла о «старец Зосима» – я поняла, что мы все должны любить друг друга. Не сердитесь на меня. Я принесла вам кухены, испечённые для дня рождения герра Шмидта. Давайте помиримся, и вы останетесь у нас жить!» Так как денег на переезд у Гуля не имелось, он «был благодарен Ф.М. Достоевскому»³⁶⁸.

Русская мода захватила и кино. Вплоть до конца 1920-х гг. немецкая публика проявляла большой интерес к «русским фильмам», которые с успехом шли на экранах – о казаках, о революции, Иване Грозном; снимались экранизации произведений русской литературы³⁶⁹. На экраны вышли «Анна Каренина» (1920), «Крейцерова соната» (1922), «Униженные и оскорблённые» (1922), «Братья Карамазовы» (1920) и другие картины³⁷⁰. Прочно вошли в немецкие кинематографические круги актрисы Ольга Чехова, Ксения Десни и Лидия Потехина, которые, как писала газета «Русский Берлин» в 1927 году, «как бы перестали считаться иностранцами. Немецкая кино-публика воспринимает, переживает и чувствует их как своих». Большого успеха добились также О. Рунич, Г. Ратов, И. Мозжухин, Вера Холодная, режиссёры Маликов, Старевич и Азагаров³⁷¹. Русские режиссёры – к примеру, П.И. Чардынин и Д. Буховецкий, - работали на немецкие кинематографические фирмы. В 1920 г. было основано и русское кинематографическое общество «Руссофильм», начавшее с экранизации «Идиота»³⁷². Интересный образец русско-немецкого сотрудничества представляет Александр Васильевич Квартиров – ещё в Москве он занимался кино, работал на фабрике «Нептун», и в эмиграции также продолжил организацию киносъёмок. Последней его продюсерской работой стал очень известный в своё время немецкий немой фильм ужасов «Кабинет восковых фигур», одна из сюжетных линий которого посвящена Ивану Грозному (киностудия «UFA», реж. Пауль Лени, 1924 г.). К несчастью для искусства Квартиров скончался в Берлине в том же 1924 г.³⁷³

Завоёвывали эмигранты и немецкую сцену. В Берлине блистала Анна Павлова, большую популярность обрели балалаечные и «цыганские» ансамбли. В берлинской опере ставили «Пиковую даму» Чайковского с русскими артистами³⁷⁴, другие оперы Чайковского,

³⁶⁸ Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса. С. 100 – 101.

³⁶⁹ Е.К. Русские фильмы в Берлине // Руль. 1927. 12 февраля.

³⁷⁰ Bulgakova O. Typologie der russischen Emigrantenfilms. Russische Film-Emigration in Deutschland // Europa Orientalis. 1995. № 14. S. 39 – 40.

³⁷¹ Нагапп Е. Русские в «Уфе» // Русский Берлин. 1927. № 2.

³⁷² Театр и искусство // Руль. 1920. 3 декабря.

³⁷³ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 22.02.2019).

³⁷⁴ Русская опера в Берлине // Руль. 1921. 8 июля.

оперы Римского-Корсакова, Бородина и прочих композиторов³⁷⁵. Эмигранты попали и в мир академической музыки: выпускник петербургской консерватории Николай Граудан стал концертмейстером берлинского филармонического оркестра³⁷⁶. Появились и крупные творческие коллективы. Успех донского хора С. Жарова, выступавшего в большом зале берлинской Филармонии, был таков, что в эмиграции тут же возникли и другие казачьи хоры (особенно крупный - «Платов» Н. Кострюкова в Чехословакии³⁷⁷). Русские ансамбли выступали в немецких театрах: в Гамбурге, Мюнхене, Берлине и других городах. Свои концерты они адаптировали для немецкой публики: с одной стороны – подчёркивали русские национальные черты, вплоть до нарочито стереотипных, лубочных, с другой – исполняли немецкую музыку и старались общаться со слушателями по-немецки. Русский вокальный квинтет Н.П. Афонского исполнял наряду с русскими и немецкие народные песни, чем заслужил большую популярность³⁷⁸.

Музыканты из числа эмигрантов записывались на студиях звукозаписи Берлина и выпускали свои пластинки все 1920-1930-е гг.: русские романсы, народная музыка (особенно много – ансамбли малых струнных инструментов). Делали записи исполнители из русских театров, например, балалаечник Каро Тер-Абрамян из театра «Ванька-Встанька» - пластинку выпустила известная фирма Vox-Schalplatten Gesellschaft³⁷⁹; то же немецкое предприятие сотрудничало с Надеждой Плевицкой в начале 1920-х; записывались и артисты берлинского русского театра «Синяя птица» (фирма Parlophon). Фирма Deutsche Gramophon продавала записи выступлений кубанского казачьего хора Леонида Иванова (1931 г., Берлин), оркестра балалаек А. Михайловского (1929, Берлин), хора уральских казаков Андрея Шолуха (1928), романсы Николая Мельникова (1928, Берлин) и других музыкантов и певцов³⁸⁰. В 1920-е – начале 1930-х на музыкальном рынке появились десятки пластинок эмигрантского искусства, изготовленных в Берлине. Успехи эмиграции в этой отрасли наряду с успехами в кинематографе стали заметным результатом коммерческого сотрудничества эмигрантов и немцев.

С большим успехом проходили и русские художественные выставки (особенно в галерее Ван-Димена в 1922 году). Заслуженным спросом пользовались В. Кандинский, Б. Григорьев, С. Судейкин, В. Масютин и другие художники. Последний работал в

³⁷⁵ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 85.

³⁷⁶ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. А – Г. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 22.02.2019).

³⁷⁷ Донской казачий хор «Платов» // Руль. 1928. 3 января.

³⁷⁸ Театр и музыка // Руль. 1921. 18 июня.

³⁷⁹ Хроника // Руль. 1922. 9 июня.

³⁸⁰ Дойче Граммофон (Берлин) // Мир русской грамзаписи. [Электронный ресурс]. URL: https://www.russian-records.com/categories.php?cat_id=423 (дата обращения: 03.11.2020).

издательствах, в театре и кинематографе, остался с семьей в Берлине и был одним из немногих русских «первой волны», кто пережил Вторую мировую в Германии; Масютин жил в Вильмерсдорфе до своей кончины в 1955 г.³⁸¹

Отдельные театральные представления эмигранты начали давать в немецких театрах с августа 1919 года, их организовали Л.Б. Потоцкая и В.М. Шумской. Русские артисты играли «Осенние скрипки», «Роман», «Ревность» и «Земной рай». Чуть позже открылось русское кабаре «Голубой сарафан» при участии Л.А. Потехиной, артистки московского балета Ильиной, петроградского балетмейстера Георгия Кякшт и других артистов³⁸². Популярным русским театром стала «Синяя птица» (главный режиссёр – Я.Д. Южный), труппа которого много лет собирала залы в Берлине и гастролировала по Европе. Первое представление театр дал в 1921 году. Артисты с успехом привлекали и русскую, и немецкую публику. Его слава однажды привела даже к попытке воспользоваться брендом «Синяя птица»: в 1929 г. один делец в Штуттгарте основал журнал «Der blaue Vogel» (недобросовестную конкуренцию пресёк суд)³⁸³. «Синяя птица» давала спектакли до 1933 года. К сожалению, остальные русские театры начала 1920-х гг. не сумели добиться того же, ориентируясь прежде всего на русскую публику, и, по выражению газеты «Руль», «отцвели, не успев расцвести»³⁸⁴.

Русская мода играла эмиграции на руку, и ею активно пользовались коммерсанты. Эмигрантские театры и ансамбли, рестораны и кабаре прикладывали усилия, чтобы играть «настоящих русских», как их представляли себе иностранцы. Обслуживанием европейских стереотипов о русских они обеспечивали себе приток публики, привлечённой славянской экзотикой – пёстрыми одеждами и громкими песнями, именами и фамилиями с окончанием на «ич» и «ов», захватывающими воображение сюжетами, «по-русски» несдержанными в лучших и худших чувствах героями³⁸⁵. Роман Гуль описывал, как успешный русский ресторан «Тары-Бары» переполняли немцы. Они приходили послушать русский оркестр – звонкие струнные, красные сапоги и бархатные шаровары, яркие кушаки и рубахи: «Немцы пьют пиво. Немцы смотрят. Немцы слушают “русскую душу”, о которой так много рассказывал им “Достоевский”. Слушайте, слушайте. Домры, гитары, балалайки действительно хороши. Они стонут. Жмут сердце мягкими руками»³⁸⁶. И чем сильнее

³⁸¹ Dodenhoeft B. “Laßt mich nach Rußland heim”... S. 82.

³⁸² Офросимов Г. Русский театр в Берлине // Голос эмигранта. 1921, 20 апреля

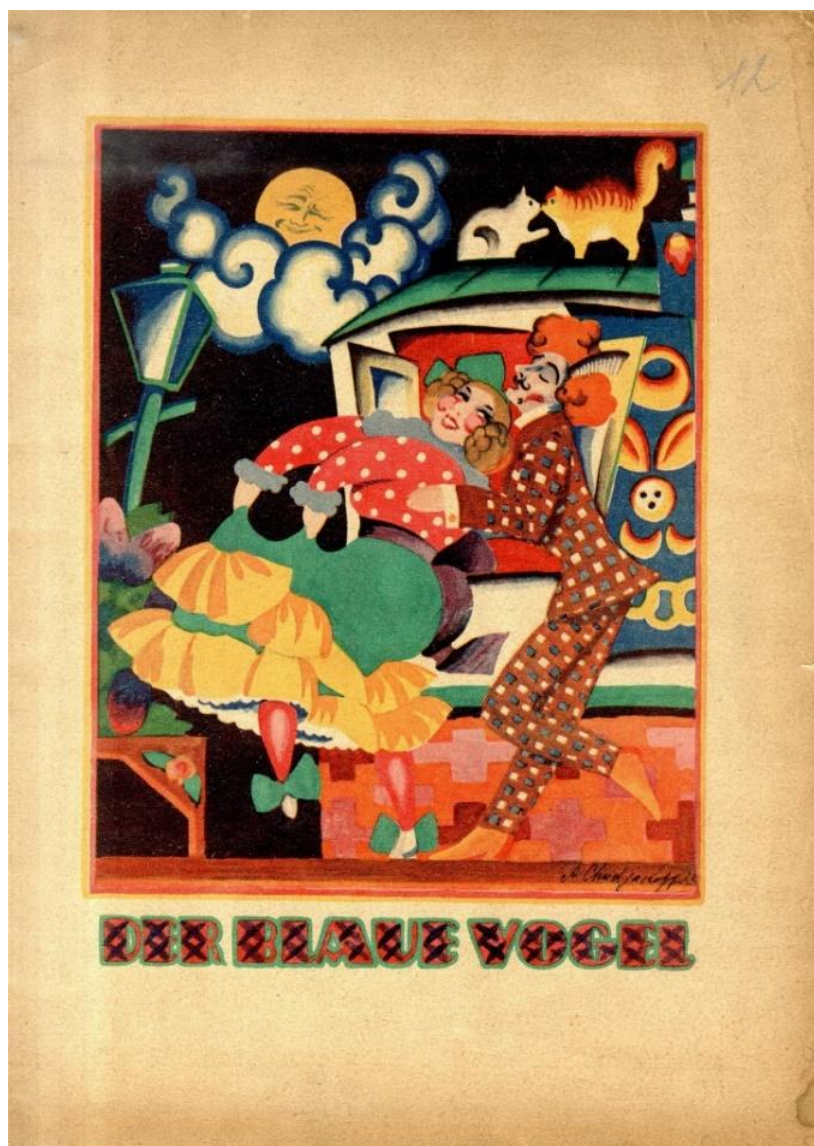
³⁸³ Иск «Синей Птицы» // Руль. 1929. 11 января.

³⁸⁴ Лери. Случайные заметки // Руль. 1921. 23 января.

³⁸⁵ Roth J. Berichte eines Mörders, erzählt in einer Nacht // Roth J. Werke. Bd. 2. S. 645; Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. С. 15.

³⁸⁶ Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса. С. 154 – 155.

музыканты поражали воображение немцев и чем скорее добивались одобрительного “Wunderschon!” (т.е. «чудесно»), тем быстрее заведение делало кассу.

Обложка программы русского театра «Синяя птица», 1922 г. (на немецком языке) (ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1046. Л. 12.).

Широкий общественный интерес к эмигрантам пришёлся как раз на начало 1920-х годов, впоследствии их публика потеряла в числе (но и её хватало для постепенно уменьшавшейся русской колонии). Известный в ту пору и весьма проницательный берлинский журналист Йозеф Рот в 1926 г. подвёл на страницах «Франкфуртер Цайтунг» итог цветению русской моды. В эмигрантах он видел «неистовый дух» их родины, «запах покинутости, кровопролитий, бедности и невероятных судеб, какие встречаешь разве что в романах». Литературный образ странников и штамп о «загадочной русской душе» делал их привлекательными. Рот выносит неутешительный вердикт Европе и ей отношениям с эмигрантами: «...чем дольше длилось их изгнание, тем больше сближались русские эмигранты с нашими о них представлениями. Они делали нам одолжение,

приспосабливаясь к нашим клише. Возможно, это ощущение порученной им «роли» как-то смягчило их горький удел. В ореоле художественного образа эту боль легче было сносить». Но по мере того как эмигранты теряли связь с Россией, пусть даже поголовно научившись изображать титулованных особ в сафьяновых сапогах, они теряли и интерес публики. «Года два всё это казалось новым, потрясающим, подлинным. Потом стало привычным и скучным», - пишет Рот. Эмигранты «медленно выпадали из собственного трагизма. Герои великой трагедии опускались на глазах. Кровавая, железная поступь истории вершилась неумолимо. Наши глаза уставали созерцать бедствия, которые сами себя спешили продешевить».³⁸⁷ Как и любая другая, русская мода оказалась недолговечна. К середине 1920-х годов её начали вытеснять новые культурные увлечения.

Особенности взаимоотношений немцев и русских имели для эмиграции ощутимые последствия. Не только государственная политика, но и личные связи оказались под гнётом обострившихся после Первой мировой войны социально-экономических проблем. Доступ к самым важным институтам, которые могли помочь беженцам влиться в немецкое общество (наёмный труд, образование, брак, социальная защита труда, право на жильё и медицинскую помощь), оказался для эмигрантов ограничен. В дополнение к этому психологические переживания эмиграции и надежды на возвращение в Россию побуждали значительную часть русской колонии следовать стратегии сепарации. Эту ситуацию смягчал взаимный интерес к чужой культуре, и особенно «русская мода». Характерно, что на этой почве складывались и успешные совместные коммерческие проекты, а русские артисты и художники надолго вошли в круги творческой интеллигенции Германии. Если эмигранты других групп крайне редко просили о немецком гражданстве (в городском архиве Берлина сохранились единицы соответствующих документов), то артисты, известные немецкой публике, делали это охотнее (к примеру, германское гражданство получили В. Кандинский³⁸⁸ и О. Чехова). Несмотря на спад увлечения русским искусством ко второй половине 1920-х годов, деятели культуры оставались сильнейшими посредниками между двумя мирами.

³⁸⁷ Рот Й. Берлин и окрестности. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 92 – 96.

³⁸⁸ Dodenhoeft B. “Laßt mich nach Rußland heim”... S. 83.

Глава 3. Социально-экономические процессы в «Русском Берлине» 1920-х – начала 1930-х годов

§ 3.1. Первые шаги в эмигрантской жизни: доход, жильё и занятость

Экстремальный характер отъезда из России огромных масс беженцев определил и условия, в которых приходилось начинать эмигрантскую жизнь. Значительная, если не большая часть русских оказалась за границей почти или вовсе без средств существования и в основном без понимания, как эти средства добыть. В относительно лучшем положении оказались те, кто сумел подготовиться. Не зря беженцы всё распродавали перед отъездом из России, покупали валюту, драгоценности и шли на различные ухищрения, чтобы вывезти эти ценности. Продавать их они начали сразу же по прибытии за границу. Те эмигранты, что унесли с собой ценные вещи, жили некоторое время за счёт этого, многие – довольно длительный срок. Значение таким образом сохранённых накоплений трудно переоценить. На протяжении многих месяцев эмигранты «кормились», относя эти вещицы в многочисленные немецкие и только что основанные русские ломбарды и ювелирные лавки.

На пике ювелирной торговли, достигнутом в 1921 – 1922 гг., число таких фирм в Берлине, учреждённых эмигрантами, перевалило за дюжину. Об этом красноречиво свидетельствуют их рекламные объявления в газете «Руль». Больше всего их публиковалось в объёмных воскресных номерах (обычно около 10 и более). Так, 16 октября 1921 года газета опубликовала 22 «ювелирных» объявления, 30 октября – 17, 13 ноября – 15, 20 ноября – 16 объявлений³⁸⁹. Несколько уменьшилось количество фирм и объявлений в 1923 году, но в воскресных номерах всё ещё публиковалось в среднем по 7-9 объявлений³⁹⁰. Под призывами продавать и покупать драгоценности значились имена коммерсантов: Николай Новак из Москвы, М. Шульц (тоже москвич), А. Бабиченко, братья Вильк из Петербурга, С.А. Вишневецкий из Киева, Владимир Маршак, Борхерт и Берман, Бриль и Гершман из Одессы, Маротти и Фрейнк, и другие.

И.В. Гессен вспоминал, что «огромное количество газетных объявлений о вновь открывшихся ювелирных магазинах, соблазнявших скупкой драгоценностей “по выгодным ценам”, свидетельствовало, что такие предложения вызваны были настойчивым спросом»³⁹¹ (рекламные объявления постоянно публиковались не только в гессеновском «Руле»). Меха и драгоценности продавались в большом количестве, а коммерсанты затем выгодно перепродавали их за валюту. Контент-анализ рекламных объявлений газеты

³⁸⁹ Руль. 1921. 16 октября; Руль. 1921. 30 октября; Руль. 1921. 13 ноября; Руль. 1921. 20 ноября.

³⁹⁰ Напр., Руль. 1923. 15 апреля; Руль. 1923. 13 мая.

³⁹¹ НИА В.И. Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Isosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 119a.

«Руль» за 1920-1921 гг. показывает масштаб этой тенденции. Из 12 237 рекламных объявлений, опубликованных в этот период, 2059 (16,82%) относятся к торговле мехами и драгоценностями³⁹².

Источники предлагают немало частных примеров, демонстрирующих значение драгоценностей. Балтийской дворянке графине Клейнмихель постепенная продажа привезённых из России ценностей долго обеспечивала скромный доход³⁹³. Знакомый Н.Н. Чебышева «существовал на изумруд, когда-то купленный после крупного выигрыша в Охотничьем клубе. Тогда его домашние за покупку ненужного перстня бранили. Оказалось, что это был самый умный поступок жизни! Перстень представлял собой целый капитал, а был вывезен за границу без труда»³⁹⁴. Внезапно сильными мира эмигрантского стали любители дорогих безделушек и коллекционеры. С походов в ломбард начиналась и беженская жизнь в Берлине инженера и фабриканта Василия Мамонова, бежавшего из Прибалтики: «Уезжая, я взял с собой очень немного денег и только самые необходимые вещи. Деньги скоро были прожиты. Затем настала очередь золотых часов и бриллиантовой булавки». И только потом Мамонов начал искать работу³⁹⁵. Обилие эмигрантских драгоценностей заметили и немцы, которые явно преувеличивали размеры беженских сокровищниц. Газета «Der Tag» писала об этом 7 апреля 1922 г. в статье «Бедность русских беженцев»: «Поначалу, в первые пару лет эти беженцы жили за счёт своего имущества. Сначала они продавали меха, и так как в России приличные люди непременно владеют хотя бы ценной соболиной шубой, то каждый русский имел по меньшей мере один такой предмет (...) и старался получить при продаже цену в 200 000 и даже 300 000 марок. На эти деньги можно прожить какое-то время. Когда выручка иссякала, за мехами следовали серьги, благородные камни и кольца; так как в России существовал обычай по всякому поводу дарить женщинам украшения, то большая часть русских женщин обладала большими шкатулками с такими вещами, и во всевозможных тайниках они укрыли их от аргусова ока «комиссаров». Так многие смогли купить доходные дома в Берлине и других немецких городах и теперь ведут вполне приемлемую жизнь»³⁹⁶.

Масштаб явления подтверждает ещё один эпизод из воспоминаний И.В. Гессена: «Чрезмерное сверкание беженских бриллиантов привлекало даже внимание властей. Однажды представитель Союза Русских Евреев Д.И. Лурье был приглашен к видному

³⁹² Руль. 1920 – 1921 гг. (см. Приложение № 3 – общие результаты анализа и список номеров, включённых в выборку).

³⁹³ Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал... С. 154.

³⁹⁴ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 19 мая.

³⁹⁵ [Erinnerungen von W. Mamonov; selbsthändig geschrieben] // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 405. Bl. 5.

³⁹⁶ Цит. по: Matthias V. Die russische Emigration und ihre "Judenfrage" // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. S. 126.

чиновнику прусского министерства вн[утренних] дел, который, начав издалека, дал понять, что в обстановке германского обеднения публичная демонстрация драгоценностей вызывает раздражение против беженцев. [...] Лурье ответил, что эти камни, вывезенные из России, обычно составляют последнее достояние, бережно хранимые про чёрный день, и беженцы вынуждены носить их на себе, ибо, ютясь в пансионах и меблированных комнатах, не рискуют оставлять их дома»³⁹⁷. Воровства эмигранты опасались небезосновательно. Подобные случаи были в Берлине тех лет на слуху, причём воровали порой соседи по пансиону и просто знакомые. Так, в мае 1921 г. газета «Руть» сообщала, что в Берлине у русской артистки Тины Бутлер некие русские подданные Л. Гинцбург, Клатт и Ш. Любельский украли бриллиантовое кольцо и деньги, которые той удалось вывезти из Советской России³⁹⁸.

В пансионах и меблированных комнатах, действительно, ютилось большинство эмигрантов – и не только в первые дни зарубежной жизни, но постоянно – месяцами и годами. Так как нужда в жилье была огромна, и сотням тысяч немцев не хватало жилых помещений, разрешение на найм квартир иностранцам давали в исключительных случаях: так, в 1922 г. иностранцы получили всего 80 разрешений, более половины из них – дипломаты. Государственные квартирные бюро (Wohnungsamt) обыкновенным эмигрантам разрешали лишь проживание в пансионах³⁹⁹.

Редко эмигранты долго задерживались на одном и том же месте. Алексей Ремизов провёл в Берлине меньше двух лет (1921 – 1923), и дважды менял жильё. Так же было у Алексея Толстого, Владислава Ходасевича и других жителей Русского Берлина. Симон Дубнов, который прожил в Берлине с 1922 по 1933 гг., переезжал с семьёй несколько раз – то съёмные комнаты, то пансионы, и только в одном месте задержался действительно надолго, на пять лет: «...кончились наши квартирные бедствия, горе всего эмигрантского Берлина: мы достали в районе Груневальда весьма удобные четыре комнаты в квартире одной профессорской вдовы (...). Впервые я почувствовал настоящий уют берлинской жизни, столь важный для умственного труженика...»⁴⁰⁰. Владимир Набоков, который с женой, а затем и сыном, жил в Берлине пятнадцать лет, всё это время провёл в пансионах и меблированных комнатах: Набоковы сменили десять адресов⁴⁰¹. Роман Гуль осел в Германии на такой же срок, и только в конце 1920-х гг. обзавёлся собственным домом – вся

³⁹⁷ НИА. В.И.Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 119.

³⁹⁸ Хроника // Руть. 1921. 14 мая; Хроника // Руть. 1921. 15 декабря.

³⁹⁹ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. С. 388.

⁴⁰⁰ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1998. С. 509.

⁴⁰¹ Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. С. 173, 185, 203, 129.

семья (Гуль, его мать и жена, брат с женой и ребёнком) переехала под Берлин в деревню Фридрихсталь. Гули приезжали туда на лето, и сумели очень дёшево купить участок земли (всё равно пришлось делать долги). На участке с братом и с помощью немецкого старика-плотника возвели домик с четырьмя небольшими комнатами⁴⁰². Не всем удавалось так удачно разрешить «квартирный вопрос». И в конце 1920-х гг. некоторые русские семьи вскладчину снимали вместе маленькие квартиры⁴⁰³.

В Берлине выходцы из России жили по большей части в знакомых им ещё до мировой войны западных районах города, в которых обитал в основном средний класс и где располагалось много доходных домов – Шарлоттенбург (тут же прозванный «Шарлоттенградом» и «Берлиноградом»⁴⁰⁴), Вильмерсдорф, Фриденау и Шёнеберг. И русские аристократы, и рядовые беженцы снимали комнаты в одних и тех же пансионах. Даже в районах с репутацией благополучных и даже «богатых» предлагались номера на любой кошелёк, кроме пустого.

Знаком пансионной жизни В. Набоков в романе «Машенька» (1926) описывал рядовой, недорогой и маленький русский пансион, который держала русская женщина, унаследовавшая дом от немецкого мужа: «Пансион был русский и притом неприятный. Неприятно было главным образом то, что день-деньской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом медленно едет куда-то. Прихожая (...) суживалась в голый, очень тесный коридор»⁴⁰⁵. Эмигрантам приходилось мириться не только с физической теснотой пансионного пространства, но и с минимальным уровнем приватности даже в заведениях средней руки. Особенно нелегко приходилось тем, кто прибывал в Германию почти без средств и вовсе не имел знакомых, в этом случае поиск приемлемого жилья мог затянуться. В такой ситуации оказался известный и прежде востребованный художник Серебряного века Иван Григорьевич Мясоедов. Он приехал в Берлин в декабре 1921 г. и в первую ночь спал на вокзале. Только на следующий день Мясоедов смог арендовать комнатку на Кохштрассе (в центре Берлина) – на верхнем этаже, неотапливаемую и со сломанным окном. Через три-четыре недели ему удалось найти постоянную (как он думал) комнату. Хозяином квартиры был некий солдат, устроивший в своём доме «грязную атмосферу», то есть нечто вроде притона. В первое время Мясоедов опасался, что его с женой могут убить, так как «там заходили и выходили всякие [люди], шлюхи и тому подобные»⁴⁰⁶. Через некоторое время художник

⁴⁰² Гуль Р.Б. Я унёс Россию. Том I. Россия в Германии. С. 339-340.

⁴⁰³ Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 14.

⁴⁰⁴ Heidenamm G. Das schreibende Ich in der Fremde.. S. 118.

⁴⁰⁵ Набоков В. Машенька. Подвиг. С. 10 – 11.

⁴⁰⁶ [Befragung von I. Mjasoedov] // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 405. Bd. 3. Bl. 222 – 223.

покинул и это место. Распространённые опасения эмигрантов, связанные с воровством в пансионатах и меблированных комнатах, свидетельствует, что чувства безопасности в таком жилье не обрёл далеко не только Мясоедов. Значительной части беженцев безопасность была не по карману. Те же, кто вовсе не имел возможности оплатить крышу над головой, могли найти пристанище в эмигрантском благотворительном общежитии; известны также случаи, когда русские оказывались в немецких рабочих домах⁴⁰⁷.

Найдя жильё и средства на первое время, эмигрант начинал поиски работы. Трудовая адаптация стала для русских беженцев главной проблемой. Оказавшись за границей, многие потеряли не только деньги и дома, но и социальный капитал – связи, способствующие развитию деловых отношений. Частично утраченным оказался и образовательный капитал, в эмиграции обесценившийся. Кроме Югославии, ни одна из европейских стран не признавала полученные в Российской империи воинские звания и документы об образовании, что делало невозможным для многих беженцев получение работы по специальности⁴⁰⁸. Лишь в доле случаев прежний российский трудовой опыт определял деятельность человека в эмиграции – в первую очередь, это касается предпринимателей и людей свободных профессий: они открывали свои лавки и офисы, оказывали услуги частным клиентам или работали на русских предприятиях: врачи, учителя, юристы, корреспонденты, литераторы.

Проблема с поиском работы усугублялась и ксенофобией, рассмотренной в предыдущей главе. Работы не хватало самим немцам, и русским доставались в основном те рабочие места, которые они создавали сами, производя конкурентоспособные товары и оказывая услуги, или те, которые не привлекали самих немцев. Большинство попало в ситуацию, типичную для беженцев-мигрантов первого поколения вообще. Англоязычные исследователи называют эту тенденцию «работой трёх D – dirty, dangerous, difficult»⁴⁰⁹. И даже на это не всегда можно было рассчитывать. Главная черта трудовой адаптации эмигрантов в Берлине – неопределённость, постоянная смена работы. Немногие могли точно сказать, чем будут заниматься даже в краткосрочной перспективе. «Я эмигрант. Я был ночным сторожем. Сельским рабочим. Каменщиком. Носильщиком багажа. Бухгалтером. Теперь я экспедитор. Завтра я могу стать директором или портье», - вот резюме десятилетней карьеры обычного русского беженца в Берлине⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ Главная книга Общества помощи русским гражданам в Берлине // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 47. Л. 163.

⁴⁰⁸ Жуков В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; науч. редактор В.Ю. Черняев. СПб: СПбГАСУ, 2011. С. 13.

⁴⁰⁹ англ. «грязная, опасная, тяжёлая» (Schlögell K. Planet der Nomaden. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006. S. 29.).

⁴¹⁰ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 230.

Главный герой набоковского романа «Машенька» Лев Ганин прошёл типичный трудовой путь русского берлинца: прибыв в Берлин, он «сразу нашёл работу и потом до января трудился – много и разнообразно: знал жёлтую темноту того раннего часа, когда едешь на фабрику; знал тоже, как ноют ноги после того, как десять извилистых вёрст пробежишь с тарелкой в руке между столиков в ресторане «Pig Gogo»; знал он и другие труды, брал на комиссию все, что подвернётся, - и бублики, и бриллиантин, и просто бриллианты. Не брезговал он ничем: не раз даже продавал свою тень подобно многим из нас. Иначе говоря, ездил в качестве статиста на съёмку, за город, где в балаганном сарае с мистическим писком закипали светом чудовищные facets фонарей, наведённых, как пушки, на мертвенно-яркую толпу статистов, палили в упор белым убийственным блеском, озаряя крашенный воск застывших лиц, щелкнув, погасали, - но долго ещё в этих сложных стёклах дотлевали красноватые зори – наш человеческий стыд. Сделка была совершена, и безмянные тени наши пущены по миру»⁴¹¹.

А вот ещё одна литературная исповедь – героя эмигрантского рассказа А. Толстого «Чёрная пятница» с тяжёлой судьбой: «В тридцати километрах от Берлина у меня семья – супруга и четыре дочки, младшей шесть месяцев, старшая слабосильна, в чахотке, две следующие – хороши собой, в настоящих условиях только счастливой случайностью могут избежать института проституции. Не строю розовых надежд. Семья питается продуктами своих рук, как-то – картофелем и овощами. Духовной пищи никакой – девчонки малограмотны. (...) В Константинополе варил халву, состоял букмекером при тараканьих бегах. В Болгарии варил халву. В Берлине варил тянучки. В настоящее время занимаюсь комиссионной деятельностью, преимущественно по подысканию квартир. По ночам пою в цыганском хоре в “Забубенной головшке”»⁴¹².

Частая смена деятельности и работа эмигрантов в сфере обслуживания и низкоквалифицированного труда, не предполагающего высшего профессионального образования, отразилась и в немецкой литературе. Персонаж Э.М. Ремарка граф Орлов, русской эмигрант в Берлине начале 1920-х гг. – «кельнер [официант – К.К.], статист на киносъёмках, наёмный партнёр для танцев, франт с седыми висками. [...] Каждый вечер он молился Казанской божьей матери, выпрашивая должность метрдотеля в гостинице средней руки»⁴¹³. Образ графа Орлова говорит персонажу-резонёру о том, что «русские

⁴¹¹ Набоков В.В. Машенька. Подвиг. С. 14 – 15.

⁴¹² Толстой А.Н. Чёрная пятница // LIBREBOOK.ME. URL: https://librebook.me/chernaia_piatnica/voll1/1 (дата обращения: 07.06.2018).

⁴¹³ Ремарк Э.М. Три товарища / Собрание сочинений: в 5 т. М.: «Внешторгиздат», 1991. Т.2. С. 391.

привыкли к неожиданностям» и необходимости быстро адаптироваться к новым условиям⁴¹⁴.

Опыт литературных персонажей точно отражает действительность, в которой пришлось жить русским берлинцам. Помимо неопределённости, для трудовой адаптации эмигрантов в 1920-е гг. характерно занятие трудом, несвойственным для бывшего социального и профессионального статуса. В этом отношении довольно туго пришлось военным, многие из которых не имели тяги и способности к интеллигентному труду и вообще не имели иных профессиональных навыков. Большинству не удавалось пробиться на литературное поприще или на коммерческую арену, и пришлось, по выражению П.Н. Врангеля, сменить «шашку на лопату и винтовку на плуг»⁴¹⁵. Военные подрабатывали в сфере обслуживания (шофёры, официанты, повара и т.п.), на сезонных работах в сельском хозяйстве, на лесозаготовках и в шахтах, на фабриках и в кустарных мастерских, - везде, где мог понадобиться низко- или вовсе не квалифицированный труд. Бывшие солдаты и офицеры постоянно нуждались и чаще других обращались за помощью к благотворительным организациям⁴¹⁶.

Усугубляло трудовые проблемы эмигрантов, ранее пользовавшихся высокими доходами, неумение распределить заработанные средства и планировать расходы, а проще говоря, бесхозяйственность. Некоторым эмигрантам приходилось чуть ли не впервые самостоятельно приобретать продукты питания и бытовые товары, делать уборку в доме, интересоваться ценами и способами сэкономить. В 1923 г. Жак Наур писал, как обладатели драгоценностей, сбежавшие из своих имений и домов, за два-три года берлинской жизни проели вывезенные сокровища, не думая о завтрашнем дне: «Отели, обеды с винами и ликёрами, изысканные наряды – вкоренившиеся привычки... Управляющие имениями денег не шлют, дома и особняки дохода не приносят, средства идут к концу...»⁴¹⁷ Когда деньги неизбежно заканчивались, люди часто оказывались перед тяжёлым выбором, и многие думали – а не вернуться ли на родину... О судьбе эмигранта, проевшего все вывезенное из России, в 1927 г. даже был снят в Берлине фильм – «Тоска по родине» (режиссёр – итальянец А. Ригелли). По сюжету, молодая княгиня Трубецкая, потеряв в Париже отца, проживает весь запас драгоценностей. Вначале она живёт в хороших пансионах и посещает весёлые русские вечера, затем ютится в бедных меблированных комнатах, не может найти работу, и, наконец, близка уже к самоубийству. Тогда её

⁴¹⁴ Там же. С. 524.

⁴¹⁵ Жуков В.Ю. Указ. соч. С. 13.

⁴¹⁶ В Обществе помощи русским гражданам // Руль. 1923. 30 марта.

⁴¹⁷ Нуар Ж. В бинокль жизни // Время. 1923. 26 ноября.

выручает бывший управляющий отцовского имения Иван. Охваченный тоской по дому, он помогает ей, и оба они совершают шаг в пустоту – едут обратно в Россию⁴¹⁸.

Учитывая бесхозяйственность, ясно, что в первые годы нелегко приходилось тем, кто мог найти себе лишь очень скромный заработок. Интеллигенция активно подрабатывала частными уроками – учили других русских и немцев всех возрастов языкам, наукам и специальным навыкам. Более всего удача и успех сопутствовали самым выдающимся мыслителям и учёным – пассажирам «философского парохода» (в том числе благодаря вниманию к ним немецкого правительства). Князь С.Е. Трубецкой, один из изгнанных советской властью в 1922 г., вспоминал: «Всем нам удалось, относительно легко и скоро, более или менее прилично устроиться, до «ночлежек», слава Богу, никто не опустился»⁴¹⁹. С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, Ю.И. Айхенвальд и Н.И. Бердяев, к примеру, работали в Русском научном институте, затем Франк преподавал и в Берлинском ун-те. Другим, менее известным (и особенно молодым) интеллигентам приходилось труднее. В. Набоков, к примеру, давал уроки тенниса и шахмат, занимался переводами. Затем его книги и права на их издания за рубежом стали приносить дополнительный доход, но даже в начале 1930-х гг. Набоковы «вечно нуждались в деньгах»⁴²⁰. Занятость таких людей в значительной степени обеспечивалась высокой численностью русской «колонии», так как они обслуживали в основном своих соотечественников и ориентировались на «эмигрантский рынок».

Бывших аристократов, живших в России рентными доходами, так же, как и интеллигентов, можно было легко теперь увидеть на низкооплачиваемой работе. Некоторые из них использовали свои творческие способности. Князья (или те, кто называл себя князьями) зарабатывали на жизнь балалайкой и пением⁴²¹, и даже заезжий советский рабочий в командировке, заглянув в русский ресторан, восхищался: «Здорово дворяне дуют!»⁴²². Музыкальные и театральные труппы в Берлине в 1921 – 1923 гг. появлялись, как грибы после дождя. Одни работали на сценах, другие (чаще) в русских ресторанах и кабаре. Эмигрантки становились прислугой, эмигранты – портье и официантами, киностатистами, агентами по всяким поручениям, таксистами (в 1926 г. в Берлине было около 140 русских таксистов⁴²³) и т.п. Кустарную работу вроде набивания табаком папирос брали на дом целыми семьями. У таких аристократов на работе низкого социального статуса появились

⁴¹⁸ Я.Ш. «Тоска по родине» // Русский Берлин. 1927. Ноябрь. № 6.

⁴¹⁹ Цит. по: Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов... С. 103.

⁴²⁰ Набоков В.В. Другие берега: автобиография. С. 219, 233.

⁴²¹ Roth J. Der Fürst und die Balalaika // Berliner Börsen-Courier. 1922. den 23. März.; Пир во время голода // Время. 1922. 27 марта.

⁴²² Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса. С. 155.

⁴²³ Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S 16.

особые наименования, на немецкий лад: фюрст-таксифарер («князь-водитель такси») и графиня Кельнерин («графиня Официантка»)⁴²⁴. В первое время многие стыдились идти в комиссионеры или сферу обслуживания, но затем, как правило, смирились. В 1922 году газета «Время» констатировала, что «старые предрассудки белоручничества вымирают постепенно даже в той части эмиграции, в которой столетиями накопились традиции бездельничества: в среде наших буржуазных дам»⁴²⁵.

В ряде случаев за несколько лет упорного труда аристократы занимали видное положение и вполне вписывались в немецкую среду. С одной подобной историей в декабре 1929 года познакомил читателей репортёр «Руля» Владимир Деспотули⁴²⁶; он беседовал с управляющим известного шикарного бара-ресторана в Вестене. Эмигрант, представитель «старинной фамилии» в «элегантном фраке и в белой тужурке» поведал свою историю: «Начал я работать лет пять тому назад в маленькой русской столовой (...), научился кое-как жонглировать тарелками и пошёл искать службы у немцев, благо и столовка наша прогорела. Вот вдвоём с приятелем мы и попали к нынешнему моему хозяину, увидевшему, что и этой работе мы, русские, отдаём вдохновение, что не работаем мы, как немцы, - восемь часов отрубим, а там – море по колено. Из сподручных перевели меня в обера, произвели затем в обер-кельнера. Теперь вот я вроде управляющего – правая рука хозяина. Каковы заработки? Да вам скажи правду, а вы в газету тисните и нагрянут друзья. Зарабатываем неплохо», и, улыбнувшись, добавил, «наверное, во много раз больше газетных сотрудников!»⁴²⁷.

Историк Беттина Доденхофт, на наш взгляд, правильно указывала, что проще всего для эмигранта было работать по найму в частных фирмах, а в лучшем случае – открыть микропредприятие вроде лавки или кафе⁴²⁸. Бралась при этом за любую доступную работу, так как найти занятость, адекватную профессиональным навыкам, считалось удачей. Это стало проблемой для эмигрантов всех сословий, званий, возрастов и полов. «У эмигрантов [...] не осталось места и для выбора профессии – приходилось жадно хвататься за любое занятие и считать себя счастливецом, если вообще что-нибудь попадает под руку», - писал И.В. Гессен⁴²⁹. В качестве иллюстрации он привёл пример эмигранта, бывшего чиновника,

⁴²⁴ Лурье В. Воспоминания. URL: <https://magazines.gorky.media/studio/2007/11/vospominaniya-11.html> (дата обращения: 20.11.2020).

⁴²⁵ Труд и капитал // Время. 1922. 27 марта.

⁴²⁶ Впоследствии он остался одним из немногих русских эмигрантов-журналистов, кто прижился при нацистах и начал писать антисемитские тексты, за что получил от бывших коллег прозвище «Гестапули».

⁴²⁷ Д. Влад. Заметки репортёра // Руль. 1929. 10 декабря.

⁴²⁸ Dodenhoeft В. “Laßt mich nach Rußland heim”... S. 15.

⁴²⁹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 225.

после нескольких лет «полуголодного прозябания» в Берлине уехавшего в Бразилию, где тоже часто менял работу - был маляром, пекарем и рабочим⁴³⁰.

Бывший артиллерист Григорий Чеботарев, став в Берлине студентом и получая стипендию, подрабатывал частными уроками, а лето проводил, «размахивая кувалдой в команде клепальщиков на стройке в польской Верхней Силезии»⁴³¹. В. Александров тоже приобрёл в Берлине начала 1920-х гг. опыт работы сразу в нескольких сферах, часто упоминаемых в газетных объявлениях: «Сначала я продавал бытовую электронику. [...] Затем я подрядился продавать автомобили. Потерпев на ниве коммерции фиаско, я попытался преподавать французский язык и занялся переводами. Денег эти занятия практически не приносили. И я влачил жалкое существование, продавая сигареты в ночном клубе... Работал вышибалой в баре «Эльдорадо», который посещали немцы... Вскоре уволился, стал продавать шёлковые чулки и духи из маленького магазинчика, который принадлежал двум русским. [...] Вскоре нашёл работу таксиста. Но иностранцу нечего было рассчитывать на то, что она окажется постоянной»⁴³² (последнее предложение процитированного фрагмента особенно характерно). Спасённый немцами из пекла Гражданской войны Роман Гуль работал на лесоповале (причём плата была вдвое меньшей, чем у немецких лесорубов), затем редактировал литературное приложение в газете «Накануне», работал в разных изданиях редактором, сам писал книги. Он принадлежал к числу успешных эмигрантов, нашедших себе интеллигентный труд. Если бы не сильная воля молодого человека к лучшей жизни, он остался бы на лесоповале, как десятки других бывших военных.

Существенную нишу трудового рынка для иностранцев представляло в те годы непрестижное у эмигрантов, но достаточно открытое сельское хозяйство. Ещё до мировой войны в германском сельском хозяйстве трудилось около 400 тыс. иностранцев⁴³³, потребность в них (хотя и в 2-3 раза меньшая) сохранялась и в 1920-е годы⁴³⁴. Немало беженцев воспользовалось этой возможностью. Вместе с бывшими военнопленными они устраивались на сельские работы в разные имения или в русские артели (некоторые артели вели свою деятельность в пригородах Берлина). По предположению «Руля», русских сельских рабочих по всей Германии в 1927 году насчитывалось 20-25 тысяч⁴³⁵.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Чеботарев Г. Правда о России... С. 354 – 355.

⁴³² Цит. по: Чередникова А.Ю. Указ. соч. С. 183 – 184.

⁴³³ Wesley D. C. Germany for Germans? The political effects of International migration. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1997. P. 6.

⁴³⁴ Herbert U. Geschichte der Ausländerbeschäftigung in Deutschland 1880 bis 1980... S. 114 – 118.

⁴³⁵ А.Б. Безвыходное положение // Руль. 1927. 13 февраля.

Впоследствии многие из них уехали во Францию и Бельгию, так как в Германии падал спрос на труд иностранцев⁴³⁶.

Подобные низкоквалифицированные рабочие места давали скромный доход на грани прожиточного минимума, 18-20 марок в день в 1920-1921 г. – хватало, по словам военных, работавших в сельском хозяйстве и на заводах в окрестностях Берлина, чтобы «подкормиться; иногда и на табак»⁴³⁷. Позднее вследствие инфляции суммы, конечно, увеличились, но лишь номинально. Повседневная жизнь массы эмигрантов превратилась в этих условиях в перманентную погоню за работой и деньгами, даже у знаменитых представителей творческой интеллигенции.

Красочным свидетельством проблем трудовой адаптации являются опросные листы русских инженеров. В 1921 г. опрос выполнило бюро труда Общества русских инженеров в Германии. В документах Общества, отложившихся в ГАРФ, сохранилось 47 анкет. Заполнены они в довольно свободной манере, часть респондентов игнорировала некоторые вопросы. Тем не менее даже по ним можно судить о положении квалифицированных инженеров в Берлине: из числа опрошенных 30 человек сообщили, что нуждаются в помощи по трудоустройству, так как сидят вовсе без работы или получают слишком маленький доход (при этом значительная часть из них (26) указала на своё хорошее или свободное владение немецким языком). Многие заявляли, что готовы к любой работе. Инженеры, склонные более подробно заполнять анкету и писать о деталях своего трудового опыта, писали, что в Германии занимаются случайным мелким заработком: переводы, уроки, продажа картин, кустарное производство, мелкая посредническая торговля...⁴³⁸

При всех трудностях русских на рынке труда неудивительно, что в эмиграции постоянно существовала группа эмигрантов (с непостоянным составом), которые не могли найти работу. Как писала газета «Руль», «многие из русских эмигрантов живут на чужие средства»⁴³⁹. Такие эмигранты зависели от пожертвований частных лиц, денежных пособий и прямой помощи благотворительных организаций в виде готовых обедов, продуктов, лекарств, одежды, обуви, табака и т.д. Прежде всего, это инвалиды, одинокие женщины с детьми, студенты. О положении студентов, которых, по сведениям Союза российских студентов, уже в феврале 1921 г. в Германии насчитывалось 2-3 тыс.⁴⁴⁰, имеются некоторые сведения. От русских, немецких или американских благотворителей многие получали

⁴³⁶ Безработные беженцы // Руль. 1927. 20 января; Wesley D. C. Germany for Germans? The political effects of International migration. P. 7.

⁴³⁷ Б.Ч. Русские офицеры на сельскохозяйственных работах // Руль. 1921. 26 мая; Хроника // Руль. 1921. 11 января.

⁴³⁸ ГАРФ. Ф. 5835. Оп. 1. Д. 18. Опросные листы безработных русских инженеров в Германии. Л. 2 – 59.

⁴³⁹ И.Р. Русские эмигрантские и германские налоги // Руль. 1920. 17 декабря.

⁴⁴⁰ Хроника // Руль. 1921. 4 февраля.

стипендии. Г. Чеботарев и В. Андреев получали 15 американских долларов в месяц⁴⁴¹, что было достаточно для удовлетворения простых потребностей – оплаты скромного жилья и пропитания. Г. Чеботарев ещё давал уроки английского языка, но стипендия играла ключевую роль – лишившись её на некоторое время, он вёл уже полуголодное существование.

Нестабильность доходов благотворительных организаций ставила зависимые категории беженцев в ненадёжное материальное положение. Разными путями они стремились получить собственные источники дохода, что было непросто в условиях увеличивающейся в Германии безработицы. Вереницы очередей у бирж труда постепенно превращались в толпы, состоящие не только из немцев, но и иностранцев, готовых взяться за любую работу – иностранцев, которые, по выражению В. Шкловского, «подъедали оставшееся». И всё же, хотя, по словам И. Гессена, «растущая беженская нужда стучалась почти во все двери»⁴⁴², эмигранту ещё было что «подъедать».

Интересное мнение о занятости русских высказал в 1927 г. рейхскомиссар по надзору за общественным порядком⁴⁴³ Герман Кюнцер: по его словам, «с течением времени в русской эмиграции произошла пролетаризация многочисленных элементов. Число рабочих, которое в 1920-1921 гг. в эмиграции было, очевидно, ничтожно мало, впоследствии заметно выросло». В связи с этим Кюнцер даже считал, что эмигранты начали больше симпатизировать социал-демократам и эсерам⁴⁴⁴. Более точное представление о трудовой адаптации русских даёт исследование берлинского рынка труда, в октябре 1921 г. проведённое Трудовой комиссией Общества помощи русским гражданам в Германии. Согласно его данным, наиболее востребованы были: русская прислуга и переводчики и учителя, бонны, машинисты и клерки. Все предложения кроме прислуги находили превышающий их спрос. Однако это небезынтересное исследование, анализирующее работу Трудовой комиссии за длительный период – с апреля по октябрь 1921 г., опирается на едва ли репрезентативную выборку – изучено 85 обращений, из просителей получили работу только 21 человек (3 прислугой, 2 конторщика, 4 машиниста, 2 няни, 5 переводчиков и учителей, 5 – другие профессии)⁴⁴⁵.

⁴⁴¹ Чеботарев Г. Правда о России... С. 353; Андреев В. Указ. соч. С. 55.

⁴⁴² Гессен И.В. Годы изгнания... С. 68.

⁴⁴³ Эта должность в МВД Веймарской республики существовала в 1920 – 1929 гг.: рейхскомиссар занимался наблюдением за политическими партиями и объединениями. Кюнцер, судя по сохранившимся документам, имел информантов и в среде русской эмиграции.

⁴⁴⁴[Die sozialistischen Gruppen in der russischen Emigration] // РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 100. Л. 78.

⁴⁴⁵ Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания... С. 70 – 71.

Более информативны для изучения рынка труда в Берлине результаты контент-анализа газеты «Руль», в которой в 1921 году было размещено 431 объявление о предложении работы⁴⁴⁶. Они имеют значение ещё и по той причине, что многие эмигранты не знали в достаточной мере немецкого языка и стремились работать в кругу соотечественников, а потому обращались в поисках работы к русским организациям и объявлениям в русской прессе. Результаты анализа представлены в следующей таблице:

Январь – июнь 1921 г.		Июль – декабрь 1921 г.	
Профессия	Количество объявлений	Профессия	Количество объявлений
Прислуга	48	Прислуга	122
Торговое представительство	20	Торговое представительство	21
Стенографист (-ка)	17	Стенографист (-ка)	51
Корреспондент (-ка)	5	Корреспондент (-ка)	14
Переводчик (-ица)	8	Переводчик (-ица)	3
Канторщик (-ица)	8	Канторщик (-ица)	3
Учитель (-ница)	16	Учитель (-ница)	14
Портной (-ая)	1	Портной (-ая)	8
Творческие профессии (музыканты, танцовщицы, артисты)	7	Творческие профессии (музыканты, танцовщицы, артисты)	7
Другие профессии	35	Другие профессии	23
Всего	165	Всего	266

Мы не располагаем данными о том, какую реакцию вызывали размещённые в «Руле» предложения о работе. Вероятнее всего, большая их часть находила избыточный спрос. Предложения исходили от русских, с которыми эмигрантам, в том числе не имевшим документов, было проще наладить отношения. Большая часть объявлений уникальны, повторы одного и того же объявления встречаются редко, что также свидетельствует о быстром удовлетворении запросов. Повторялись объявления о предложении занять рабочее место, для которого кандидат должен обладать специфическими навыками – так, например, предложение стать управляющим банка повторялось во втором полугодии 1921 г. пять раз.

Обращает на себя внимание факт постепенного увеличения предложений о работе на страницах газеты – более половины приходится на второе полугодие 1921 г. Возрастало количество предложений о работе прислугой (няни, кухарки, горничные и др.), стенографистками, корреспондентами, а также в сфере пошива одежды. Стабильно требовались торговые представители, учителя, артисты. Единичны предложения работы

⁴⁴⁶ Для контент-анализа использованы 293 из 305 номеров за 1921 г. (январь-декабрь) (т.е. 96% всех номеров за год).

для инженеров, токарей, адвокатов, бухгалтеров, столяров, разного рода администраторов. Росло количество русских в Берлине, с ними – русских организаций, предприятий и рабочих мест. Примечательны и размещённые в газете объявления с предложением разного рода уроков (559 объявлений за 1921 г.). Некоторые из них предлагали обучение навыкам и ремёслам, востребованным в Берлине – стабильно предлагались уроки иностранных языков, курсы шофёров, уроки танцев и пения. Подобные объявления демонстрируют устойчивое стремление эмигрантов к поиску «интеллигентного труда» и работы в сфере услуг.

Высокий спрос на прислугу, особенно заметный по объявлениям второго полугодия 1921 г. (часто встречаются такие объявления и в 1922 – 1923 гг.) свидетельствует, что с ростом русской диаспоры в Берлине увеличивалось количество эмигрантов, которые за счёт прежних связей, навыков, капиталов и удаче достигли уровня жизни, позволяющего использовать наёмный труд для организации личного быта. Их относительная доля в социальной структуре эмигрантов была невелика, но они стали источником дохода для большого количества соотечественников, предоставлявших им всякого рода товары и услуги и так зарабатывавших на жизнь. Одни эмигранты получали хороший доход на ловких сделках в период инфляции, заказывали в открытом русском офицером Кировым ресторане «Caligari» лучшие блюда, а другие им угождали. В. Андреев так описывал прослойку «дельцов»: «Биржевики, спекулянты всех размеров и оттенков, купцы, богатые бездельники, шибера, банкиры, просто случайные люди, не имевшие никакого отношения ни к гуманитарным, ни к точным наукам, но в которых вдруг проснулся Остап Бендер...»⁴⁴⁷ В Берлине открылись десятки русских развлекательных и гастрономических заведений, частных врачебных кабинетов, юридических контор. Газета «Берлинер Тагеблатт» сообщала, что дела у их владельцев часто «идут блестяще»⁴⁴⁸. Большое количество эмигрантов и какое-то число немецких потребителей обеспечивали им коммерческий успех.

Состоятельная прослойка эмигрантов и их семьи нуждались в учителях, нянях, торговых представителях, работниках предприятий. Эта группа выполняла важную социальную функцию – их уровень жизни и потребления способствовал адаптации других беженцев. Для множества эмигрантов пропитание обеспечивалось их русскими клиентами. В серьёзной зависимости от русскоязычной аудитории оказались журналисты, литераторы, артисты, учителя. Учитель И. Пузино вспоминал о своём трудовом пути: «Большое

⁴⁴⁷ Андреев В. Указ. соч. С. 55.

⁴⁴⁸ F. Sdl. Die russischen Emigranten in Berlin // Berliner Tageblatt. 1921. den 24. Dezember.

количество беженцев (особый наплыв русских эмигрантов в Берлин имел место в 1922 году) обусловило достаточный контингент русских детей дошкольного возраста. При этом в Берлин съехались, в частности, те эмигранты, которые имели в своём распоряжении некоторые суммы в той или иной валюте, что в годы инфляции обеспечивало в Германии дешёвую жизнь. Не обосновываясь особенно прочно, такие беженцы охотно отдавали своих детей в русскую школу»⁴⁴⁹. За один урок хороший учитель мог получить 1 американский доллар, что обеспечивало «сытую жизнь и возможность нормальной работы» (оплата комнаты, по воспоминаниям И. Пузино, стоила около 6 долларов в месяц). Количество объявлений об уроках, даваемых в «Руле», показывает, что уроки как способ заработка получили большое распространение – работали или подрабатывали этим, судя по всему, сотни эмигрантов: 559 объявлений (4,56%) в 1920 – 1921 гг. Когда в 1923 г. русский Берлин покинули десятки тысяч русских, те эмигранты, что предоставляли им товары и услуги, потеряли большую часть заработка. В 1926 г. в Берлине оставалось уже всего 35 русских учителей⁴⁵⁰, и число их затем снижалось.

Хотя определённая прослойка пребывала в относительном благополучии, большинство эмигрантов жило под угрозой бедности или стояли на её пороге. Попытки описания социальной структуры эмиграции с помощью косвенных данных (контент-анализа и др.) позволяют сделать предположения об уровне жизни, но более важны собственные оценки, сделанные эмигрантами на страницах прессы и в мемуарах. В 1921 году в «Руле» не менее 22 раз упоминалось тяжёлое материальное положение беженского сообщества. Жизнь эмигрантов характеризовалась эпитетами «катастрофическая», «изгнанническая», эмигранты – словами «ободранные и обобранные», «несчастные, обнищавшие», «голодные, раздетые», претерпевающие «крайнюю нужду» и т.п. Многим не хватало даже одежды и обуви, из-за чего они не могли начать поиски работы⁴⁵¹. Всего трижды за год «Руль» упоминал тех, чьё положение можно назвать безопасным. Так, русские учёные в Берлине, сравнивая себя с оставшимися в России коллегами, назвали своё положение «достойным человеческим существованием»⁴⁵². В другом случае «Руль» писал о причинах наплыва в Берлин русских артистов: их «первое всего привлекает в Берлине присутствие здесь большой русской колонии. 50 000 русских – из них добрая треть не нуждающихся ни в сербских разменах, ни в русских комитетах, людей, живущих свободно и, казалось бы, могущих до известной степени “поощрять искусство”»⁴⁵³. Это

⁴⁴⁹ Пузино И. Русский учитель в Германии // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 313 – 314.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Жертвуйте! // Руль. 1921. 7 мая.

⁴⁵² Криличевский С.А. Труды русских учёных за границей // Руль. 1921. 18 декабря.

⁴⁵³ Лери. Случайные заметки // Руль. 1921. 23 января.

предположение подчёркивает увеличение категории эмигрантов, жизнь которых обеспечивалась расходами состоятельной части беженцев. Показательно и сообщение газеты от 5 августа 1921 г.: «Те русские, которые живут сейчас в Германии, в подавляющем большинстве уже устроились в Германии более или менее основательно, занимаются здесь определённым делом, уплачивают налоги и пр.» Сообщение характеризует достигнутый уровень социальной адаптации – в тот момент наблюдателям казалось, что большинство справились с первостепенной задачей, «устроились» и имеют достаточный для удовлетворения базовых потребностей доход.

Вместе с тем неблагополучие, бедность или её угроза всё же остаются преобладающими характеристиками социально-экономического положения эмигрантов в Германии и Берлине в целом. Кустарные ремёсла и мелкие подработки, ставшие занятием для тысяч беженцев, не могли обеспечивать их длительное время. Хронически высокая безработица, особенно острая в 1922-24 гг., приводила к увеличению категории эмигрантов, которые продавали всё, что ещё имели, а затем в лучшем случае покидали Германию или попадали в зависимость от помощи общественных организаций. Актуальность работы благотворителей, внимание прессы и постоянные призывы к пожертвованиям лишней раз доказывают, что рынок труда в Берлине 1920-х гг. не мог обеспечить потребности русской колонии, особенно в первой половине 1920-х, когда эмигрантов было очень много. Судя по документам берлинского Общества помощи русским гражданам, работу в этот период подчас не могли найти даже молодые мужчины рабочих профессий: каменщики, столяры, плотники, слесари, кузнецы; в той же лодке оказались конторщики, машинисты и шофёры⁴⁵⁴. Материальные трудности представляли серьёзное эмоциональное испытание, порождали, как писал в 1921 г. А.А. Гвоздинский, «отвратительное ощущение зыбкой почвы под ногами»⁴⁵⁵, побуждали искать другое пристанище.

Как показывает контент-анализ «Руля», экономической основой жизни эмигрантов стали мелкая торговля и оказание всевозможных услуг. В 1920-1921 гг. в газете было размещено 12 237 рекламных объявлений⁴⁵⁶. Из них 3 972 (32,48%) относятся к сфере услуг (в том числе рестораны, кафе, бары, медицина, юриспруденция, туризм и др.), 3 237 – к сфере торговли (26,46%) – самыми разнообразными товарами: от водки и шляпок до автомобилей. Подобная структура предложения на рынке, по нашему представлению, вполне характерна для городского сообщества и является признаком разносторонней

⁴⁵⁴ Список лиц, желающих поступить на работы // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

⁴⁵⁵ Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918 – 1921) // Минувшее. Вып. 18. С. 476.

⁴⁵⁶ Подсчёт велся по номерам газеты «Руль», опубликованным в 1920 – 1921 гг. В этот период появился 341 номер газеты, из них в распоряжении автора оказался 321, в выборку не вошли следующие номера: №№ 1-4, 13, 14, 18, 25, 35-39, 41-42, 46, 48, 55, 58, 218, 227.

экономической активности эмигрантов. Ещё 2 059 объявлений (16,82%) хотя и относятся к сфере торговли, выделены в отдельную категорию⁴⁵⁷ – уже упомянутая торговля драгоценностями. До 1923 жизнеспособности ювелирных лавок и ломбардов на рынке способствовали безработица (вынуждающая продавать драгоценности) и дешёвизна марки при галопирующей, а затем и гиперинфляции.

О значении инфляции стоит упомянуть отдельно, так как обесценивание германской марки стало важнейшим фактором всех социально-экономических процессов в Русском Берлине до конца 1923 г. Для эмиграции в целом инфляция, пока она ещё не стала гиперинфляцией, была благоприятным фактором. Именно из-за неё в 1921 г. многие русские перебирались в Германию. Низкая цена марки позволяла даже в отсутствие постоянной работы длительный срок жить за счёт сбережений и помощи благотворительных организаций⁴⁵⁸, другим же при наличии капитала и коммерческих навыков инфляция давала возможность сравнительно легко заработать. Берлинская газета «Время» писала 12 декабря 1921 г.: «Здесь нет человека, который не сделал бы в последние месяцы и недели какого-нибудь валютного оборота. [...] «валюта» теперь в Германии самое популярное слово»⁴⁵⁹. Кроме того, инфляционные цены позволяли экономить на отсрочках некоторых платежей. Где ещё мог И.В. Гессен оплатить 75-миллионный долг за ремонт центрального отопления в квартире пятьюдесятью американскими центами?⁴⁶⁰

У слабой марки, однако, была обратная сторона, и в конечном итоге катастрофическая гиперинфляция 1923 г. принесла эмиграции огромный вред. Препятствием для получения стабильного дохода было не только общее расстройство экономики, но и моментальное обесценивание заработков, если удавалось получить работу. Инфляция делала жизнь дешёвой лишь некоторое время и не для всех. Больше всего экономическое бедствие ударило по среднему классу и по бедным – по тем, кто зависел от регулярных доходов, получаемых в марках. Для них цены всё время росли, причём быстрее, чем обесценивалась по отношению к доллару германская национальная валюта. Апогей настал осенью 1923 года. Если в 1920 году проезд на трамвае стоил 50 пфеннигов, то в середине октября 1923 года – 100 млн марок, а за ноябрь цена практически «взорвалась»: выросла с 2 (1 ноября) до 150 млрд марок (22 ноября)⁴⁶¹. 20 октября 1923 г. буханка хлеба (2 кг) стоила 1 млрд марок, два дня спустя 2,5 млрд, 24 октября – уже 7,5 млрд. 6 ноября цена хлеба составила уже 80 млрд марок, многие промышленные предприятия устроили

⁴⁵⁷ Результаты контент-анализа по всем категориям см. в Приложении № 3.

⁴⁵⁸ Williams R.C. Culture in Exile... P. 112.

⁴⁵⁹ Жертвы валюты // Время. 1921. 12 декабря.

⁴⁶⁰ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941). С. 34.

⁴⁶¹ Mann W. Berlin zur Zeit der Weimarer Republik... S. 69.

свои собственные пекарни и выплачивали часть зарплат хлебом⁴⁶²; коммерсанты работали по бартеру, избавляя себя от ежедневной бешеной погони за ценами, а когда опасались продешевить, вообще прекращали торговлю, иногда неделями отказываясь продавать товар. По воспоминаниям Н.Н. Чебышева, «барометр доллара взносил в жизнь трепетные эмоции. Достигал 160 тыс. марок, потом упал на 130 000. Когда марка катастрофически падала – в магазинах царило необыкновенное оживление. Казалось, точно около вас все ликовало. Марка исправлялась: в магазинах хоть шаром покати. (...) Обеднение шло своим чередом. Средний класс, вольные профессии, люди пера обращались в пролетариев. Культурные начинания свёртывались»⁴⁶³.

Фантасмагорию немецкой гиперинфляции описал эмигрантский сатирик Жак Нуар. В сборнике «Лицом к Берлину» (1923) поэт несколько раз обратился к этой теме, и точно и кратко воспроизвёл основные заботы и настроения берлинцев. Как и всех русских, его беспокоила непредсказуемость, резкое и многократное повышение цен:

*Две светлые капли скатились из глаз:
- Всё стало дороже в одиннадцать раз!
Утратив надежду и радостный пыл,
И к жизни берлинской сноровку –
Я с грустной улыбкой у фрейлейн купил
За семь миллиардов бечёвку...⁴⁶⁴*

Для обладателей валюты гиперинфляция также приносила много трудностей, росли не только цены, но и уровень экономической и мелкой уличной преступности; на этом фоне усилилась и политическая нестабильность⁴⁶⁵. Дополнительную неприятность гиперинфляция внесла в квартирный вопрос – арендодатели не только просили большую плату, но и требовали выплаты её в валюте, тем самым сводя «на нет» преимущество валютных сбережений русских и уничтожая их доходы в марках⁴⁶⁶.

Последовавшая за гиперинфляцией денежная реформа – введение 15 ноября 1923 г. рентной марки – нанесла по эмиграции ещё один удар. Во-первых, жизнь стала попросту дороже, особенно для обладателей валютных сбережений. Газета «Время» ещё в конце 1923 года сообщала, что в эмиграции распространилось мнение: «В Париже и Праге всё дешевле». По мнению газеты, дешевле было в основном для тех, кто обладал валютой⁴⁶⁷. Дороговизну считали в долларах. Если летом 1923 г. для покрытия ежемесячных расходов

⁴⁶² Geschichte Berlins. Bd. 2. Von der Märzrevolution bis zur Gegenwart. S. 843.

⁴⁶³ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 26 мая.

⁴⁶⁴ Нуар Ж. Лицом к Берлину. С. 33.

⁴⁶⁵ Kluge U. Die Weimarer Republik. Paderborn: Ferdinand Schoeningh, 2006. S. 82, 84.

⁴⁶⁶ Williams R.C. Culture in Exile... P. 114.

⁴⁶⁷ Назимов В. Возрождение жизни в Германии // Время. 1923. 8 октября.

одного человека хватало около 10 долларов (без потребления предметов роскоши, путешествий, дорогостоящих покупок и т.д.), то летом 1924 г. для скромной жизни требовалось уже минимум 25 долларов⁴⁶⁸. Кроме того, дельцы, так или иначе зарабатывавшие на дешёвой марке, утратили этот источник дохода. После дефляции они покинули Русский Берлин, а вслед за ними потянулись другие эмигранты. Эмиграция глубоких корней в немецкую почву пустить ещё не успела, миграционная активность по-прежнему оставалась высокой, и довольно легко беженцы решались на попытку найти более удобное пристанище.

Несмотря на всё сказанное выше, не стоит преувеличивать роль валютной конъюнктуры как таковой. Современники и историки связывали конец Русского Берлина как крупнейшего центра эмиграции в конце 1923 г. прежде всего с прекращением гиперинфляции. Однако, на наш взгляд, сама гиперинфляция также нанесла ущерб русской «колонии», а денежная реформа Густава Штреземана лишь стала катализатором оттока русских, «последней каплей». Стабилизация марки сама по себе не могла бы разрушить экономическую основу жизни эмигрантов, если бы эта основа прочнее связана была с германским рынком; иными словами, если бы беженская масса нашла свою нишу на рынке труда и получала доход в новых рентных марках. Указания на стабилизацию марки как причину упадка русской «колонии» лишь доказывают, что трудовая проблема эмигрантов стала сложнейшим аспектом адаптации. Эмигранты, оставшиеся в Берлине после 1923 года, как правило, относятся к числу тех, что сумели найти более или менее стабильную занятость и потому легко пережили денежную реформу.

Ещё одно последствие гиперинфляции, губительное для Русского Берлина, но почти обойдённое вниманием в литературе, неплохо отражено в источниках личного происхождения: страх перед коммунистами и повторением революции уже на германской почве.

Страх этот не был беспочвенным. Полиция периодически обнаруживала склады коммунистов с оружием, о чём сообщали газеты. В одном случае было найдено около тысячи винтовок и револьверов, а также боеприпасы. В другой раз полиция обнаружила в доме местного коммуниста под Потсдамом около двухсот ручных гранат, винтовки и револьверы, а также различную амуницию. Кризис спровоцировал демонстрации безработных и обездоленных, некоторые из голодных протестующих в ноябре 1923 г.

⁴⁶⁸ Русское студенчество в Германии // Руль. 1925. 11 января.

грабили булочные и магазины⁴⁶⁹. Приходили тревожные вести из других земель Германии – о грабежах магазинов и помещиков, кровавых столкновениях с полицией и символических казнях кукол Х. Стиннеса, В. Куно и других известных политиков и капиталистов, – такие казни устраивали на городских площадях коммунисты⁴⁷⁰. В 1923 г. коммунисты вошли в правительство Дрездена, части рейхсвера вступили в Саксонию, в Гамбурге дошло до борьбы на баррикадах⁴⁷¹, в Берлине эмигранты (и особенно русские евреи) внимательно следили за атаками слева и реакцией справа. В тревожные осенние дни 1923 г., когда подошёл к концу первый период в истории Русского Берлина (1919 – 1923 гг.), историк Симон Маркович Дубнов (1860 – 1941) вёл дневник:

25 октября. (...) По всей Германии катится волна голодных демонстраций и бунтов. В Берлине тоже разгромлено толпою немало булочных, а в последние дни совсем трудно было достать хлеб.

6 ноября. Дожили: В Берлине репетиция уличного погрома с избиением евреев. Вчера цена одного хлеба вскочила с 25 на 140 миллиардов. И вот толпа громила хлебные лавки, а в еврейских районах били прохожих евреев... Германия стоит перед решительным кризисом: она может со всей своей культурой потонуть либо в чёрном море, либо в красном⁴⁷².

В 1920 г. в Варшаве страх перед приходом Красной армии подтолкнул множество русских беженцев уехать в Германию⁴⁷³. Теперь это повторилось – уже в самой Германии. Владимир Маяковский специально приехал в 1923 г., чтобы в стихах воспеть становление Красного Берлина, которое всё же не произошло. Об ожидании революции вспоминал и Илья Эренбург⁴⁷⁴. Н.Н. Чебышев писал, что «в конце 1922 года русские эмигранты готовились уже к исходу скопом из Берлина, потому что предрекался “великий вечер”, как французы называют коммунистический переворот»⁴⁷⁵; а «в середине 1923 года мы в Берлине жили, ожидая волнений и красного переворота. По временам что-нибудь бастовало: то трам, то чуть теплился газ. В воздухе висела катастрофа, и никто не мог объяснить, почему, собственно, ей быть?»⁴⁷⁶. Когда на этом фоне апогея достигли гиперинфляция и панические настроения, из Берлина началось бегство. Больше всего

⁴⁶⁹ Хроника // Руль. 1923. 24 ноября; Хроника // Руль. 1923. 4 декабря.

⁴⁷⁰ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 15 июня.

⁴⁷¹ Kopelew L. Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts. / West-Östliche Spiegelungen. Herausgegeben von Lew Kopelew. Reihe B. Sonderverband. München: Wilhelm Fink Verlag, 1988. S. 264.

⁴⁷² Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления.. С. 498.

⁴⁷³ Русская колония в Варшаве // Русский эмигрант. 1920. Сентябрь. № 1.

⁴⁷⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С. 386 - 387.

⁴⁷⁵ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 19 мая.

⁴⁷⁶ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 26 мая.

бежали осенью 1923 года. 16 сентября уехал в Белград и сам Чебышев⁴⁷⁷. На страх перед возможным коммунистическим переворотом или иными потрясениями намекал и журналист Зиновий Арбатов, говоря о причинах своего отъезда в 1923 г. из Берлина в США и упоминая «красный туман»: «По условиям личной жизни в Берлине, я мог считать себя, с точки зрения эмигрантского бытия, вполне благоустроенным; но тяжёлый период падения германской марки, по часам возрастающая дороговизна, чрезмерная любезность квартирной хозяйки, и тот красный туман, который одно время густо и едко окутал Берлин, - эти явления гнали меня за океан в здоровый Новый Свет...»⁴⁷⁸.

§ 3.2. Предпринимательство

Состоятельных русских и социальное расслоение эмиграции стоит рассмотреть отдельно. Социальное расслоение в эмиграции началось с самого начала: те, кому удалось с собою увезти из России что-то ценное, стояли в неизмеримо лучших условиях, чем приехавшие с пустыми карманами, и оказывались в эмигрантской «верхушке». В других случаях эмигранты добывали капиталы уже в эмиграции – благодаря своим навыкам, доверию инвесторов или менее благовидными путями. Очевидно, однако, что именно вывезенные из России средства и заграничные капиталы составляли основу мелкого предпринимательства в начале 1920-х гг. Часть русской буржуазии ещё в 1917 г. начала выводить средства за рубеж. Массовое бегство капитала происходило во время Гражданской войны – сначала в основном на Юг России, а затем и с территорий, занятых антибольшевистскими правительствами. Больше всего торговцев бежало с Юга России, вывозя шерсть, соль, табак, запрещённое к продаже за границу зерно и другие товары. Обесцененный рубль позволял получить солидную прибыль. Купцы занимались торгово-импортными операциями и по мере того, как приближалось поражение Белого движения, всё чаще вкладывали вырученную валюту не в оборот, а на зарубежные счета, и в итоге сумели развернуть коммерческую деятельность и в эмиграции⁴⁷⁹.

Так, крупный харьковский хлебный купец Феокист Коренев бежал от большевиков, скитался с семьей по балканским странам, а затем в начале 1920-х приехал в Берлин. Ему удалось спасти не только семью, но и остатки своего состояния, которых хватило на приобретение кафе на Пассауерштрассе, а затем и пансиона. Кореневы жили безбедно, жена его даже занималась благотворительностью. К сожалению, деньги не уберегли эмигранта

⁴⁷⁷ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 20 июня.

⁴⁷⁸ Арбатов З. Без неба: (В Америке). С. 7.

⁴⁷⁹ Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. М.: РГГУ, 2000. С. 14 - 28.

от несчастной судьбы – в 1930 году Коренев попал под поезд штрассенбана на станции Виттенбергплац и погиб⁴⁸⁰.

Подобных Кореневу предпринимателей насчитывались сотни. Кто-то капитал вывез, кто-то получил займ от благотворителей или знакомых, реже предприятия начинались с помощью немецкого бизнеса (как в случае газеты «Руль» и издательства «Слово», основанных И.В. Гессеном и партнёрами в том числе на средства немецкого издательского дома Ульшштейнов). В период расцвета Русского Берлина (1921 – 1923 гг.) в немецкой столице обилие русских вывесок позволяло эмигранту почувствовать себя как дома. Большинство эмигрантских заведений сосредоточилось на Кантштрассе, Нюрнбергерштрассе, Ноллендорфплац, Прагерплац, Байришерплац, в районе Тиргартена и Курфюрстендамм, который называли «Непским» или «Нэпским проспектом». Здесь открылись книжные магазины («Арзамас», «Заря», «Москва», «Родина»); около двадцати русских кафе и ресторанов, многие с нарочитым «русским» колоритом (с русской народной и цыганской музыкой, плясками и казаками): кафе «Ландграф» и «Волга», два кафе «Леон», кондитерские «Рушо», кабаре «Кафтан», рестораны «Городецкий», «Медведь», «Москва», «Стольников», «Стрельна», «Гары-Бары», «Аллаверды», «Теремок», «Замок Тамары», «Жар-птица», «Либерти» (первый русский бар-ресторан) и др.; русские столовые и чайные; ювелирные мастерские и ломбарды; театры («Маски», «Голубой сарафан», «Синяя птица», «Ванька-Встанька»). В Берлине появились торгующие самыми разнообразными товарами русские магазины и производства: табачная фабрика «Урал», комиссионный магазин «Братья Орловы», магазин мехов А.И. Савича и т.д. Некоторые ориентировались на состоятельную публику. В русском винно-гастрономическом магазине «АГА» на Нюрнбергерштрассе, 5 можно было купить русские и тюрингские колбасы, «свежую астраханскую икру», эстонские и пражские окорока, ревельские и рижские кильки, скумбрии в томате, миноги, угри, шпроты, вязигу, сёмгу и русские сласти, куличи, пасхи, ужины с доставкой на дом»⁴⁸¹.

Русские продавали всё и вся – от обуви и кастрюль до дистилляционных аппаратов, и оказывали любые услуги – от правовой защиты до хиромантии. Судя по «ревельским и рижским килькам» в рекламных объявлениях гастрономических магазинов, предприниматели Русского Берлина наладили деловые отношения с предпринимателями бывших провинций Российской империи. Парижские «Последние новости» сообщали весной 1923 года: «Русские экспортируют и импортируют товары, оказывая при этом

⁴⁸⁰ Трагедия эмигранта // Руль. 1930. 28 февраля.

⁴⁸¹ Наш мир. 1924. 20 апреля.

германской торговле несомненную услугу. Завязывают экономические связи с окраинными государствами. Некоторые элементы эмиграции ассимилируются с германской промышленностью, создавая новые дела или входя в старые и развивая их. Огромное количество русских служит в создаваемых российскими беженцами издательствах, печатных конторах, магазинах, ресторанах...»⁴⁸².

Предприниматели нередко объединяли свои капиталы и усилия. Они не только встречались в русских заведениях, но и объединились в Союз русских торгово-промышленных и финансовых деятелей. У союза в 1921 г. появилось Справочное бюро, которое собирало сведения о предпринимателях в эмиграции и сводило их друг с другом⁴⁸³.

Широко известно и много раз написано в литературе об издательском «буме» или «золотом веке» в Русском Берлине первой половины 1920-х гг. В это время новые предприятия основывались одно за другим. Немецкая столица пестрела заголовками эмигрантских газет: ежедневная газета «Руль» (1920 – 1931), газеты «Время» (1919 - 1925), «Дни» (1922 – 1925), «Накануне» (1922 - 1924), «Голос эмигранта» (1921 - 1922), «Русский Берлин» (1927 - 1928), «Голос России» (1919 – 1922), журнал «Жар-Птица» (1921 – 1926) и другие менее заметные издания. Ещё больше, чем газет, эмигранты основали издательств. В 1919 г. русских издательств в Берлине насчитывалось всего 7, в 1921 г. – 37, а в 1923 г. (на пике) – уже 86 издательств, книжных агенств и магазинов (в том числе магазины «Град Китеж», «Заря», «Культура», «Москва», «Образование», «Орион», «Родина», «Слово» и «Россика» (антиквариат)). По разным данным, русские издательства издали до рубежа 1923/1924 гг. то ли 3735⁴⁸⁴, то ли 4200 наименований книг и брошюр⁴⁸⁵.

В издательской отрасли также сыграли свою роль дореволюционные капиталы эмигрантов. В частности, герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский (1872 - 1929), родственник баварской династии Виттельсбахов, сохранил в Германии не только сбережения, но и свой замок Зеон. Герцог был не прочь вложить свои средства. С 1920 года он держал контрольный пакет акций берлинского книжного магазина и издательства «Град Китеж» (монархического толка). Директором акционерного общества до отъезда в Америку в 1923 г. был бывший главнокомандующий Донской армии генерал-лейтенант Генерального штаба Святослав Варламович Денисов; затем – генерал В.В. Доможиров⁴⁸⁶.

⁴⁸² Цит. по: Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания... С. 83.

⁴⁸³ Хроника // Руль. 1921. 19 июня.

⁴⁸⁴ Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 / Издание Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии. Берлин, 1924. С. VI.

⁴⁸⁵ Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // Издательское дело российского зарубежья (XIX – XX вв.). М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2017. С. 18, 20.

⁴⁸⁶ Базанов П.Н. Книжное дело русской эмиграции: курс лекций. СПб.: СПбГИК, 2015. С. 61.

На деньги того же Г.Н. Лейхтенбергского в Берлине в 1921 году писатель И.Ф. Наживин основал издательство «Детинец», которое, правда, продержалось всего пару лет. Ещё одно издательство с участием герцога – «Медный всадник» – появилось в Берлине в 1922 году⁴⁸⁷. Всё это, однако, создавалось не столько с коммерческой целью, сколько с политической – тот же «Детинец» Наживин и Лейхтенбергский задумали на конгрессе монархистов в Бад-Рейхенгалле в 1922 г. как рупор правого, национального направления. Прибыль стояла на втором месте.

Книжное изобилие, таким образом, стало возможным благодаря инфляции, развитым типографским предприятиям, политическим амбициям эмигрантов и либеральным законам Германии о печати. Некоторые издатели публиковали действительно очень много: издательство З.И. Гржебина (выпустило 218 наименований книг), И.П. Ладъжникова (всего выпустило 485 наименований) и «Слово» (143 издания)⁴⁸⁸. Однако впечатляющие числа производят обманчивое впечатление. Учитывая, что качеством (тиражами и высокой прибылью) грандиозное количество издательств похвастаться не могло, а большинство из них оказались фирмами-однодневками, часто созданными только ради издания нескольких или даже всего одной книги, правильнее было бы говорить не о «буме», а об издательском «мыльном пузыре» Русского Берлина 1920-х годов. В. Шкловский вспоминал, что благодаря инфляции издавать книги в Германии можно было очень дёшево, и издательства возникали как грибы после дождя, но «все они вместе не выглядели величественно. Это хорошо, что издавались книги, но эту работу не нужно переоценивать»⁴⁸⁹. Примерно то же говорил В. Набоков: «Число названий впечатляло куда сильнее числа проданных экземпляров, а в названиях издательств – «Орион», «Космос», «Логос» и тому подобных – чудилось нечто лихорадочное, непрочное, немного противозаконное, как у фирм, издающих астрологическую литературу или руководства по элементарным основам половой жизни»⁴⁹⁰. И. Гессен писал также, что его издательство «Слово», начавшее с издания «Архива русской революции», в последние годы влачило «полумёртвое прозябание, выпуская одну-две книги в год», а вообще «беженская литература» держалась «в порядке аутомеценатства» или на основе благотворительности. Часто, - констатировал он, - успех книги на деле оказывался фикцией: «Есть несколько удачников, от трудов праведных наживших палаты каменные, которые они жаждут увенчать писательской славой: состязаются друг с другом в количестве выпускаемых

⁴⁸⁷ Там же. С. 65, 73.

⁴⁸⁸ Кратц Г. Указ. соч. С. 22.

⁴⁸⁹ Шкловский В.Б. Гибель «Русской Европы» // Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 189 – 190.

⁴⁹⁰ Цит. по: Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. С. 22.

произведений, тешатся рассылкой друзьям и знакомым отписок и фотокопий униженно добываемых рецензий, из своих же карманов содействуют не мытьём так катаньем сбыту, лишь бы иметь возможность объявить – издание распродано»⁴⁹¹. Из всего обилия издательств начала 1920-х гг. после 1925 г. активно действовало не более десяти, а к концу десятилетия не осталось и этого числа⁴⁹². То же казалось газет и журналов – десятками появившиеся в 1920 – 1922 гг., они десятками закрылись через пару лет. «Золотое время» 1920 – 1923 гг. слишком быстро закончилось.

Даже начало 1920-х гг. «золотым» можно назвать лишь условно: и тогда средства на издания добывались всякими «правдами и неправдами», а гонорары даже у считавшихся успешными предприятий (вроде «Геликона») были крошечными, как и тиражи⁴⁹³. Расчёт издателей на то, что книги можно будет массово продавать в Советскую Россию, оказался полностью провальным, и издательский «бум» быстро прекратился. К началу 1924 г. «Геликон» прекратил свою деятельность, а его основатель А.Г. Вишняк, как писала переводчица Н.И. Петровская, обедал два раза в месяц⁴⁹⁴. Гржебин разорился, издав тысячи книг, которые по предварительной договоренности должно было приобрести обманувшее его советское представительство⁴⁹⁵.

Немало эмигрантских предприятий Берлина не пережило 1923 год и закрылось. Так как эмиграция оставалась достаточно мобильной, отъезд в том числе и предпринимателей был естественной реакцией на экономический кризис и его последствия. В те дни И.В. Гессен записал: «Русский Берлин несомненно замирает. Уже нет даже никаких “дискуссий”, резко прекратилась партийная борьба, все юркнули в свои норы». Это немедленно сказалось на положении прежде прибыльной газеты «Руль»: «Нас ударило в хвост и в гриву – тираж стал неуклонно сокращаться и количество объявлений неудержимо падать»⁴⁹⁶. С 1924 года количество рекламы в «Руле», «Времени» и других газетах значительно уменьшилось. «Руль» теперь существовал благодаря частным пожертвованиям⁴⁹⁷.

Несмотря на кризис, катастрофы и полного прекращения предпринимательства в эмигрантской колонии не произошло. Довольно большое количество русских

⁴⁹¹ НИА. В.И.Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 155.

⁴⁹² Базанов П.Н., Шомракова И.А. Русские издательства в Берлине, 1920 – 1924 годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 7.

⁴⁹³ Эфрон А. Страницы воспоминаний. С. 92.

⁴⁹⁴ Юниверг Л. Абрам Вишняк и Марина Цветаева // Лехаим. 2007. Май. № 5 (181). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/181/univerg.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

⁴⁹⁵ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 108.

⁴⁹⁶ Там же. С. 143.

⁴⁹⁷ Там же. С. 148.

коммерсантов продолжало работать и во второй половине 1920-х годов, и в начале 1930-х гг., даже появлялись новые предприятия: в 1931 г. юрист В.С. Мандель незадолго до смерти открыл пансион⁴⁹⁸, в 1932 г. открылись «Русский Дом», концертно-театральные клубы «На чердаке» и «Во дворе, во флигеле»⁴⁹⁹. В 1930 г. газета «Руль» сообщала, что на Фридрихштрассе (одна из центральных берлинских улиц) есть места, «где вы чувствуете себя словно на одесской толкучке»⁵⁰⁰. В Берлине второй половины 1920-х гг. имелись русские бани, по-прежнему процветали чайные фирмы К. и С. Попова и Кузнецова, Кузьмичёвых, чайное товарищество Высоцкий и Ко, фирма Медлера (торговля самоварами), фирма В.Е. Ельяшева “Norddeutsche Gummiwerke” (резиновые изделия), музыкальный магазин Юлия Циммермана, фирма Чарнецкого (мужская одежда), фирма Грулёва (кустарные изделия), табачная фирма «Сухум» А.С. Стрельцова; салон красоты мадам Eugenie Jablokoff; русский гастрономический магазин Плоткина; тогда же под Берлином появилась русская молочная ферма ALFA – фермеры предлагали молочные продукты. Работали ещё некоторые издатели (на плаву остались крупные игроки – изд-во И.П. Ладыжникова, «Слово» Гессена) и газеты («Руль», «Русский Берлин»); все ещё предлагали свои услуги отдельные врачебные и адвокатские кабинеты, русские пансионы, рестораны «Ферстер», «Оливье», «Медведь», «Пассауэр», «Волга», «Фавн», кафе «Ландграф», фабрики ликёров и водки «Рубалик» и ликёро-водочная торговая марка «Князь Авалов»; можно было найти в Берлине русские парфюмерные и ювелирные магазины, гастрономы, кустарные артели, ломбарды, магазины одежды, книжные магазины, кондитерские – в том числе основанные в начале 1920-х годов две кондитерские «Рушо». С декабря 1927 г. «Рушо» как успешное предприятие объединилось со знаменитыми шоколадными королями России – владельцами марки «Эйнемъ», и с 1927 г. выпускало сладости и под этим брендом⁵⁰¹.

И в начале, и во второй половине 1920-х гг. успешные предприятия нередко основывали опытные в своём деле коммерсанты. Так, Илья Григорьевич Коган, в России бывший членом правления Московского промышленного банка и нескольких промышленных предприятий, в Берлине в 1920 году встал во главе вновь учреждённого русскими эмигрантами «Северного Торгово-промышленного банка». В то же время Коган участвовал в общественной жизни Русского Берлина⁵⁰². Вместе с ним в правление вошли А. Кох, А.С. Розенталь и Р.К. Штесс, - все ранее имели прямое отношение к банковскому

⁴⁹⁸ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 137

⁴⁹⁹ Там же. С. 158 – 159.

⁵⁰⁰ Д. Влад. Заметки репортёра // Руль. 1930. 29 января.

⁵⁰¹ Сторонние сообщения // Русский Берлин. 1927. Декабрь. № 7.

⁵⁰² Памяти Ильи Григорьевича Коган // Руль. 1926. 4 февраля.

делу⁵⁰³. Опытные коммерсанты создали в Берлине ещё один банк – Товарно-Кредитный, с капиталом в 50 млн марок, в январе 1921 года. Основатели его учредили также акционерное общество «Ориент» с капиталом в 7,5 млн марок для восстановления торговли между Германией и балтийскими странами. Банк не создавали с нуля, а купили один из немецких. Во главе начинания стояли И. Бродский, инженер А. Бурдт, юрист О.А. Верт (бывший юрисконсульт «Продугля»)⁵⁰⁴. Петербургский книгоиздатель Евгений Грюнберг в 1921 г. основал в немецкой столице типографию⁵⁰⁵. В 1920 году открылась русская шоколадно-конфетная фабрика под Берлином. Дело основал Мориц Борисович Бернштейн, потомственный гражданин Петрограда и бывший акционер конфетной фабрики «М. Конради»; он сотрудничал с немецким сахарным заводом. На фабрике Бернштейна работали русские мастера и рабочие⁵⁰⁶. К сожалению, не удалось обнаружить сведений о том, насколько это предприятие оказалось успешным. Другой пример – И.В. Гессен, журналист, в эмиграции с помощью немецкого издательского дома Ульштейнов основавший аналог дореволюционной «Речи» - «Руль», а также издательство «Слово». А.Г. Вишняк перенёс в Берлин московский «Геликон».

Бывшие владельцы кабаков открывали рестораны и кафе в Берлине, некоторые даже повторяли названия известных московских и петербургских дореволюционных заведений: так, свои подобию в Берлине 1920-х годов обрели петербургский «Медведь» и московский «Эрмитаж». Бывало, на их кухнях трудились повара, ранее готовившие в Москве и Петербурге. Как писала газета «Время» в 1923 году, «в два-три года почти все модные вывески Петрограда и Москвы оказались в Берлине. К ним прибавились экзотические кафе и кабаре. Столицу Германии залили русской водкой, завалили закуской, оглушили цыганским рёвом, звоном гитар и балалаек»⁵⁰⁷. Водку, кстати, производили сразу несколько фирм, самые известные – Горбачёва, Попова, Давидова, Канторовича, Смирнова и Авалова. Последний – примечательная фигура. Речь идёт не о П.Р. Бермондт-Авалове, а о князе Иосифе Давидовиче Авалове, профессоре химии⁵⁰⁸. Во время Первой мировой он спроектировал в Петербурге эффективный и принятый на вооружение респиратор для противогазов. В эмиграции в Берлине (с 1920 г.) открыл водочную фабрику на Луитпольшттрассе, изобрёл и запатентовал новый способ очистки спирта-сырца и более

⁵⁰³ Северный Торгово-Промышленный Банк // Русский эмигрант. 1920. № 5.

⁵⁰⁴ Хроника // Руль. 1921. 18 января.

⁵⁰⁵ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. А – Г. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 12.11.2020).

⁵⁰⁶ Хроника // Руль. 1920. 3 декабря.

⁵⁰⁷ Баян. Догорели огни... // Время. 1923. 16 апреля.

⁵⁰⁸ Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса. С. 164.

двадцати лет гнал «аваловку», и по воспоминаниям Романа Гуля, «гнал её замечательно, [...] как чистейшую слезу тонкого вкуса»⁵⁰⁹.

Помимо ликёро-водочных производств, именитых ресторанов и газет, продолжали существовать в Берлине и другие заведения предпринимателей с дореволюционным стажем. А. Солдатский, прежде торговавший одеждой на Кузнецком мосту в Москве, теперь предлагал манто и костюмы на Курфюрстенштрассе, Г. Трабский продавал раньше одежду в Харькове, а в 1920-е гг. – открыл меховой салон в Берлине. Р. Ульбрих, совладелец бывшего в Москве на Софийке магазина О. Постникова и Р. Ульбриха, открыл канцелярский магазин в Берлине; бывший закройщик у поставщика двора Е.И.В. Брунста на Малой Морской в Петербурге, фон Шульц, в Берлине основал магазин мужской одежды и химчистку; бывший владелец ресторана «Кулинар» Ф. Куклинский в 1926 г. открыл в Берлине русский ресторан «Цыганский барон». Портные, врачи и адвокаты также пытались продолжать своё дело, и некоторым удавалось. Дореволюционный опыт работы нередко подчёркивался предпринимателями в рекламе и почитался как знак качества, даже в случае специалистов сомнительных ремёсел. В самом центре городе на Фридрихштрассе можно было встретить заведение с табличкой: «Ясновидящая русская, предсказавшая судьбу Николая II и Ленина, подруга Распутина и ближайшая советница царицы Александры...»⁵¹⁰.

В Берлине начала 1920-х годов с его инфляцией, авантюрным духом предпринимательской среды и бурной ночной жизнью существовала и группа русских дельцов, которая вызывала раздражение соотечественников. Эмигрантов, которые, имея средства, прожигали их в развлекательных заведениях и отворачивались от нужды соотечественников, в газетах прозвали «ресторанной эмиграцией». Особенно заметна она была в 1921-1923 гг., когда за дешёвизной и хорошими условиями для спекуляций потянулись имевшие деньги дельцы и авантюристы. «Лёгкие деньги» и валюта так же легко тратились в ресторанах, кино и мюзик-холлах. «Ресторанную эмиграцию» заметили, конечно, и немцы. Такие эмигранты появились и на карикатуре Георга Гросса, и на карикатуре журнала “Simplicissimus”, высмеивавшей нежелание богатых русских помогать своим же соотечественникам и тот факт, что они превратили Kurfürstendamm в Neppsky Prospekt⁵¹¹.

Судя по отдельным свидетельствам мемуаристов и публикациям в газетах, «ресторанных» русских насчитывалось немало. Периодически газета «Время» обличала

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Д. Влад. Заметки репортёра // Руль. 1930. 29 января.

⁵¹¹ Пожертвования // Руль. 1923. 6 января.

«беспринципных эмигрантов», которые превратились в богатых людей, «отлично оделись, широко начали жить» и при этом готовы даже на торговые сделки с представительствами Советской России⁵¹². Уже в 1921 г. журналист Александр Яковлев с нескрываемой неприязнью констатировал, что «произошла обычная и тем не менее преподлейшая и для русского обывателя неизбежная дифференциация людей и людишек, спекулянтов, валютчиков, гранд-сеньоров из бывшего петербургского света и так называемой «заездной» палаты хронических политиканов «высшей школы верховой езды», всё ещё мечтающих после изрядной рюмки настоящей русской водки у Лютера – надеть узду на объевшегося белены отечественного мужичка-Кентавра...». Яковлев заключал: «Маленькое разделение труда, почти по законам Джон Стюарта Милля, произошло в эмигрантском Ноевом Ковчеге, трогательное по своей неизменности старинным нравам и обычаям...»; «верхи, бывлые российские рулевые и кормчие, творят и здесь свою легенду...»⁵¹³.

То же неприятие буржуазно-спекулянтского образа эмигрантов, сбежавших не с пустыми руками и более других склонных к демонстративному потреблению, мы находим в заметках Фёдора Степуна: «Когда по приезде в Берлин я вышел на Tauentzienstrasse и попал — было часов 6 вечера — в самый разлив русской спекулянтской стихии, в широком русле которой неслось: котиковые манто, сине отштукатуренные лица, набегающие волны духов, бриллианты целыми гнёздами, жадные, блудливые глаза в тёмных кругах; в заложенных за спину красных руках толстые жёлтые палки-хвосты, сигары в брезгливых губах, играющие обтянутые бёдра, золотые фасады зубов, кроваво-квадратные рты, телесно-шёлковые чулки, серая замша в чёрном лаке, и над всем отдельные слова и фразы единой во всех устах валютно-биржевой речи,— я с нежностью вспомнил героических московских спекулянтов 19 и 20 гг., говоривших по телефону только “эзоповским” языком, прятавших в случае опасности бриллианты за скулу, при знакомстве никогда не называвших своих фамилий, постоянно дрожавших по ночам при звуке приближающегося автомобиля, и слышал где-то глубоко в душе совершенно неожиданную для себя фразу — эх, нету на вас коммунистов!»⁵¹⁴.

Едва ли преуспевшие русские обитатели Курфюрстендамма и Тауэнтциенштрассе замечали неприязнь Яковлева или Степуна. Содержанием их жизни были совершенно другие заботы, и они составляли в русской колонии отдельное сообщество, далёкое от тысяч нуждавшихся беженцев. В те дни девушка из «ресторанной эмиграции» Ирина Одоевцева писала в дневнике о людях своего круга: «Большинство бежавших из России в

⁵¹² В Ревеле // Время. 1921. 25 апреля.

⁵¹³ Яковлев А. По ту сторону... // Время. 1921. 9 мая.

⁵¹⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. URL: <http://ido-rags.ru/?p=2490> (дата обращения: 16.01.2019).

восторге от берлинской жизни и наслаждается ею. Подумать только — сплошной праздник — магазины, где можно всё что угодно купить, рестораны, кафе, такси. Чего же ещё желать?». Жизнь многих из них протекала примерно, как у неё самой: «Я, как полагается, с утра бегаю по магазинам, обедаю в ресторанах “Медведь” или “Ферстер”, а по вечерам бываю в разных кафе, сборных пунктах беженцев»; «Модные танцы мы все в Берлине усердно изучаем. Ими увлекается и седоволосый Андрей Белый, связывающий, как это делал и Ницше, танец с философией. Для него теперь день без танцев — пропавший день. Он в одной из “танцевальных академий” часами проделывает с вдохновенным видом особую “кнохен гимнастик” и пляшет как фавн, окружённый нимфами». Одоевцевой повезло не беспокоиться о бытовых проблемах. В пансионе она пользовалась услугами горничной⁵¹⁵. Когда она отправилась в санаторий, то обрадовалась, что может «хорошенько отдохнуть от непрерывных берлинских развлечений»⁵¹⁶.

«Ресторанная эмиграция» очень бурно встретила 1922 год — новогодние и рождественские пьяные кутежи в городе нельзя было не заметить. Об этом высказались многие лидеры эмиграции. Архимандрит Тихон (настоятель русской посольской церкви) охарактеризовал это как «позор и преступление, кутёж среди покойников». «Достаточно сказать, - говорил он, - здесь есть театр, вход в который стоит около сотни марок. Постройка этого театра-ресторана обошлась в 3 милл. мар. В этом театре русские люди пропивают колоссальные суммы. В то же время на учебники по Закону Божию денег достать нельзя, а в лагерях люди корчатся от холода и голода». Осудил посетителей кабаков и шантанов, решивших утонуть в шампанском рядом с бедствием среди соотечественников, и общественный деятель и лидер Союза русских евреев в Германии Я.Л. Тейтель. В.Д. Набоков сетовал, что пьянство и кутежи создают «очень невыгодное впечатление о моральном уровне русской эмиграции». С презрением о ресторанной эмиграции писал и Фёдор Иванов: «В России эти господа поставляли картонные подошвы, когда армия за их сытое благополучие умирала...»; «теперь, - говорил Иванов, - они льют слёзы по России, но отворачиваются от нужды увечных воинов и других неимущих беженцев»⁵¹⁷.

Газета «Время» отмечала, что многие из кутящих спекулянтов-валютчиков прибыли из Франции⁵¹⁸, чтобы в инфляционное время выгодно обменять франки на марки и с удовольствием прожить их. Число таких людей, учитывая масштаб новогоднего скандала 1922 г. и количество увеселительных русских заведений в Берлине, могло достигать

⁵¹⁵ Одоевцева И. На берегах Сены. С. 5 – 12.

⁵¹⁶ Там же. С. 43.

⁵¹⁷ Иванов Ф. Кутящие // Время. 1922. 30 января.

⁵¹⁸ Пир во время голода // Время. 1922. 6 февраля.

нескольких сотен. Вместе с тем, конечно, были и такие князья, что зарабатывали 1500 марок в месяц и по несколько сотен из них отдававших на благотворительность, и княгини, шившие ночами белье и одежду для бедных. Редакция «Времени» опубликовала позже письмо архимандрита Тихона на эту тему⁵¹⁹.

Очевидно, журналисты и общественные деятели в праведном гневе не акцентировали внимание на том, что далеко не все прибывшие в Берлин и обладающие валютой эмигранты бездарно распоряжались своими капиталами. Хотя обездоленные эмигранты болезненно воспринимали социальное расслоение русской колонии, части «спекулянтов-валютчиков» Русский Берлин обязан был появлением всех тех предприятий, над дверьми которых пестрели русские вывески. В окружении неплохо обеспеченного Н.Н. Чебышева в 1922-1923 году «всякий стремился учредить “геембеха”. Вы не знаете, что это такое? А в Берлине все хорошо знали “геембеха”. Это значило по начальным буквам “ге-ем-бе-ха”»: “Gesellschaft mit begrenzter Haftung” – “Общество с ограниченной ответственностью”»⁵²⁰. Эти «геембеха», каков бы ни был моральный облик их владельцев, формировали русское пространство Берлина и предлагали беженцам, которые оказались в Германии без средств, самое важное – работу. Кроме того, позитивная социальная роль предпринимательства заключалась в возможности предпринимателей поддержать русские благотворительные организации Берлина. В числе жертвователей были десятки коммерческих предприятий: театр «Синяя птица», ресторан «Медведь» В.В. Орловского (на Виттенбергплатц), издательство Ольги Дьяковой и другие, книжный магазин «Заря»⁵²¹, гастроном «АГА», кондитерские «Рушо», ликерная фабрика «Князь Авалов», ликёрная фабрика Давыдова и ликерная фабрика Горбачева, чайная Дьякова, чайный магазин Кузьмичёва и сыновей, издательства Ладыжникова и «Град Китеж», другие предприятия⁵²².

§ 3.3. Путь к угасанию. «Русский Берлин» второй половины 1920-х – начала 1930-х годов

История русской эмиграции «первой волны» в Германии довольно легко поддаётся периодизации. Внешние обстоятельства ставят чёткие водоразделы. Наиболее условный из них – самый первый, точка отсчёта, 1919 год. В это время Русский Берлин постепенно формируется как сообщество, появляются интегрирующие его газеты, общественные деятели и общественные организации, своё публичное пространство; с другой стороны, эмигранты стали появляться в Германии ещё в 1918 году, поэтому и 1919 год как нижняя

⁵¹⁹ Письмо в редакцию // Время. 1922. 6 марта.

⁵²⁰ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 19 мая.

⁵²¹ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 47. Л. 11, 13.

⁵²² Der Vorstand des Verbandes Russischer Journalisten u. Schriftsteller in Deutschland // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1.

хронологическая граница Русского Берлина может вызывать возражения. Гораздо проще со следующим поворотным моментом – рубежом 1923 – 1924 гг. 1919 – 1923 гг. – непростой период, который отличался сложной гуманитарной ситуацией. Тем не менее в это время русская колония росла, множилось число коммерческих и общественных организаций. Осенью 1923 года эмигранты «валом» стали покидать Берлин, массовый отток продолжался и в 1924 году. В этот период, по данным Р. Вильямса, только Русская Делегация под председательством С.Д. Боткина (эмигрантская организация, которая представляла беженцев перед немецким правительством) выдала около 8 тысяч выездных виз⁵²³ (сколько выдали сами германские власти – неизвестно). Начался новый период, который продлился до нового экономического кризиса начала 1930-х гг. В эти несколько лет (ок. 1925 – 1930 гг.) русская колония постепенно пустела. В 1925 году, должно быть, от сообщества 1922 г. осталось менее половины – те, кто не мог или не желал уехать, так как сумел так или иначе «устроиться». В начале 1926 г. полиция насчитывала в Берлине всего 18 306 зарегистрированных русских и 6064 «бесподданных», из которых часть, очевидно, тоже составляли эмигранты⁵²⁴.

Разъезжались в разных направлениях – чаще всего во Францию и другие европейские страны, а также в Америку. Архив Лиги Наций сохранил интересный список эмигрантов, которые с 1 января по 1 августа 1924 г. получили денежные пособия на отъезд из Берлина от Союза русских евреев. В списке значится 215 фамилий (некоторые уезжали не в одиночку, а с детьми): из них 25 указали пунктом назначения Францию, 18 – Бельгию, 18 – Кубу, 16 – Бразилию, по 14 – Аргентину и США, по 5-8 человек отправилось в Прагу, Канаду и Палестину. На территорию СССР вернуться решили 34 человека⁵²⁵. В Берлине часто дискутировали о возможности вернуться в Россию, особенно с расцветом НЭПа, однако решались на это относительно немногие. Эмигрантские газеты время от времени передавали сообщения репатриантов о несчастливой судьбе тех, кто поехал в Россию: о допросах и ревтрибуналах, издевательствах чекистов и поражении вернувшихся в правах (например, в праве на выбор места жительства)⁵²⁶. По данным историка А.В. Винника, который исследовал возвращение эмигрантов из Германии в 1920-е гг., реэмиграция была средством советской политики, а не возвращения соотечественников. Совнарком стремился привлечь главным образом часть творческой интеллигенции, чтобы нанести по эмиграции моральный удар. Даже после объявленной амнистии большинству солдат и офицеров белых

⁵²³ Williams R.C. Culture in Exile... P. 283.

⁵²⁴ Хроника // Руль. 1926. 20 февраля.

⁵²⁵ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). C 1252 / 167.1. Ед. xp. Emigranten, die Unterstützungen zur Abreise aus Deutschland erhalten haben. Л. 1 – 8.

⁵²⁶ См., напр.: Возвращение на родину // Руль. 1923. 26 октября.

армий советское правительство отказывало в визах. Из числа интеллигенции и учёных из Германии в Россию возвратилось лишь несколько десятков человек (А. Белый, В. Шкловский, А. Толстой, И. Эренбург, Б. Пастернак, С. Пинегин и др.). Число вернувшихся в 1920-е гг. рядовых беженцев Винник оценивает в 3-4 тысячи человек, что, учитывая численность Русского Берлина, составляет небольшую его долю⁵²⁷. Оценку Винника подтверждают данные Лиги Наций, согласно которым из Германии обратно в Россию уехало крайне небольшое число беженцев⁵²⁸. По данным историка Ханса-Эриха Фолькманна, до 1928 г. около 5200 русских эмигрантов из Германии перебралось в Канаду. В конце 1920-х ещё некоторое количество нуждавшихся при помощи Лиги Наций уехали в страны Латинской Америки, в том числе студенты и учёные, которые, как японист князь Шаховской, не могли в Германии найти своим знаниям применение⁵²⁹. В результате Берлин во второй половине 1920-х гг. окончательно утратил роль столицы русской эмиграции в Европе и окончательно уступил эту роль своему конкуренту – Парижу. Перманентный процесс оттока эмигрантов из Германии отражают и документы благотворительных организаций: в 1927 г. Общество помощи русским гражданам в Берлине продолжало регулярно выдавать просителям пособия на отъезд в другие страны⁵³⁰. Центральное Бюро русских артелей сообщало также, что среди эмигрантов-рабочих, «особенно принадлежащих к составу интеллигенции» и работавших в сельскохозяйственных артелях, «существует определённое стремление к получению возможности устройства их в Америке в качестве самостоятельных фермеров или арендаторов» - люди просили Бюро помочь им по возможности перебраться в США, Канаду или Мексику⁵³¹. К этому толкали небольшие заработки в отрасли и столь же скромные перспективы.

Во второй половине 1920-х годов, однако, реэмиграция и отток в другие страны шли медленнее, чем в 1923-1925 гг. или в начале 1930-х – те, кто сумел найти себе стабильный заработок, обычно не спешили уезжать. К тому же, в более благоприятных экономических условиях ослабли и ксенофобские настроения в немецком обществе. Характерное высказывание сделал в 1929 году молодой эмигрант, кельнер в немецкой пивной у Штеттинского вокзала: «Работа непрерывная. Ну и заработки – гневить Бога не приходится. Живём с женой отлично. Летом работаю на курортах или в окрестностях Берлина. Без работы ещё не бывал. Нас ведь русских немного в Берлине и относятся к нам

⁵²⁷ Винник А.В. Российская реэмиграция из Германии в 1920-е годы. / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Тверь: ИРИ РАН, ТГУ, 2002. С. 18-20.

⁵²⁸ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. S. 28.

⁵²⁹ Ibid. S. 25 – 26.

⁵³⁰ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1252 / 167.2. Ед. хр. Справка о деятельности Общества помощи русским гражданам в Берлине / 1916 г. / за январь – апрель 1927 г. Л. 2.

⁵³¹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1252 / 167.2. Ед. хр. Zentral-Büro Russischer Arbeitsgenossenschaften. Tgb. Nr. 804. Л. 1.

отлично. (...) Мы честным большим трудом зарабатываем свой хлеб. (...) Да слава Богу, что сыт, одет и обут»⁵³². Много лет в эмиграции заставили счастливых обладателей работы по найму или собственных предприятий смириться с необходимостью войти в немецкую жизнь и ценить достигнутое. В 1927 г. журналист В. Деспотули даже заявил на страницах «Русского Берлина», что «Русский Берлин умер» (несколько преувеличивая, конечно): «Русский Берлин решил раствориться в местной жизни и сохранить свой быт и нравы в нескольких общественных организациях – в общем, ушёл в чужую жизнь с её чужими радостями и печальями»⁵³³. Журналист сожалел о том, что русская культурная жизнь в немецкой столице утратила былой колорит и масштаб, но в действительности в основном именно те эмигранты, которые «растворились в местной жизни», и имели возможность оставаться в Берлине; остальные постепенно его покидали.

Основные причины оттока эмигрантов из Берлина во второй половине 1920-х гг. – те же, что заставляли эмигрантов уезжать и ранее – проблемы трудоустройства, недостаток правовых и социальных гарантий. В первой половине 1930-х гг. к ним добавились усиление ксенофобии и политические угрозы. Уменьшался Русский Берлин и вследствие естественной убыли при низкой рождаемости. Судить об этом мог доктор Л.В. Аксёнов, заведующий единственной эмигрантской Русской Амбулатории в Берлине. Клиника ежегодно принимала около 10 тысяч посетителей, в 1931 г. всего 18 из них было связано с беременностью, в 1934 году – 19 посетителей⁵³⁴. Гораздо чаще к гинекологу амбулатории обращались с климактерием, который, по наблюдению заведующего, «у русских беженок (...) начинается очень рано, часто в середине 5-го десятка жизни»⁵³⁵. Русская колония старела; в 1934 г. из 11 244 посетителей (1709 пациентов) 6575 пришлось на эмигрантов старше 40 лет; всего 617 посетителей сделали дети до 12 лет, то есть рождённые в эмиграции⁵³⁶. Аксёнов, который работал в клинике с самого начала 1920-х годов, отмечал также увеличение количества заболеваний, характерных для людей среднего и пожилого возраста, особенно ревматизма: «В первые годы существования Амбулатории число ревматиков ограничивалось десятками (моложе колония, богаче её представители, лучшие условия жизни); за последние 5-6 лет их число растёт...»⁵³⁷.

Серьёзный удар по относительному благополучию колонии нанёс экономический кризис начала 1930-х годов, вызванный «Великой депрессией». Он ознаменовал последний

⁵³² Д. Влад. Заметки репортёра // Руль. 1929. 10 декабря.

⁵³³ Неллин Вл. В русской колонии // Русский Берлин. 1927. № 2.

⁵³⁴ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год. Л. 12.

⁵³⁵ Там же. Л. 12.

⁵³⁶ Там же. Л. 6 – 7.

⁵³⁷ Там же. Л. 10.

этап в истории Русского Берлина в рамках 1919 – 1933 гг.: в 1930 – 1933 гг. отток эмигрантов вновь усилился, что привело беженскую колонию к запустению. Юрист и общественный деятель Алексей Александрович Гольденвейзер – один из немногих «долгожителей» Русского Берлина, что жил там с 1921 по 1937 гг., в 1932 г. писал одним из своих знакомых, что «в русской колонии такая невероятная и неслыханная нужда, что буквально не проходит дня, чтобы ко мне не обращались, даже мои близкие друзья, за более или менее крупной помощью...»⁵³⁸. Эмигранты, как и немцы, теряли работу. К сожалению, наши источники о социальных процессах в Русском Берлине начала 1930-х гг. довольно скудны. На помощь приходят те же отчёты доктора Аксёнова. Его сведения особенно ценны, так как он не только составлял статистику Русской Амбулатории, но и лично общался с десятками пациентов ежедневно – так, в 1931 г. клинику посетило 1441 человек (в среднем по 6-7 раз каждый), из них 88% принял как терапевт сам заведующий. В том году Аксёнов заметил резкий рост заболеваемости катарром верхушек лёгких, что он объяснил «житейскими невзгодами», т.е. «тяжёлым материальным положением беженца», «его плохим заработком и связанном с этим плохим питанием, недостаточным отоплением жилища, плохой одеждой». По этой же причине существенно возросло число заболевших малокровием (по 5 человек в день) и неврастенией⁵³⁹. Кризисный 1931 год стал одним из самых тяжёлых для Германии в период «Великой депрессии» - безработица к тому моменту достигла отметки в 5 млн человек⁵⁴⁰, неудивительно, что небогатым иностранцам приходилось особенно туго. Отчёт амбулатории за 1931 г. говорит об этом прямо: «Пошли крахи банков, пошло повсюду сокращение штатов, число безработных стало расти – во всей этой катастрофе более всего потерпел многострадальный русский беженец и ни в чём не повинные русские»⁵⁴¹. К 1934 г. ситуация с катарром и малокровием стала несколько лучше, однако в целом положение оставалось тревожным. Аксёнов отмечал большое число случаев неврастения (449 посещений), истерии (43) и психозов – паранойи и меланхолии (7)⁵⁴².

О бедности посетителей амбулатории в Берлине начала 1930-х гг. свидетельствует востребованность бесплатного мыла. В 1934 г. врачи раздали 577 кусков. Л.В. Аксёнов писал об этом: «На первый взгляд, выдача куска мыла кажется настолько скромной помощью, что об ней не стоило бы и говорить. На самом деле это далеко не так. Чтобы понять это, надо знать, что многие из получавших его не видели мыла неделями, при чём в

⁵³⁸ Цит. по.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 229.

⁵³⁹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год. Л. 4 – 5

⁵⁴⁰ Preller L. Sozialpolitik in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1949. S. 394.

⁵⁴¹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год. Л. 14.

⁵⁴² UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год. Л. 10.

это время они пешком брели сотни километров со всех границ Германии в её центр – Берлин. Надо было видеть удовольствие этих людей при мысли о возможности помыться с мылом в ночлеге, куда их направляла Амбулатория»⁵⁴³. Спросом пользовалась и квартирная помощь, организованная при клинике в 1930 г.; в 1934 г. ей воспользовалось 162 человека – они провели в общежитии Армии Спасения 826 ночей; в 1931 г. – чуть больше; кроме того, Амбулатория выдала 3520 карточек на бесплатные обеды в столовой, 24 рубахи, 24 пары кальсон и 72 пары чулок⁵⁴⁴. Доктор Аксёнов указывал также, что обеднение коснулось и прежде благополучных эмигрантов: «Амбулаторию стали посещать те люди, которые несколько лет тому назад в случае болезни приглашали врача к себе на дом. Ухудшившееся материальное положение (...) заставляет их пойти в Амбулаторию и искать совет за 50 пф[еннигов]»⁵⁴⁵. Это отразилось и на финансовом положении клиники. Суммы пожертвований уменьшались (в 1928 г. – 2503 марок, а в 1931 г. – 1224 марки), объём бесплатной помощи увеличивался⁵⁴⁶. Оплатить услуги клиники (даже 50 пфеннигов за приём) не могло около половины больных (а всего клинику посещало около полутора тысяч человек в год)⁵⁴⁷. Росло число неимущих – росло и число пациентов. Если в 1930 г. амбулатория приняла 8993 посещения, то в 1933 г. – уже 10 453, а в 1934 г. – уже 11 244 посещения⁵⁴⁸.

Данные поликлиники весьма красноречивы, однако следует делать поправку на социальный состав её пациентов – пользовались её помощью в основном, по выражению журналиста газеты «Руль» Ивана Лукаша, «отпетые бедняки»⁵⁴⁹. Тем не менее тот факт, что доля таких пациентов клиники составляла примерно половину, а остальные платили за услуги врачей ничтожную плату, свидетельствует о том, что русская эмиграция в Германии испытала серьёзные последствия кризиса 1929 – 1934 гг. (обострившегося в 1931 г.). Как и в случае с кризисом 1923 г., это побуждало эмигрантов уезжать из Берлина.

Наконец, кризис начала 1930-х г. привёл к политическим потрясениям, которых Германия избежала десятью годами ранее. Экономическое бедствие повлекло за собой радикализацию политического процесса. Подъём национал-социалистического движения перенёс борьбу за власть на улицы немецких городов, конфликты с коммунистами и другими противниками НСДАП штурмовики решали с помощью открытого насилия. Здесь

⁵⁴³ Там же. Л. 14.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 15.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 18.

⁵⁴⁶ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Доклад о финансовом положении амбулатории РОКК в Берлине. Л. 1.

⁵⁴⁷ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год. Л. 25.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁴⁹ Лукаш И. Тихий огонь // Руль. 1924. 3 октября.

надо сказать, что опасались их некоторые эмигранты ещё в первой половине 1920-х, правда, больше на юге Германии, чем в Пруссии, Саксонии или северных землях. Барон Александр Эдуардович Фальц-Фейн вспоминал, как его мать приняла решение уехать с детьми из Мюнхена во Францию из-за путча А. Гитлера. В конце 1923 г. семья отправилась в Ниццу.⁵⁵⁰ Те события можно считать репетицией того, что происходило в Берлине в начале 1930-х гг.

Особенно чутко на рост популярности НСДАП реагировали этнические евреи из числа русских эмигрантов (третья по численности группа в колонии). Всё время своего проживания в Берлине не прекращал вести дневник историк С. М. Дубнов (1860 – 1941). Человек почтенного возраста, Дубнов считал Германию своим последним пристанищем и не собирался уезжать от столь важных в его научной работе берлинских библиотек. Он оставался в Берлине до момента, который счёл последним, и в течение двух лет отмечал признаки приближающейся беды. Дубнов вспоминал, как «постепенно исчезало чувство безопасности в Германии. В 1931 г. уже дали себя чувствовать мировой экономической кризис и безработица миллионов, а это отчаянное положение масс питало политический террор справа и слева, со стороны национал-социалистов и коммунистов. Кровавые уличные стычки между обеими партиями стали повседневным явлением. В сентябре 1931 г. гитлеровцы громили в центре Берлина, на Курфюрстендамме, выходивших из синагог и гулявших по случаю праздника Рош-гашана евреев»⁵⁵¹. Запись в дневнике Дубнова от 7 февраля 1931 г. пропитана теми же предчувствиями: «Берлин перестал быть спокойным уголком: ежедневные террористические акты нацистов и коммунистов, отголоски вулканических потрясений в глубинах масс. В любой момент может последовать извержение вулкана»⁵⁵². Антиеврейские погромы при бессилии полиции нагнетали «мрачное настроение», в 1932 г. Дубнов стал раздумывать об отъезде из Германии, а после прихода Гитлера к власти принял решение. В нацистском Берлине он провёл лишь семь месяцев. Многие эмигранты из его окружения тоже не пожелали оставаться. «Когда и куда едете? – обычный вопрос друг другу», - писал Дубнов уже 17 апреля, а 29 мая констатировал: «Кругом бегут»⁵⁵³. 23 августа он уехал в Ригу: «В последние дни перед отъездом посещали нас друзья и знакомые, остатки “былого величия”»⁵⁵⁴.

⁵⁵⁰ Данилевич Н.В. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа. М.: Изобраз. искусство, 2000. С. 78.

⁵⁵¹ Дубнов. С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления... С. 534.

⁵⁵² Там же. С. 539.

⁵⁵³ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 246.

⁵⁵⁴ Дубнов. С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления... С. 554.

В том же 1933 году Берлин покинули историк и поэтесса Раиса Блох и её муж Михаил Горлин – они отбыли в Париж⁵⁵⁵. Уехал с семьёй и брат Раисы Яков. Бежал в Данию учёный, социолог Е.М. Кулишер. Переселился под Париж Василий Кандинский. Главный режиссёр театра «Синяя птица» Яков Южный в 1933 г. бежал в Прагу (где без особого успеха пытался возродить театр)⁵⁵⁶. Другие ждали дольше. Гессены уехали во Францию в 1936 г., Гольденвейзер и Набоковы в 1937 г., но все по той же причине – нацизм. Пять лет при Гитлере провёл в Берлине и С.Л. Франк, которого уже в апреле 1933 г. уволили из Берлинского ун-та и оставили без стабильного заработка⁵⁵⁷. Уволили из Русского научного института и его ректора, философа, профессора И.А. Ильина (из-за ссоры с приставленным нацистским надзирателем) – после этого институт фактически прекратил свою деятельность, и без того почти угасшую (с начала 1930-х гг. правительство резко сократило финансирование РНИ). Затем Ильин угодил на допрос в гестапо. Ещё один пассажир «философского парохода» журналист В. Кудряевцев писал 13 июня 1933 г. из Берлина своему коллеге В. Мякотину о судьбе учёных института и русских берлинцах вообще: «Члены его частью уехали в Париж, частью живут здесь – весьма скудно. За последние месяцы немало знакомых также покинули Берлин, и русская колония здесь очень сократилась. А общее положение продолжает быть тяжёлым»⁵⁵⁸. С отъездом эмигрантов закрывались и их предприятия – судьба эта постигла и остатки прежнего издательского изобилия – издательства «Врач», «Гутнов», «Знание»⁵⁵⁹.

Таким образом, испытали на себе опасности нового немецкого режима не только евреи, но и этнически русские эмигранты, и даже крайне правые, которых сам А. Гитлер называл жертвами «еврейских заговоров»⁵⁶⁰ (так, на два месяца в тюрьму по странному обвинению в заговоре с целью убийства фюрера попал генерал В.В. Бискупский⁵⁶¹), и просто случайно подвернувшиеся под руку (так, Роман Гуль в 1933 г. оказался на месяц в концлагере – его заподозрили в терроризме из-за книги об Азефе; на немецком языке она называлась “Roman eines Terroristen”, что значит «роман террориста» и было интерпретировано как саморазоблачение автора)⁵⁶². Характерно, что Гуль ещё до этого инцидента начал хлопотать о французских визах для себя и жены. «В гитлеровской

⁵⁵⁵ Блох Р. Здесь шумят чужие города... М.: Изограф, 1996. С. 12.

⁵⁵⁶ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: В 6 т. Т. 6. Кн. 3. X – Я. / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. С. 593.

⁵⁵⁷ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 248.

⁵⁵⁸ Цит. по: Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 98.

⁵⁵⁹ Кратц Г. Указ. соч. С. 24.

⁵⁶⁰ Kellogg M. The Russian roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 142.

⁵⁶¹ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 246.

⁵⁶² Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Т.1: Россия в Германии. С. 406.

тоталитарной Германии, - писал он, - я не мог душевно и психологически жить (...). Всем существом захотел я вырваться из этого коричневого тоталитаризма – на свободу. Но где она? Во Франции»⁵⁶³. 3 сентября Гули отправились в путь. Рад был избавиться от душной атмосферы национал-социалистического Рейха и В. Набоков, который писал вскоре после отъезда: «Как я счастлив, что мы разделались наконец с Германией. Никогда, никогда, никогда я туда не вернусь. Будь она проклята – вся эта холодная сволочь. Никогда»⁵⁶⁴. До гитлеризма Набоков относился к немцам отстранённо-нейтрально, но в последние годы жизни в Берлине стал германофобом; а ведь незадолго до бегства Набоковы хотели было остаться в Берлине насовсем, даже купили участок на окраине, у озера, чтобы построить там дом (правда, не смогли выплачивать за него взносы)⁵⁶⁵.

Следует согласиться с историками О. Будницким и А. Полян, которые пишут о начале «последнего периода» русской колонии в 1933 году – «периода упадка, реэмиграции и депортаций». Тот факт, что процесс этот продолжался несколько лет, а «русско-еврейская жизнь теплилась в Германии вплоть до начала 1940-х годов»⁵⁶⁶, существенно ничего не меняет: 1933 год принёс конец прежнего Русского Берлина. По предположению историка Р. Вильямса, русских беженцев в Берлине осталось всего несколько тысяч⁵⁶⁷, во всей Германии, по некоторым оценкам, около 50 тысяч⁵⁶⁸.

Таким образом, рассмотренные источники свидетельствуют о нескольких тенденциях социально-экономической жизни русской эмиграции в Берлине 1920-х – начала 1930-х гг. Во-первых, высокую роль в адаптации в первое время сыграли вывезенные из России накопления и капиталы; с одной стороны, они создавали условия для начала предпринимательской деятельности, которая служила фактором структурной интеграции и социально значимым институтом; с другой, из-за неравных условий, в которых оказались за границей бывшие подданные Российской империи, в их среде сразу же началась социальная дифференциация (в зависимости от прежнего социального статуса и – в большей мере – наличия капиталов). Процесс расслоения сформировал практически не контактировавшие между собой группы – благополучную «ресторанную эмиграцию» и бедную «беженскую голытьбу». Огромной массе эмигрантов, оказавшихся без привычных источников дохода, пришлось поменять потребительские привычки и трудовые ориентации

⁵⁶³ Там же. С. 380.

⁵⁶⁴ Набоков В. Письма к Вере. С. 345 – 346.

⁵⁶⁵ Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. С. 143.

⁵⁶⁶ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 307, 233.

⁵⁶⁷ Williams R.C. Culture in Exile... P. 332.

⁵⁶⁸ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 233.

и занять доступные им на рынке труда места в сфере обслуживания, торгового представительства, физически тяжёлой работы; беженцы соглашались на поденную и ремесленную работу, на дешёвый физический труд. При этом в Берлине сохранялся острый недостаток даже низкооплачиваемых и низкоквалифицированных рабочих мест для иностранцев. Многие эмигранты в условиях безработицы и экономического кризиса 1923 года не сумели найти постоянных источников дохода и покинули Германию. Так гиперинфляция и её последствия привели к резкому оттоку русских беженцев из Веймарской республики. Вторая половина 1920-х гг. стала более благоприятным периодом, чему способствовала стабилизация немецкой экономики. В этот период в Берлине оставались эмигранты, сумевшие найти себе трудовую нишу и доход. Однако экономический кризис начала 1930-х гг. и политическая победа НСДАП вновь усилили отток эмиграции из Германии и привели к опустению Русского Берлина.

Глава 4. Преступность в «Русском Берлине» 1919 – 1933 гг.

Постановка вопроса, вынесенного в название главы, неслучайна в контексте изучения социально-экономической адаптации эмиграции. Преступность является важным индикатором развития социальных отношений всякого общества. Так как девиантное и, в частности, делинквентное (преступное) поведение находится в сильной зависимости от факторов среды⁵⁶⁹ и составляет содержание социальных отношений, обращённое на него внимание позволяет проанализировать эти отношения. Этот подход успешно применяется историками, в частности, известной исследовательницей социальной истории советского общества Ш. Фицпатрик. Историк отметила, что правонарушители – это «проницательные социальные комментаторы», которые прекрасно знают и используют наиболее распространённые в своём окружении социальные и бюрократические практики⁵⁷⁰. До сих пор только один исследователь, Львов К.В., сделал попытку изучить девиации и преступления среди эмигрантов «первой волны» в Германии⁵⁷¹. Однако Львов работал с ограниченной источниковой базой и вынужден был опираться на отдельные случаи, не составляющие достаточно репрезентативной выборки, - в них он искал проявления маргинализации эмиграции. Я попытался преодолеть скудость источников и отсутствие статистики иностранной преступности в Берлине (которой не располагало в 1920-е гг. даже германское министерство юстиции и государственный комиссар по делам беженцев⁵⁷²), привлечь новые исторические источники и систематизировать для анализа имеющийся фактологический материал. Содержание предыдущих глав позволяет учесть социально-экономические обстоятельства, тенденции, на фоне которых эмигрантами совершались те или иные преступления.

Изучив описанные во введении источники (С. 23-24), нам удалось собрать информацию о **172** преступлениях, совершённых 2 юридическими и 154 физическими лицами (из них **145** – российские эмигранты), в том числе рецидивистами, в 1919 – 1933 гг. Учитывая характер источников и в целом низкий уровень преступности в эмиграции (в дальнейшем мы ещё обратимся к этому вопросу), это количество хотя и не позволяет реконструировать полную достоверную картину преступности в Русском Берлине, но может дать численно обоснованное представление о ней, её тенденциях и основных

⁵⁶⁹ Bellebaum A. Abweichendes Verhalten... S. 15 – 16.

⁵⁷⁰ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 306 – 307.

⁵⁷¹ Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии (1920 – 1939 гг.). / Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М.: РГГУ, 2002.

⁵⁷² Der Minister des Innern. IV b. 3727. Berlin, den 11. November 1922 // GStA PK. I HA Rep. 84a. N. 15. Bl. 47; Der Reichskommissar für Zivilgefängene und Flüchtlinge, Denkschrift // GStA PK. I HA Rep. 84a. N. 15. Bl. 250.

факторах. Кроме того, объём выборки даёт возможность не только изучения отдельных деликтов, но и выявления наиболее типичных случаев и практик. Рассматриваемая выборка является стихийной, так как в её основе лежит не вся когда-либо существовавшая совокупность источников, а только те, что уцелели и были доступны. Тем не менее выборку в данном случае можно считать условно репрезентативной. Во-первых, некоторые источники (например, газета «Руль») подверглись сплошному изучению⁵⁷³, что почти полностью исключает утрату информации о тяжких преступлениях, которые всегда подробно освещались⁵⁷⁴. Во-вторых, целью этой главы является не столько достоверное рассмотрение генеральной совокупности русских эмигрантов, совершивших правонарушения, сколько проблем адаптации Русского Берлина в целом. Поэтому помимо выборки для её анализа и верификации полученных результатов мы привлекаем дополнительные источники (периодика, источники личного происхождения и др.) и результаты ряда исследований. Всё это позволяет получить более обоснованные выводы.

Отдельно стоит отметить, что в выборку не входят преступления, совершённые вне Берлина и вне указанных хронологических рамок, а также правонарушения, совершённые советскими гражданами, не считавших себя эмигрантами и являвшихся сотрудниками советских представительств, агентами Коминтерна и коммунистическими агитаторами; они составляли в Берлине отдельное сообщество, скорее враждебное по отношению к эмиграции.

Наиболее массовые правонарушения (связанные с паспортным контролем) также не включены в выборку, так как в источниках они хорошо отражены в обобщённых наблюдениях, а частные случаи почти не привлекали внимания в силу своего обыденного характера и амбивалентного отношения современников к этому явлению. О том, что эти нарушения (уклонение от обязательной регистрации (*Meldepflicht*) и обязательного продления документов, подтверждающих право на жительство) были особенно распространены, свидетельствуют, прежде всего, данные берлинской полиции. В 1921 г. полицейско-президиум вынужден был констатировать, что десятки тысяч русских избегают регистрации «из страха получить наказание за незаконное пересечение границы и по другим причинам»⁵⁷⁵.

⁵⁷³ «Руль» издавался с 1920 по 1931 год, около 9 месяцев отсутствуют в выборке (октябрь – декабрь 1925 г.; июль – декабрь 1930 г.).

⁵⁷⁴ Другие категории преступлений (например, мошенничества или кражи) в источниках отражены, вероятно, неполно.

⁵⁷⁵ Lage-Bericht vom 27. Januar 1921 // BArch. R 1501. Nr. 114050. Bl. 132.

Gültig bis zum 20. November 1922.

I

(Dienststelle) *Landwehrkommando* (Ort) *Schivelbein*, den *21.* *11.* 192*1.*

Personalausweis Nr. 139

Ausgestellt als Passersatz für den Aufenthalt im Reichsgebiete.

(Für den Grenzübertritt ist jedesmal ein Sichtvermerk der zuständigen deutschen Stelle erforderlich.)

Familienname: *von Taboritzky*

Vorname: *Bergis*

Staatsangehörigkeit: *Rußland* } frühere: _____
bis wann: _____

Beruf: *Kontrollant*

Ständiger Wohnsitz mit Adresse: _____

Gegenwärtiger Aufenthaltsort mit Adresse: *Hr. Kalkbrenner*

Geboren am *2. März 1895* Alter: *26* Jahre

Geburtsort: *H. Pilsen*

Gestalt: *groß* Haar: *blond*

Augen: *grün* Gesichtsforn: *oval*

Besondere Kennzeichen: *x*

Es wird hiermit bescheinigt, daß der Inhaber die durch nebenstehende Photographie dargestellte Person ist und die darunter befindliche Unterschrift eigenhändig vollzogen hat.

Unterschrift des Inhabers:

S. von Taboritzky

S. v. Taboritzky

7. 10.

Unterschrift
S. v. Taboritzky
Kontrollant

Raum für einen freiwilligen Einbruch des linken Daumens des Inhabers.

Образец паспорта, выдаваемого германскими властями иностранцам при обязательной регистрации (в данном случае – паспорт русского офицера С.В. Таборицкого) (LAB. A Rep. 358-01. Nr. 264. Bd. 1.). Действие паспортов требовалось регулярно продлевать.

Потребность иностранцев в обходе паспортного контроля удовлетворялась «фабриками» фальшивых документов, в то время довольно многочисленных в Берлине. Об их существовании и охоте полиции на эти «фабрики» нередко сообщали русские газеты⁵⁷⁶. У семи русских эмигрантов из изученных нами 145-и источники фиксируют нарушения паспортного контроля, ещё несколько занимались подделкой документов. Обнаружить и привлечь к ответственности подобных «дельцов» было весьма непросто. Так, в 1924 г. берлинская полиция задержала нескольких русских эмигрантов, использовавших фальшивые или неправоммерно оформленные паспорта,⁵⁷⁷ но доказать их вину во взяточничестве не удалось⁵⁷⁸. В том же году начальник Фремденамта берлинской полиции В. Бартельс сообщал, что русские эмигранты продолжают прибывать в Германию – в основном по советским паспортам, но часть – по фальшивым иностранным⁵⁷⁹.

К такому поведению, по мнению самих русских, их толкали многочисленные бюрократические препятствия при получении разрешений на выезд из России и въезд в Германию. Так, бывший профессор права (Петербургского, а затем Пермского ун-та) А. Яценко оправдывал эти нарушения в 1921 в берлинской газете «Голос эмигранта»: «...положение русских эмигрантов совершенно безнадёжно. Они, люди без государства и без юридической защиты, не имеют почти никаких легальных способов передвижения из одной страны в другую и должны прибегать ко всякого рода уловкам и даже тайным переходам через границу, чтобы найти себе пристанище...»⁵⁸⁰. Такое отношение к нарушениям паспортного контроля разделяли и другие эмигранты. Так, один из главных хронистов русского Берлина И.В. Гессен вспоминал, что при разрешении бюрократических проблем русские вынуждены были прибегать к взяткам⁵⁸¹. Писатель В.В. Набоков писал, как, встречая «фантастические» бюрократические затруднения, некоторые русские «обманывали всяких высших чиновников, гнусных крыс, в разных министерствах, префектурах и полицейпрезидиумах»⁵⁸².

Таким образом, тысячи русских беженцев становились в оппозицию к немецкому государству, получали опыт контакта с маргинальными группами и опыт правонарушений, негативно относились к законам, регулировавшим их пребывание в Германии. Этот опыт,

⁵⁷⁶ Например, только в 1922 г. несколько раз о таких делах сообщал «Руль»: Хроника // Руль. 1922. 3 февраля; Хроника // Руль. 1922. 5 апреля; Облава // Руль. 1922. 11 мая; Новая фабрика фальшивых паспортов // Руль. 1922. 27 мая; Хроника // Руль. 1922. 28 ноября.

⁵⁷⁷ Е.К. Дело о фальшивых паспортах // Руль. 1924. 10 апреля.

⁵⁷⁸ Хроника // Руль. 1925. 25 февраля.

⁵⁷⁹ Левин С.И. Иностранцы в Германии // Руль. 1924. 9 марта.

⁵⁸⁰ Яценко А. Русская трагедия // Голос эмигранта. 1921. Апрель. № 1.

⁵⁸¹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 55.

⁵⁸² Набоков В. Другие берега: автобиография. С. 216.

обучающий девиантному поведению, в некоторых случаях, безусловно, мог служить предпосылкой для дальнейших правонарушений.

Другим фактором, влиявшим на преступность, было злоупотребление алкоголем, также довольно распространённое в русской эмиграции. В некоторых случаях эмигранты, совершившие противоправные деяния под воздействием хмельных напитков, характеризуются в источниках как алкоголики (например, аферист и хулиган Александр Зубков – «алкоголик и кокаинист»⁵⁸³, убийца Григорий Камышенков⁵⁸⁴ и др.). Рост потребления алкоголя эмигрантами отмечался в периодической печати. В одной из статей газеты «Руль» об «измученных тоскливым бездействием и нуждой» эмигрантах говорилось: «...настоящая русская водка, изготавливаемая сейчас в Париже, Берлине и Константинополе для услады горького житья эмигрантского», является теперь «необходимой [курсив – К.К.] деталью беженского обихода»⁵⁸⁵. Велико было и количество рекламных объявлений в газетах, предлагающих алкоголь, что свидетельствовало о коммерческом успехе этих предприятий. В русской эмигрантской литературе⁵⁸⁶, как и в немецкой⁵⁸⁷, русские беженцы также предстают пьющими людьми. Описанные психологом Н.С. Хрусталева распространённые в эмиграции психологические трудности объясняют это явление⁵⁸⁸, которое также свидетельствует об исследованном К.В. Львовым процессе маргинализации, затронувшем значительное число русских беженцев⁵⁸⁹. В то же время пьянство (как и рост преступности) наблюдалось и в берлинском обществе, также переживавшем последствия политических и экономических потрясений Первой мировой войны и послевоенного периода. Так, сатирическая газета «Ульк» в 1921 г., высмеивая пьянство, писала под карикатурой, изображающей переполненный ликёрными город, что в Берлине, пожалуй, ещё «слишком мало ликёрных»⁵⁹⁰ (см. Приложение № 4).

§ 4.1. Социальная база и основные черты преступности

Результат общего анализа собранного материала о **145** преступниках представлен в *Таблице № 1*. Как и можно было бы ожидать от сообщества, в котором преобладают образованные городские слои, столкнувшиеся с серьёзными проблемами получения дохода, большая доля преступлений в Русском Берлине приходилась на мошенничества,

⁵⁸³ Der Regierungspräsident. I.J. 418. Köln, den 16. März 1928. Betrifft: Ausweisung des Alexander Zoubkoff // GStA PK. I HA Rep. 90A. Nr. 1810. Bl. 3 – 4.; Хроника // Руль. 1928. 26 февраля.

⁵⁸⁴ Убийство в Груневальде // Руль. 1925. 19 августа; К убийству в Груневальде // Руль. 1925. 20 августа.

⁵⁸⁵ Лари. Берлинская болезнь // Руль. 1921. 6 марта.

⁵⁸⁶ Напр.: Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz; Набоков В. Машенька. Подвиг.

⁵⁸⁷ Ремарк, Э.М. Три товарища. С. 391.

⁵⁸⁸ Хрусталева Н.С. Психология эмиграции... С. 64 – 70.

⁵⁸⁹ Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции...

⁵⁹⁰ Wer Sorgen hat... // Ulk. [Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt]. 1921. den 27. Mai.

кражи, фальшивомонетничество, торговлю запрещёнными товарами и другие преступления, обычно имеющие своей целью обогащение.

Таблица № 1.

Деликт	Число преступлений	Доля	Число преступников
Мошенничество	59	34,3 %	66
Кражи	67	38,9 %	36
Фальшивомонетничество	5	2,9 %	11
Наркоторговля	4	2,3 %	13
Убийство	4	2,3 %	5
Нарушение паспортного контроля	7	4 %	7
Подделка документов	4	2,3 %	3
Взяточничество	4	2,3 %	4
Хулиганство	4	2,3 %	4
Попрошайничество	2	1,16 %	2
Контрабанда	2	1,16 %	2
Сутенерство	1	0,58 %	2
Оскорбление	1	0,58 %	1
Шулерство	1	0,58 %	1
Инсценировка кражи	1	0,58 %	1
Укрывательство вора	1	0,58 %	1
Неизвестно	3	1,74 %	3
Работа без лицензии	2	1,16 %	2 юрлица
Всего	172	100%	

Физическое насилие при совершении этих преступлений встречается редко (достоверно известно о 2 кражах с его применением). Отсутствуют случаи убийств в ходе грабежей: все убийства совершены по иным причинам (1 политическое, 3 совершены преступниками, страдавшими психическими расстройствами или пребывавшими в состоянии сильного эмоционального напряжения). Как наиболее опасные и резонансные преступления, все убийства находят в источниках подробное отражение. Из 3 неполитических убийств 2 совершены при оставшихся туманными обстоятельствах, возможно, с согласия самих жертв, желавших таким образом покончить с собой⁵⁹¹. В обоих случаях после убийства преступники сами кончали с собой. В первом (1928 г.) следствие выяснило, что студент Алексей Френкель убил невесту Валерию Каменскую по их общей договорённости, так как отчаявшаяся пара не могла найти средства на свадьбу и

⁵⁹¹ Убийство в Груневальде // Руль. 1925. 19 августа; К убийству в Груневальде // Руль. 1925. 20 августа.

совместную жизнь⁵⁹². Валерия, 22-летняя девушка, была ученицей художественной школы, играла на балалайке в эмигрантском оркестре⁵⁹³. В том же оркестре зарабатывал на жизнь 21-летний Френкель – студент изучал медицину⁵⁹⁴. Во втором случае убийство совершил юноша, признанный невменяемым. Жертвой стал его брат, с которым он имел конфликтные отношения⁵⁹⁵.

Таблица № 2. Мотивы

Мотив	Число	Доля	Основные деликты
Получение материальных благ (деньги, драгоценности, ценные предметы)	130	89,6 %	Мошенничества, кражи, фальшивомонетничество, наркоторговля, взятки и др.
Получение различных благ (разрешение на аренду квартиры, получение паспорта)	3	2 %	Взятки
Политическая борьба	3	2 %	Убийство, хулиганство, оскорбление
Личная вражда	1	0,6 %	Инсценировка кражи
Психические расстройства / стрессы / злоупотребление алкоголем	3	2 %	Убийства (3 случая)
Не выяснены	5	3,4 %	Подделка документов, укрывательство
Всего	145	100%	

*** В таблицу не включены нарушения паспортного контроля, так как они обычно вскрывались в связи с совершением других преступлений и мотивы их редко уточнялись.

В абсолютном большинстве случаев (кроме 5) известна мотивация, которая двигала эмигрантами при совершении преступлений (Таблица № 2). Подавляющая их часть (89,6 %) носила *инструментальный* характер, то есть совершена ради получения материальных благ. В незначительном количестве случаев (10) русские беженцы имели другие цели – получение разрешений и документов, политическая борьба, личная вражда, психические расстройства и др.

В условиях ограниченной источниковой базы можно говорить только о тенденциях преступности, существовавшей в Русском Берлине, сложно также судить о том, какие годы отличались более высокой активностью преступников. Из 172 рассмотренных нами

⁵⁹² Русская драма // Рувль. 1928. 19 апреля.

⁵⁹³ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 01.08.2019).

⁵⁹⁴ Там же. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/20.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 01.08.2019).

⁵⁹⁵ Дело Манассе Фридлендера // Рувль. 1929. 26 июня; Дело Манассе Фридлендер // Рувль. 1931. 13 февраля.

преступлений на период расцвета русского сообщества (1919 – 1924 гг.) приходится 52 (из них 12 мошенничеств совершены одним человеком). В это время численность русской колонии находилась на пике, и хотя остро стояли проблемы трудоустройства и получения дохода, они смягчались деятельностью общественных организаций и профессиональных объединений, занимавшихся помощью нуждающимся. Кроме того, в эти годы некоторые беженцы ещё пользовались вывезенными из России капиталами и поддержкой наиболее обеспеченных эмигрантов. Количество деликтов, зафиксированных в 1925 – 1929 гг., больше – 88 (из них 21 взлом приходится на 1 преступника). Хотя в это время германская экономика стабилизировалась, в эти годы снизилась активность благотворительных организаций, а журналисты констатировали, что для иностранцев в Берлине стало ещё меньше возможностей для трудоустройства, чем было прежде; вследствие уменьшения численности русской колонии теряли доход эмигранты, ориентировавшиеся на русских потребителей⁵⁹⁶. Можно объяснить увеличение количества преступлений в этот период и тем, что мы просто лучше осведомлены о событиях тех лет, полнее отражённых актовыми и иными источниками. В 1930 – 1933 гг. снижается численность русских беженцев в Берлине, и существенно уменьшается количество зафиксированных источниками правонарушений – 32 (из них 20 приходится всего на двух эмигрантов). Характер и социальная база преступности в течение всего периода 1919 – 1933 гг. не имеют существенных отличий. Социальный и профессиональный состав совершивших преступления русских (Таблица № 3) в целом соответствует социальному составу Русского Берлина, с той разницей, однако, что значительная в «колонии» доля профессоров и студентов в социальной базе преступности заняла совсем небольшое место.

Таблица 3. Профессиональный состав.

Профессия	Число	Доля
Военные	17	27,8 %
Коммерсанты	14	22,95 %
Инженеры	4	6,5 %
Юристы	6	9,8 %
Творческие профессии (певцы, актёры, художник)	6	9,8 %
Студенты	3	4,9 %
Журналисты	2	3,2 %
Клерк, служащий	2	3,2 %
Рассыльные	1	1,6 %
Матросы	1	1,6 %
Медсестра	1	1,6 %
Няня	1	1,6 %
Сотрудник спецслужб	1	1,6 %

⁵⁹⁶ Петриковский. О русских шофёрах в Берлине // Руль. 1926. 18 мая.

Бывшая фрейлина императрицы	1	1,6 %
Без работы	1	1,6 %
Всего	61	100 %

Известен также половозрастной состав преступников. Из 145 правонарушителей только 11 женщинам (что можно дополнительно объяснить ещё и тем фактом, что женщины вообще составляли меньшинство в Русском Берлине). Известен возраст 58 преступников, 40 из них (68,9 %) родились после 1890 г. и в 1919-1933 г. находились в возрастном диапазоне 20 – 40 лет. Меньшая часть, 18 человек (31,1 %) – были старше 40 лет.

Как показывает *Таблица № 3*, точная информация о профессиональной принадлежности преступников известна в 61 (из 145) случае. Более половины этого числа относятся к военным (27,8 %) и коммерсантам (22, 95%), значительная доля (26,1%) приходится на инженеров, юристов и представителей творческих профессий. Кроме того, о 9 эмигрантах известно, что они принадлежали к титулованной знати Российской империи (князья, графы, бароны). Помимо того, что эти профессиональные категории в целом преобладали в эмиграции, их криминогенность нуждается в дополнительных объяснениях.

Указанные категории (прежде всего, военные и коммерсанты) оказались наименее способными к успешной адаптации в чужой стране. В 10 случаях достоверно известно, что русские беженцы из этих категорий, уличённые в нарушении закона, плохо или совсем не владели немецким языком. Кроме того, военные в Германии были полностью лишены возможности трудоустройства по специальности. Как отмечает криминолог Я. Гилинский, неудовлетворённая потребность в самореализации (например, профессиональной) является источником насилия и саморазрушающего поведения (пьянство, употребление наркотиков, азартные игры, самоубийства и т.п.)⁵⁹⁷. Не могло не играть роли и то, что среди русских солдат и офицеров ещё во время Гражданской войны наблюдалось сильнейшее моральное разложение – на фоне крушения государственности и военных поражений распространились эгоизм, пьянство, взяточничество, воровство и мародёрство⁵⁹⁸. Как говорил известный монархист В.В. Шульгин о Белом движении, начали его «почти как святые, а закончили почти как разбойники»⁵⁹⁹. Это опыт стимулировал криминогенность в среде военных. Историк эмиграции С.С. Ипполитов, изучивший несколько случаев преступности в 1920-30-е гг., также отмечает, что наиболее подверженными

⁵⁹⁷ Гилинский Я.И. Социальное насилие. С. 22 – 23.

⁵⁹⁸ См. напр.: Смолин А.В. Взлёт и падение адмирала Колчака. СПб.: Наука, 2018. С. 179, 185; Его же. Белое движение на Северо-Западе России, 1918 – 1920 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 340 – 350; Ганин А. Взраздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 67; Катцер Н. Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе.// Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 - 1923. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 174; и др.

⁵⁹⁹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. С. 69.

маргинализации оказались бывшие офицеры. Новые условия труда и быта, пережитые лишения и рабочая среда за границей приводили к моральным сдвигам. То, что ранее считалось в их среде недопустимым и порочащим честь и достоинство человека в погонах (например, мелкая кража на работе), теперь воспринималось амбивалентно, как нечто неприятное, но в то же время объяснимое и в некоторой степени оправданное⁶⁰⁰.

Трудности адаптации военных и их подверженность разрушительным настроениям замечали сами эмигранты. Так, сотрудники Общества помощи русским гражданам в Берлине в сентябре 1922 г. стремились получить больше хороших русских книг и журналов для безработных солдат и офицеров белых армий, живших в благотворительном общежитии Общества – так называемой «Станице». Книги должны были удовлетворить культурные потребности и «скрасить безрадостное существование». При этом Общество отмечало, что это «дело огромной важности», так как речь идёт о «тысячах русских, заброшенных на чужбину, живущих без дела, озлобленных, а потому легко подвергающихся дурному влиянию...»⁶⁰¹.

Многие судьбы военных, оказавшихся в Берлине на скамье подсудимых за мелкие проступки, имеют общие черты: попав в тяжёлую ситуацию, они поддавались соблазну «лёгких денег». Типичное в этом отношении газетное сообщение опубликовал в январе 1926 г. «Руль»: «Перед судом [...] предстали два русских офицера Горстман и фон Шаль, обвиняемые в мошенничестве. Оба происходят из хороших и состоятельных русских фамилий. Оба сражались на фронте во время великой войны, были арестованы большевиками, бежали, дрались в рядах добровольческой армии, были снова арестованы и снова бежали в Польшу. В Польше их ещё раз арестовали, но им ещё раз удалось ускользнуть и пробраться в Германию. Здесь они работали в качестве кельнеров, танцоров, шахтёров и копили деньги для того, чтобы поступить в какую-нибудь высшую школу. Однажды они познакомились с человеком, именовавшим себя Фишером, который уговорил их поставить фальшивое жиро на вексель. От этой операции, собственно говоря, никто не пострадал, так как впоследствии вексель был оплачен сполна. Обвиняемые сознались и заявили, что не просят о снисхождении. Суд приговорил фон Шаля к 6, а Горстмана – к 8 месяцам тюрьмы»⁶⁰².

Имеет большое значение и то, что военные (в основном бывшие офицеры) и коммерсанты привыкли к хорошему уровню жизни и имели в Российской империи высокий

⁶⁰⁰ Ипполитов С.С., Маргинализация как гуманитарная проблема русского зарубежья. 1920-1930-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 1063 – 1065.

⁶⁰¹ [О книгах для жителей «Станицы»] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

⁶⁰² Хроника // Руль. 1926. 7 января.

социальный статус. В эмиграции они потеряли прежние источники дохода и соответствующий им уровень потребления, так как сословные и социальные позиции стали лишь призраком прошлого. Психолог Н.С. Хрусталева пишет, что имевшие в России высокий статус эмигранты часто находились в состоянии «психологической раздвоенности», при котором наблюдается «разрыв между реальным положением в социальной структуре страны пребывания и представлениями как своими, так и представителей своей микросреды, о месте данного человека в среде других людей»⁶⁰³. Эмигранты сохраняли свои трудовые, социальные и потребительские ориентации. Ставшие шофёрами, рабочими, официантами, мойщиками посуды или ресторанными музыкантами, бывшие офицеры, купцы, инженеры и юристы, создавая свои союзы, старались сохранить прежнюю идентичность и продолжали считать себя офицерами, чиновниками и т.д.⁶⁰⁴ Эта проблема была особенно острой в 1920-е гг., но не разрешилась и десятилетия спустя. В 1948 г. французская полиция, описывая русскую колонию в Париже, заметила, что русские эмигранты «продолжали судить и оценивать своих товарищей по изгнанию не по тому, чего они достигли, а в соответствии с их прежним социальным рангом»⁶⁰⁵. Для подтверждения собственного высокого статуса эмигранты стремились держаться своего ближайшего русского окружения, в котором их оценивали по занимаемой в России социальной нише, а также выполняли для этого специфические «ритуалы». Так, берлинский таксист описывал «так называемые балы русских шоферов»: «Здесь сплошь и рядом встречаются господа с великолепными манерами, умеющие носить фрак или смокинг и безупречно говорящие по-французски и по-английски»⁶⁰⁶.

Большое количество преступлений, совершённых представителями этих категорий эмигрантов, имеют схожие черты. В первую очередь, речь идёт как раз о стремлении к сохранению высокого уровня потребления, образа жизни и уклонению от труда, нетипичного для их прежнего высокого статуса. Рассмотрим несколько характерных случаев более подробно.

Дело Георга фон Майера

В сентябре 1926 г. берлинская полиция раскрыла группу торговцев кокаином. Она состояла из 8 человек, в том числе 5 русских эмигрантов, одного латвийского немца, О. фон Сиверса, прусского еврея и немецкого аптекаря Хорста Хана (благодаря своей работе он

⁶⁰³ Хрусталева Н.С. Психология эмиграции... С. 64.

⁶⁰⁴ Там же. С. 65.

⁶⁰⁵ Российская эмиграция во Франции в 1940-е. I часть. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже»). Публикация Д. Гузевича и Е. Макаренко, вступительная статья и примечания Д. Гузевича, при участии И. Гузевич // Диаспора: Новые материалы. СПб.; Париж: Athenaeum–Феникс, 2007. Т. VIII. С. 402.

⁶⁰⁶ Цит. по: Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 297.

имел доступ к кокаину и был поставщиком в составе группы). Отто фон Сиверс, курсируя между Ригой, Берлином и Парижем, продавал кокаин. Русские – Георг фон Майер, Карл Краузе, Владимир Мантойфель, Виктор Папкевич и Семён Михайлов – были посредниками в этих сделках⁶⁰⁷.

Четверо из пяти русских имели в прошлом высокий социальный статус (бывшие офицеры русской армии, один полковник, один барон). Трудовая деятельность этих молодых офицеров (25 – 30 лет) в Германии – официант, киностатист, актёр, торговый посредник – воспринимались ими как неподобающие. Хотя они рассказали о своих занятиях на допросе, при самоидентификации в анкетах указывали свой прежний офицерский статус. Своё материальное положение Майер охарактеризовал словами «ужаснейшее» и «горькая нужда», а заработок на кинопроизводстве назвал «ничтожным». Кроме того, Майер совершил нарушение паспортного контроля, не продлив действие своих документов, так как не имел денег для оплаты пошлины⁶⁰⁸. На свою бедность указали и С. Михайлов, В. Папкевич и В. Мантойфель, который в тот момент не имел постоянного жилья. Обсуждая друг с другом материальные проблемы, они решили, что можно заработать на продаже кокаина. На допросах, однако, эмигранты оправдывали себя, апеллируя к ценностям товарищества и указывая, что лишь хотели помочь другу в трудном положении (О. фон Сиверсу, который доставлял кокаин конечным покупателям в Париж). Кроме того, С. Михайлов и В. Папкевич просили о смягчении наказания, чтобы не терять на длительное время возможность работать и обеспечивать семьи⁶⁰⁹.

Занимавшийся делом комиссар А. Нёбе полагал, что участники дела регулярно совершают подобные незаконные сделки, но доказать сумел только один эпизод с продажей 250 г. кокаина. Майер, Краузе, Михайлов и Папкевич были приговорены к 3 месяцам тюремного заключения (с зачётом пребывания в следственном изоляторе), Мантойфель, игравший большую роль в организации продажи кокаина – к 4 месяцам тюремного заключения⁶¹⁰.

Любопытны наблюдения криминального комиссара А. Нёбе, давшего характеристику мотивации и образу жизни фигурантов дела: «Все участники без сомнения совершили свои деяния из-за [...] нужды. Финансовое положение русских эмигрантов, [...] как я мог лично убедиться, предельно скудное и прямо бедственное. [...] они пытаются

⁶⁰⁷ Bericht. Berlin, den 4. September 1926 // LAB. A Rep. 358-01. № 260. Bd. 1.

⁶⁰⁸ Verhandelt. Berlin, den 2. September 1926 [Befragung von Georg v. Meyer] // LAB. A Rep. 358-01. № 260. Bd. 1.

⁶⁰⁹ Verhandelt. Berlin, den 3. September 1926 [Befragung von S. Michailoff]; Verhandelt. Berlin, den 4. September 1926 [Befragung von V. Papkevič] // LAB. A Rep. 358-01. № 260. Bd. 1.

⁶¹⁰ Im Namen des Volkes! [Gerichtsurteil, den 20. Oktober 1926] // LAB. A Rep. 358-01. № 260. Bd. 3.

заработать азартными играми и сомнительными сделками, но, очевидно, без желания работать по-настоящему. [...] такие люди, как Майер и Краузе, часто встречаются в игорных заведениях, чтобы там попытать счастья, едва ли можно извинить их действия, хотя они и вызваны нуждой»⁶¹¹. Проницательный комиссар не зря отметил, что реакция русских офицеров и «аристократов» на бедность, выразившаяся в нарушении закона, связана с тем, что, не имея возможности продолжать военную службу, они избегают другой «настоящей» работы и, уповая на удачу, стремятся получить достаток сомнительными путями.

Дело группы Х. Сtrykовского

Похожие черты можно найти и в преступной *карьере* молодых российских коммерсантов, занимавшихся крупной наркоторговлей в 1922 – 1926 гг. Берлинское ядро этой преступной организации, имевшей представителей (в том числе русских эмигрантов) в Берне, Париже, Копенгагене, Лондоне, Харбине и др. городах, составляло 10 человек, в том числе 8 бывших русских подданных⁶¹². Имея в составе группы бывшего сотрудника берлинской фармацевтической фирмы, они сумели наладить поставки героина, кокаина, морфия и других опиатов из Германии, Франции и Швейцарии и продавали его как внутри страны (например, в Гамбурге продали наркотиков на 65 000 марок⁶¹³), так и в Азию (под видом «косметических средств»), где за опиаты платили в несколько раз больше закупочных цен⁶¹⁴.

Найденные при полицейском обыске наркотики (LAB. A Rep. 358-01, № 863. Bd. 1.).

⁶¹¹ Abteilung IV. Dienststelle E.7. Bericht. Berlin, den 8. September 1926 // LAB. A Rep. 358-01. № 260. Bd. 1.

⁶¹² LAB. A Rep. 358-01. № 863. Strykowski u.a. Opiumschmuggel durch eine weit verzweigte internationale Bande. Bd. 1-11.

⁶¹³ Rauschgiftschieber und ihre Helfer // Die Wahrheit. 1928. den 15 September.

⁶¹⁴ Торговцы наркотиками // Руль. 1927. 14 января.

До жизни в Берлине, куда большая часть членов организации прибыла в 1920 – 1923 гг., наркотики не входили в их сферу интересов. В России и Азии (двое из участников жили там некоторое время до переезда в Берлин) пятеро из восьми русских подданных были торговцами и занимались торговлей медицинскими товарами, игрушками, чаем из Китая и др. Прежде они имели наёмных служащих и коммерческие успехи, однако в охваченном кризисом Берлине начала 1920-х гг. начатый здесь бизнес не оказался прибыльным. В погоне за новыми коммерческими удачами они нашли выгодной торговлю опиатами, чем и занимались довольно продолжительное время.

Один из лидеров преступной группы наркоторговцев, Х. Стрыковский (LAV. A Rep. 358-01, № 863. Bd. 1.).

Дело Ивана Мясоедова

Дело Ивана Григорьевича Мясоедова (род. в 1888 г.) также обладает чертами преступления, совершённого человеком с «психологической раздвоенностью личности», то есть стремившегося сохранить свой прежний статус и его атрибуты. До революции 1917 г. Иван Мясоедов был одним из известных и успешных русских художников. Перед Первой мировой войной он работал в популярных журналах и (что помогло затем его преступной карьере) выполнял заказы монетного двора⁶¹⁵. Мясоедов пользовался высоким социальным статусом, жил в собственном двухэтажном доме, незадолго до войны женился на молодой итальянской танцовщице Мальвине Верничи. Революция отняла у художника всё благосостояние, и ему с женой пришлось бежать как нищему беженцу сначала на свободные от большевиков территории, а затем и за границу. Здесь следует отметить, что, хотя документальных подтверждений этому факту не найдено, существует предположение, что в 1917 г., пытаясь справиться с обрушившейся на него нуждой, Мясоедов подделывал банкноты, выпускаемые Временным правительством. Но тогда художник не был пойман и осуждён⁶¹⁶.

В ходе Гражданской войны И. Мясоедов тяжело болел и даже чуть не был расстрелян большевиками⁶¹⁷. Оказавшись в Берлине в 1919 г., он работал для кинопроизводителей⁶¹⁸ и рекламщиков, но терпел большую нужду и вынужден был принимать помощь от своих бывших учеников⁶¹⁹. В 1921 г. в Берлине Мясоедов познакомился с инженером В. Мамоновым, также лишённым всего революцией (до 1917 г. его семья владела двумя фабриками), подрабатывавшим киностатистом и бедствовавшим. Как свидетельствуют следственные материалы, «общая нужда привела их на путь преступления»⁶²⁰. Кроме того, Мамонов хотел помочь оставшейся в России семье. Позднее инженер давал показания полиции и среди прочего рассказывал о своих безуспешных попытках заработать на жизнь в Берлине легальными способами, а также о том, что несколько раз ему приходилось ночевать в вагонах метро или в лесу⁶²¹.

Мясоедов изготавливал фальшивые фунты стерлингов и американские доллары, причём столь высокого качества, что распознать подделку не могли крупные банки⁶²², а

⁶¹⁵ Войцеховский С.Л. Эпизоды. Лондон-Канада: «Заря», 1978. С. 132.

⁶¹⁶ Коваленко А.И. Иван Мясоедов – художник Серебряного века. Севастополь: Издательство «МИР», 1998. С. 130 – 131.

⁶¹⁷ Хроника // Руль. 1924. 24 сентября.

⁶¹⁸ Gesuch des Verteidigers um Bewährungsfrist für den Straftest // GStA PK. I HA Rep. 84a. № 56757. Bl. 16.

⁶¹⁹ Erbtraut R. Karriere und Schicksal eines Emigranten – die Odyssee des Malers Ivan Mjasoedov/Eugen Zotow // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941... S. 187.

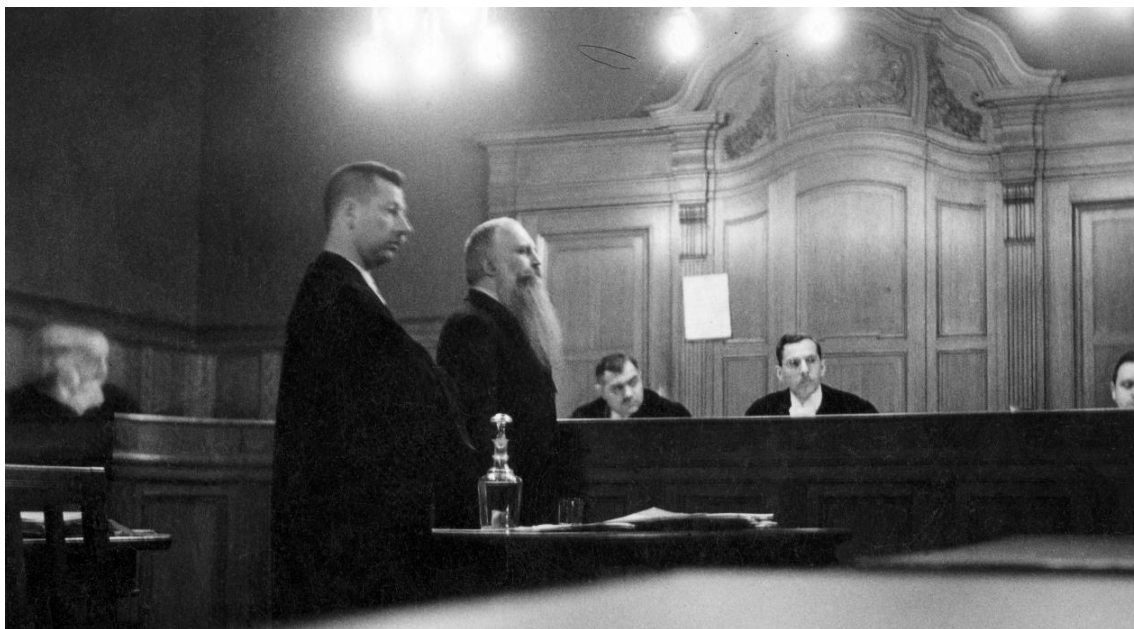
⁶²⁰ Ibid.

⁶²¹ [Zeugnisse von W. Mamonov / Berlin, 1924] // LAB. A Rep. 358-01. № 405. Bd. 3

⁶²² Gesuch des Verteidigers um Bewährungsfrist für den Straftest // GStA PK. I HA Rep. 84a. № 56757. Bl. 14.

судебные эксперты признали изготовленные банкноты исключительными на фоне того, с чем им приходилось иметь дело. Банкноты сбывала жена Мясоедова, Мамонов и другие лица (возможно, Мамонов также помогал в изготовлении, но следствие это не доказало). Удовлетворив материальную нужду, Мясоедов не остановился и нажил значительное состояние⁶²³. Полиция обнаружила преступников в марте 1923 г., когда Мясоедов готовился уже к производству банкнот крупного номинала – 100-долларовых⁶²⁴.

Мясоедов и его товарищи успешно повлияли на судебное решение, поведав историю перенесённых ими тягот. Суд принял во внимание тяжёлую судьбу обвиняемых и приговорил их к не очень большим срокам – 3 года тюремного заключения для Мясоедова⁶²⁵, 2,5 года для Мамонова⁶²⁶ и полгода – для жены Мясоедова. В 1925 г. Мясоедов был досрочно освобождён. После нескольких лет работы для журналов, кинопроизводства и в качестве портретиста, в 1930 г. он возобновил производство фальшивых денег, хотя имел неплохой заработок. После судебного процесса 1932 – 1933 г. Мясоедов был осуждён и снова попал в тюрьму⁶²⁷ до конца 1934 г.⁶²⁸. В 1937 г. Мясоедов покинул Германию, жил в Брюсселе, а затем в Лихтейнштейне, где в 1948 г. опять оказался на скамье подсудимых за попытку подделки долларов и провёл в заключении полтора месяца⁶²⁹.

Иван Мясоедов (третий слева) на процессе 1932 г. (F Rep. 290-02-06. Nr. 29/1-8. Foto by Leo, Rosenthal).

⁶²³ Хроника // Руль. 1924. 24 сентября.

⁶²⁴ Gesuch des Verteidigers um Bewährungsfrist für den Strafrest // GStA PK. I HA Rep. 84a. № 56757. Bl. 15.

⁶²⁵ Хроника // Руль. 1924. 24 сентября.

⁶²⁶ Gesuch des Verteidigers um Bewährungsfrist für den Strafrest // GStA PK. I HA Rep. 84a. № 56757. Bl. 14; На суде // Руль. 1925. 22 августа.

⁶²⁷ Erbentraut R. Op. cit. S. 188 – 189.

⁶²⁸ Коваленко А.И. Иван Мясоедов – художник Серебряного века. С. 153.

⁶²⁹ Erbentraut R. Op. cit. S. 193.

Все описанные выше случаи характеризуются фигурантами, утратившими высокий уровень жизни в ходе революции и Гражданской войны в России и стремившимися сохранить его. Как писал В.В. Набоков, оказавшись в тяжёлом положении в эмиграции, «не все русские [...] кротко соглашались быть изгоями и привидениями»⁶³⁰. В том числе имеется в виду, что русские не соглашались занять ту невысокую социальную позицию, которая была им доступна в эмиграции.

Есть и другие, некриминальные примеры эмигрантов высокого в прошлом социального положения, которые прямо избегали некоторых доступных им возможностей трудоустройства, так как они казались им неподобающими (особенно отчётливо это наблюдается в деле Майера). Эти примеры пренебрежительного отношения в русском эмигрантском сообществе к некоторым видам труда показывают, что речь идёт не о нескольких частных случаях, но о довольно распространённых представлениях. Так, сын состоятельного пензенского юриста и домовладельца Сергей Гуль в начале 1920-х гг. оказался в немецкой провинции и работал на лесозаготовках. На предложение поехать в Берлин он ответил отказом со словами: «Чтобы мне какая-нибудь сволочь давала на чай?! Да пропади они пропадом!». Его брат Роман, отправившийся в Берлин в одиночку, расценил это отношение Сергея к обычной эмигрантской работе официантом как «барство»⁶³¹. Отговорить Гуля от поездки в Берлин пытались и другие русские. В начале 1920-х гг. в эмиграции в частных разговорах и периодически в печати нередко высмеивали тех, кто теперь «прислуживает»⁶³².

Подобное отношение некоторых групп эмигрантов к имеющимся возможностям адаптации снижало их шансы на достижение благополучия и увеличивало среди них криминогенность. В ряде случаев доходило до того, что офицеры и титулованные особы отказывались и от попыток получить благотворительную помощь в сложной ситуации, не желая выступать в роли нищих просителей. Бывало, офицеры спали на скамейках и вокзалах в Берлине⁶³³, но не обращались за помощью, хотя её предоставляли большинству бездомных заявителей. Доверие к таким просьбам было со стороны общественных организаций столь велико, что среди беженцев появились так называемые «стрелки» - эмигранты, живущие тем, что обходили всех благотворителей и получали денежную

⁶³⁰ Набоков В. Другие берега: автобиография. С. 216.

⁶³¹ Гуль Р.Б. Я унёс Россию. Том I. Россия в Германии. С. 47.

⁶³² См., напр.: Mad. Русские беженцы // Бич. 1920. Август. № 1. [Приложение № 5].

⁶³³ Н.Н. // Воскресенье. 1921. 30 октября; Русские офицеры в эмиграции // Время. 1922. 27 марта.

поддержку⁶³⁴. В некоторых случаях отказ от помощи приводил к трагическим результатам. Так, в 1928 г. 34-летний барон Роман Раутенфельд, в прошлом крупный русский помещик, обеднел настолько, что не мог даже оплатить арендную плату за свою комнату, и покончил с собой⁶³⁵. Этот случай был не единственным⁶³⁶.

Бедность, хотя и является возможной причиной девиантного поведения, никогда не бывает его единственной причиной, так как предполагает разнообразные возможные реакции⁶³⁷. Протест против утраты социального положения, сохранение соответствующих прежнему статусу представлений и привычек, добровольный отказ от помощи или «неподобающей» работы в эмиграции, - вот комплекс факторов, приводивший часть русских беженцев на путь криминальной *карьеры*.

Довольно заметна в выборке доля тех эмигрантов, что подошли к заключительным этапам девиантной *карьеры*, то есть в жизни которых преступления стали одним из способов удовлетворения повседневных потребностей. Количество преступлений, совершённых группами и рецидивистами, позволяет оценить, насколько значительная часть преступников подошла к последнему этапу криминальной *карьеры* и приобрела криминальную идентичность. Среди рассмотренных нами **145** эмигрантов **77** (53,1% от общего числа) совершили правонарушения в группах (от 2-х участников). Кроме того, **83** преступника (**57,2** %) (включая действовавших в одиночку), неоднократно совершали одно и то же или различные правонарушения. Можно заключить, что для категории рецидивистов преступления стали своего рода стратегией адаптации к стоявшим перед ними вызовам. Повторяемость правонарушений свидетельствует о том, что личность приняла для себя новые нормы, в соответствии с которыми для достижения её целей (в данном сообществе это, как выяснилось, обычно было получение материальных благ) преступная практика стала приемлемым средством.

Наше представление о том, что для рецидивистов выбранные ими правонарушения становились в своём роде стратегией адаптацией, подтверждают не только рассмотренные выше случаи Майера, Стрыковского и Мясоедова, но и действия некоторых рецидивистов-одиночек (почти все – мошенники и воры). Показательна криминальная карьера русского еврея Макса Штайна⁶³⁸, минского мелкого торговца 1890 г. р., холостого. Его жизнь в эмиграции в Берлине, которую можно проследить по документам с 1921 по 1937 г., состояла

⁶³⁴ Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции... С. 143.

⁶³⁵ Хроника // Руль. 1928, 14 июня.

⁶³⁶ См., напр.: Русская драма // Руль. 1928. 19 апреля.

⁶³⁷ Bellebaum A. Abweichendes Verhalten... S. 15 – 16.

⁶³⁸ Der Oberstaatsanwalt bei dem Landgericht III. Berlin NW. 52, den 24. Juni 1925 // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 2438.

почти полностью из пребывания в тюрьме. Каждая новая кража М. Штайна была серьёзнее предыдущей. В конце 1921 г. его впервые осудили на 9 месяцев и 1 неделю тюрьмы за воровство. Освободившись в июле 1922 г., вскоре Штайн снова совершил кражу и в декабре 1922 г. был приговорен к полутора годам тюрьмы. 10 апреля 1924 г. он отбыл и этот срок. Нельзя сказать, что между кражами и отсидками Штайн не стремился вести легальную деятельность. Он пытался заниматься тем, к чему привык ещё до эмиграции – торговлей. Но эта торговля была неудачной и состояла из попыток совершать случайные мелкие сделки в центре Берлина (район Александерплац). Успеху, конечно, препятствовало и то, что Штайн почти не говорил по-немецки. Возможно, сыграла роль и дискриминация со стороны потребителей-немцев, ничего не покупавших у мелких иностранных торговцев и таким образом практиковавших своеобразный протекционизм⁶³⁹. После второго освобождения Макс Штайн пробыл на свободе чуть больше года. Дела его шли настолько плохо, что он не имел и самого необходимого – постоянного места жительства. 6 марта 1925 г. он попытался ограбить магазин. Преступление было довольно хорошо подготовлено – Штайн имел при себе пистолет и отмычки. Однако во время попытки ограбления его заметили двое рабочих, и, пытаясь отбиться, Штайн открыл стрельбу (к счастью, никто не пострадал). За попытку крупной кражи, нелегальное хранение оружия и покушение на убийство рабочих берлинский суд приговорил Штайна к 12 годам тюрьмы⁶⁴⁰, которые тот отбыл полностью. Таким образом, его история в эмиграции состояла из неудачных попыток вести привычную торговую деятельность и в результате – из нищеты и эпизодов краж, каждый раз наказываемых всё более длительными сроками лишения свободы.

Имеет схожие черты и *карьера* молодой няни Прасковьи Мурленковой, родившейся в 1900 в г. Орёл (в документах город обозначен как часть «Подмосковья»). Прасковья из «Подмосковья», как и другие няни и учителя, к 1926 – 27 гг. осталась почти без спроса на свой труд из-за сильного уменьшения численности русских в Берлине⁶⁴¹. Впервые она побывала в полиции в 1927 г. за воровство и в последующие годы (1927 – 1934 гг.) оказывалась там ещё 6 раз. Мурленкова воровала в барах в центре Берлина, например, в «Хамбургер» на Инвалиденштрассе, 118. Судя по тому, что несмотря на наказания (самое большое – 1 месяц тюрьмы), Прасковья продолжала воровать, время от времени это занятие приносило желаемый результат. Суммы, которые составляли её добычу, на первый взгляд, невелики – 10, 20, 40, 60 марок. Но для русских эмигрантов эти деньги могли на какое-то

⁶³⁹ Чередникова А.Ю. Указ. соч. С. 183.

⁶⁴⁰ Im Namen des Volkes! [Gerichtsurteil, den 13. Oktober 1925] // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 2438.

⁶⁴¹ Пузино И. Указ. соч. С. 313 – 314.

время обеспечить выживание (к примеру, в 1926 г. В. Набоков платил за комнату и питание в одном из берлинских пансионов 55 марок в неделю⁶⁴²).

Последнее, что можно узнать о Мурленковой из её дела – прочная связь с девиантным окружением: в 1932 или 1933 г. она вышла замуж за рабочего Пауля Нёренберга, с которым в 1934 г. была арестована за несколько эпизодов хулиганства и даже вступила однажды в стычку с полицией. Спустя некоторое время Прасковья была также наказана за нарушения паспортных правил⁶⁴³.

Прасковья Мурленкова (LAB. A Pr. Br. Rep. 030-02-04, № 628).

Обращение к этим историям демонстрирует, как рецидивисты, пытаясь заниматься привычной им деятельностью или новыми для себя легальными занятиями, терпели неудачи и делали попытки компенсировать материальную нужду сомнительными сделками, мошенничеством или воровством (обычно мелким), используя их как способ решения повседневных задач при столкновении с трудовыми, коммерческими и социальными проблемами.

§ 4.2. Специфика эмигрантской преступности: самозванство и политическая борьба

О том, какое значение имел для русской эмиграции вопрос социальных статусов, свидетельствует ещё одна распространенная среди известных нам случаев преступлений практика – самозванство. Этот мошеннический приём использовали 14 из 145 преступников, т.е. 9,6% от общего числа и 21% всех мошенников (66). Значительная часть

⁶⁴² Набоков В. Письма к Вере. С. 155.

⁶⁴³ Abschrift. Das Amtsgericht Berlin, Abt. 654. Berlin NW 40, den 4. Jan. 1934; Abschrift. Das Amtsgericht Berlin, Abt. 654. Berlin NW 40, den 4. März 1934 // LAB. A Pr. Br. Rep. 030-02-04. № 628.

мошенничеств совершалась простыми и популярными в то время способами (подлог, выдача необеспеченных чеков, злоупотребление дружеским доверием и т.п.), которые, в общем, представляют меньший интерес, чем самозванство. Эта тактика требует от преступника серьёзных коммуникативных навыков и знания наиболее распространённых социальных ценностей. Самозванство довольно часто встречалось в дореволюционной России, где мошенники обычно выдавали себя за аристократов. Образ самозванца, примеряющего на себя чужую идентичность, отразился в выдающихся произведениях русской литературы (образы Хлестакова, Остапа Бендера)⁶⁴⁴ и занимал видное место в исторической памяти. В Советской России эта практика адаптировалась к новым социальным условиям – мошенники там представлялись советскими бюрократами, детьми героя революции 1905 г. лейтенанта Шмидта или внуками Карла Маркса и Ф. Энгельса⁶⁴⁵. В эмиграции самозванство развивалось иначе – во многом сохраняя дореволюционные черты.

Следует отметить, что самозванство распространилось ещё во время Гражданской войны в белых армиях. Служившие в них офицеры и чиновники стремились в хаосе смутного времени реализовать свои амбиции. Так, белый офицер, полковник Павел Михайлович Бермондт-Авалов в 1919 г. сам произвёл себя в генерал-майоры⁶⁴⁶. Современники назвали это явление чинопомешательством⁶⁴⁷. В эмиграции «помешательство» расцвело ещё сильнее – эмигранты воспринимали дореволюционную иерархию как символ утраченной России. Русские самозванцы за границей представлялись, как правило, аристократами (князьями, графами, баронами) или генералами. На первый взгляд, это неоднозначное решение, так как, в отличие от советских бюрократов в России, русская знать в эмиграции не имела более ни какой-либо реальной власти, ни богатств. Тем не менее этот образ был привлекателен для русских и немцев, которые становились жертвами людей «благородной крови». Так, доверяя и желая помочь русскому «князю Голицыну», (который оказался петроградским актёром Николаем Малаховым) немецкие аристократы одолжили ему крупные суммы денег. Конечно, деньги аферист не вернул⁶⁴⁸. В другом случае русская модистка А. Саннек притворялась великой княгиней и сумела получить кредиты, обзавестись прислугой и автомобилем⁶⁴⁹. Совершали актёры и более безобидные проделки. По воспоминаниям Н.Н. Чебышева, «один актёр, выкатившийся [...] из России со сменой белья и зубочисткой, учил директора Дейтше банк, как играть на

⁶⁴⁴ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. С. 302 – 306.

⁶⁴⁵ Там же. С. 309.

⁶⁴⁶ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918 – 1920 гг. С. 336.

⁶⁴⁷ Там же. С. 328.

⁶⁴⁸ Арест русского афериста // Руль. 1922. 23 февраля.

⁶⁴⁹ Хроника // Руль. 1923. 10 февраля.

бирже»⁶⁵⁰. Ещё один мастер перевоплощения по фамилии Маклаков выдавал себя за того же князя Голицына, флигель-адъютанта царя, и даже за известного актёра И. Мозжухина. Таким образом Маклаков также «одалживал» деньги, обманывал русских и германских коммерсантов⁶⁵¹. Похожие приёмы использовали в то время и русские аферисты во Франции⁶⁵².

С одной стороны, русские титулы «по старой памяти» производили магическое воздействие. Желая завязать дружбу со знатными персонами, жертвы оказывали аферистам помощь и отвечали согласием на их просьбы о деньгах. С другой стороны, и в немецком обществе также находились люди, которые верили, что русские князья и графы ещё будут играть значительную роль в России и вернут своё прежнее влияние⁶⁵³, что также делало их потенциальной добычей мошенников. Верно и наблюдение К.В. Львова, что русские мошенники пользовались распространённой в берлинских образованных кругах «русской модой»⁶⁵⁴.

Успехи русских мошенников-самозванцев вдохновил и их немецких «коллег», перенявших приёмы именно русского самозванства. Так, немецкая конторщица Доротея Рель называла себя русской графиней и баронессой из Ялты, якобы ожидающей из России большое наследство, и так получала кредиты в банках⁶⁵⁵. Другая немка (русская немка по имени Шарлотта В., беженка с 1919 г.) выдавала себя за русскую баронессу по имени Илонка фон Чайкова и также выманивала деньги под разными предлогами. Судья на её процессе оказался хорошо знакомым с Россией немцем, который сразу понял, что таких имён и фамилий среди русской аристократии быть не может⁶⁵⁶. Русское самозванство в немецком криминальном мире стало достаточно распространённым для того, чтобы образ немки, выдающей себя русскую аристократку, попал в криминальные новеллы того времени. Так, в новелле Хайнца Шеффеля «Великая княгиня» немецкая преступница по имени Вера Мюллер, изображая русскую княгиню Веру, знакомится в Берлине с богатым молодым человеком и грабит его. Автор изображает жертву как доверчивого и наивного («*idiotisch*») юношу, допустившего аферистку в свой дом с радостью, что может пригласить к себе, «просто смертному», «*ihre Hoheit*» (её высочество)⁶⁵⁷.

⁶⁵⁰ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 19 мая.

⁶⁵¹ Арест русского авантюриста // Руль. 1924. 6 февраля.

⁶⁵² Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции... С. 143 – 147.

⁶⁵³ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 30.

⁶⁵⁴ Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции... С. 141.

⁶⁵⁵ Хроника // Руль. 1923. 27 марта.

⁶⁵⁶ На суде // Руль. 1925. 22 августа.

⁶⁵⁷ Scheffel H. Die Grossfürstin // Das Kriminal-Magazin. 1929. Oktober. № 7. S. 90 – 93.

Важно отметить, что самозванство в русской эмиграции – не только распространённый способ совершить криминальное деяние, но и *широкая социальная практика*. И.В. Гессен в своих воспоминаниях называет это «беженским стилем», то есть обыденной уловкой при установлении новых межличностных контактов. Желая добиться внимания и расположения, люди из его окружения сознательно завышали свой социальный статус⁶⁵⁸, проверить достоверность которого было сложно в эмиграции, где прежние социальные капиталы обесценились, а идентичности часто приходилось конструировать заново. Так, русские девушки представлялись как дочери генералов и миллионеров⁶⁵⁹, офицеры производили себя в генералы, обыватели представлялись князьями⁶⁶⁰, а люди умственного труда, даже весьма скромного, именовали себя профессорами⁶⁶¹. Эмигрантский журнал «Иллюстрированная Россия» иронизировал над этой часто встречающейся тактикой: «Самое редкое в эмиграции явление – ветеринар, не именующий себя профессором»⁶⁶².

Отдельный небольшой класс преступлений составляют политические. Самый громкий случай – убийство радикалами-монархистами кадета В.Д. Набокова в Берлине в 1922 г. В микросреде монархистов готовность «пролить кровь за торжество монархических начал» была нормативной⁶⁶³. Убийцы – офицеры П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий, «мстившие» за царя и революцию, были последовательны в своей ненависти к либералам. Это преступление они задумали ещё до эмиграции. Либералов монархисты считали виновниками Февральской революции 1917 г., подготовившей политический ландшафт для октябрьского переворота⁶⁶⁴. Преступление вызвало шквал критики в отношении монархистов, и подобных терактов, вопреки многочисленным опасениям кадетов, больше не случалось (хотя более мелкие правонарушения имели место – к примеру, хулиганское нападение черносотенцев на редакцию газеты «Руль» и И.В. Гессена). Тем не менее многие представители правого лагеря не проявили к убитому сочувствия, и напротив, встречались сторонники убийц, прославлявшие их деяние и желавшие смерти другим эмигрантам-кадетам и евреям⁶⁶⁵.

⁶⁵⁸ НИА. В.И. Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 66.

⁶⁵⁹ Вертинский А. Дорогой длинною... С. 132 – 133.

⁶⁶⁰ Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса. С. 40.

⁶⁶¹ НИА. В.И. Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 133.

⁶⁶² К... Афоризмы профессора О.С. Смяткина // Иллюстрированная Россия. 1925. Май. № 18.

⁶⁶³ Заповеди, данные нашим вождём... // LAB. A Rep. 358 – 01. № 264. Bd. 1

⁶⁶⁴ Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867 – 881.

⁶⁶⁵ Гессен В. В борьбе за жизнь (Записки Эмигранта). Петербург – Берлин – Париж – Нью-Йорк. Нью-Йорк: Rausen Publishers and Distributors, 1974. С. 47; 49 – 52.

Ещё один случай политического преступления (дело Романа Штайна, журналиста, оскорбившего в 1927 г. советских представителей в Берлине, назвав их убийцами⁶⁶⁶) также связан с политической борьбой в России. Сомнительно, но всё же возможно, что не стремлением заработать, а политической борьбой были мотивированы и деяния Владимира Орлова и Виктора Павлоновского, в 1929 г. подделавших и пытавшихся продать документы, порочащие советскую власть⁶⁶⁷.

Вынесенные из России обиды и предрассудки и в эмиграции нередко приводили к публичным конфликтам, но до преступлений дело доходило редко. К примеру, характерный эпизод произошёл в Берлине 4 февраля 1926 г. на похоронах бывшего военного министра Сухомлинова: прямо на кладбище разгорелся скандал: некоторые присутствующие заявили, что хоронят предателя и шпиона⁶⁶⁸. Однако в большинстве случаев споры с политической окраской эмигранты вели вовсе заочно – в основном на страницах периодической печати.

Судя по всему, в отличие от среды публичных деятелей эмиграции и журналистов, между рядовыми эмигрантами политизированность нечасто создавала конфликты. Беженцы наблюдали раскол и бесплодные политические предприятия и постепенно дистанцировались от политиков и общественной жизни вообще. Современник и первый немецкий исследователь русской эмиграции Ханс фон Римша в 1924 г. констатировал, что эмигранты-обыватели, как правило, чрезвычайно апатичны, пассивны в политическом отношении⁶⁶⁹. Тем не менее политические преступления свидетельствуют о серьёзной проблеме адаптации беженцев – разобщённости, неспособности некоторых групп эмигрантов к сотрудничеству из-за политических разногласий (более подробно об этом – в Главе 5), связанных не столько с обстоятельствами жизни в эмиграции, сколько с «наследством» революции и Гражданской войны.

О девиациях среди женщин стоит сделать отдельное замечание. В числе предположений, сделанных нами в начале работы над этой главой, было предположение, что в Русском Берлине заметным явлением могла стать порождённая бедностью проституция. О том, что это явление существовало, мы догадываемся только по намёкам

⁶⁶⁶ Der Generalstaatsanwalt beim Landgericht I. Berlin, NW. 40, den 7. Februar 1928 [Anklageschrift] // LAB. A Rep. 358-01. Nr. 2070.

⁶⁶⁷ Wim C. A Life Between Fact And Fiction: The History Of Vladimir G. Orlov // Revolutionary Russia. 2008. № 21:2. P. 179-202.

⁶⁶⁸ Skarenkov L.K. Eine Chronik der russischen Emigration in Deutschland. Die Materialien des General Aleksej A. von Lampe // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941... S. 72.

⁶⁶⁹ Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917 – 1921. S. 122.

источников. С одной стороны, об этом было не принято говорить в публичном пространстве (и не сообщали ничего даже бульварные русские газеты), с другой – документы тоже молчат, так как в то время германское право (а ещё больше правоохранители) к проституции проявляло снисходительность. Эмигранты видели таких женщин в Берлине на улицах, но в мемуарах не найти свидетельств ни об одной русской проститутке. Социальный состав и небольшое количество женщин в эмигрантском сообществе вообще очень ограничивали социальную базу проституции. Прямо и совершенно недвусмысленно на существование русской проституции указывает лишь один источник. В 1924 г. советский журналист, некий А. Меньшой, опубликовал книгу «Мы с вами в Берлине», в которой описывал, как «по Курфюрстендамму гуляют уже около полуночи русские проститутки и по-русски зазывают вас в русский “пансион”...». Правда, на той же странице Меньшой сообщил о явно презираемой им русской эмиграции такие небылицы, что всё его повествование не может быть принято как заслуживающее доверия: к примеру, он утверждал, что в Берлине живёт полтора миллиона русских (в качестве «официальной цифры» журналист называл 750 тыс., что не подтверждается ни одним источником). О проституции Меньшой мог сочинить, чтобы очернить эмиграцию⁶⁷⁰.

Другие источники содержат лишь косвенные свидетельства. Любопытное описание Силезского вокзала в Берлине оставил в 1930 г. писатель Юлиус Берстль. Туда прибывало много беженцев с востока. Вокруг таких мест всегда есть дешёвые отели, закулочные и бордели. Там же располагался ипподром Витфогеля. Описывая его, Берстль упоминал «русскую капеллу» – зажигательно играющих музыкантов, а также девиц легкого поведения, что «продают себя»⁶⁷¹. Были эти девицы русскими? Возможно, что нет, - они просто работали рядом с русскими музыкантами. Судя по всему, в карнавальной обстановке уточнением национальностей никто не занимался. Ещё один, более явный намёк на проституцию мы находим в рекламных объявлениях газеты «Руль», периодически сообщавших читателям, что «элегантные русские дамы посещают ежедневно Café Hardenberg» близ железнодорожной станции Кни, где «подают хороший русский чай»⁶⁷². И последний намёк, который нам удалось обнаружить, – из второй половины 1920-х гг.: в романе «Петербург на Виттенбергплатц» Р.Г. Баталин пишет о русских дамах, завсегда в русском ресторана: «Одна из них продавщица. Вторая – неопределённой профессии. Третья – вполне определённой»⁶⁷³.

⁶⁷⁰ Меньшой А. Мы с вами в Берлине. М.: ГПП Красная новь, 1924. С. 34 – 35.

⁶⁷¹ Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал... С. 34 – 35.

⁶⁷² Руль. 1920. 24 декабря.

⁶⁷³ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 32.

Можно, однако, констатировать, что некоторые русские в Берлине занимались сутенёрством, сомнений в этом не оставляет сделанная в начале 1930 г. заметка репортёра «Руля», который прошёлся по «русским» закоулкам Фридрихштрассе, где ему тут же «какая-то досиня напудренная старушенция» предложила: «Только вчера доставлена... 16 лет... Мулатка... Восемь марок и мне коммиссионные». Там же журналист нашёл вывески «Гайны гарема», «Первая ночь новобрачных» и рядом – кабинет врача по соответствующим болезням⁶⁷⁴.

Сведения привлечённого нами корпуса источников позволяют сделать вывод, что проституция как явление, судя по всему, в русской эмиграции в Берлине существовала, но речь идёт не о распространённой и заметной практике, а об отдельных случаях.

Рассматривая вопрос об уровне преступности, наиболее уверенно можно говорить о категории насильственных и тяжких преступлений, так как они отражены в источниках особенно подробно. Их число чрезвычайно мало. Мы полагаем, что известны все или почти все совершенные в Берлине 1919 – 1933 гг. раскрытые убийства (4 случая), виновниками которых были русские эмигранты, а также обо всех кражах с применением насилия (2 случая). Если предположить, что русских в Берлине постоянно проживало в начале 1920-х гг. до 100 тысяч человек, то это количество насильственных преступлений можно с уверенностью оценить как очень низкое. Нам не известно также ни об одном случае убийства с целью ограбления в Русском Берлине. Таким образом, уровень преступности русских (в этой категории) был ниже уровня преступности среди берлинских немцев. Это видно на примере убийств, которых за весь рассматриваемый период русские совершили 4⁶⁷⁵. В Берлине в 1920-е гг. ежегодно совершалось более 100 убийств. Например, в одном только 1928 г. берлинская полиция зафиксировала 137 убийств⁶⁷⁶ (таким образом, при населении города чуть более 4 млн человек⁶⁷⁷, на 100 000 человек совершалось 3,4 убийства в год, то есть много больше, чем среди русских эмигрантов). Едва ли будет ошибочным предположение, что ниже было среди русских и число других преступлений, хотя бы потому, что уровень собственно немецкой преступности был довольно высок в те годы. Так, в Берлине, где криминогенная обстановка после войны сильно ухудшилась, в 1920 – 1924 гг. полиция зарегистрировала 89 820 взломов. Велико было и число мошенничеств: 1920 –

⁶⁷⁴ Д. Влад. Заметки репортёра // Руль. 1930. 29 января.

⁶⁷⁵ Случаи насильственных преступлений эмигрантов в Берлине (даже менее тяжких) подробно отражены в различных источниках, поэтому сомнительно, что их было больше.

⁶⁷⁶ Roesner. Statistik // Kriminalistische Monatshefte. 1930. April. Heft 4. S. 91-92.

⁶⁷⁷ Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin. 1935 / 11. Jahrgang. hrsg. vom Statistischen Amt der Stadt Berlin. Berlin: Reinhold Keuhn A.G., 1936. S. 8.

11 730 случаев, 1921 – 16 655, 1922 – 18 403, 1923 – 23 147, 1924 – 30 820 случаев⁶⁷⁸. Если бы криминальная активность среди русских была сопоставимой, это нашло бы отражение в источниках. Стоит оговориться, что данное сравнение уровней преступности в Берлине в целом и среди русских носит предположительный характер. Оно необходимо лишь для того, чтобы подчеркнуть, что доминирующие в Русском Берлине социальные группы (как уже отмечалось выше, это городские образованные слои) *не характеризовались высоким уровнем преступности*.

Косвенным подтверждением предположения о низком уровне преступности эмиграции служит и тот факт, что русские не воспринимались общественным мнением Берлина как склонные к совершению преступлений, в отличие от многочисленной и наиболее дискриминируемой группы восточных евреев, которые, по сведениям полиции, совершали в начале 1920-х гг. до 80% всех преступлений иностранцев⁶⁷⁹.

В правильности общих выводов о характере преступности в среде эмигрантов и её низком уровне нас убеждает и возможность сравнить полученные данные с одним исследованием. Член русской парижской академической группы, известный психиатр и невропатолог Агаджанов в 1931 г. сделал доклад о преступности и душевных заболеваниях русских в департаменте Сены (Париж), где проживало около 70 000 русских эмигрантов, по социальному составу и проблемам адаптации похожих на русское сообщество в Берлине⁶⁸⁰. В отличие от нас, Агаджанов имел возможность получить полные данные обо всех совершённых там русскими преступлениях. Исследователь пришёл к заключению, что в среде русских ниже, чем у французов, уровень психических заболеваний и преступности. По его данным, 70 000 русских совершали 40-50 правонарушений в месяц, в основном – нарушения тишины и спокойствия в пьяном виде, мелкие мошенничества и кражи со злоупотреблением доверием соотечественников. Исследование Агаджанова подтверждает и вывод о крайне низкой склонности к совершению насильственных правонарушений – учёный зафиксировал в исследуемом им сообществе полное отсутствие убийств с целью ограбления, бандитизма и других тяжких преступлений⁶⁸¹.

К сожалению, подробности биографий большей части преступников источники не отражают, что затрудняет анализ характера их преступной деятельности – вопрос, какова доля «профессиональных» преступников, а какова доля тех, кто стал на этот путь под

⁶⁷⁸ Das Verbrechen nach dem Kriege [вырезка из газеты „Vossische Zeitung“ от 31 мая 1925 г.] // РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 96. Л. 292.

⁶⁷⁹ Левин С.И. Иностранцы в Германии // Руль. 1924. 9 марта.

⁶⁸⁰ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 49.

⁶⁸¹ А.М. Преступность и душевные заболевания среди эмиграции // Возрождение. 1931. 6 июля.

давлением негативных факторов эмигрантской жизни, ответа не находит. Случаи, о которых мы лучше информированы (дело Георга фон Майера, дело Мясоедова, дела артистов-самозванцев и офицеров) позволяют предположить, что «профессионалы» не преобладали; судебно-следственные документы и газетные заметки чаще сообщали о вполне легальной занятости тех или иных фигурантов уголовных дел, а также о жизненных невзгодах, подтолкнувших их к нарушению закона.

Обобщённый портрет русского эмигранта, совершавшего преступления, выглядит следующим образом – это представитель наиболее криминогенных и социально незащищённых групп (бывшие *офицеры, коммерсанты, аристократы, реже – юристы, инженеры и творческие деятели*). Это молодые мужчины, пытавшиеся заниматься привычным им до эмиграции трудом или несвойственной прежде деятельностью, но обычно неудачно. Часто преступники имели до эмиграции высокий социальный статус и доходы и испытывали психологические проблемы, связанные с утратой этих благ. Стремление сохранить черты прежнего образа жизни и добровольный отказ от немногих возможностей адаптации (труд в обслуживающем секторе, просьбы о помощи) сужали их пространство выбора и толкали на путь криминальной карьеры. Эту проблему, по существу, психологическую, стоит признать одной из основных в процессе адаптации русской эмиграции в Берлине. Неблагоприятное влияние на преступность оказывала и анти-интеграционная политика немецких властей, в результате которой беженцы лишались возможности использовать свой профессиональный потенциал и заработать на жизнь привычными и законными способами.

Большая доля рецидивистов в выборке свидетельствует о том, что для этих эмигрантов преступления становились приёмом адаптации. Большая часть преступлений носила при этом *инструментальный* характер; действовали преступники в основном путём *сомнительных сделок, воровства и мошенничества*.

Невысокий уровень преступности в русской эмиграции объясняется как преобладанием в социальном составе эмиграции менее склонных к преступлениям образованных городских слоёв, так и тем, что, как отмечают девиантологи, в условиях нужды нередко уровень преступности падает⁶⁸². Кроме того, русские эмигранты резко осуждали исходящих из их среды преступников и демонстративно «отворачивались от них»⁶⁸³, понимая, что те дискредитируют эмиграцию в глазах германского общества⁶⁸⁴.

⁶⁸² Bellebaum A. Abweichendes Verhalten... S. 16.

⁶⁸³ № 345. Pol. Die Emigrantenpresse über die Verhaftung der Dokumentenfälscher. den 18. März 1929 // РГВА. Ф. 772. Оп. 2. Д. 187. Л. 6.

⁶⁸⁴ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 208; Е.К. Дело о фальшивых паспортах // Рувль. 1924. 10 апреля.

Глава 5. Благотворительные и общественные организации «Русского Берлина»

§ 5.1. Гуманитарная деятельность объединений «Русского Берлина»

Стремление эмиграции к объединению особенно характерно для «первой волны» и первой половины 1920-х годов: сложные условия адаптации и расчёт на возвращение в Россию стимулировали самоорганизацию. В Берлине в этот период возникло несколько десятков организаций (до сотни⁶⁸⁵), из которых большая часть представляла собой небольшие клубы по интересам и комитеты-однодневки (вроде союза владельцев недвижимости в России или клуба русских бильярдистов⁶⁸⁶). Но не менее десятка сыграли серьёзную гуманитарную роль и проработали много лет. К ним относятся следующие организации:

- Общество помощи русским гражданам в Берлине
- Центральное бюро русских артелей (ЦБРА)
- Союз русских евреев в Германии
- Союз русских врачей в Германии
- Союз русских сценических деятелей в Германии
- Союз русских увечных воинов в Германии
- Союз русской присяжной адвокатуры в Германии
- Союз взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота
- Союз русских журналистов и литераторов в Германии
- Комитет помощи русским детям в Германии
- Студенческие объединения: Союз российских студентов, Союз русских студентов

Большую часть русских общественных и благотворительных организаций в Берлине основали лидеры эмиграции в 1920 и 1921 гг. В основном всё начиналось с небольших групп людей общей профессии и судьбы, желавших объединиться для оказания взаимопомощи и защиты своих профессиональных и иных интересов. В мае 1920 года впервые собрались русские врачи, в то же время образовалось ЦБРА; в июне объединились юристы, в июле появилась Русская академическая группа в Берлине – более 50 профессоров и учёных, по инициативе которых возникла затем и русская гимназия для детей эмигрантов; в августе объединились журналисты и литераторы, затем студенты, а в сентябре – художники; в декабре – инженеры⁶⁸⁷.

У истоков эмигрантских союзов стояли, как правило, энтузиасты, многие имели ещё дореволюционную репутацию общественных деятелей или пользовались авторитетом как профессионалы; у Союза русских евреев это были неутомимый Я.Л. Тейтель и Д.С.

⁶⁸⁵ По оценке историка А.И. Ушакова, более восьмидесяти (Usakov A.I. Die russischen Hilfsorganisationen un Deutschland zu Beginn der 20er Jahre // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941... S. 133).

⁶⁸⁶ Маленькая хроника // Время. 1921. 4 апреля.

⁶⁸⁷ Usakov A.I. Op. cit. S. 131.

Марголин, В.С. Мандель, И.М. Рабинович и другие; у Союза журналистов и литераторов – вездесущий И.В. Гессен, А. Яблоновский, З.Ю. Арбатов и Г. Брейтман; у Союза русских увечных воинов и Комитета помощи больным туберкулезом – полковник барон К.П. Рауш фон Траубенберг; у Общества помощи русским гражданам в Берлине – В.Н. Набоков, И.Г. Коган, И.В. Гессен и С. Смирнов; у Комитета помощи русским детям – Л. Пален и Е. Давидова, у Русского академического Союза и Русского научного института – профессор В.И. Ясинский, философ С.Л. Франк и другие учёные... Нередко одни и те же лица, как А.В. Бельгард, И.Г. Коган и В.С. Мандель, участвовали в работе сразу нескольких организаций. Об И.В. Гессене и вовсе говорили: «Мир стал тесен – всюду Гессен»⁶⁸⁸. Помимо управления «Рулём», Гессен входил в правление Союза русских журналистов и литераторов в Германии и в правление «Американского фонда помощи русским учёным и литераторам за границей» (фонд распределял пожертвования от эмиграции в США).

К 1922 году некоторые организации состояли из довольно большого количества членов – например, более 360 человек числилось в Союзе российских торгово-промышленных и финансовых деятелей, около 150 юристов, более 900 членов в Союзе взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота, более 900 в Союзе российских студентов⁶⁸⁹.

Русские организации, как правило, имели похожую структуру и действовали схожим образом. Управлялись они на демократической основе, обыкновенно во главе стояли инициаторы, призвавшие коллег к объединению; общие собрания выбирали организационную структуру и правление – председателя, товарища председателя, казначея, секретаря и, если требовалось, руководителей секций правления и отдельных комиссий. На регулярных и чрезвычайных собраниях проводились перевыборы правления, вносились изменения в уставы союзов, зачитывались отчёты о работе и доклады, принимали новых членов обществ. Союзы использовали разные способы заработать, чтобы помочь своим членам. Однако собственные коммерческие начинания редко обеспечивали деньгами благотворительные проекты. Чаще всего их капиталы пополнялись из двух источников – 1) регулярные членские взносы и пожертвования (см. Приложение № 6); 2) доходы от благотворительных вечеров (и реже – лотерей). На такие вечера, карнавалы и «концерт-балы» приглашали известных артистов (К. Дукс, О. Чехову, С. Кузнецова, О. Дараган и др.⁶⁹⁰; нередко они выступали бесплатно). Эффективность этого способа изыскать средства трудно переоценить. Так, половину бюджета Общества помощи русским гражданам в

⁶⁸⁸ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 70.

⁶⁸⁹ Usakov A.I. Op. cit. S. 132, 135.

⁶⁹⁰ Хроника // Руль. 1922. 19 января.

Берлине в 1920 году составила прибыль от благотворительного вечера 9 января (около 100 тыс. марок); такой же вечер 13 января 1921 г. принёс чистую прибыль 79 тыс. марок⁶⁹¹. Солидные суммы жертвовали отдельные эмигранты, кто-то бесплатно оказывал нуждающимся услуги (юристы, врачи), другие помогали найти работу. Филантропы, такие, как директор русского театра в Берлине «Синяя птица» Я.Д. Южный, баронесса Кёппен, бывший банкир И.Г. Коган или коммерсант А.И. Александров, не только жертвовали благотворителям, но и непосредственно помогали деньгами отдельным просителям⁶⁹². Два-три пожертвования могли обеспечить половину месячного бюджета союза средней руки.

Особняком стояли эмигрантские организации, созданные до 1920 г. или за пределами Германии, как Берлинское отделение комитета земских и городских деятелей (Земгор; центральный офис его находился в Париже) и Российское общество Красного Креста (РОКК). **Земгор** (под председательством бывшего чиновника министерства земледелия Ф.В. Шлиппе) получал средства из Парижа (с перебоями, но тем не менее) и изыскивал сам⁶⁹³. Организация помогала стипендиями школьникам и студентам (всего в 1920 – 1923 гг. 113 студентам⁶⁹⁴), распределяла средства между берлинскими русскими организациями. Земгор сам только с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 года оказал помощь почти 5 тыс. берлинским беженцам – выдавал небольшие пособия (всего на 215 тыс. марок) и дешёвые обеды; а также спонсировал русские школы и 147 гимназистов, финансово поддерживал курсы, общежития и самое эффективное объединение по оказанию трудовой помощи – ЦБРА; Земгор же выдавал ссуды коммерческим предприятиям. На трудовую помощь ушло более 827 тыс. марок⁶⁹⁵. Организация в Берлине существовала до 1924 г⁶⁹⁶.

РОКК (под началом председателя С.Д. Боткина и уполномоченного в Берлине барона А.А. Врангеля) особенно активно работало в 1920 – 1921 гг., пока позволяли средства. В это время Красный Крест собирал пожертвования в пользу отдельных нуждающихся, закупал для них бельё, одежду и обувь, но, самое главное, помог беженцам получить доступ к медицинской помощи. Организация спонсировала создание и работу уникального эмигрантского учреждения – **Русской Амбулатории** под руководством доктора А.Н. Нибурга (а затем – терапевта Л.В. Аксёнова). Помощь беженцам в лечебнице оказывали русские и немецкие врачи. Клиника открылась 1 марта декабря 1920 г. в центре

⁶⁹¹ В О-ве Помощи Русским Гражданам // Руль. 1921. 20 февраля.

⁶⁹² [Общество помощи русским гражданам – баронессе Кёппен, 14.12.1921] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 20. Л. 2; В Берлине // Руль. 1923. 5 января.

⁶⁹³ Земгор в Париже, в свою очередь, финансировался парижским Совещением послов, чехословацким правительством и международными гуманитарными организациями (Трёхлетняя деятельность Земско-Городского Комитета // Руль. 1924. 14 февраля).

⁶⁹⁴ Хроника // Руль. 1923. 28 октября.

⁶⁹⁵ С.Л. Годовое собрание Земско-Городского Комитета // Руль. 1922. 30 апреля.

⁶⁹⁶ Галас М.Л. Россия, которая «самой себе была Лигой Наций»... С. 302.

Берлина, в нескольких комнатах пансиона на Мариенштр., 30; пациентов принимали стоматолог, хирург, гинеколог-акушер, педиатр, оториноларинголог, окулист, терапевты, дерматолог-венеролог, невропатолог. Больные могли вызвать врача на дом. К середине 1921 года амбулатория принимала в среднем 63 человека в день и выдавала больным медицинские пособия. Нуждающимся помогали бесплатно⁶⁹⁷. Внимания на национальность, гражданство и политические убеждения доктора не обращали. До открытия клиники с марта по декабрь 1920 г. Красный Крест помог оплатить лечение 6 тысячам человек, субсидировал русскую прачечную в Берлине, выдавал единовременные пособия. В начале 1921 г. из-за нехватки средств РОКК пришлось резко сократить масштабы деятельности⁶⁹⁸. В дальнейшем его работа в основном сосредоточилась на самом важном начинании – Русской Амбулатории в Берлине. Поддерживало клинику и Общество русских врачей в Германии. К концу 1921 г. оно насчитывало 75 докторов. Общество учредило кассу взаимопомощи, проводило научные доклады, за год помогло 20 врачам найти работу в германских клиниках и санаториях⁶⁹⁹.

С самого начала в Обществе врачей звучала идея, что учреждённая им клиника должна оказывать не только медицинскую помощь, но и иную, в том числе выдавать бесплатно лекарства⁷⁰⁰. Это удалось реализовать. В начале 1920-х гг. амбулатории предоставляла наиболее бедным пациентам и детям сгущённое молоко, масло, яйца, хлеб⁷⁰¹, лекарства, очки, костыли, а затем в большом количестве мыло, одежду, карточки на бесплатные обеды, с начала 1930-х гг. бездомных пациентов амбулатория направляла в общежития Армии Спасения (оплачивалось это в основном частными благотворителями клиники из числа обеспеченных эмигрантов)⁷⁰². За 15 лет работы (1920 – 1934 гг.) пациенты посетили клинику 171 955 раз. Каждый больной делал в среднем 6-7 посещений; так, в 1934 г. на 11 244 посещения пришлось 1709 пациентов⁷⁰³. Только до 1927 года врачи Амбулатории выполнили 1015 хирургических операций, из них 647 оплатило РОКК⁷⁰⁴.

Ввиду бедности русской эмиграции врачи не раз сталкивались с финансовым кризисом и даже временно ограничивали выдачу бесплатных лекарств. Менее половины расходов покрывали собственные сборы амбулатории, т.е. плата пациентов за помощь.

⁶⁹⁷ Хроника // Руль. 1921. 9 июля.

⁶⁹⁸ Левин С.И. Красный Крест в Берлине // Руль. 1921. 15 февраля.

⁶⁹⁹ В Обществе врачей // Руль. 1922. 1 февраля.

⁷⁰⁰ В Обществе врачей // Руль. 1921. 18 января.

⁷⁰¹ Лукаш И. Тихий огонь // Руль. 1924. 3 октября.

⁷⁰² UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год; Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год.

⁷⁰³ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год. Л. 6.

⁷⁰⁴ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. S. 19.

Остальное обеспечивали отдельные благотворители и организации – «высокодобрый и гуманный человек» В.И. Корнель (русский немец, московский предприниматель, помогал врачам особенно много), В.Э. Фальц-Файн, Н.Г. ф. Фальц-Файн, К.А. Цоппи, О-во Текстиль Экспорт-Импорт, немецкое благотворительное общество «Каритас» (существует и поныне), РОКК и др.; доходы давали и благотворительные вечера, устраиваемые обычно раз в год⁷⁰⁵. Благодаря этому клиника продержалась больше полутора десятилетий и стала одним из самых социально значимых благотворительных начинаний Русского Берлина. Газета «Руль» неизменно публиковала призывы помочь амбулатории и её новости, журналисты оставляли тёплые отзывы о её работе. В статье «Тихий огонь» в 1924 г. журналист И. Лукаш писал, что клиника - это «огромное, может быть, самое значительное дело для русских эмигрантов в Берлине»: «Работа шести амбулаторных врачей, заведующего доктора Л.В. Аксёнова, В.Г. Вальтера, И.Л. Гольденберга, Я.Г. Шерешевского, Ю.Н. Аксёновой, Ф.Ф. Вильтрубе, а также доктора Бекмана и проф. Абельсдорфа – имеет, вероятно, в конечном счёте больше значения, чем самый шумный концерт и самый глубокий бас»⁷⁰⁶.

Ещё одна жизненно важная эмигрантская организация – так называемая **Русская Делегация по делам военнопленных и беженцев в Германии** во главе с дипломатом С.Д. Боткиным (по адресу In den Zelten, 10), официальным представителем Белого движения в Берлине в 1919 – 1920 гг. Делегация с согласия немецкого правительства после окончания Гражданской войны в России приняла на себя защиту интересов русских беженцев и интернированных в Германии и паспортные функции. В начале 1920-х гг. эта небольшая организация из нескольких человек ежегодно выдавала эмигрантам более тысячи удостоверений личности, которые принимались немецкими официальными учреждениями (см. Приложение № 7), а также загранпаспорта бесподданным «русского происхождения». Делегация продолжала делать это и после заключения Рапалльского договора в 1922 г., правда, отказавшись от претензий на статус российского консульства и сменив название на Vertrauensstelle für russische Flüchtlinge in Deutschland (Бюро по делам русских беженцев в Германии)⁷⁰⁷. Делегация представляла также интересы Красного Креста, военнопленных и репатриантов⁷⁰⁸ и делала это до середины 1930-х гг. (хотя чуть не закрылась ещё в 1932 г.

⁷⁰⁵ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год. Л. 12.

⁷⁰⁶ Лукаш И. Тихий огонь // Руль. 1924. 3 октября.

⁷⁰⁷ Осведомительное сообщение о положении «Организации защиты интересов русских беженцев в Германии» и «Русской делегации в Берлине» // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1210. Л. 2-4; Ор. Бор. Русский Берлин // Голос эмигранта. 1922. Май-июнь. № 13-14.

⁷⁰⁸ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. S. 54.

вследствие прекращения финансовой поддержки «Делегацией русских послов» в Париже⁷⁰⁹).

Самую большую гуманитарную роль сыграли, однако, не общеэмигрантские организации и Русская Делегация с её консульскими функциями (в конце концов, удостоверения личности выдавала в основном немецкая полиция), но объединения Русского Берлина, созданные энтузиастами. Чтобы оценить значение эмигрантских благотворительных и профессиональных союзов, рассмотрим подробнее деятельность наиболее эффективных объединений.

В первой половине 1920-х годов самым заметным и нацеленным на широкую помощь эмигрантам стало **«Общество помощи русским гражданам в Берлине»** на Виландштрассе, основанное ещё в 1916 г. как Комитет помощи русским гражданам (военнопленным и интернированным). По окончании войны Общество практически прекратило свою деятельность до 1920 г., когда в Берлин прибыло уже множество эмигрантов. Они реанимировали организацию и обратили её на свои нужды. Первое собрание членов состоялось 27 ноября 1920 года. Бывший комитет преобразовался в Общество⁷¹⁰. Во главе его встали известные эмигранты с хорошей репутацией: председатель В.Д. Набоков (а после его смерти – С.А. Смирнов, затем, в конце 1920-х гг. – И.В. Гессен), И.В. Гессен, И.Г. Коган, Г.М. Бейленсон, А.И. Каминка, В.С. Мандель и др., что позволило привлечь пожертвования. Поначалу помощь оказывалась немногим беженцам, но в 1921 г. Общество стало значительно расширять масштаб работы, получив членские взносы, пожертвования и доходы от благотворительного вечера. Члены Общества (по данным «Голоса эмигранта», тогда их насчитывалось около 800⁷¹¹) помогали всем без различия политических и иных пристрастий и особенностей; они ориентировались на работу с самыми обездоленными, оказавшимися совершенно без средств. Уже в 1920 г. Общество выдало денежных пособий на 29 тыс. марок и 2604 хлебных карточек, предоставляло бесплатные обеды и ужины, мыло, бельё и одежду, без которых нуждающиеся даже не могли начать поиск работы⁷¹².

Главным делом Общества стало оказание помощи бездомным. Оно содержало ещё построенное во время войны общежитие-барак на 30 мест. Летом-осенью 1920 г. там нашло ночлег более пятисот человек⁷¹³. Затем Общество получило права на аренду занятого

⁷⁰⁹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1253 / 168.2. Ед. хр. Судьба «русской Делегации». Л. 1.

⁷¹⁰ Хроника // Руль. 1920. 25 ноября.

⁷¹¹ Общество помощи русским гражданам в Берлине // Голос эмигранта. 1921. 20 апреля. № 1.

⁷¹² Ор. Бор. Общество помощи русским гражданам // Руль. 1920. 26 ноября.

⁷¹³ Собрание о-ва помощи русск. гражд. // Руль. 1920. 30 ноября.

прежде Украинским Красным Крестом здания (бывшая небольшая городская казарма на Кантштрассе, 21), принадлежавшего Берлинскому городскому самоуправлению⁷¹⁴. Общежитие «переехало» и получило название «Станица». Общество отремонтировало и достраивало здание, увеличивая его вместимость. К осени 1921 г. здесь могли принять 75 человек⁷¹⁵, к зиме – 100 человек, к 1923 году – уже 150 человек (135 мужских и 15 женских мест)⁷¹⁶. Всего за три года существования (1921 – 1923) «Станица» дала кров 5671 человеку⁷¹⁷, при этом уже в 1922 вместительность позволяла принять всех желающих. Жителям «Станицы» оказывалась безвозмездная врачебная помощь (с февраля 1924 г. регулярно посещали общежитие члены Союза русских врачей⁷¹⁸), продовольственная и иная – в общем, та же, что и другим просителям. Как правило, беженцы оставались в приюте недолго, после чего находили себе какое-либо занятие или отправлялись в другие страны.

В сентябре 1923 г. Общество помощи при содействии германского Красного Креста и представителя Лиги Наций в Берлине М. Шлезингера открыло взамен «Станицы» (арендодатель не продлил контракт) другой барак-общежитие на 40-50 человек для неимущих русских в районе Темпельхоф. В этом доме из 16 светлых комнат также спасались от того, чтобы спать в парках или на вокзалах Берлина (такие случаи происходили - иногда даже целыми семьями ночевали на вокзалах эмигранты, лишившиеся всех накоплений и заработка)⁷¹⁹. В Темпельхофе имелись кухня и баня. Немецкие власти дали жителям общежития хлебные карточки по низкой цене⁷²⁰. В знак признательности Общество назвало это место «Нансенхайм» (т.е. приют им. Нансена). В 1924 г. жилищная проблема смягчилась – и за счёт оттока русских из Берлина, и за счёт того, что со временем эмигранты так или иначе находили способы добывать средства к существованию. В это время состав жильцов общежития стал реже обновляться. В 1924 г. через «Нансенхайм» прошло всего 139 человек. Из них за год 2 умерло, ещё у 2 родился ребёнок, 21 человек выехал за границу и 46 постояльцев съехали, найдя собственное жильё⁷²¹.

Год от года общежитие в Темпельхофе расширялось (фотографию общежития см. на след. стр.). В конце 1920-х гг. его вместимость достигала 170 мест (на протяжении 1920-х 150-170 мест практически полностью покрывали потребность нуждающихся). За 6 лет оно

⁷¹⁴[Отчётная ведомость «Станицы» за 1921 г.] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 258; Общество помощи русским гражданам в Берлине // Голос эмигранта. 1921. 20 апреля. № 1.

⁷¹⁵ Хроника // Руль. 1921. 22 сентября.

⁷¹⁶ Общество Помощи Русским Гражданам в Берлине в 1922 году // Руль. 1923. 1 февраля.

⁷¹⁷ [Отчёт о деятельности Общества в 1921 – 1923 гг.] ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

⁷¹⁸ В Обществе Помощи Русским Гражданам // Руль. 1924. 2 февраля.

⁷¹⁹ Освящение общежития Общества Помощи Русским Гражданам // Руль 1923. 4 декабря.

⁷²⁰ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

⁷²¹ Отчёт о деятельности Общества помощи русским гражданам в Берлине/1916 г. // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 43. Л. 146 – 147.

благоустроилось – при «Нансенхайме» открылись детский сад с питанием для детей, библиотека, появились огороды. Земля вокруг постоянно дорожала, Берлин строился, и акционерное общество, которому принадлежал арендуемый участок, потребовало его обратно – чтобы затем застроить. Пришлось «Нансенхайму» закрыться⁷²². Общежитие ликвидировано в январе 1930 года, а жители расселены немецкими властями по другим убежищам⁷²³. Вновь встал вопрос о создании приюта. Его удалось быстро разрешить. На щедрые пожертвования двух членов Общества в том же 1930 году не просто арендовало, а купило каменный дом в Боргсдорфе (окраина Берлина) для устройства нового общежития⁷²⁴. Этот новый приют, названный «Русским домом», открылся весной 1933 года – 12 комнат, 20 кроватей, столовая и библиотека. Средства на его содержание закончились в октябре 1935 года, и общежитие закрылось (по меньшей мере до 1936 г., что с ним стало потом, источники не сообщают)⁷²⁵. Таким образом, в течение всех 1920-х годов и в первой половине 1930-х гг. Общество помощи эффективно решало проблему бездомности, и лишь в некоторые кризисные периоды его бесплатные общежития бывали переполненными.

Фотографии общежития и сотрудников Общества помощи русским гражданам в Берлине, не позднее 1924 г. (Наш мир. 1924. 8 июня.).

⁷²² Ликвидация Нансенгейма // Руль. 1930. 12 января.

⁷²³ Нансенхейм // Руль. 1930. 7 января.

⁷²⁴ Общество помощи русским гражданам // Руль. 1930. 2 марта; В Обществе 1916 года // Руль. 1931. 21 января.

⁷²⁵ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). C 1253 / 168.2. Ед. хр. Russisches Heim, den 24 Januar 1936. Л. 1.

Гостям общежитий Общества и другим просителям предоставляли еду, пособия и различные вещи. Только в ноябре 1921 г. к Обществу за помощью обратилось 450 человек. Им выдали 1 689 обеденных карточек, 50 человек получили бельё и одежду, 191 человек – денежные пособия (общая сумма – 40 353 марки)⁷²⁶. Суммы выдавались разные, но в среднем получалось 211 марок на человека, что составляло около 40% от прожиточного минимума в Берлине в том же месяце⁷²⁷. Масштабы помощи годами оставались внушительными. Общество предоставляло много бесплатных обедов: в 1921 году – 24 661, в 1922 году – 11 238, в 1923 году – более 25 тысяч. В 1921 году одеждой обеспечили 280 эмигрантов, в 1922 – 206, в 1923 – 684⁷²⁸. На 1922 – 1924 гг. пришёлся пик кризиса Русского Берлина, в это же время на Виландштрассе приходило больше всего просителей. Комиссия непосредственной помощи дважды в неделю принимала людей и приняла только в 1922 году более 3 тысяч беженцев, всего сделавших 4600 посещений (многие приходили неоднократно), в среднем по 45 человек за приём. В 1923 году члены Общества на этих приёмах выслушали уже 7283 человека. Просителям оказывалась немедленная помощь деньгами или вещами, выдавали обеденные карточки или продукты: макароны, томаты, консервы, муку, рис, чай, кофе, хлеб; людей консультировали по разным вопросам. Эмигранты просили обо всём на свете: табак, ботинки, штаны, пособия и ссуды, билеты, средства на лечение (генерал Марков, например, в 1921 г. испросил и получил 750 марок на протез ноги⁷²⁹). Многие нуждались в одежде, женщины часто просили о белье⁷³⁰. В 1922-23 гг. очень часто поступали просьбы дать денег на билеты для отъезда в другую страну (в основном – во Францию, реже в Чехословакию), помочь получить кров и работу. В 1922-23 гг. через Общество работу нашли 56 человек. С помощью организации эмигранты открыли переплётную и кустарную мастерскую⁷³¹.

В 1924 г. Общество продолжало оказывать помощь в большом объёме. Только за февраль 141 человек получили одежду, обувь и бельё, 167 человек – 888 бесплатных обедов; раздавали хлеб и продукты; 33 человека нашли постоянную или временную работу с

⁷²⁶ В обществе помощи русским гражданам // Руль. 1921. 14 декабря.

⁷²⁷ Хроника // Руль. 1921. 18 декабря.

⁷²⁸ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

⁷²⁹ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 5. Протоколы заседаний Комиссии «по оказанию непосредственной помощи» белоэмигрантам, находящимся в Германии. Л. 51.

⁷³⁰ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 5; Ф. 5815. Оп. 1. Д. 17. Переписка с белоэмигрантами об оказании им помощи, анкеты белоэмигрантов.

⁷³¹ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

помощью Общества. Но часть просителей приходилось уже ставить в очередь, так как на всех его средств не хватало⁷³².

Уже в 1922 году Общество не справлялось с количеством запросов. Правление, рассказывая, какое число беженцев получило от организации поддержку, отмечало, что «все эти цифры очень невелики по сравнению с царящей среди русских в Берлине нуждой», но, к сожалению, обеспеченные эмигранты оказались недостаточно отзывчивы. В Обществе в то время состояло всего около 300 членов, их взносы не могли составить основу бюджета. Казна пополнялась благодаря устраиваемым Обществом благотворительным концертам и частным случайным пожертвованиям. При этом и эти три сотни человек не проявляли большой активности. В основном, всю деятельность Общества обеспечивали несколько энтузиастов⁷³³. Из-за этого неоднократно дело благотворительности вставало под угрозу. Один из самых острых кризисных моментов наступил осенью 1923 года, в разгар гиперинфляции. В октябре Общество оценивало своё положение как «исключительно тяжёлое», приток пожертвований сильно уменьшился, и средства «совершенно иссякли», в том числе запасы белья, одежды и обуви. Просьбы же о помощи поступали ежедневно, часто от «совершенно разбитых и больных» граждан, и нередко приходилось их оставлять без удовлетворения⁷³⁴. Ресурсы Общества не могли уже в то время покрывать обострившуюся нужду. Кризис пытались преодолеть, организовав кустарную мастерскую – здесь в 1924 году делали коробки, пудреницы, портсигары, рамки, ножи для резки бумаги. За каждое изделие удавалось выручить по несколько марок прибыли⁷³⁵.

В середине 1925 г. средства вновь почти иссякли. Правление покрывало только самые необходимые расходы – на общежитие, а также на пособия и обеды самым нуждающимся эмигрантам. Число просителей хотя и уменьшилось по сравнению с 1920-1923 гг., но всё ещё было существенным (не менее 3-4 сотен в месяц)⁷³⁶. В 1926 г. положение ещё ухудшилось – при 90-100 просителях на один приём (принимали дважды в неделю) Общество, число членов которого неуклонно снижалось, могло лишь помочь пожертвованной одеждой и обувью, обеденными карточками и продуктами питания. О денежных пособиях на какое-то время практически пришлось забыть⁷³⁷. В 1927 году их выдачу удалось возобновить. В январе – апреле Общество выдало 167 пособий «лицам, несомненно находящимся в чрезвычайно тяжёлом положении – часто на отъезд из

⁷³² В Обществе помощи русским гражданам // Руль. 1924. 16 марта.

⁷³³ Общество Помощи Русским Гражданам в Берлине в 1922 году // Руль. 1923. 1 февраля; Общество помощи русским гражданам // Руль. 1923. 27 марта.

⁷³⁴ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.

⁷³⁵ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 237.

⁷³⁶ Общество Помощи Русским Гражданам // Руль. 1925. 28 марта.

⁷³⁷ В О-ве пом. русск. гражданам // Руль. 1926. 6 января.

Германии, на жизнь, на лекарства, высылались в больницы на улучшение питания». Продолжалась выдача карточек на бесплатные обеды в берлинских столовых (около 2,5 тысяч шт. за 4 месяца)⁷³⁸.

Въ залахъ „РЕИНГОЛЬДА“ (Bellevuestrasse 19-20), Кайзеръ заль, Банкетъ заль, Шварцеръ заль и Диле
Общество Помощи Русскимъ Гражданамъ въ Берлинѣ (сущ. съ 1916 г.)
 устраиваетъ въ **Субботу 8го Октября**, въ 8 часовъ вечера

БЛАГОТВОРИТЕЛЬН. ВЕЧЕРЪ

часть чистаго сбора съ котораго поступить въ пользу голодающихъ въ Россіи

<p>Концертъ <small>при участіи (по выбору)</small> В. Карали (пр. бал. Имп. Т.), М. Мерианова (роль), Е. Полевникая (Моск. Драм. Теат.), О. Слободская (опер. Пет. Г. О.), С. Кузнецовъ (Моск. Х. Т.) А. Шелковъ (баритонъ), Я. Южный (разсказы)</p>	<p>Кабарэ <small>при участіи (по выбору)</small> М. Бемеръ, М. Лицарская, Мираева, О. Неволина, А. Бойтлеръ, Дибстровъ, Икаръ, И. Иллеску, В. Ленскій, Л. Мостовой, Сарганій-Никольскій, Мих. Черновъ, Я. Южный</p>	<p>Баль Лоттерей alegrі Танцы на призы Танцы (соло) Балалаечный оркестръ и пр.</p>
--	---	--

Билеты прод. Общество Пом. Русск. Гражд. Валандеръ 22, А. Вергелмей, Боте в Бонн, маг. „Москва“, Катом-Беншуръ 12, Ред. „Голосъ Россіи“ и „Русъ“, въ изд. „Русская искусство“, Агъ Карлобадъ 4, маг. „Летель“ Лицнштр. 22.

In den Sälen des RHEINGOLD, Bellevuestr. 19-20, (Kaisersaal, Bankettsaal, Schwarzer Saal und Diele)
 findet am Sonnabend, den 8. Oktober 1921, abends 8 Uhr, veranstaltet vom
Verein zur Unterstützung russischer Staatsangehöriger in Berlin e. V.
 ein **Wohlfährigkeits-Fest** statt

Ein Teil des Reiner Ertrags zu Gunsten des hundertfachen Löhns verwauid

<p>KONZERT <small>mit Beteiligung von</small> W. Karali (Primo-Ballete, Mosk. Kais. Th.), M. Merimannowa (Klavier), E. Polewnikale (Hoch. Dram. Theater), O. Slobodskaja (Soprano, St. Petrusk. Theater), S. Kusnezow (Voe- hung.), S. Kuznezow (Mosk. Krais. Theater), A. Schelkow (Bass)</p>	<p>KABARETT <small>mit Beteiligung von</small> M. Bemmer (Sängerin), M. Lidarskaja (Komische), Mirajewa, O. Newolina (Tänzer), A. Boller (Musik), W. Lenz (Musik), L. Mostow (Witz), J. Juchacz (Vortrag), W. Lenz (Gesang), Schlowel (Kom. Erzählungen), Sarganij-Nikolskij (Vortrag), Mich. Tschernow (Lieder)</p>	<p>BALL Tombola, Preisliste, Solotanzvorführungen, Ballett-Konzert usw.</p>
---	---	---

Vorverkauf im Vereine zur Unterstützung russischer Staatsangehöriger in Berlin e. V., Valandierstr. 22, bei A. Vergelmeier, Bote in Bonn, Mag. „Moskau“, Katom-Benschur, 12, Red. „Russische Kunst“, Ag. Karlobad 4, Mag. „Lettel“ Licnstr. 22.

Афиша благотворительного вечера Общества помощи, 1921 г. (ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 18. Л. 65а.).

Общество Помощи Русскимъ Гражданамъ въ Берлинѣ
 въ **Strandkasino въ Герингсдорфѣ** въ **субботу 22 июля**
!Первый разъ въ Германіи!

извѣстн. артистъ **Б.С.БОРИСОВЪ!** Нессо **БЕНГСОНЪ** Конц. пѣв.

Вас. ВРОНСКІЙ (Деклам.) **Мальвини ВЕРНИЧИ** (Танцы)

Л. В. Карпова **П. Д. Ростковскій**
(арт. б. Петерб. Имп. балета) (опера. пѣвецъ)

Вѣра Шоръ Балалаечный оркестръ подъ управл. **Васильно.**
(скрипка) **СТРУННЫЙ ОРКЕСТРЪ!**

Начало въ 8 часовъ вечера. Билеты можно полугать при входѣ.

Verein zur Unterstützung russischer Staatsangehöriger zu Berlin.
Strandkasino Heringsdorf / / Sonnabend, den 22. Juli 1922
Mitwirkende zum ersten Male in Deutschland:
 Der berühmte russ. Schauspieler **B. S. Borisoff**, **Nesso Bengson**
 (Konzert-Sänger) **L. W. Karpowa** (Ballet) **P. D. Rostkowsky**
 (Gesang) **Vera Schor** (Violin) **W. Wronsky**, **M. Wernitschi** (Tanz)
 Anfang 8 Uhr *Ballalajka-Orchester / Streich-Orchester* **Billets am Eingang**

Афиша благотворительного концерта Общества помощи, 1922 г. (ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 18. Л. 7).

⁷³⁸ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1252 / 167.2. Ед. хр. Справка о деятельности Общества помощи русским гражданам в Берлине / 1916 г. / за январь – апрель 1927 г. Л. 2.

Таким образом, Общество, как правило, могло помочь отдельному эмигранту не оказаться без крова и еды и перетерпеть трудное время. Но оно так и не нашло эффективный способ преодоления безработицы, хотя такая задача в начале 1920-х гг. ставилась. В конце 1924 года правление констатировало: «...наиболее нуждающемуся элементу беженцев, именно мужчинам, предоставление какой-либо службы или работы является делом чрезвычайно трудным. Экономические условия жизни в Германии, застой в промышленности, ликвидация многих крупных фирм и предприятий, предоставлявших работу русским беженцам, наличность значительного контингента безработных среди самих немцев и правовые затруднения вообще для иностранцев в получении работы, - всё это и представляется совершенно непреодолимым препятствием к сколько-нибудь успешному развитию дела трудовой помощи. Поэтому русских беженцев мужчин удавалось устраивать на работу только в исключительных случаях и на кратковременную работу, как-то: статистами в кино, агентами по поручениям...»⁷³⁹. В 1923 г. Общество направило на работу 123 человека, в 1924 – 204. Со временем положение лучше не становилось: в 1925 г. устроилось около 90 человек, в 1926 г. – столько же⁷⁴⁰. Отчёт Общества весной 1927 г. также сообщал о скромных достижениях: «Спрос главным образом на домашнюю женскую прислугу и ежемесячно удаётся устроить 3-4 человек горничными, кухарками, няньками. На мужской труд спрос крайне ограничен. За 4 мес. лишь 8 человек получили временную работу (2 на вскапывание огорода, 1 электротехник, 1 маляр, 1 чернорабочий, 2 барышни получили временный (хотя и весьма хороший) заработок стенографистками, и случайно устроен на хорошую работу по специальности инженер-химик»⁷⁴¹.

Во второй половине 1920-х гг. масштаб работы Общества неуклонно уменьшался, как вследствие уменьшения числа просителей на фоне уменьшения русской колонии вообще, так и из-за сокращения его ресурсов. Судьба организации после 1931 г., к сожалению, не прослеживается по обнаруженным нами источникам.

По сравнению с Обществом помощи, гораздо более серьёзных успехов в деле разрешения проблемы трудоустройства русских беженцев достигла другая организация – **Центральное бюро русских артелей (ЦБРА)**; возглавил его бывший сенатор А.В. Бельгард. Первые группы эмигрантов начали кооперацию в трудовые артели осенью 1920 года, к ноябрю в ведении бюро состояли все русские берлинские артели – тогда их

⁷³⁹ Отчёт о деятельности Общества помощи русским гражданам в Берлине/1916 г. // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 43. Л. 150.

⁷⁴⁰ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1252 / 167.2. Ед. хр. Kurzes Memorandum über die Tätigkeit des Vereins zur Unterstützung Russischen Staatsangehöriger in Berlin, e.V. 1916 – 1926. Л. 3.

⁷⁴¹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1252 / 167.2. Ед. хр. Справка о деятельности Общества помощи русским гражданам в Берлине / 1916 г. / за январь – апрель 1927 г. Л. 2.

насчитывалось всего три – слесарная мастерская, сапожная и столярно-слесарная. Все они выполняли заказы немецких фирм и частных лиц⁷⁴². ЦБРА стало координационным центром, который принимал заказы и желающих поступить на работу, а также искал средства для помощи артелям. В справочном бюро ЦБРА на Потсдамерштрассе, 121 любой эмигрант мог узнать о вакантных местах, сделать заказ или предложить проект нового начинания. Число артелей в начале 1920-х гг. быстро росло. Бюро давало справки и о русских артелях вне Берлина (включая и окрестности города), которых насчитывалось до тридцати (земледельческие, слесарные, столярные, сапожные, ткацкие, переплётные и др.)⁷⁴³. Большая часть этих артелей представляла собой маленькие кустарные производства или мастерские с несколькими работниками, многим из которых приходилось осваивать новые для них ремёсла. По сообщению газеты «Руль», на 21 декабря 1920 г. ЦБРА ведало работой 32 артелей, в которых было занято около пятисот человек⁷⁴⁴.

ЦБРА получало запросы на рабочую силу и направляло группы эмигрантов на работы не только в Берлине, но и в другие земли Германии. Так, в феврале 1921 г. на лесные работы в Померании отправилось 15 офицеров; другие группы беженцев поехали в провинцию на сельскохозяйственные работы⁷⁴⁵. Спрос на сезонные сельские работы даже превышал возможность ЦБРА удовлетворить его⁷⁴⁶. Результаты труда эмигрантов вскоре можно было увидеть и на прилавках: в открытом ЦБРА магазине с производимыми артелями товарами по невысоким ценам продавалась и продукция сада и огорода, разбитого русской артелью под Берлином⁷⁴⁷. Благодаря сезонным работам и энергии ЦБРА, в мае 1921 г. абсолютно все эмигранты, искавшие работу с помощью Бюро, её получили⁷⁴⁸.

Масштабы артельной кооперации беженцев оказались существенными. В 1922 году ЦБРА помогло найти работу 4272 беженцам. К тому моменту число артелей достигло уже сотни – из них 72 сельскохозяйственные, 22 кустарно-ремесленные, 12 художественных и 4 строительные⁷⁴⁹ (фотографию одной из них см. на след. стр). Больше всего работы получали летом земледельческие артели. Зимой земледельцы нанимались на работы в имения. Бюро помогало им тёплыми вещами, сумело купить на немецких правительственных складах дешёвую обувь, бельё и мундиры. Важно, что большую часть артельщиков составляли люди, для которых труд, которым они занимались, был новым.

⁷⁴² В центральном бюро артелей // Руль. 1920. 21 ноября; Хроника // Руль. 1920. 16 декабря.

⁷⁴³ В центральном бюро артелей // Руль. 1920. 21 ноября.

⁷⁴⁴ В центральном бюро артелей // Руль. 1920. 21 декабря.

⁷⁴⁵ Русские артели // Руль. 1921. 23 февраля; Русские артели // Руль. 1921. 22 апреля.

⁷⁴⁶ В центральном бюро артелей // Руль. 1921. 4 марта.

⁷⁴⁷ Русские артели // Руль. 1921. 22 апреля.

⁷⁴⁸ Хроника // Руль. 1921. 13 мая.

⁷⁴⁹ Usakov A.I. Op. cit. S. 133.

ЦБРА помогало адаптироваться эмигрантам к германскому рынку труда и занять свободные ниши. Постепенно люди набирались опыта, и их положение улучшалось. Осенью 1922 г. Бюро отмечало: «...если вначале приходилось часто переживать разочарования ввиду недостаточной опытности и знания мастеров и отсутствия навыка, то теперь существующие артели уже прочно стали на ноги и их дальнейшее укрепление и развитие может считаться обеспеченным»⁷⁵⁰. В некоторых артелях технический уровень стоял довольно высоко. В деревообделочной мастерской имелся даже газовый двигатель для токарных станков и других инструментов⁷⁵¹.

Русская артель в Берлине, не позднее 1924 г. (Наш мир. 1924. 8 июня.)

Трудовое предложение Бюро, вероятно, не отвечало запросу большей части эмигрантов, желавших подыскать себе труд более высокого статуса, нежели труд огородника или портного. Но готовым на любую работу Бюро помогало заработать на хлеб. Впрочем, артели были самые разные – от сельскохозяйственных и кустарных до артистических (например, студенческая балалаечная). В 1922 г. число их в ведении ЦБРА достигло уже 91. По утверждению Бюро, на тот момент все эмигранты, искавшие физический труд, по-прежнему могли найти соответствующие вакансии⁷⁵². К сожалению, дальнейшая деятельность ЦБРА слабо отражена в имеющихся в нашем распоряжении

⁷⁵⁰ [Справка о деятельности ЦБРА - в Земгор, 16 октября 1922 г.] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 11. Л. 43; Деятельность Центрального Бюро Русских Артелей в 1922 году // Руть. 1923. 13 января.

⁷⁵¹ [Справка о деятельности ЦБРА - в Земгор, 16 октября 1922 г.] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

⁷⁵² [Справка о деятельности ЦБРА] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 11. Л. 73

источниках, но тем не менее можно уверенно говорить о том, что по меньшей мере более 4 тысяч человек сумели с помощью организации подыскать себе хотя бы временное место работы, что в условиях Русского Берлина начала 1920-х гг. уже дорогого стоило.

Ещё одним заметным объединением Русского Берлина стал **Союз русских евреев в Германии** (председатель с 1921 г. – известный филантроп Я.Л. Тейтель)⁷⁵³. В конце 1920 г. он насчитывал уже 325 членов. Регулярные членские взносы по 20 марок (затем больше), а также взносы по 400 марок при вступлении обеспечили Союзу жизнеспособность. Союз помогал студентам, платил за обучение неимущих, снабжал нуждающихся продовольствием, ссудами⁷⁵⁴, учредил юридическую комиссию для разрешения споров и тяжб между членами общества (председателем избран прис. пов. И.М. Рабинович, товарищем председателя – прис. пов. И. Кельберин, секретарём – Е.М. Кулишер)⁷⁵⁵. Союз открыл также свой клуб, бесплатные курсы швейного и вязального мастерства для женщин⁷⁵⁶. Только за первый год деятельности организация отдала на пособия и субсидии 126 тыс. марок⁷⁵⁷; в апреле 1922 г. устроила бесплатный приём больных в одной из поликлиник Берлина⁷⁵⁸. Правление отправляло детей беженцев на лето за город⁷⁵⁹.

Осенью 1923 году Союз встретил больше просителей, чем ожидалось. Всего за год около 1200 человек обратились за поддержкой. Оказывалась материальная, медицинская, правовая, культурно-просветительная помощь⁷⁶⁰. В 1925 г. ввиду уменьшения русской колонии в Берлине Союз евреев (на тот момент около 400 членов) переживал кризис – при растущем числе нуждающихся безработных интеллигентов средства истощились и не покрывали расходы⁷⁶¹ (только в 1924 г. поступило 1161 обращение за помощью⁷⁶²). Тем не менее Союз продолжал свою работу до 1935 года (пока не был закрыт гестапо)⁷⁶³ и оказывал помощь пособиями тысячам своих подопечных⁷⁶⁴. После роспуска его активисты действовали без организации. Отличительной чертой Союза была его образовательная деятельность – десятки просителей учили ремёслам, которые могли их прокормить: кроме курсов швейного мастерства, в Союзе в 1924 г. открылись курсы стенографии, машинописи, бухгалтерского учёта и английского языка, в 1926 г. – курсы портных, гигиены, массажа и

⁷⁵³ Несмотря на название, союз был довольно открытым; результатами его работы могли пользоваться и не евреи.

⁷⁵⁴ Общество русских евреев // Руль. 1920. 11 декабря.

⁷⁵⁵ Хроника // Руль. 1921. 6 июля.

⁷⁵⁶ Хроника // Руль. 1922. 28 февраля.

⁷⁵⁷ В союзе русских евреев // Руль. 1922. 11 марта.

⁷⁵⁸ Хроника // Руль. 1922. 4 апреля.

⁷⁵⁹ Хроника // Руль. 1922. 29 апреля.

⁷⁶⁰ Годовое собрание Союза Русских евреев // Руль. 1924. 13 марта.

⁷⁶¹ Пятилетия Союза Русских Евреев // Руль. 1925. 26 февраля.

⁷⁶² Общее собрание союза русских евреев // Руль. 1925. 4 марта.

⁷⁶³ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин... С. 113 – 114.

⁷⁶⁴ Там же. С. 108.

косметологии, в 1927 г. – учебная мастерская пошива дамской и детской одежды, а также курсы шофёров⁷⁶⁵.

В первой половине 1920-х гг. достаточно активно работали профессиональные объединения, насчитывавшие по несколько сотен членов – студенческие союзы, Союз русских сценических деятелей в Германии. В их деятельности трудовая помощь также занимала особое место. Их правления создавали бюро труда. На сценическую биржу труда при этом попадали далеко не только актёры – это место до конца 1920-х гг служило временным пристанищем для безработных вообще. Правда, в начале 1920-х ввиду бешеной конкуренции и профессионалу найти работу было трудно, даже временную и поденную⁷⁶⁶. Зато с середины 1920-х врачи, адвокаты, коммерсанты и офицеры, нередко с семьями, толпились в помещении союза и ждали какого-нибудь помощника режиссёра, который превратит этих потенциальных статистов в испанских грандов, средневековых ландскнехтов, монахов или английских джентльменов, казаков или наполеоновских солдат. В Союзе состояли и местные немцы, с которыми артисты часто знакомились на съёмочных площадках и в театрах. Они научили эмигрантов отстаивать свои трудовые права и держать определённые цены – за меньше, чем 15 марок в день, не снимались, все брали одинаковую плату за сверхурочные, сложный грим, свой костюм и т.д.⁷⁶⁷

Чрезвычайно важным и социально значимым все 1920-е годы был также **Союз русских увечных воинов** в Германии, основанный в январе 1921 года (председатель – полковник Рауш фон Траубенберг, с 1923 г. – генерал-майор Н. Глобачев). К середине 1922 г. в Союзе состоял 181 человек, ещё несколько эмигрантов пользовались его помощью, не имея членского билета⁷⁶⁸. Вместе с членами их семей от деятельности Союза зависело пятьсот человек⁷⁶⁹. Правление Союза начинало свою работу практически без средств и сразу должно было открыть хотя бы небольшое общежитие и обеспечить нетрудоспособных инвалидов протезами и пропитанием⁷⁷⁰. За счёт частных пожертвований и поддержки Общества помощи и Красного Креста удалось быстро организовать выдачу пособий, бесплатных обедов и приступить к строительству общежития. Так как германское правительство закрывало военные лазареты, которыми пользовались и некоторые русские инвалиды, оно пошло навстречу Союзу и продало ему за 20 тыс. марок тёплые бараки, а

⁷⁶⁵ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). C 1253 / 168.1. Ед.хр. Arnold Zweig. Das Los der Geflüchteten. Л. 15.

⁷⁶⁶ Русский актёр в Берлине // Время. 1921. 8 августа.

⁷⁶⁷ Русский Берлин // Руль. 1928. 19 декабря.

⁷⁶⁸ В Союзе инвалидов // Руль. 1922. 3 мая.

⁷⁶⁹ Обращение русского союза увечных воинов в Германии // Руль. 1922. 10 июня.

⁷⁷⁰ В союзе инвалидов // Руль. 1921. 2 марта.

каждому «ампутированному инвалиду» выдало пособия по 400 марок⁷⁷¹. Бараки для постройки общежития перевезли в Тегель – на землю Владимирского братства при русской церкви и кладбище. Общежитие для тяжёлых инвалидов, на устройство которого поступили от жертвователей довольно крупные суммы, планировалось вместительностью в 30 человек (в 10 комнатах на 2-3 человека); также здесь должна были появиться библиотека, столовая, канцелярия и кухня⁷⁷². До открытия общежития Союз пользовался помощью «Станицы», часть инвалидов проживала под Берлином в лагере Вюнсдорф.

Поступление пожертвований осенью 1921 года позволило увеличить пособия⁷⁷³, закупить в достаточном количестве обеды и необходимые инвалидам вещи, распространить помощь на семьи увечных (прежде всего детей) и начать строительство общежития. Закладка состоялась в Тегеле 30 октября⁷⁷⁴. Строительство обошлось в конечном итоге в более 400 тыс. марок (инфляция сильно увеличила первоначальную смету). Помимо этого, к концу ноября Союз уже имел возможность обеспечить всех без исключения нуждающихся инвалидов деньгами, обедами, бельём, одеждой, обувью, мылом, лекарствами и проч.⁷⁷⁵ При Союзе появился свой врач, всем инвалидам оплачивалось лечение.

11 мая 1922 г. общежитие открылось. Его жители обеспечивались питанием: завтраки, обеды из двух блюд, пятичасовой чай, ужин. Постояльцам предоставлялись телефон, электрическое освещение, библиотека, им помогали с ремонтом обуви. Рядом был разбит огород. В среднем в общежитии жило 15-17 человек одновременно, а число мест (кроватьей) составляло 26⁷⁷⁶. В Тегеле нашли кров самые обездоленные инвалиды – в основном белые офицеры разных званий, с ампутированными конечностями, частично или полностью парализованные, глухонемые, слепые.⁷⁷⁷

В начале 1922 г. Союз нашёл помещение для устройства папиросной фабрики, которая могла бы обеспечить нетрудоспособных, а также трудоустроить всех желающих инвалидов и членов их семей. Правление заблаговременно нашло спрос на папиросы в берлинских ресторанах. Цель предприятия состояла в устранении зависимости Союза от

⁷⁷¹ В союзе инвалидов // Руль. 1921. 28 июля.

⁷⁷² В союзе инвалидов // Руль. 1921. 13 сентября.

⁷⁷³ В союзе инвалидов // Руль. 1921. 9 октября; увечным воинам жертвовали даже из-за океана – так, Русский Народный Дом Нью-Йорка прислал через редакцию газеты «Руль» 2600 марок (Хроника // Руль. 1921. 15 октября.). Чуть позже благотворители из Америки прислали ещё 500 долларов – очень внушительная сумма для инфляционной Германии, которая могла обеспечить всем необходимым на месяц не менее трёх десятков человек. (В союзе инвалидов // Руль. 1921. 29 ноября.).

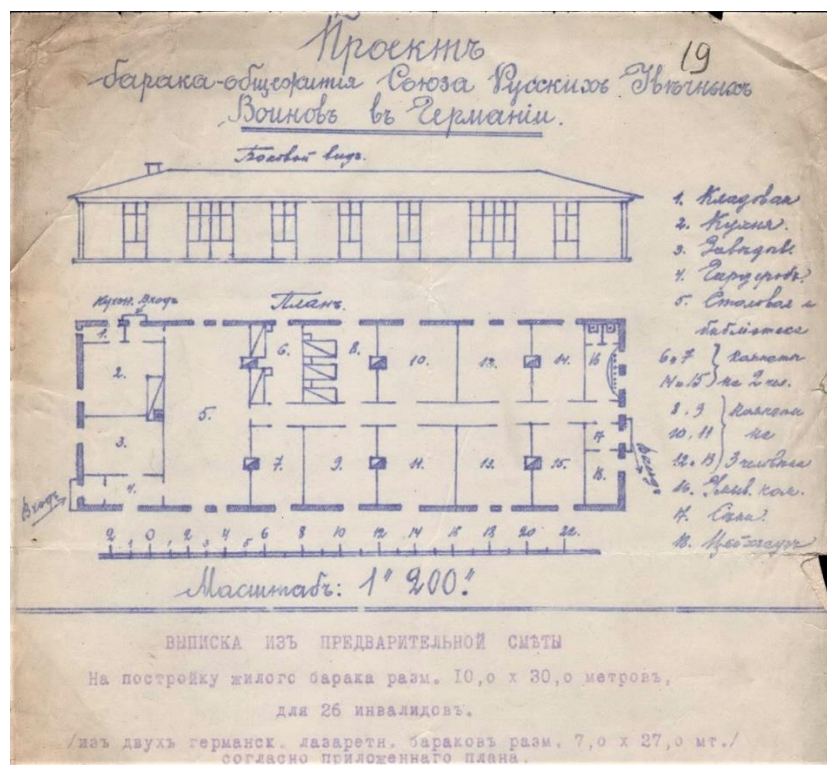
⁷⁷⁴ Закладка общежития инвалидов // Руль. 1921. 1 ноября.

⁷⁷⁵ В союзе инвалидов // Руль. 1921. 29 ноября.

⁷⁷⁶ Общежитие союза инвалидов // Руль. 1922. 16 мая; Отчёт по содержанию Общежития Русских Увечных Воинов в Тегеле за 1922 год // Руль. 1923. 26 января.

⁷⁷⁷ [Список инвалидов в общежитии Тегель] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 1. Л. 189.

пожертвований. В 1922 г. фабрика начала производство. К началу 1923 г. она продала папирос на 3,5 млн марок и готовилась к производству более 1 млн папирос в месяц. С той же целью обретения финансовой самостоятельности Союз купил на 800 тыс. марок акций типографии, в которой открылся русский отдел – для трудоустройства инвалидов. К сожалению, не все планы Союза получилось реализовать. Не удалось организовать дамскую мастерскую (её работа оказалась непродуктивной) и дешёвую столовую⁷⁷⁸. Тем не менее общее собрание Союза в январе 1922 г. высоко оценило «грандиозную работу» правления, проведённую «при самых неблагоприятных условиях». В правление в начале 1922 г. выбрали – вновь полковника барона К.П. Рауш фон Траубенберга (предс.), полковника Савелова и Ашехманова, капитана Яковлева и поручика Тноса⁷⁷⁹. В дальнейшем коммерческие начинания Союза, включая папиросную фабрику, всё же не обеспечили Союзу желанную независимость, но главным делом – общежитием и помощью инвалидам, организация продолжала заниматься все 1920-е годы и начало 1930-х. Это объединение – одно из «долгожителей» Русского Берлина. В 1932 г. оно всё ещё включало 116 ветеранов-инвалидов⁷⁸⁰. Сведения о его дальнейшей деятельности скудны, по некоторым данным, объединение действовало до 1945 г.⁷⁸¹

Проект общежития Союза русских увечных воинов в Германии, 1921 г. (ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 139. Л. 19.).

⁷⁷⁸ В Союзе Увечных Воинов // Руль. 1923. 21 января.

⁷⁷⁹ В союзе инвалидов // Руль. 1922. 17 января.

⁷⁸⁰ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). C 1253 / 168.1. Ед. хр. Центральный Союз русских увечных воинов в Германии, 18 марта 1932. – в Internationales Nansen-amt in Deutschland. Л. 1.

⁷⁸¹ Глобачёв Николай Иванович (1869 – 1947) // Религиозные деятели русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/gi/G_633.htm (дата обращения: 29.04.2020).

В общежитии Союза русских увечных воинов, Тегель, не позднее 1924 г. (Наш мир. 1924. 8 июня.).

Важнейшей стороной деятельности общественных организаций стало участие в формировании «русского пространства» - поддержание русскоязычной среды и даже воссоздание утраченных институтов. Эмигрантские объединения и коммерческие предприятия в Берлине представляли, по выражению И. Гессена, «некоторый суррогат бытового уклада, лишение которого составляет главное несчастье эмиграции», давали «иллюзию родины»⁷⁸².

Эмигрант мог обратиться к русскому адвокату, русскому врачу и русскому священнику. Союз русской присяжной адвокатуры попытался даже возместить утрату привычного русским судопроизводства – по законам Российской империи и на русском языке. 1 сентября 1921 года при Союзе открылся Русский третейский суд (гражданский), действовавший на основе германского Устава гражданского судопроизводства. В него вошло около 50 представителей 15 разных организаций (Союза сценических деятелей, Общества инженеров, Союза журналистов и литераторов, Союза русских евреев и др.), благодаря чему суд пользовался авторитетом. Из них выбиралось постоянное бюро из 5 человек и секретаря. В 1922 г. председателем избрали сенатора А.В. Бельгарда. Одним из

⁷⁸² Д. Влад. 10-летие Союза журналистов и литераторов // Руль. 1931. 12 февраля.

судей до своей кончины работал В.Д. Набоков. В 1923 г. в бюро были выбраны Н.Н. Чебышев, В.С. Мандель, А.В. Бельгард, С.Н. Шульман, А.П. Пилкин и Б.С. Ширман. Суд разрешал споры по поводу сделок, заключённых даже в России до большевистского переворота⁷⁸³. Он пользовался спросом, так как обращение в германские суды стоило дороже и там не могли судить по дореволюционным русским законам и на русском языке. Суд – лишь самый яркий пример того, как эмигрантские организации пытались воссоздать в Берлине квази-Россию. Столь же важной была для русской колонии возможность обратиться за разными видами помощи и услуг в русскоязычные организации – амбулаторию, общежития, бюро артелей и бюро труда, союз адвокатов, банки, столовые, читальни, кассы взаимопомощи и т.д.

Русское пространство Берлина невозможно представить и без **православной церкви**. В первые годы религиозные потребности в основном удовлетворяла церковь при российском посольстве на Унтер ден Линден, 7, в самом сердце города. Она же служила местом регулярных встреч эмигрантов, формировала и укрепляла социальные связи. После заключения Рапалльского договора 1922 г. германское правительство передало посольство и все его здания Советской России, и церковь закрылась. Но в Берлине уже давно, с 1894 г., существовала ещё одна, в районе Тегель на окраине города – храм Святых Равноапостольных Константина и Елены. Там же располагалось православное кладбище и небольшой приют «Александрхайм», названный так в честь Александра III. Эти сооружения возвело уже упомянутое выше Владимирское братство, основанное ещё в 1890 г. настоятелем посольской церкви Алексием Мальцевым (1854 – 1915). Братство поддерживало православную церковь и русских людей в Германии. Эмигранты пополнили его ряды (в совет его вошёл, к примеру, С.Д. Боткин). В начале 1920-х гг. вокруг церкви формировались благотворительные начинания монархистов, управляющим «Александрхаймом» стал бывший сенатор А.В. Бельгард⁷⁸⁴. В Тегеле нашлось место не только для общежития Союза русских увечных воинов, но также для пары мастерских и огородов трудовой артели (они получили известность как «Тегелевские огороды»⁷⁸⁵). После утраты посольской церкви в Берлине появилась православная Свято-Владимирская часовня на Находштрассе, 10 (открыл её архимандрит Тихон), а в 1928 г. на пожертвования Русскому приходскому совету и займы – ещё один храм на Фербеллинерплац, синодальный Собор Воскресения Христова (купленное для этого здание стояло с 1923 г., больше четырёх

⁷⁸³ В союзе русской присяжной адвокатуры // Руль. 1922. 17 мая; В постоянном берлинском третейском суде // Руль. 1923. 23 марта; Постоянный третейский суд в Берлине // Руль. 1923. 1 февраля.

⁷⁸⁴ Williams R.C. Culture in Exile... P. 122.

⁷⁸⁵ Ипполитов С.С. Аграрный бизнес российских эмигрантов в 1920 – 1930-х годах // Экономический журнал. 2014. № 4 (36). С. 141.

лет Тихон, глава приходского совета, собирал деньги на перестройку)⁷⁸⁶. При храме на Находштрассе не позднее 1923 г. появилось Сестричество им. Св. кн. Ольги⁷⁸⁷. Сёстры много лет принимали пожертвования для раздачи еды и одежды неимущим⁷⁸⁸. Архиепископ Евлогий, митрополит русской православной церкви в Западной Европе в 1921 – 1922 гг. (его епархия в то время располагалась в Александерхайме) вспоминал, как отдельные подвижники общины занимались помощью нуждающимся эмигрантам: так, бывшая сестра милосердия В. Масленникова, которая в эмиграции постриглась в монахини под именем Марфы, организовала с помощью некоей подруги графини Шак благотворительную столовую и давала до 250 обедов в день. К несчастью, это начинание долго не продержалось – некоторые священники сочли эту мирскую деятельность Марфы нарушением монашеских обетов⁷⁸⁹. Церковь, таким образом, участвовала в благотворительности, но в пределах своих небольших возможностей и религиозных ограничений.

Совместными усилиями эмигрантских организаций (Русская академическая группа, РОКК, Земгор, Общество друзей русской школы и др.) появились и работали в Берлине и две русские гимназии. С одной из них – русско-немецкой школой – помещением поделилась русская православная церковь на Находштрассе, 10 – храм размещался только на первом этаже здания. Инициировал основание учебного заведения пастор И.А. Мазинг (из лютеранской кирхи св. Марии в Санкт-Петербурге). Занятия в школе начались 1 декабря 1920 года. Строилась гимназия по образцу немецко-русской церковной школы в Петербурге (что естественно, учитывая личность основателя). При школе был открыт интернат для мальчиков (сначала на 60 человек⁷⁹⁰; большую часть детей спонсировал Земгор). Преподавание велось на русском и немецком языках, детей учили русской и немецкой истории, а также всем дисциплинам русской гимназии. За обучение взималась плата⁷⁹¹. В этой школе св. Георгия к 1923 г. числилось 220-230 учеников и учениц. По её окончании желающие могли получить немецкий аттестат зрелости.

Ещё одну школу (на Ахенбахштр. 10) основала в 1921 году русская Академическая группа в Берлине (председатель – проф. А.И. Каминка)⁷⁹². Несколько лет, пока у гимназии не появилось собственного помещения, занятия шли с 3 часов дня до 8 часов вечера (занимались в аудиториях, арендуемых у немецкой школы *Düringsche Privatschule*, занятых

⁷⁸⁶ Dodehoeft В. “Laßt mich nach Rußland heim”... S. 135.

⁷⁸⁷ Справочный отдел // Руль. 1923. 6 декабря.

⁷⁸⁸ От сестричества Св. Кн. Ольги // Руль. 1928. 3 января.

⁷⁸⁹ Евлогий. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947. С. 420.

⁷⁹⁰ Хроника // Руль. 1921. 10 марта.

⁷⁹¹ Хроника // Руль. 1920. 3 декабря.

⁷⁹² Usakov A.I. Op. cit. S. 133.

в первой половине дня)⁷⁹³. Уроки велись на русском языке, по программе русских мужских гимназий. Факультативно здесь также было открыто для русских учеников немецких школ обучение русскому языку, русской истории и Закону Божьему. В 1923-24 гг. 23 преподавателя обучали 139 учеников (69 мальчиков и 70 девочек)⁷⁹⁴. Выпускники могли беспрепятственно поступать в германские вузы. Академическая группа организовала также детский сад в январе 1924 г.⁷⁹⁵

В 1931 году обе гимназии слились в одну – «Высшую немецко-русскую школу». В ней обучались русские и немецкие дети, преподавание велось на двух языках⁷⁹⁶. Финансировали объединённую школу немецкие промышленники и Лига Наций; по данным Х.-Э. Фолькманна, школа, существовавшая до 1945 года, сохраняла свой русский облик и русский язык до войны⁷⁹⁷. Русские гимназии создавались для предотвращения «денационализации», то есть ассимиляции детей, но охватить они могли только незначительное их количество. Большая часть родителей отдавала своих детей в немецкие школы⁷⁹⁸. Все родившиеся в Германии дети на немецком языке говорили, как на родном (а большинство, вероятно, на нём же и думало). Эмигрантские учебные заведения тоже позволяли получить образование и рассчитывать на продолжение учёбы в вузах, но значение русских гимназий за границей заключалось скорее в сохранении русской культурной идентичности юных эмигрантов, чем в содействии их интеграции в принимающие общества.

Примечательно, что угрозу «денационализации» чувствовали и некоторые взрослые эмигранты. Уже в 1923 году некоторые стали замечать, что не только детская речь подвергается коррозии. Журналист Александр Яблоновский писал, что «чем больше бегут годы изгнания, тем яснее становится, что за границей у нас сложился какой-то новый, “эмигрантский” язык, до последней степени засорённый, потускневший и как будто даже обнищавший». Он отметил, что «особенно жалко бывает смотреть на русских детей, которые растут во всех углах Европы и поневоле вынуждены довольствоваться тяжёлой смесью французского и немецкого с нижегородским и одесским». В доказательство Яблоновский приводил наблюдения за речью маленьких эмигрантов, в том числе услышанные им фразы, представляющие лексическую и грамматическую помесь русского

⁷⁹³ В собственное помещение гимназия переехала в 1927 году (Русская гимназия в новом помещении // Руль. 1927. 23 февраля).

⁷⁹⁴ Шевченко В.А. Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 376.

⁷⁹⁵ Отчёт // Руль. 1924. 18 января.

⁷⁹⁶ Шевченко В.А. Русская школа в эмиграции... С. 378.

⁷⁹⁷ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919 - 1929. S. 128; Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim"... S. 126.

⁷⁹⁸ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал... С. 163.

(или украинского) и немецкого языков: «Фогель полетів домой» [птица полетела домой], «я порезала пальцы шерами» [т.е. ножницами], «если не хотите играть крокет, будем играть теннис», «мой собака», «какой тупой лошадь» и т.д. В основном ошибки, по наблюдениям журналиста, вкрадывались в речь русских немцев, евреев, малороссов и поляков⁷⁹⁹. У читателей статья Яблоновского нашла живой отклик – они присылали ему письма и делились своим негодованием по поводу «варварского уснащения русского языка немецкими словами и оборотами»: «комнаты с кюхенбенутцунг» [с правом пользования кухней], «я поехал штатдбаном» [наземным метро], «кюндиговать, мельдовать, шибовать» [отменять, сообщать, торговать], «я сел в унтегрундку на Кни и взял «умштайге» на штрассенбан» [я сел в метро на станции Кни и пересел на трамвай] и т.п. В быту приходилось постигать немецкий язык, и зачастую эмигранты в общении между собой переставали переводить на русский язык всем понятные немецкие слова⁸⁰⁰. Анонимный читатель, ответивший Яблоновскому письмом, особенно сетовал, что дети эмигрантов говорят по-немецки, как на родном языке, на русском же, напротив – с типичными для иностранцев ошибками и акцентом, что вынуждает некоторых родителей для простоты общения и в быту часто обращаться к своим детям по-немецки; правда, другие эмигранты, наоборот, радовались беглой речи ребёнка на иностранном языке⁸⁰¹. Герои романа «Петербург на Виттенбергплатц» так же беспокоятся, что дети их говорят по-русски с акцентом, а господин Бобров, говоря о своей дочери, заявляет: «Через десять лет от эмиграции ничего уже не останется. Моя Надя теперь уже наполовину немка»⁸⁰².

Ребёнок русских эмигрантов в Париже Д. Сеземан вспоминал позже о своей естественной тяге «стать французом, слиться с окружающим меня, стряхнуть с себя тяжёлый и неудобноносимый груз эмигрантщины»: «... как только я пошел в школу, как только у меня появились товарищи-французы, моим самым страстным желанием стало – быть, как они. Как любой ребёнок в этом возрасте, я довольно быстро и легко научился говорить по-французски без акцента и изо всех сил старался скрыть своё истинное происхождение»⁸⁰³. То же переживали многие его русские сверстники. Нам не удалось обнаружить столь же подробных, как у Сеземана, воспоминаний бывших русских берлинцев об их подростковом опыте, но, очевидно, в Германии происходили те же процессы. Берлинец Клаус Брокерхоф учился в 1920-е гг. в одной из обычных городских школ. Позднее он вспоминал о своём однокласснике по имени Фёдор, эмигранте. Мать

⁷⁹⁹ Яблоновский А. Эмигрантское косноязычие // Руль. 1923. 3 января.

⁸⁰⁰ Это языковое явление вообще характерно для эмигрантов.

⁸⁰¹ А.А.Г. Об эмигрантском наречии (Письмо в редакцию) // Руль. 1923. 28 января.

⁸⁰² Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 69, 72.

⁸⁰³ Сеземан Д. Русский мальчик за границей // Родина. 1993. № 5-6. С. 33-34.

Фёдора работала в чайной, растила сына одна и в непростом материальном положении. Клаус делил с ним в школе свою еду. Фёдор вскоре стал полноценным членом немецкой подростковой компании и отлично изъяснялся на берлинском диалекте⁸⁰⁴. Вполне закономерным следствием многолетней оторванности от России и образования молодёжи в Германии была структурная, поведенческая и ценностная ассимиляция молодого поколения эмигрантов. И.В. Гессен, вспоминая уменьшение аудитории «Руля» во второй половине 1920-х годов, указывал как на одну из причин этого на «денационализацию» молодёжи⁸⁰⁵.

Национальные чувства породили особый праздник эмиграции – «Дни русской культуры», приуроченные ко дню рождения А.С. Пушкина (26 мая по старому стилю). Впервые его провели беженцы в Эстонии в 1924 г. Очень быстро идею подхватили и в других центрах эмиграции, праздник стал ежегодным и проводился с 1925 г. в Берлине, Риге, Париже, Варшаве, Белграде, Праге, в США, Финляндии, Турции и других странах, в 1926 г. – уже в 72 городах 4 континентов. Эмигранты встречались под девизом «Вспомните в этот день Россию и то, что было вам в ней дорого»; после богослужений произносили речи, читали Пушкина и о Пушкине, о других писателях, учёных и политиках... В Берлине организацией торжества занимался специальный комитет из представителей разных эмигрантских организаций (включая Русский академический союз и школу при нём, Союз русских студентов, Союз журналистов и др.). Специально для праздника писал стихи В. Набоков⁸⁰⁶.

Хотя яркие «Дни русской культуры» спланировали эмиграцию как сообщество, гораздо большее значение как фактор адаптации имела другая часть «русского пространства», та, что помогала не только сохранить национальную идентичность, но и обрести профессиональную, необходимую в любой стране. Студенческие союзы, Земгор и УМСА позволили реализовать самую успешную стратегию адаптации – через образование – той части эмиграции, что уже не могла рассчитывать на школьное обучение в Германии. В январе 1921 г. в Берлинском университете училось уже 110 русских студентов⁸⁰⁷, ещё 169 бывших граждан Российской империи получали образование в прусских политехникумах⁸⁰⁸. По сообщению газеты «Руль», в марте 1921 г. в 12 прусских

⁸⁰⁴ Brockerhoff K. Auf dem Weg ins Dritte Reich // Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit; Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933 / Hrsg. von Jürgen Kleindienst. Berlin: Zeitgut Verlag, 2004. S. 330 – 353.

⁸⁰⁵ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 149.

⁸⁰⁶ Савченко Т.К. «Дни русской культуры» в Русском Зарубежье 1920-х гг. // Русский язык за рубежом. 2011. № 5 (228). С. 89 – 92.

⁸⁰⁷ Сколько русских в Берлине? // Руль. 1921. 30 января.

⁸⁰⁸ Хроника // Руль. 1921. 6 февраля.

университетах числилось 639 русских, больше всего – в Берлинском университете⁸⁰⁹. Какое количество молодых эмигрантов обучалось ещё и в техникумах, институтах и специальных учебных заведениях, трудно сказать. Изредка о них сообщали газеты. Так, «Руль» отмечал выступления на берлинской сцене русских учениц консерватории – Раисы Каминской, Елены Лаутман, Ольги Дараган и других. Работали они вместе с немецкими артистами. Валерия Кесслер окончила Шарлоттенбургскую техническую школу по специальности инженера-химика, стала ассистентом кафедры физической химии, подготовила докторскую диссертацию (из-за трагического случая её жизнь оборвалась в 1927 г., но карьера обещала быть блестящей)⁸¹⁰. Молодое поколение, судя по всему, вообще активнее завязывало личные и деловые отношения с немцами. Союз российских студентов даже открыл для немцев курсы русского языка, на которые за два дня записалось более ста человек⁸¹¹, а также привлекал на свои благотворительные вечера немецких артистов.

В зимнем семестре 1923-24 гг. русских студентов вернулось к занятиям примерно в два раза меньше, чем в предшествующем, - лишь около трёхсот. Остальные на фоне обострения экономического кризиса закончили учебу, ушли на заработки или перебрались в другие страны (большая часть). Как вспоминал живший в то время в Берлине Н.Н. Чебышев, «студент-техник для того, чтобы заработать деньги на покупку листа чертёжной бумаги, шёл вечером прислуживать в ресторане»⁸¹², а учебники покупали в складчину⁸¹³. Долго терпеть такое положение могли, очевидно, не все. Существенно уменьшилась поддержка студентов в Берлине со стороны Земгора, Русского Красного Креста и других благотворителей. В частности, уехало более сотни стипендиатов проф. Уиттмора, который решил покинуть Германию и спонсировать студентов уже во Франции⁸¹⁴.

Тем не менее, предположительно, несколько сотен русских всё же получили в 1920-е годы среднее специальное и высшее образование в Берлине. Для тех выпускников, дальнейшая судьба которых зафиксирована источниками, оно стало начальным этапом карьеры. Одна из эмигрантских газет писала в 1921 г.: «Русские студенты почти полностью готовят себя для таких профессий, которые сулят им экономическую прибыль, т.е. они изучают технические специальности, политэкономия или коммерческие дисциплины»⁸¹⁵. Молодой казачий офицер Григорий Чеботарев закончил Берлинскую Высшую техническую

⁸⁰⁹ Хроника // Руль. 1921. 3 марта.

⁸¹⁰ Незабываемые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. А – Г. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 18.03.2020).

⁸¹¹ Хроника // Руль. 1921. 25 мая.

⁸¹² Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 26 мая.

⁸¹³ Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. 18 марта.

⁸¹⁴ Чеботарев Г. Правда о России... С. 355; Русское студенчество в Германии // Руль. 1925. 11 января.

⁸¹⁵ Цит. по: Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы) // Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы... С. 154.

школу (Technische Hochschule Berlin), пользуясь стипендией YMCA и подрабатывая уроками английского и на стройке. Когда стипендия закончилась, он решил так или иначе завершить обучения и вёл «полуголодное существование», жил в крошечной неотапливаемой комнатке. Диплом инженера, полученный в 1925 года, вполне себя оправдал. Чеботарев работал инженером в Берлине и Бремене на немецкие фирмы, пока не покинул Германию в 1929 году⁸¹⁶. В дальнейшем он осел в США, продолжил изучать инженерное дело и стал профессором Принстонского университета. Софья Куломзина (Шидловская) поступила на историческое отделение философского факультета Берлинского университета, а её брат Юрий – в сельскохозяйственный институт. Если Софья училась «для души», то Юрий стал агрономом и уехал затем работать в Бельгийское Конго, где квалифицированным европейцам предлагали неплохой заработок. Учившийся с Софьей историк Сергей Якобсон стал впоследствии заведующим русского отдела Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне⁸¹⁷. Николай Набоков, двоюродный брат писателя, учился музыке в Штутгарте и Берлине до 1923 г. и стал композитором (более известным теперь в Америке, чем в России)⁸¹⁸. В США сделала карьеру и Вера Семёновна Ефрон – выпускница немецкой берлинской гимназии. В 1932 году она получила в США магистерскую степень, затем работала в Йельском университете и университете Ратгерс⁸¹⁹. Встречались и эмигранты, связывавшие свою академическую карьеру с Германией. Поэтесса Раиса Блох закончила в 1927 г. историческое отделение философского факультета Берлинского университета, защитила диссертацию по теме «Политика Льва IX в отношении монастырей в Германии, Бургундии и Италии». Затем Блох работала в Институте медиевистики в проекте “Monumenta Historica Germaniae”, занималась изданием германских исторических документов⁸²⁰. Немецкоязычным историком стал и выпускник Берлинского ун-та Игорь Смолич, исследователь русской церкви в XVIII-XIX вв⁸²¹.

К сожалению, из-за скромных средств студенческих союзов не все их члены получали стипендии или помощь в имматрикуляции; в 1924 году самое крупное студенческое объединение – Союз российских студентов – вынуждено было закрыться⁸²², что не могло не снизить доступ молодых эмигрантов к важнейшему социальному лифту.

⁸¹⁶ Чеботарев Г. Правда о России... С. 352 – 357.

⁸¹⁷ Куломзина С.С. Миры за мирами... С. 89-91, 113.

⁸¹⁸ Набоков Н. Багаж. Мемуары. С. 146.

⁸¹⁹ [Ефрон В.С. Воспоминания] // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. А-48. Л. 3.

⁸²⁰ Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. С. 266 – 267.

⁸²¹ Незабываемые могилы. [Электронный ресурс]: Т.1. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/20.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 19.12.2020).

⁸²² Usakov A.I. Op. cit. S. 135.

Нехватка денег, постоянная и общая проблема русских организаций, периодически обострялась. Лидеры союзов регулярно жаловались на недостаточную отзывчивость состоятельных эмигрантов и на масштабы нужды. Хуже всего им пришлось примерно в 1923-25 гг. В этот кризисный период благотворители чаще отказывали просителям. Найти стабильный и предсказуемый источник доходов общественным организациям, как правило, не удавалось, каждый год казна пополнялась по-разному. Кроме коммерческих проектов, выдвигались и идеи специального налога на эмигрантов. Так, сенатор А.А. Римский-Корсаков в 1921 г. предлагал взимать с каждого беженца по 1 марке в месяц в пользу благотворителей, чтобы таким образом «поставить дело помощи на широкую ногу»⁸²³. Но этот замысел то ли не дошёл до германских властей, то ли не заинтересовал их ввиду проблематичности его реализации.

Ещё больше препятствовали отзывчивости в русской колонии и делу благотворительности позорные (и так и не опровергнутые) слухи и статьи в газетах о кумовстве и больших растратах в ряде организаций (Земгор и Красный Крест), возглавляемых монархистами. В 1921 году газета «Время» называла имена причастных, в том числе того же А.А. Римского-Корсакова, В.Ф. Шлиппе, А.М. Масленникова, А.В. Бельгарда, графиню Мусину-Пушкину, князя А. Ширинского-Шихматова, полковника Бибикова, генерала Николаева и других благородных господ офицеров и князей, членов берлинского Высшего монархического совета, которые получали немалые пособия как якобы нуждающиеся и «по всякому поводу»⁸²⁴. Некрасивые денежные истории отразились и в эмигрантской художественной прозе. В набоковском «Даре» главный персонаж посещает Общество русских литераторов в Германии», в правлении которого не осталось уже почти людей, имеющих отношение к литературе. Зато казначей и товарищ председателя прослыли мошенниками и устроили «неприличную историю с кассой Союза», расходовавшейся до странности непрозрачно. Всё закончилось скандалом и оскорблениями на собрании Общества⁸²⁵.

Из-за недостатка финансовых ресурсов многие идеи, о которых сообщала пресса до середины 1923 г., остались лишь планами и газетными заметками. Так, в марте 1923 г. появился проект русских промышленников и коммерсантов, которые пытались решить жилищный вопрос, построив в Берлине свой многоквартирный дом (на 32 квартиры по 4-6 комнат). Для этой цели они учредили «Акционерное Общество Квартировладения» и

⁸²³ Левин С.И. Что делать русской эмиграции? // Голос эмигранта. 1921. 20 апреля.

⁸²⁴ Маленькая хроника; Белые комиссариаты // Время. 1921. 31 октября; Русские офицеры в эмиграции // Время. 1922. 27 марта.

⁸²⁵ Набоков В.В. Дар: роман. С. 325.

приобрели в Шарлоттенбурге участок земли⁸²⁶. Дом, судя по всему, не удалось построить из-за катастрофического развития германской экономики и кризиса русской колонии; в дальнейшем об этом проекте никто не сообщал – молчали и газеты, и другие источники.

Русские беженцы, столкнувшиеся в Германии с нуждой, получали помощь не только от соотечественников. Помогали и международные организации, и отдельные немцы - врачи участвовали в организации помощи детям⁸²⁷, артисты выступали на благотворительных концертах⁸²⁸, немецкие предприятия жертвовали деньги Комитету помощи русским детям⁸²⁹. Бездомные могли посещать немецкие ночлежные дома. В некоторых случаях помощь оказывали немецкие благотворительные объединения. Так, Союз германских инвалидов Первой мировой войны помогал Союзу русских увечных воинов в Германии – немецкие ветераны не только посещали русские мероприятия, но и, в частности, помогли закупить кровати, матрацы, подушки, посуду и другие бытовые предметы для общежития в Тегеле, а также купить обмундирование, подыскать и арендовать здание для папиросной фабрики на 12 помещений, а также большой фруктовый сад в 300 деревьев.

Чаще всего иностранная поддержка носила не систематический характер, и на неё нельзя было рассчитывать как на гарантию завтрашнего дня. Обычно помощь носила временный или однократный характер. Так, в 1921 г. американское общество квакеров через Русский Красный Крест помогало нуждавшимся русским детям: предоставляло им бесплатные обеды и ужины, помогало эмигрантам подыскать работу; Датский Красный Крест передал Русскому несколько ящиков одежды и обуви⁸³⁰. Значительную сумму пожертвовала русским эмигрантам Берлина католическая церковь. Папа Римский Бенедикт XV передал в 1921 году Комитету помощи русским детям в Германии 559 тыс. марок; ещё почти 55 тыс. марок Папское бюро помощи (Päpstliche Hilfswerk) пожертвовало эмигрантам в 1928 г., из них большая часть досталась Российскому обществу Красного Креста и Русской Амбулатории в Берлине⁸³¹.

Довольно скромные масштабы имела в 1920-е годы непосредственная помощь Лиги Наций и её Верховного комиссара по делам беженцев – Ф. Нансена. Изначально Лига ставила себе следующие задачи в отношении русских беженцев: 1) регистрация их во всех

⁸²⁶ О-во русских квартировладельцев // Руль. 1923. 13 марта.

⁸²⁷ Хроника // Руль. 1921. 6 сентября; Хроника // Руль. 1921. 20 октября.

⁸²⁸ См., напр.: В Союзе инвалидов // Руль. 1922. 28 марта; Театр и музыка // Руль. 1920. 30 ноября.

⁸²⁹ Отчёт о деятельности Комитета Помощи Русским Детям // Руль. 1925. 15 февраля.

⁸³⁰ Хроника // Руль. 1921. 22 февраля; Хроника // Руль. 1921. 31 августа; Хроника // Руль. 1921. 15 февраля.

⁸³¹ Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919 - 1929. S. 18 – 19.

странах мира; 2) трудовая помощь путём обеспечения им права на труд в разных странах на равных основаниях с местным населением; 3) достижение права беженцев на свободное передвижение из одной страны в другую, снабжение необходимым документами⁸³². В действительности, в ряде случаев представитель Лиги в Германии М. Шлезингер содействовал русским благотворителям (например, в поиске помещения для общежития Общества помощи), но более или менее значимых результатов в Германии Лига достигла лишь в вопросе паспортизации (так называемый «нансеновский паспорт» можно было продлевать раз в год, то есть в четыре раза реже немецких персональаусвайсов для иностранцев). В первой половине 1930-х годов Лига наций более активно субсидировала гуманитарные проекты эмигрантов, в частности, с 1932 г. поддерживала Русскую Амбулаторию – благодаря этому клиника обновила инвентарь и переехала в более приспособленное помещение⁸³³.

Более существенными оказались усилия германского Красного Креста, в котором осенью 1921 г. появился даже отдел по делам русских эмигрантов: там консультировали по паспортным, налоговым и прочим вопросам⁸³⁴. Отдел помощи русским беженцам собирал пожертвования, раздавал собственный небольшой запас одежды и обуви⁸³⁵, устроил благотворительный концерт в апреле 1922 г.⁸³⁶, организовывал рождественские ёлки для русских детей, дарил ткань, продукты, одежду⁸³⁷. В 1924 г. он оказал денежную помощь 19 русским студентам⁸³⁸. На средства Германского Красного Креста и Лиги наций в Темпельхофе работало также небольшое общежитие для русских, грузинских и украинских студентов (около ста человек в комнатах по 2-3 студента)⁸³⁹. Но для более серьёзной помощи русским у германского Красного Креста не хватало средств, так как в приоритете в то время было спасение немецких граждан от кризиса⁸⁴⁰.

Больше других иностранных организаций в 1921 – 1923 гг. помогала русским беженцам в Европе Американская ассоциация христианской молодежи (YMCA – Young Men's Christian Assosiation). Одно из заграничных отделений этой основанной в середине XIX в. ассоциации находилось в Берлине и состояло из 11 человек (П. Андерсон, Д. Лоури, Д. Сомервиль и др.⁸⁴¹). Существовала организация на частные пожертвования и целью

⁸³² В земско-городском комитете // Руль. 1921. 16 ноября.

⁸³³ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). С 1254 / 169.2. Ед. хр. Доклад о финансовом положении амбулатории РОКК в Берлине. Л. 1-2.

⁸³⁴ Хроника // Руль. 1921. 6 октября.

⁸³⁵ Хроника // Руль. 1921. 16 октября.

⁸³⁶ Хроника // Руль. 1922. 23 апреля.

⁸³⁷ В Берлине // Руль. 1923. 5 января.

⁸³⁸ Русское студенчество в Германии // Руль. 1925. 11 января.

⁸³⁹ Общежитие для студентов // Дни. 1922. 16 декабря.

⁸⁴⁰ Ор. Бор. Защита русских эмигрантов // Руль. 1923. 25 марта.

⁸⁴¹ Куломзина С.С. Миры за мирами... С. 65.

своей ставила пропаганду высших христианских идеалов. YMCA ещё во время Первой мировой войны помогала русским пленным⁸⁴². Американцы стремились в первую очередь оказать помощь детям и учащейся молодёжи. При содействии YMCA в лагере Вюнсдорф под Берлином открылся «Русский политехникум» с полуторагодовым курсом (работал до октября 1923 г.). На деньги американских благотворителей была куплена вся необходимая техника. Преподавали ученикам на русском языке. На базе техникума беженцы создали кооперативные артели и начали выполнять частные заказы (электромеханическая, деревообделочная, сельскохозяйственная и художественно-кустарная артели, типография «Печатное искусство»). В техникуме преподавали электрики, мастера отделочных работ, механики, автослесари, мебельные мастера, агрономы и переплётчики, чертёжники и геодезисты, переводчики⁸⁴³.

Эмигранты-студенты тоже получили свою долю заботы. В 1921 году YMCA сняла в Берлине помещение кафе «Аббация», в котором вместе с Союзом российских студентов американцы устроили курсы немецкого языка для русских эмигрантов⁸⁴⁴. В помещениях YMCA проводили свои мероприятия русские студенты. Союз христианской молодежи помогал устраиваться на работу и на учёбу в университеты. Но самой ценной помощью стали стипендии. В осеннем семестре 1921 года YMCA решила выдать 460 стипендий студентам в Германии. Они были распределены через Союз российских студентов (100 стипендий), Русский Студенческий Союз (около 75), Союз украинских студентов (50) и другие организации⁸⁴⁵. Стипендии выплачивались до 1 апреля 1922 г.⁸⁴⁶. Ещё 111 стипендий выдавал в 1923 г. американский археолог и меценат профессор Томас Уиттмор⁸⁴⁷. В январе 1922 г. YMCA организовала курсы наборщиков для русских и украинских студентов, чтобы привлечь их затем на работу в собственную типографию⁸⁴⁸. YMCA помогла также организовать русский спортивный кружок (лёгкая атлетика, теннис, футбол)⁸⁴⁹. В 1923 году международная помощь существенно сократилась.

§ 5.2. Объединение и раскол: политическая рознь как фактор общественной жизни

Эмигрантские союзы периодически объединяли свои усилия – помогали и деньгами, и помещениями для собраний, у кого они были; члены правлений совещались и как-то

⁸⁴² Б.Ш. У.М.С.А. // Голос эмигранта. 1921. 1 октября.

⁸⁴³ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1046. Л. 11; Закрытие Вюнсдорфской технической школы // Руль. 1923. 23 октября.

⁸⁴⁴ Хроника // Руль. 1921. 28 мая.

⁸⁴⁵ Хроника // Руль. 1921. 16 сентября.

⁸⁴⁶ Прекращение помощи студентам // Руль. 1922. 7 апреля.

⁸⁴⁷ Русское студенчество в Германии // Руль. 1925. 11 января.

⁸⁴⁸ Хроника // Руль. 1922. 18 января.

⁸⁴⁹ Русский спортивный кружок // Руль. 1922. 8 июня.

взаимодействовали уже в 1920-1921 гг., участвовали в организации благотворительных акций других союзов. Тогда же появились проекты создания совета русских общественных и благотворительных организаций, который бы представлял всех эмигрантов в вопросах правовой защиты и взаимодействия с правительством Германии и международными организациями.

Организационная комиссия по учреждению Совета русских общественных организаций в Берлине начала работать в июне 1921 г. под председательством Ф.В. Шлиппе. Шагу к объединению способствовало желание германского Красного Креста провести встречи с представителями русских для планирования совместной работы⁸⁵⁰ и назначение Верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев Ф. Нансена. На заседании представителей русских организаций 20 октября 1921 г. было принято решение о необходимости согласования деятельности по общим принципиальным вопросам, прежде всего по вопросу отношений с германским Красным Крестом⁸⁵¹. 3 ноября в квартире В.Д. Набокова собрались представители Общества помощи русским гражданам, Общества русских врачей, союзов литераторов, инженеров, присяжной адвокатуры, русских сценических деятелей, Союза русских евреев, Союза русских увечных воинов, двух студенческих союзов, а также Американского фонда помощи русским литераторам и учёным (всего 11 организаций). Собрание решило создать представительный орган для сотрудничества с германским Красным Крестом: Постоянную комиссию объединённых русских общественных и благотворительных организаций в Германии. В комиссию вошли В.Д. Набоков (председатель), Н.И. Голубев, Б.Л. Гершун, А.И. Лурье, К.П. Рауш фон Траубенберг, С.И. Михин (товарищ председателя)⁸⁵². Собираться условились дважды в месяц и координировать свою деятельность.

В то же время по инициативе бывшего сенатора А.А. Римского-Корсакова возник другой центр объединения, промонархический (в противовес пролиберальному набоковскому): Союз взаимопомощи бывших русских офицеров армии и флота, ЦБРА, Русское общественное собрание, Русский комитет, Русское благотворительное общество, Русский приходской совет, Союз русской национальной молодежи, Союз владельцев недвижимых имуществ в России, Балтийский Красный Крест, Белорусская миссия, Кустарный отдел, Русский комитет в Баварии. Русская миссия Красного Креста, Земгор и Русская Делегация С.Д. Боткина остались в стороне⁸⁵³.

⁸⁵⁰ Хроника // Руль. 1921. 9 октября.

⁸⁵¹ Общественные организации и германский Красный Крест // Руль. 1921. 21 октября.

⁸⁵² Объединение русских общественных организаций // Руль. 1921. 5 ноября.

⁸⁵³ [Справка по вопросу о возникновении объединённого представительства общественных организаций в Германии] //

В январе 1922 года все эти организации под руководством В.Д. Набокова и А.А. Римского-Корсакова учредили «Совет Объединённых русских учреждений и общественных организаций в Германии» из своих представителей. Среди его лидеров были С. Боткин, Ф. Шлиппе, В. Набоков, А. Римский-Корсаков⁸⁵⁴. Совет на своих заседаниях обсуждал желательные меры и возможные способы взаимопомощи. В целом, формальное объединение состоялось – к 1925 г. в едином Совещании русских общественных организаций всё ещё состояли представители 40 русских союзов, то есть практически всех неполитических объединений⁸⁵⁵. Потребность в единых действиях к тому моменту возникала уже нечасто, свидетельство чему – редкие сообщения о Совещании в прессе; деятельность его сошла на нет во второй половине 1920-х гг. Но и в первой половине 1920-х гг. Совет (а затем Совещание) активной деятельности почти не вёл, а ограничивался редкими совместными мероприятиями вроде Дней русской культуры. Практически вся плодотворная работа, связанная с гуманитарной помощью, сосредотачивалась не в Совете, а в самих союзах.

Полноценной и регулярной работе сообще мешали политические мотивы (несмотря на то, что почти все благотворительные и общественные организации заявляли о своей принципиальной аполитичности). По воспоминания И.В. Гессена, Совет русских организаций раскололся на два объединения: одно – дворянское, реставрационное, другое – разночинное, либеральное. Каждое из них старалось избрать в Совет больше своих представителей, число которых зависело от числа организаций в Совете, ради чего плодились новые, но безжизненные союзы. Гессен вспоминал об атмосфере на заседаниях Совета, не способствующей эффективному сотрудничеству: «...с каким тяжёлым чувством я всегда отправлялся на заседания “центра”, наперёд твёрдо зная, что, о чём бы ни зашёл разговор, какой бы вопрос ни был на очереди, ничего, кроме глухой вражды, ядовитых намёков и пустого упрямства не встречу. Темы заседаний большей частью, прямо или косвенно, связаны были с оценкой происходящих в России событий, и основное расхождение таилось в злобном нежелании отделить в этой оценке большевиков от родины. В постоянных спорах и перекорах центральный орган как-то незаметно растаял и фактически перестал существовать»⁸⁵⁶.

Сложившаяся в Совете ситуация имела предпосылкой глубокую политическую рознь, наблюдавшуюся в эмиграции в Берлине, Париже и других её центрах. Вера в падение

ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 143. Л. 3.

⁸⁵⁴ Обращение Совета Объединённых Русских Учреждений и общественных организаций в Германии // Руль, 1922. 9 февраля.

⁸⁵⁵ Хроника // Руль. 1925. 4 марта.

⁸⁵⁶ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 77 – 78.

советского государства и надежды на возвращение подпитывали политическую активность эмиграции и политизированность вообще. В контексте процессов адаптации это явление с самого начала представляло проблему. Раскол, «политическая раздробленность» – беда, которую русские беженцы унесли с собой из общественной жизни пореволюционной России. Как сетовал Дон-Аминадо в конце 1920-х годов, эмигранты «обалдевали от способов спасения Руси»⁸⁵⁷ много лет. Разнообразные политические группировки постоянно заявляли о необходимости объединения под предлогом борьбы против большевизма, но всякий наблюдатель легко мог заметить, что объединение невозможно, так как каждый эмигрант мог бы основать свою политическую партию, а частные пристрастия были явно сильнее общей ненависти к большевикам.

Раскол из-за разного отношения к политическим целям препятствовал реализации множества коллективных инициатив. Конфликты раскололи эмигрантскую православную церковь и другие неполитические организации. До изнеможения спорили обо всём – о виновниках революции и поражения в войне, об интервенции, методах и необходимости борьбы, о вине евреев и т.д. Монархисты и либералы, меньшевики и эсеры, кирилловцы и николаевцы, «непримиримые» и «сменовеховцы», белые и их критики, сионисты и антисемиты... Взаимная критика и обвинения не прекращались. Судя по всему, доминировали в эмигрантской массе монархические воззрения. Теперь непросто судить, насколько – эмигранты, разумеется, не проводили выборов и не создали по-настоящему массовых политических организаций. Лидер кадетов П.Н. Милюков писал (должно быть, с сожалением): «Было принято считать в демократической печати, [что] 85% эмигрантов являются сторонниками монархии и только 15% могут считаться республикански настроенными»⁸⁵⁸. Социализм, анархизм и фашизм популярностью не пользовались.

В Германии самыми непримиримыми группами стали либералы и монархисты, причём последние отличались откровенно враждебным и нетерпимым отношением к своим оппонентам. Характерное высказывание сделал в 1921 году член Высшего Монархического Совета митрополит Антоний, по идее, обязанный проповедовать христианскую любовь и прощение: священнослужитель заявил в беседе о лидере монархистов Маркове Втором: «Я благословляю каждого, кто выпустит кишки врагам достойнейшего мужа земли русской Маркова II»⁸⁵⁹. Учитывая столь категорическое неприятие монархистами либеральных

⁸⁵⁷ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь...С. 27.

⁸⁵⁸ Цит. по: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). С. 118.

⁸⁵⁹ «Белые Комиссариаты» // Время. 1921. 31 октября.

политиков, остаётся удивляться, что в «Русском Берлине» произошло всего одно тяжкое преступление, мотивированное политически (убийство В.Д. Набокова).

Обвинение, брошенное убийцами Набокова либералам, характерно для политических склок эмиграции: разногласия нередко сводились к спорам о том, кто сыграл или играет на руку советской власти. До Второй мировой войны абсолютно непримиримая позиция в отношении СССР оставалась доминирующей (это едва ли не единственное, что объединяло монархистов и кадетов). Всех симпатизирующих большевикам или даже просто ищущих в Советской России положительные стороны «непримиримые» называли «большевизанствующими». Те, кто приехал из России на время или был выслан, попадали под подозрение в связи с чекистами. В одном из берлинских писем 1922 года Сергей Есенин писал: «Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или агитатор». (...) Чёрт возьми, за пять лет в эмиграции все стали червивыми. Кто живёт в могиле, воняет падалью»⁸⁶⁰. Но если Есенин громко заявлял о своей любви к революции, то интеллигенция, высланная в том же году из Советской России на «философских пароходах» - нет, и тем не менее тоже пережила прохладную встречу. Н.И. Бердяев вспоминал о первых днях пребывания в Берлине: «Первое тяжёлое впечатление у меня было связано со столкновениями с эмиграцией. Большая часть эмиграции встретила группу высланных подозрительно и недоброжелательно. Были даже такие, которые позволяли себе говорить, что это не высланные, а подсланные для разложения эмиграции»⁸⁶¹.

К самим большевикам непримиримая часть эмиграции испытывала ненависть, затмевающую все иные чувства. Ф.И. Степун называл это «эмигрантщиной» - недугом, поразившим многих русских за рубежом: неисцелимую душевную травму, причинённую революцией и страданиями в России⁸⁶². Это чувство ярко проявилось в 1921 г., когда произошёл очередной раскол – на сей раз по вопросу о помощи голодающим в России: одни выступали за необходимость помощи независимо от того, кто правит Россией, другие видели в помощи голодающим помощь советскому режиму, для которого голод, вне всякого сомнения, нёс политические риски. К.Н. Гулькевич в конце 1921 г. писал, как «у очень милых людей, семья чистый хрусталь, христианству и любви к ближнему приносились ранее большие жертвы, слышал такие слова, не веря своим ушам: “Раз голод причинили большевики, то помогать нельзя. Всё равно положение не переменится, пока большевики будут у власти. Пускай лучше голодающие помрут скорее, большевики погибнут с ними, по крайней [мере] не будет новых жертв в будущем”». Гулькевич называл

⁸⁶⁰ Цит. по: Kopelew L. Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts. S. 62.

⁸⁶¹ Цит. по: Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутривосточной борьбы начала 1920-х годов... С. 93.

⁸⁶² Осоргин М. Времена: Автобиографическое повествование и рассказы. Пермь: Книжная площадь, 2009. С. 18.

таких русских «заядлыми эмигрантами», которые «хотят, чтобы все 30 миллионов погибли, лишь бы можно было обвинять большевиков в последствиях голода, в их внутренней политике. Эти люди прямо чудовищны...»⁸⁶³. Ф. Степун и Л. Лунц вспоминали, как любое упоминание о чем-то хорошем, происходящем в Советской России (даже если это хорошее никак не было связано с большевиками) воспринималось с враждебным недоверием, а говорящий немедленно получал ярлык коммуниста⁸⁶⁴. Неудивительно, что обвинения в склонности к большевизму, в левизне и тому подобном подрывали договороспособность эмигрантов, даже когда речь шла о благотворительных проектах.

Эта ситуация приводила к тому, что эмигранты, обладавшие политическим весом и доступом к газетам, способные интегрировать русское сообщество за границей для решения бытовых задач и способствования адаптации, не реализовывали этот потенциал. Активный участник общественной жизни Русского Берлина И.В. Гессен сетовал, что даже «после всего пережитого мы [эмигранты – К.К.] не можем уйти дальше отвратительной полемики, интриг, споров и бессодержательных резолюций, давно набивших оскомину»⁸⁶⁵.

О том же в 1921 г. писала газета «Голос эмигранта»: «Состав русской эмиграции почти так же разнообразен, как и состав населения России. В ней представлены те же течения и направления, как и там. В России между людьми, постигнутыми теперь тягостями изгнания, было мало общего. Мало общего между ними и теперь. Отдельные слои и группы не только не сливаются в одно русло, но, наоборот, как будто отталкиваются друг от друга. Многие из старых перегородок потеряли всякий смысл, но они остаются не то по привычке, не то по недоразумению» (...) «А одного пребывания в изгнании ещё недостаточно, чтобы создать новую связь между ними»⁸⁶⁶. По этой причине политические склоки спорадически возникали даже в благотворительных организациях (на словах подчёркнуто аполитичных, а на деле разделённых на дворянско-монархические и либерально-интеллигентские), что сильно мешало их эффективности.

Злословие и склонность к интригам, особенно рядом с деньгами (даже небольшими), отмечали многие эмигранты. Это явление неоднократно описывали литераторы. Прошло всего 2-3 года после исхода из России, и острая критика морального состояния эмиграции стала заметной темой. В 1923 г. Р. Гуль опубликовал яркую в этом отношении повесть «В рассеянии сущие», мрачную по настроению. Она отразила его наблюдения за падением

⁸⁶³ Гулькевич К.Н. Письма к Олафу Броку, 1916 – 1923. С. 244 – 245, 250, 257.

⁸⁶⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. URL: <http://ido-rags.ru/?p=2490> (дата обращения: 14.05.2020); Лунц Л. Путешествие на больничной койке // Лунц Л. «Обезьяны идут!»... С. 72.

⁸⁶⁵ НИА. В.I.Nicolaevsky collection. Series No. 113. Box. 181. Folder 181- 3. Hessen Iosif V., "Vospominaniia" Vol. 2. P. 171.

⁸⁶⁶ Ш.П. Пути эмиграции // Голос эмигранта. 1921. 20 апреля.

духа эмиграции, лишённой живых объединяющих целей и идей. В результате автор и его герои чувствуют нежелание оставаться в Германии и неприятие «хреновой жизни с немцами»⁸⁶⁷. Знакомая писателя и его рецензентка Нина Петровская считала, что «стихия распада горестно вдохновила Романа Гуля к созиданию безутешных страниц “В рассеянии сущих”». Это топтанье на месте, жизнь, построенную на подменах, самообманах, процессы внутреннего разложения, вырождения, это умирание души на распутье чужих дорог, - всю эту неизлечимую моральную язву, поразившую часть русского общества, - Роман Гуль живописует с отчаянием и тоской»⁸⁶⁸. Похожее ощущение «топтанья на месте», бесцельности эмигрантской жизни в Берлине испытывал и В. Шкловский, в том же 1923 г. он писал, что беженцы стали «сидельцами»: «Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы. Никакой тяги»; у эмиграции «не бьётся сердце. [...] Мы заряжены в России, а здесь только крутимся, крутимся и скоро станем»⁸⁶⁹.

Ещё раньше, в 1922 г., резко критически высказывался об эмиграции другой эмигрантский писатель – Иван Наживин. Наживин наблюдал жизнь «русского Берлина» и изобличал мифотворчество эмигрантов, изображавших себя «солью России», носителями истинной национальной культуры, занятых решительной борьбой против большевизма. На деле – считал Наживин – «эмиграция сумела только перессориться до стрельбы один по другому, а на вершине её достижений красуется Ярб⁸⁷⁰ с цыганским хором»; «эмигрантская же жизнь наводит страшное уныние на человека, - прежде всего своим страшным идейным не только уже разбродом, но каким-то даже уже разложением: все поделились на десятки всяких партий, секций, подсекций, бессильных, жалких, запутавшихся, и никто ясно в грядущем не видит ничего. Эфемерные газетки то и дело открываются и закрываются»⁸⁷¹.

Даже десять лет спустя ни в Берлине, ни где бы то ни было ещё в эмиграции раскол и интриганство преодолеть не удалось. В 1928 г. анонимный журналист писал, что по-прежнему «самая острая тема» среди эмигрантов – это «газетная междуусобица», «ругань, дошедшая до невероятных пределов» и неприличия⁸⁷². Герой романа Р.Г. Баталина «Петербург на Виттенбергплатц» господин Бобров давал неутешительный прогноз: «Эмигранты неспособны объединиться. Их вожди бранятся как старые бабы. Но жизнь не ждёт. Через десять лет от эмиграции ничего не останется»; о прожектах военной эмиграции Бобров также высказывался с иронией: «Всё бессмысленно. На одного солдата приходится

⁸⁶⁷ Гуль, Р.Б. В рассеянии сущие. С. 28.

⁸⁶⁸ Цит. по: Коростелев О.А. От Адамовича до Цветасвой... С. 248.

⁸⁶⁹ Шкловский В. ЗОО или Письма не о любви. С. 217, 245.

⁸⁷⁰ Русский эмигрантский ресторан с тем же названием, что знаменитый московский ресторан.

⁸⁷¹ Наживин И. Среди потухших маяков... С. 226 – 227.

⁸⁷² Наблюдатель. Дни эмигрантские // Руль. 1928. 29 января.

7 полковников, 14 полковниц и 28 интриг»⁸⁷³. Эти пессимистичные мысли пессимистичного по духу произведения были разлиты в воздухе эмиграции, основные надежды которой, питавшие её в начале 1920-х гг., оказались бесплодными.

В процессе адаптации политические предпочтения эмигрантов были балластом. Видя систематическую неспособность ведущих кругов эмиграции договориться друг с другом даже по неполитическим вопросам, беженцы теряли веру в эффективность их работы. Раскол проявился в беженских организациях практически сразу после их появления. Из-за политики распался в 1921 году на две, а затем и на три организации Союз российских студентов, часть членов которого настаивала на необходимости публично заявить о неприятии советской власти. В сущности, скандал вспыхнул из-за политической декларации. Признание или непризнание власти к практическим задачам студенчества в Германии никакого отношения не имело, но вышедшая из Союза группа «непризнания» требовала категорически⁸⁷⁴. В результате раскола нескольким сотням студентов пришлось заново искать возможность получать дешёвые обеды, стипендии, трудовую и иную помощь; тем не менее в 1923 г. деятельность нового союза (Союз русских студентов) сошла на нет⁸⁷⁵.

Даже у искренне аполитично настроенного правления Общества помощи русским гражданам в Берлине появились влияющие на чисто гуманитарную работу предпочтения, корень которых – самосознание эмиграции, её убежденность в своей миссии: переждать и после падения большевизма вернуться в Россию для строительства нового государства и общества. Правление Общества открыто заявляло, что следует своеобразному принципу сортировки: «Помощь старым и слабым осуществляется, но в меньшей степени, ибо стремление общества помочь интеллигентам – здоровым, сильным, способным быть полезным своей измученной родине»⁸⁷⁶. Правда, справедливости ради, почти никому из просителей не отказывали, когда были хоть какие-то средства для помощи⁸⁷⁷.

Политические предпочтения мешали и Земгору – тот отказывался поощрять стипендиями студентов, чей принцип аполитичности зашёл «настолько далеко, что даже препятствует [тому, чтобы] занять определённую позицию по отношению к советской власти...»⁸⁷⁸. Так Союз российских студентов лишился поддержки Земгора «из российских

⁸⁷³ Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. S. 72; 75.

⁸⁷⁴ Ор. Бор. За кулисами студенческого раскола // Голос эмигранта. 1921. 5 сентября.

⁸⁷⁵ В союзе русских студентов // Руль. 1923. 30 января.

⁸⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

⁸⁷⁷ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 4. Протоколы заседаний комитета «по оказанию помощи» белоэмигрантам, находящимся в Германии. Л. 1-13.

⁸⁷⁸ Прекращение субсидий союзу российских студентов // Руль. 1921. 13 августа.

государственных средств». Это не единственный случай, когда Земгор, располагавший значительным влиянием и деньгами, показал себя как организация, ревниво следившая за политической лояльностью тех, кому он адресовывал свою помощь – претендент на стипендию должен был отличаться непримиримым антибольшевизмом и обязательно неучастием в просоветских изданиях (прежде всего, в сменовеховской газете «Накануне»)⁸⁷⁹. Из-за «Накануне» раскол произошёл и в Союзе русских журналистов и литераторов в Германии: в 1922 г. Союз исключил из своих рядов всех сотрудников «Накануне»⁸⁸⁰.

Политические разногласия чуть не стубили и маленькое Общество русских инженеров, фактически на год парализовав его деятельность. В 1922 году Общество разбилось на группы, обвинявшие друг друга в склонности к большевизму, в правизне и левизне. В результате единственным крупным достижением объединения за это время стало прекращение этих склок после избрания нового состава правления⁸⁸¹.

Даже когда речь шла о здоровье и жизни человека, политическая вражда не забывалась. Особенно непримиримо относились к тем, кто был в прошлом как-то связан с большевиками. Так, в 1922 г. Союз русских увечных воинов в Берлине сначала взял на себя содержание в больнице инвалида Ивана Головача, но когда в правлении Союза узнали, что он в прошлом был красноармейцем-добровольцем, то отказались ему помогать⁸⁸².

Однако не только политическая непримиримость эмигрантов мешала им объединиться в деле оказания помощи неимущим беженцам. Судя по всему, эмигранты на деле не видели серьёзной необходимости в объединении разных союзов. Международная помощь оказалась не столь велика, чтобы совет всех организаций выстраивал с ними активное и масштабное сотрудничество, а другой практической основы для работы совета не было. Не помогли и попытки придать совету политическое значение. Когда такое учреждение планировали создать в 1921 году, один из его главных инициаторов – В.Ф. Шлиппе – говорил, что совет нужен, чтобы подготовиться к падению большевиков: «Все русские организации должны будут тогда объединёнными силами выступить на борьбу с анархией, которая может придти на смену советскому режиму»⁸⁸³. Столь абстрактная и отдалённая цель не могла реально сплотить эмигрантские организации в какую-либо

⁸⁷⁹ Родионова Н.А. Эмигрантская повседневность выпускников Шуменской гимназии сквозь замочную скважину частной переписки: архивные находки // Нансеновские чтения 2010. С. 299.

⁸⁸⁰ Исключение сотрудников «Накануне» из союза журналистов // Рувль. 1922. 1 июня.

⁸⁸¹ Отчёт правления Общества русских инженеров в Германии за 1923-24 гг. // ГАРФ. Ф. 5835. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 7; В союзе русских инженеров // Рувль. 1922. 16 марта.

⁸⁸² [Письмо Союза русских увечных воинов в Германии в Земгор, 30 ноября 1922 г.] // ГАРФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁸⁸³ Левин С.И. Русский Совет в Берлине // Голос эмигранта. 1921. 1 июня. № 2.

общую формальную структуру. К тому же, когда Русский Берлин стал быстро пустеть, перед благотворителями встали гораздо более насущные проблемы – пустая казна союзов и обществ.

Несмотря на все противоречия один эффективный объединяющий институт в эмиграции все же сложился: это периодическая печать. Пресса сыграла в крупнейших центрах эмиграции огромную интегрирующую и гуманитарную роль и объединяла усилия бывших российских подданных в деле защиты их прав и интересов лучше, чем совет организаций. Особое место в этом ряду занимает ежедневная газета «Руль» (1920 – 1931): почти в каждом номере помимо обыкновенной газетной колумнистики и полемики, политических и литературных обзоров, читатель находил разделы «Хроника» и «В Берлине» с сообщениями о сборе пожертвований в пользу различных русских обществ и союзов (пожертвования можно было передать через редакцию «Руля»), анонсами благотворительных вечеров, новостями из жизни общественных организаций; призывами к сотрудничеству. Помимо этого, «Руль» регулярно размещал отдельные просьбы о помощи и вакансии для беженцев, а также список русских организаций в Берлине с указанием их адресов и телефонов.

В ряде случаев газете удавалось самостоятельно собрать существенные суммы для нуждающихся (уже с первых дней её существования). Так, князю Г.Е. Львову в конце 1920 г. передали через «Руль» 7950 марок от разных жертвователей⁸⁸⁴. Кроме того, читатели часто задавали редакции вопросы (их переадресовывали специалистам, а затем публиковали их ответы) на юридические и налоговые темы, запросы неимущих на работу; газета сообщала об изменениях в политике германского правительства в отношении эмигрантов. Всё это позволяет назвать «Руль» центром и одним из основных интегрирующих институтов эмигрантской общественности в Германии. Следует согласиться с наблюдением историка Марка Хатли, сделавшего вывод, что газета, редакция которой изначально ставила себе политические задачи, в конечном итоге сосредоточилась на конкретных практических вопросах, касающихся эмигрантской жизни, и стала важнейшим институтом диаспоры⁸⁸⁵.

Помимо «Руля» списки лиц, ищущих работу через Общество помощи и другие организации, публиковала газета «Время»⁸⁸⁶, то же делал «Голос России»⁸⁸⁷. Находили

⁸⁸⁴ События дня // Руль. 1920. 9 декабря.

⁸⁸⁵ Hatlie M. Die Zeitung als Zentrum der Emigratons-Öffentlichkeit: Das Beispiel der Zeitung *Rul'* // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. S. 161.

⁸⁸⁶ Предложение труда // Время. 1924. 14 июля.

⁸⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

место для общественно значимой информации «Дни», «Голос эмигранта» и «Русский Берлин». В редких случаях даже зарубежные эмигрантские газеты приходили на помощь берлинской русской колонии. Так, через парижскую газету «Последние новости» пожертвования берлинскому Обществу помощи отправляли эмигранты, устроившиеся рабочими в «Рено»⁸⁸⁸.

Изобилие русских газет в Берлине длилось недолго, как и расцвет самой русской колонии в германской столице. Даже популярная ежедневная газета «Время» закрылась к 1925 г. Единственным долгожителем оказался «Руль». Но и эта газета бешеной популярностью пользовалась лишь в начале 1920-х гг. – тиражи превышали 20 тысяч экземпляров в день. После 1923 г. число читателей резко уменьшилось. Тиражи «Руля» снижались, достигнув в середине 1920-х гг. 7-9 тысяч в день, при этом только около трети распространялось в Берлине – в 1925 г. около 3 тысяч в день⁸⁸⁹, остальные отправлялись подписчикам в другие города и страны Европы, Азии и обеих Америк (всего в 34 государства⁸⁹⁰). Тем не менее заметки и сообщения, чрезвычайно важные для русских жителей Берлина, продолжали публиковаться до последнего дня работы редакции.

К концу 1920-х гг. в эмигрантских газетах Берлина всё меньше публиковалась не только реклама коммерческих предприятий русских, но и сообщения о деятельности русских организаций. Массовый отъезд эмигрантов вызвал их упадок⁸⁹¹. Большая часть «союзов-долгожителей», созданных в 1920-1921 гг., с трудом пережила кризис 1923 г. и продолжила свою деятельность, но к началу 1930-х уже почти не оказывала широкой гуманитарной поддержки нуждающимся (впрочем, упало и их число), а в основном занималась организацией культурного досуга – лекций, концертных и танцевальных вечеров, дней русской культуры... Некоторые из таких мероприятий имели и благотворительную сторону – за вход взималась плата. Союзы стремились развлечь публику. К примеру, Союз русской присяжной адвокатуры устроил однажды импровизированный суд над Родионом Раскольниковым (в ноябре 1925 г.) и собрал 3208 марок, затем выданных в качестве ссуд нуждающимся⁸⁹². В нечто вроде профессиональных клубов (в среднем до двух сотен человек, а некоторые и менее сотни) превратились Союз

⁸⁸⁸ [Переписка о сборе пожертвований] // ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 29. Л. 156.

⁸⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5882. Оп. 1. Д. 6. Таблицы распространения газеты «Руль», составленные фирмой «Ульштейн». Л. 5-22.

⁸⁹⁰ Бочарова З.С. Место «Руля» в ряду эмигрантской прессы 1920-х гг. С. 428.

⁸⁹¹ Williams R.C. Culture in Exile... P. 284.

⁸⁹² Общее собрание адвокатского союза // Руль. 1927. 8 февраля.

инженеров, Союз русских журналистов, Союз русской присяжной адвокатуры, Союз русских студентов и Союз русских врачей.

Союз русских евреев также к началу 1930-х гг. занимался преимущественно устройством встреч и лекций. О положении этого объединения известно больше, чем о других. Уже в 1925 г. Союз мог оказывать благотворительную помощь только благодаря небольшим случайным пожертвованиям и в ограниченных масштабах – тем, кто оказался в особенно сложной ситуации, «кандидатам в самоубийцы», что, по словам Я.Л. Тейтеля, приходили в приёмную Союза⁸⁹³. Положение уже было критическим, несмотря на то что это крупное объединение в 1926 г. состояло из более пятисот человек⁸⁹⁴ и изыскивало помощь немецких и американских евреев (почти все средства собирал лично Тейтель, и меньшую долю он находил в Берлине). Лишь малая часть членов Союза принимала осязаемое участие в работе организации (к примеру, на годовое собрание в 1929 г. пришло лишь около 50 человек). И всё же организация выстояла и даже снова нарастила масштаб помощи. В 1928 г. Союз оказал поддержку просителям более чем в 3 тыс. различных случаях (нужда в пособиях (1373), медицинской помощи (1606), юридических консультациях (435))⁸⁹⁵. Но и этот объём был меньше размаха нужды. Так же минимально необходимыми расходами обходился Союз увечных воинов (более двухсот членов в 1926 г.⁸⁹⁶), собиравший всё меньше пожертвований.

Таким образом, общественные объединения постепенно угасали к рубежу 1920-1930-х гг., и дело было не только в уменьшении Русского Берлина и относительном сокращении нужды, но и в довольно низком интересе эмигрантов к благотворителям вообще. Попытки лидеров русских союзов убедить массы соотечественников, что сегодня они могут быть дающими, а завтра оказаться просящими, и что речь идёт не о чистой филантропии, а о взаимопомощи, едва ли достигали цели.

До начала 1930-х годов дожило лишь несколько крупных общественных организаций⁸⁹⁷: Союз русских увечных воинов, Союз русских евреев (при нём – Детский дом им. Я.Л. Тейтеля (около 30 воспитанников))⁸⁹⁸, Общество помощи русским гражданам в Берлине и его общезжитие, Союз русской присяжной адвокатуры, Союз русских журналистов и литераторов, Союз взаимопомощи офицеров бывшей русской армии и

⁸⁹³ Тейтель Я.Л. Письма в редакцию // Руль. 1926. 3 марта.

⁸⁹⁴ Общее собрание Союза Русских Евреев // Руль. 1926. 9 марта.

⁸⁹⁵ В Союзе Русских Евреев // Руль. 1929. 13 марта.

⁸⁹⁶ У инвалидов // Руль. 1926. 10 марта.

⁸⁹⁷ О двух десятках мелких клубов и политических групп, которые продолжали ещё существовать, источники содержат крайне скудные сведения.

⁸⁹⁸ Детский дом им. Я.Л. Тейтеля // Руль. 1931. 1 марта.

флота, Союз русских сценических деятелей (единственная русская биржа труда), Союз русских инженеров, Русский академический союз и русско-немецкое школьное общество, Амбулатория Русского Красного Креста; продолжали работать русские церкви и школы. Помимо благотворительных и профессиональных, в Русском Берлине в 1930-е гг. продолжали действовать небольшие политические клубы. По данным Иосифа Гессена, в гитлеровское время только «национальных» организаций насчитывалось двадцать две⁸⁹⁹. Впрочем, подобные объединения к 1930-м гг. всерьёз никто не принимал уже много лет, ещё в 1927 г. это подметил В. Деспотули: «Русская общественность заперлась в «передвижную» гостиную, карикатурно старающуюся походить на старые петербургские салоны»⁹⁰⁰.

Так как основной источник об общественной жизни Русского Берлина – газета «Руль» – стала убыточным предприятием и почилла осенью 1931 г., а документы Лиги наций 1930-х гг. отражают лишь небольшие её фрагменты, о дальнейшей судьбе эмигрантских союзов в Германии мы знаем гораздо меньше. В течение 1930-х гг. большинство из них один за другим по разным причинам прекратили своё существование. До закрытия по требованию гестапо в 1935 г. действовал Союз русских евреев, по меньшей мере до 1937 г. работали Русская Амбулатория и РОКК (что отражает их переписка с офисом Лиги наций в Берлине⁹⁰¹). После прихода А. Гитлера к власти продолжала действовать и бывшая Русская Делегация (с 1922 г. и до закрытия в 1936 г. – *Vertrauensstelle für russische Flüchtlinge*), но и её руководство, и деятельность очень быстро сменились в новых политических условиях⁹⁰².

Деятельность наиболее заметных общественных объединений Русского Берлина стала одним из важнейших факторов адаптации эмигрантов: в 1920-1930-е годы (и особенно в первой половине 1920-х) русские берлинцы имели доступ к нескольким видам бесплатной или льготной помощи: правовой, жилищной, медицинской, материальной и трудовой; молодому поколению помогали получить образование. Благотворители сумели не допустить в начале 1920-х гг. гуманитарной катастрофы – реальной перспективы эмигрантского сообщества. Масштаб их работы (помощь ежегодно оказывалась тысячам беднейших беженцев) и её разносторонний характер не позволили множеству нуждающихся оказаться на социальном дне и стать бездомными бродягами: люди получали

⁸⁹⁹ Гессен И.В. Годы изгнания... С. 78.

⁹⁰⁰ Неллин Вл. В русской колонии // Русский Берлин. 1927. № 2.

⁹⁰¹ UN Archives. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). С 1254 / 169.2.

⁹⁰² Чередникова А.Ю. Указ. соч. С. 185.

возможность пережить полное безденежье, трудоустроиться или уехать в другую страну, начать или закончить образование, даже организовать свои малые предприятия.

Известны случаи, когда эмигранты ночевали на вокзалах, в парках или в вагонах метро, а также случаи, когда русский эмигрант попадал в немецкий рабочий дом⁹⁰³. Благотворители предоставляли беженцам в подобной ситуации бесплатный ночлег в общежитиях Общества помощи русским гражданам, в общежитии Союза увечных воинов и общежитии «Союза взаимопомощи офицеров б. российских армии и флота» (Синонскирхштр., 49). В период самого сурового кризиса союзы взаимопомощи спасали жизни тем, кто не мог работать и стоял перед угрозой гибели – в этом не оставляют сомнения сохранившиеся прошения. В октябре 1923 года в то же Общество помощи русским гражданам в Берлине поступали письма вроде этого (автор - студент Иван Меркурьев, уволенный с работы и едва ли пригодный к физическому труду из-за раны левой руки (на фронте с 1916 года)): «Оставив службу, я на последние гроши купил 45 фун. картофеля, которой хватит мне на две недели, а потом просто я не знаю, что мне делать! Видя трагедию моей жизни и желая хоть чем-нибудь мне помочь, РНИ посоветовал мне обратиться к Вам, чтобы Вы помогли мне спасти жизнь мою от угрожающей мне голодной смерти...»⁹⁰⁴. По данным Общества помощи, если в начале 1920-х гг. большинство просящих составляли офицеры и солдаты белых армий, то позднее увеличилось количество студентов, чиновников, журналистов, инженеров и других интеллигентов; а в конце 1920-х гг. чаще о помощи стали просить старики, вдовы и матери больных детей⁹⁰⁵, т.е. группы населения, нуждавшиеся в социальной защите, обычно предоставляемой государством. В этом случае, как и в ряде других (Третьейский суд, Русская Делегация, Русская Амбулатория и прочие) мы видим благотворительность в эмиграции как институт, взявший на себя некоторые функции утраченного государства.

⁹⁰³ ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 16. Переписка с белоэмигрантами об оказании им помощи. Л. 163.

⁹⁰⁴ [Прошение студента И. Меркурьева, 10 октября 1923 г.] ГАРФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 17. Л. 255

⁹⁰⁵ Опять надо помочь // Руль. 1929. 6 января.

Заключение

Русский Берлин как сообщество бывших подданных Российской империи сформировался и расцвёл в 1919 – 1923 гг. – первый период его истории. Он состоял из около ста тысяч эмигрантов, представителей всех слоёв русского общества (преимущественно образованных городских жителей). Для значительной части из них пребывание в германской столице стало непродолжительным эпизодом: их реакцией на политические и экономические проблемы Германии (особенно обострившиеся в 1923 г.), анти-интеграционную политику правительства и распространение ксенофобии в обществе, а также проблемы трудоустройства, была смена места жительства. Для первых лет после исхода из России характерна высокая мобильность эмигрантов, обусловленная восприятием своего пребывания за границей как временного явления, поисками знакомых и родственников, лучших возможностей для трудоустройства и другими факторами. Тем не менее берлинское русское сообщество, постепенно уменьшаясь, продолжало существовать почти до середины 1930-х гг.

Оказавшись за пределами России, русские люди встретили вызовы, к которым не были готовы ни они сами, ни принимавшие их страны. Правительства ряда государств, в том числе Веймарской республики, приоритетными считали национальные интересы; столкнувшись с массами беженцев, они выбрали анти-интеграционный курс и прямо заявляли, что лучшим разрешением русского вопроса является интернационализация этой проблемы, репатриация или равномерное расселение эмигрантов по миру при посредничестве Лиги Наций – туда, где они будут востребованы.

Отношения выходцев из Российской империи и германского государства и общества складывались на крайне неблагоприятном экономическом фоне, что превратило иностранцев в конкурентов немцев в борьбе за ограниченные ресурсы (жильё, рабочие места, социальные гарантии, продовольствие). Распространённым в 1920-е гг. определением чужеземцев стали формулы «нежелательные» и «проклятые иностранцы», враждебное отношение к инородцам в принимающем обществе доминировало (особенно в первой половине 1920-х гг.). Анти-интеграционная политика германских властей и ксенофобия рядовых граждан сильно ограничивали возможность беженцев использовать свой профессиональный потенциал и прочно занять в экономике какую-либо нишу. Преодолению напряжённости в эмигрантско-немецких отношениях способствовали дореволюционные русско-немецкие связи (они сокращали культурную дистанцию), «русская мода» (интерес широкой публики к русскому искусству) и солидарность профессиональных сообществ.

Помимо дореволюционных русско-немецких родственных и культурных связей, основой и ключевыми механизмами адаптации стали предпринимательство и благотворительная деятельность эмигрантов.

Анализ рекламных объявлений в газете «Руль» в 1920-1921 гг.⁹⁰⁶ демонстрирует, что экономически активные эмигранты воссоздавали в Берлине привычную им городскую рыночную структуру. Доминировали ниши, направленные на удовлетворение повседневного спроса масс городских обывателей – торговля (43,28% объявлений) и услуги (32,48%). Одним из успешных способов адаптации стало предпринимательство, в первую очередь для тех эмигрантов, кто вёл коммерческую деятельность ещё в России и продолжил её в эмиграции.

Необычно высокой на рынке начала 1920-х гг. оказалась доля торговли драгоценностями (16,82%), что свидетельствовало о бедственном положении значительной части беженцев, компенсировавших недостаток или полное отсутствие доходов продажей личного имущества. На всём протяжении 1920-х гг. самой острой оставалась трудовая проблема, которая стимулировала реэмиграцию и репатриацию, несмотря на готовность большей части русской колонии к работе в сфере обслуживания, низкооплачиваемому физическому труду, а также труду в промышленности и сельском хозяйстве. В результате нужда и бедственное положение постоянно сопровождали жизнь множества обитателей Русского Берлина.

Экономическое неблагополучие, психологические особенности и проблемы беженцев («чемоданная философия», переживание утраты прежнего социального статуса и уровня потребления), а также неблагоприятная среда приводили к негативным последствиям. «Изоляционизм» эмиграции, в основном преодолевавшийся за счёт доступной молодому поколению структурной ассимиляции (в основном через образование), «русской моды» и предпринимательства, свидетельствует, что значительная доля эмигрантов выбрала в процессе адаптации первой половины 1920-х гг. стратегию сепарации. Беженцы ориентировались при решении повседневных задач прежде всего на соотечественников, русские предприятия и организации. Эту стратегию вызывала боязнь культурной ассимиляции (современники говорили о «денационализации»), однако замедляла адаптацию, препятствовала освоению необходимых в Германии трудовых и социальных навыков. Эмигранты продолжали чувствовать себя частью русского народа, придерживались фактически утраченных социальных ролей и не спешили

⁹⁰⁶ См. Приложение № 3.

переориентироваться на жизнь в принимающем обществе. Переживая наиболее стрессовый период адаптации, беженцы «цеплялись» за родную культуру, часто предпочитали игнорировать вызовы, которые бросала им новая среда.

В результате перечисленных негативных факторов адаптации Русский Берлин оказался не способен преодолеть катастрофу 1923 года – гиперинфляцию, последовавшую дефляцию и удорожание жизни в Германии. К этому добавлялись политические опасения – на фоне экономического бедствия выступления германских коммунистов казались эмигрантам признаком надвигающегося красного переворота и повторения революции уже на немецкой почве. Германия утратила свои преимущества, которые делали её особенно привлекательным местом для длительного проживания русских эмигрантов в начале 1920-х гг. Берлин утратил роль крупнейшего в Европе центра эмиграции и уступил её Парижу. К 1925 г. в Берлине, вероятно, едва ли оставалась половина от сообщества 1922 – 1923 гг. По данным полиции от 1926 г., в германской столице насчитывалось всего 18 306 зарегистрированных русских и 6064 «бесподданных», из которых часть, очевидно, тоже составляли эмигранты.⁹⁰⁷

Отток эмигрантов «первой волны» продолжался ещё полтора десятилетия, но с разной интенсивностью в зависимости от текущих событий. Второй период истории Русского Берлина (1925 – 1929 гг.) можно назвать периодом замедлившего оттока (реэмиграции и отъезда беженцев в другие страны): в это время эмигранты покидали Германию медленнее по сравнению с 1923 – 1924 гг. Денежная реформа 1924 г., начало реализации плана Даэуса и смягчение конфронтации Германии и Франции позволили немецкой экономике преодолеть острый кризис, в результате снизились враждебные настроения в отношении иностранцев; для эмигрантов, ориентированных на работу по найму, сложилась более благоприятная обстановка на рынке труда, а для предпринимателей – более благоприятный экономический фон в целом. В этот период в Германии оставались в основном те, кто мог обеспечить себя не только вывезенными из России накоплениями или парой удачных валютных сделок, но заработком в марках.

Хрупкое и весьма относительное благополучие берлинских эмигрантов подорвал экономический кризис начала 1930-х гг. Третий период Русского Берлина (1930 – 1933 гг.) отличается усилением оттока беженцев в другие страны под давлением безработицы и угасания общественной жизни русской колонии. Завершил этот отрезок времени приход к власти НСДАП, особенно чувствительный для этнически еврейской части эмиграции.

⁹⁰⁷ Хроника // Руль. 1926. 20 февраля.

Последний масштабный исход эмигрантов первой «волны» в 1933 г. привёл Русский Берлин в запустение. Дальнейшая его история протекала уже в новых условиях. Несколько тысяч выходцев из России ещё оставались в немецкой столице, русские уголки в Берлине продолжали существовать даже во время Второй мировой войны и тем более до неё, на протяжении всех 1930-х гг., но общественная жизнь эмиграции частью прекратилась, а частично была поставлена под тоталитарный контроль Третьего рейха. В связи с этим бывшие российские подданные продолжали переезжать в другие страны, прежде всего во Францию, Чехословакию, США и Канаду⁹⁰⁸. В течение 1920-30-х гг. несколько тысяч человек вернулось в Россию.

Важнейший вывод, вытекающий из фактов общественной жизни Русского Берлина, состоит в том, что одной из наиболее эффективных практик адаптации стала кооперация – объединение эмигрантов в благотворительные организации и союзы взаимопомощи. Они включали в себя общественных деятелей, меценатов, представителей одной профессии или национальности. Данные структуры брали на себя социальную защиту эмигрантов и создавали самые необходимые, базовые инструменты адаптации: информировали, воссоздавали утраченные институты и социальный контекст («русское пространство»), помогали пережить безденежье и найти работу, получить медицинскую помощь и образование, использовать культурные преимущества эмигрантов (ту же «русскую моду»), наконец, при необходимости покинуть Германию. При всех недостатках общественных организаций Русского Берлина они обеспечили физическое выживание множества эмигрантов и предотвратили реальную перспективу гуманитарной катастрофы, усиления маргинализации сообщества и роста преступности.

Невысокий уровень криминогенности среди российских эмигрантов в Берлине косвенно свидетельствует о том, что большинство русских беженцев, принимавших решение остаться в Германии, сумело справиться с наиболее острыми проблемами адаптации и приступить к структурной ассимиляции: занять новые для них социальные ниши в принявшем их обществе и, самое главное, избежать самых негативных из возможных вариантов развития эмигрантских сообществ (геттоизация, массовая криминализация, хроническая высокая безработица). Тот факт, что не «вписавшиеся» в немецкое общество эмигранты покидали Германию, также можно считать признаком ориентации на трудовую и социальную адаптацию, на стратегию интеграции, пусть и в другом месте. Большая часть русских эмигрантов первой «волны», оставшихся в Веймарской республике после 1923 года, часто в неблагоприятных условиях анти-

⁹⁰⁸ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919 - 1929. S. 25 – 26.

интеграционной политики и экономического кризиса, демонстрировала сильные способности к успешной культурной и структурной интеграции и преодолению стоявших перед ними вызовов.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

1. Ф. 5815. Общество помощи русским гражданам в Берлине.
2. Ф. 5835. Общество русских инженеров в Германии. Берлин.
3. Ф. 5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.
4. Ф. 5882. Редакция газеты «Руль». Берлин.
5. Ф. 6006. Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам в Германии. Берлин.
6. Ф. 6007. Комитет по делам русских беженцев в Германии. Берлин.
7. Ф. 9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций.

РГВА (Российский государственный военный архив)

8. Ф. 772. Имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком, Берлин.

ДРЗ (Дом русского Зарубежья им. А.И. Солженицына)

9. Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека (ВМБ).

10. Ф. 164. Никольский Борис Александрович.

ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга)

11. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819 – 1918.

BArch (Bundesarchiv Berlin)

12. R. 1501. Reichsministerium des Innern.

LAB (Landesarchiv Berlin)

13. A. Pr. Br. Rep. 030-05. Polizeipräsidium Berlin – Theaterpolizei.

14. A. Pr. Br. Rep. 030-02-04. Polizeipräsidium Berlin – Kriminalpolizeileitstelle – Ausländer.

15. A. Rep. 358-01. Generalstaatsanwaltschaft beim Landgericht Berlin – Strafverfahren 1919 – 1933.

16. B. Rep. 235-20. Zeitungsausschnittsammlung des Helene-Lange-Archivs.

17. F Rep. 290-02-06. Sammlung Leo Rosenthal.

GStA PK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz)

18. I HA Rep. 84a. Justizministerium.

19. I HA Rep. 77. Ministerium des Innern.

20. I HA Rep. 90A. Staatsministerium, jüngere Registratur.

HIA (Hoover Institution Archives, Stanford University, California)

21. B.I. Nicolaevsky collection.

22. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin).

Сборники документов

1. Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 год. / Отв. сост. И.И. Басик. М.: Триада-Х, 2001. 483 с.
2. Русский Берлин, 1921 – 1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те / Л. Флейшман. Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983. 392 с.
3. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 400 с.
4. Диаспора: Новые материалы. / Отв. ред. О. Коростелёв. СПб; Париж: Athenaeum–Феникс, 2007. Т. VIII. 792 с.

Периодическая печать

1. Бич. 1920.
2. Время. 1921 – 1924.
3. Возрождение. 1931.
4. Воскресенье. 1921.
5. Голос эмигранта. 1921 – 1922.
6. Дни. 1922.
7. Иллюстрированная Россия. 1925.
8. Наш мир. 1924.
9. Руль. 1920 – 1931.
10. Русский Берлин. 1927 – 1928.
11. Русский эмигрант. 1920 – 1921.
12. Berliner Börsen-Courier. 1922.
13. Berliner Tageblatt. 1921.
14. Deutsches Fahndungsblatt. 1923 – 1924, 1926, 1927.
15. Deutsches Kriminalpolizeiblatt. 1928 – 1929, 1931 – 1932.
16. Die Wahrheit. 1928.
17. Kriminalistische Monatshefte. 1930. Heft 4.
18. Tagesbericht. 1922 – 1924, 1928.
19. Ulk [Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt]. 1921 – 1923.
20. Vossische Zeitung. 1923.

Публицистика

1. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза.

- Воспоминания. / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: ТЕРРА, 1994. 769 с.
2. Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919 – 1921) / Сост., вст. ст. и комм. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. СПб: Журнал «Нева», 2001. 432 с.
 3. Лютер А. Достоевский в Германии // Грани. Кн.2. Берлин, 1923. С. 125 – 157.
 4. Меньшой А. Мы с вами в Берлине. М.: ГПП Красная новь, 1924. 42 с.
 5. Наживин И. Среди потухших маяков. Из записок беженца. Берлин: К-во «ИКАРЪ», 1922. 237 с.
 6. Сатира и юмор русской эмиграции / Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998. 334 с.
 7. Рот Й. Берлин и окрестности. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 240 с.
 8. Степун Ф.А. Мысли о России. URL: [<http://ido-rags.ru/?p=2490>] (дата обращения: 19.03.2020).
 9. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. 560 с.
 10. Bely A. Wie schön es in Berlin ist // Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film. / Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1990. S. 56 – 68. S. 56 – 67.
 11. Roth J. Werke. / hrsg. und eingeleitet von H. Kesten. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1990. Bd. 2. 1028 S.
 12. Wittner V. Theater am Kurfürstendamm // Berlin im “Querschnitt”. / Hrsg. v. Rolf-Peter Вааске. München: Quadriga, 2001. S. 113 – 115.

Мемуары, письма, дневники

1. Александров В. На чужих берегах. М.: Прогресс, 1987. 230 с.
2. Андреев В. История одного путешествия // Русский Берлин / Сост., пред. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 184 – 203.
3. Арбатов З.Ю. Без неба: (в Америке). Берлин: Книгоиздательство «Чужбина», 1926. 141 с.
4. Вертинский А.Н. Дорогой длинною... / Сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; послесл. К. Рудницкого; М.: Правда, 1990. 572 с.
5. Войцеховский С.Л. Эпизоды. Лондон: «Заря», 1978. 189 с.
6. Галич Ю. Золотые корабли. Скитания. Рига: М. Дидковский, 1927. 320 с.
7. Гессен В. В борьбе за жизнь (Записки Эмигранта). Петербург – Берлин – Париж – Нью-Йорк. Нью-Йорк: Rausen Publishers and Distributors, 1974. 206 с.
8. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. 268 с.
9. Гессен С.И. Избранное / С.И. Гессен; [сост., автор вступ. ст., Е.Л. Петренко, авторы коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова]. М.: Российская политическая энциклопедия

- (РОССПЭН), 2010. 959 с.
10. Гуль Р.Б. Киевская эпопея // Архив русской революции. В 22 т. Берлин: «Слово», 1921 – 1937. Т. 2. С. 59 – 86.
 11. Гуль Р.Б. Жизнь на Фукса / под ред. Л.М. Суриса. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 180 с.
 12. Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Том I. Россия в Германии. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. 414 с.
 13. Гулькевич К.Н. Письма к Олафу Броку, 1916 – 1923 / сост. В.А. Карелин, Й.П. Нильсен, К.А. Мюклебуст; вступ. ст. и предисл. В.А. Карелина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 284 с.
 14. Данилевич Н.В. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа. М.: Изобраз. искусство, 2000. 231 с.
 15. Донской Р. От Москвы до Берлина в 1920 году // Архив русской революции. В 22 т. Берлин: «Слово», 1921 – 1937. Т. 1. С. 191 – 240.
 16. Дубнов С.М. Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1998. 661 с.
 17. Евлогий. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947. 678 с.
 18. Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм, 1968. 215 с.
 19. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. 287 с.
 20. Куломзина С.С. Миры за мирами. Воспоминания русской эмигрантки. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихонов. богосл. ин-та, 2000. 318 с.
 21. Лопухин В.Б. После 25 октября. // Минувшее: исторический альманах. Париж: Atheneum, 1986. № 1. С.9 – 98.
 22. Лунц Л. Путешествие на больничной койке // Лунц Л. «Обезьяны идут!» Собрание произведений. Составление, подготовка текстов, комментарии, указатели, послесловие Е. Лемминга. Вст. ст. В. Шубинского. СПб: ИНАПРЕСС, 2003. С. 68 – 80.
 23. Лурье В. Воспоминания [Электронный ресурс]: / б/м, б/д. URL: [<https://magazines.gorky.media/studio/2007/11/vospominaniya-11.html>] (дата обращения: 20.11.2020).
 24. Набоков В. Другие берега: автобиография / Владимир Набоков. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 378 с.
 25. Набоков В. Письма к Вере. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
 26. Набоков Н.Д. Багаж. Мемуары. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2003. 364 с.
 27. Одоевцева И. На берегах Сены. Париж: La Presse Libre, 1983. 534 с.

28. Пузино И. Русский учитель в Германии // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 312 – 315.
29. Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918 – 1921) / Публ., вст. ст. и комм. О.Р. Демидовой // Минувшее: Исторический альманах. 18. М.; СПб.; Atheneum; Феникс. 1995. С. 426 – 477.
30. Сеземан Д. Русский мальчик за границей // Родина. 1993. № 5 – 6. С. 32 – 34.
31. Чеботарёв Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 445 с.
32. Чебышев Н.Н. Близкая даль // Возрождение. 1932. 14 сентября. № 2661. С. 2 – 3.
33. Чебышев Н.Н. Скитания // Возрождение. 1934. №№ 3210, 3230, 3265, 3272, 3279, 3299, 3304.
34. Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). М.: Советский писатель, 1990. 544 с.
35. Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: том первый. М.: Советский писатель, 1990. 640 с.
36. Эфрон А. Страницы воспоминаний. Париж: LEV, 1979. 185 с.
37. Brockhoff K. Auf dem Weg ins Dritte Reich // Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit; Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933 / Hrsg. von Jürgen Kleindienst. Berlin: Zeitgut Verlag, 2004. S. 330 – 353.
38. Metternich T. Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976. 384 S.
39. Zoubkoff A. Mein Leben und Lieben. Hannover: Meistersprung Literatur, 2016. 124 S.

Художественная литература

1. Блох Р. Здесь шумят чужие города... М.: Изограф, 1996. 127 с.
2. Гуль. Р.Б. В рассеяньи сущие. Берлин: Манфред, 1923. 174 с.
3. Набоков В.В. Дар: роман. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 380 с.
4. Набоков В.В. Машенька. Подвиг. СПб.: Азбука, 2017. 346 с.
5. Набоков В.В. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова; Худож. В. Норамян. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1997. 590 с.
6. Нуар Ж. Лицом к Берлину. Берлин: Издательство «Тритемись», 1924. 41 с.
7. Нуар Ж. На сквозняке. Берлин: Чужбина, 1927. 94 с.
8. Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование и рассказы. Пермь: Книжная площадь, 2009. 365 с.
9. Ремарк Э.М. Три товарища / Собрание сочинений: в 5 т. М.: «Внешторгиздат», 1991. Т.2.

732 с.

10. Толстой А.Н. Чёрная пятница // LIBREBOOK.ME. URL: https://librebook.me/chernaia_piatnica/vol1/1 (дата обращения: 07.06.2018).
11. Шкловский В. ZOO или Письма не о любви // Жили-были. М.: Советский писатель, 1966. С. 165 – 256.
12. Batalin R.G. Petersburg am Wittenbergplatz. Detmold: Verlag der Meyerschen Hofbuchhandlung, 1931. 314 S.
13. Scheffel H. Die Grossfürstin // Das Kriminal-Magazin. 1929. Oktober. № 7. S. 90 – 93.

Справочники 1920-30-х гг.

1. Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 / Издание Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии. Берлин, 1924. 211 с.
2. Рабинович И.М. Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин: Слово, 1921. 166 с.
3. Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin. 1935 / 11. Jahrgang. hrsg. vom Statistischen Amt der Stadt Berlin. Berlin: Reinhold Keuhn A.G., 1936. 293 S.

Литература

Монографии

1. Баев В.Г. Германское государство в межвоенный период 1919-1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60-80-х гг. XX в. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 122 с.
2. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.) / П.Н. Базанов; науч. ред. И.А. Шомракова. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 467 с.
3. Базанов П.Н. Книжное дело русской эмиграции: курс лекций. СПб.: СПбГИК, 2015. 191 с.
4. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921 – 1924. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
5. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Говард Беккер; пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова; под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2018. 270 с.
6. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920-1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 490 с.
7. Галас М.Л. Россия, которая «самой себе была Лигой Наций»: правовой статус, политическая, социально-экономическая, идеологическая адаптация российских эмигрантов, беженцев, ремигрантов в 1920 – 1940-х гг. М.: Издательство Галас Марина Леонидовна, 2011. 583 с.

8. Гишинский Я.И. Социальное насилие / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2017. 212 с.
9. Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
10. Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917 – 1920 гг. Волгоград: Издательство ВАГС, 1997. 280 с.
11. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 321 с.
12. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х-1930-х гг. М.: СПАС, 1999. 206 с.
13. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920 – 1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; научное редактирование А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. 487 с.
14. Квакин А. Русская интеллигенция в изгнании. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2013. 276 с.
15. Коваленко А.И. Иван Мясоедов – художник Серебряного века. Севастополь: Издательство «МИР», 1998. 204 с.
16. Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2013. 488 с.
17. Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутривосточной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. 365 с.
18. Мухачёв Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М: Мысль, 1982. 270 с.
19. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М.: Новый хронограф, 2010. 439 с.
20. Невалайнен П. Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917 – 1939). СПб.: Журн. «Нева», 2003. 366 с.
21. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2011. 606 с.
22. Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 183 с.

23. Пронин А.А. Источники по истории эмиграции из России. Уфа: А.А. Словохотов, 2016. 308 с.
24. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980 – 2005 гг.: библиометрический анализ: моногр. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. 359 с.
25. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918 – 1920 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 440 с.
26. Смолин А.В. Взлёт и падение адмирала Колчака. СПб.: Наука, 2018. 239 с.
27. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. 351 с.
28. Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919–1939). М.: РОССПЭН, 2011. 157 с.
29. Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века. СПб.: Лики России, 2014. 187 с.
30. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 373 с.
31. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М.: 1977. 352 с.
32. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: Издательство АСТ, 2017. 734 с.
33. Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность: историографическое исследование о численности "первой волны" российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 195 с.
34. Шевченко В.А. Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-пресс, 2017. 573 с.
35. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 236 с.
36. Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. 626 с.
37. Amelang M. Sozial abweichendes Verhalten: Entstehung – Verbreitung – Verhinderung. Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo: Springer, 1986. 488 S.
38. Baur J. Die russische Kolonie in München 1900 – 1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. 367 S.
39. Boehmig M. Das russische Theater in Berlin 1919 – 1931 / Michaela Boehmig. München:

- Sagner, 1990. 324 S.
40. Bellebaum A. Abweichendes Verhalten: Kriminalität und andere soziale Probleme // Sozialwissenschaften. Heft 6. / Hrsg. und b. v. W. Breuer, F.J. Floren u.a. Paderborn: Schoeningh, 1984. 256 S.
 41. Dodenhoeft B. "Laßt mich nach Rußland heim": russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993. 338 S.
 42. Heidenamm G. Das schreibende Ich in der Fremde. Il'a Erenburgs und Vladimir Nabokovs Berliner Prosa der 1920er Jahre. Bielefeld: AISTHESIS, 2005. 415 S.
 43. Herbert U. Geschichte der Ausländerbeschäftigung in Deutschland 1880 bis 1980: Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter. Berlin; Bonn; Dietz, 1986. 272 S.
 44. Kellogg M. The Russian roots of Nazism. White Emigr'ees and the Making of National Socialism, 1917–1945. Published in the United States of America by Cambridge University Press. New York, 2005. 327 p.
 45. Kissel W.S. Flüchtige Blicke. Relektueren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. AISTHESIS VERLAG. Bielefeld, 2009. 681 S.
 46. Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 – 1945. München: Beck, 2005. 528 S.
 47. Kopelew L. Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts. / West-Östliche Spiegelungen. Herausgegeben von Lew Kopelew. Reihe B. Sonderverband. München: Wilhelm Fink Verlag, 1988. 359 S.
 48. Kluge U. Die Weimarer Republik. Paderborn: Ferdinand Schoeningh, 2006. 502 S.
 49. Mann W. Berlin zur Zeit der Weimarer Republik. Ein Beitrag zur Erforschung der wirtschaftlichen und politischen Entwicklung der deutschen Hauptstadt. Berlin: Das neue Berlin, 1957. 180 S.
 50. Matza D. Abweichendes Verhalten. Untersuchungen zur Genese abweichender Identität / übersetzt von Tobias Rülcker. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1973. 237 S.
 51. Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2005. 564 S.
 52. Preller L. Sozialpolitik in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1949. 560 S.
 53. Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919 – 1939. New York, Oxford: Oxford University Press, 1990. 239 p.
 54. Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917 – 1921. Jena: Frommansche Buchhandlung, 1924. 170 S.
 55. Rimscha H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927. 238 S.

56. Schlögel K. Planet der Nomaden. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006. 150 S.
57. Schlögel K., Tschäpe K. Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Berlin: MSB Matthes & Seitz, 2014. 762 S.
58. Seide G. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1983. 476 S.
59. Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg: Holzner-Verlag, 1966. 154 S.
60. Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881 – 1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. 404 p.
61. Wesley D.C. Germany for Germans? The political effects of International migration. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1997. 171 p.

Статьи в периодических изданиях, сборники статей

1. Байбурин А.К. К предыстории советского паспорта (1917 – 1932) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 140 – 154.
2. Базанов П.Н., Шомракова И.А. Русские издательства в Берлине, 1920 – 1924 годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 6 – 11.
3. Волошина В.Ю. История повседневности русского зарубежья как отрасль современного эмигрантоведения // Нансеновские чтения 2012. СПб., 2014. С. 9 – 16.
4. Ганин А. Взраздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63 – 74.
5. Жуков В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; науч. редактор В.Ю. Черняев. СПб: СПбГАСУ, 2011. С. 12 – 22.
6. Ипполитов С.С. Аграрный бизнес российских эмигрантов в 1920 – 1930-х годах // Экономический журнал. 2014. № 4 (36). С. 137 – 146.
7. Ипполитов С. С. Маргинализация как гуманитарная проблема русского зарубежья. 1920-1930-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 1059 – 1073.
8. Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. 2011. № 1 (61). С. 160 – 179.
9. Катцер Н. Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 155 – 194.
10. Квакин А.В. Была ли советская историография «белой эмиграции»? // Нансеновские чтения 2010. СПб.: СПбИИРАН, ИКЦ «Русская эмиграция», 2012. С. 53-59.

11. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 62 – 76.
12. Котельников К.Д. Побег из Советской России в Финляндию в воспоминаниях русских эмигрантов первой волны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 20 (2): Материалы двадцатой ежегодной научной конференции / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 165 – 177.
13. Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867 – 881.
14. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 94 – 103.
15. Пученков А.С. 1920 год: агония белого Крыма // Россия на переломе. Войны, революции, реформы. XX век. СПб.: Лема, 2018. С. 175 – 203.
16. Родионова Н.А. Эмигрантская повседневность выпускников Шуменской гимназии сквозь замочную скважину частной переписки: архивные находки // Нансеновские чтения 2010. С. 293 – 304.
17. Рымарь Н.Т., Сомова С.В. Берлин начала 20-х годов XX века в восприятии русской эмиграции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2-4. С. 1031 – 1034.
18. Савченко Т.К. «Дни русской культуры» в Русском Зарубежье 1920-х гг. // Русский язык за рубежом. 2011. № 5 (228). С. 89 – 95.
19. Тарле Г.Я. История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940. Кн. 1. М.: 1994. С. 16 – 24. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_1143.htm (дата обращения: 20.11.2019).
20. Тетеревлева Т.П. Источниковедческие аспекты изучения социо-культурного пространства русского зарубежья 1917 – 1930-х гг. // Нансеновские чтения 2010. С. 217 – 227.
21. Хитрова Е.В. Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция. XVIII-XX века. М.: 2001. Вып. 4. С. 257-281.
22. Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 1. С. 253 – 260.
23. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. Т. 8. № 4 (23). С. 45 – 70.

24. Юниверг Л. Абрам Вишняк и Марина Цветаева // Лехаим. 2007. Май. № 5 (181). URL: [https://lechaim.ru/ARHIV/181/univerg.htm] (дата обращения: 15.03.2020).
25. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 251 с.
26. Издательское дело российского зарубежья (XIX-XX вв.). / сб. науч. трудов; отв. ред. Трибунский П.А. М.: ДРЗ, 2017. 600 с.
27. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1. 453 с.
28. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2008. Вып. 2. 451 с.
29. Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. 461 с.
30. Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов / Сб. ст. под ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2000. 497 с.
31. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. / Коллективная монография; под рук. Е.И. Пивовара. М.: ИВИ РАН, 1999. 458 с.
32. Ankersmit F. Truth in Literature and History // Narrative. 2010. Vol. 18. № 1. P 29 – 50.
33. Borosnjak A., Oberloskamp E. Das “Russische Deutschland” in den zwanziger Jahren // Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung – Das 20. Jahrhundert / Hrsg. von H. Möller und A. Tschubarjan. München, 2014. S. 65 – 75.
34. Bulgakova O. Typologie der russischen Emigrantenfilms. Russische Film-Emigration in Deutschland // Europa Orientalis. 1995. № 14. S. 35 – 57.
35. Geschichte Berlins. Bd. 2: Von der Märzrevolution bis zur Gegenwart / hrsg. von Wolfgang Ribbe. München: Verlag C. H. Beck, 1987. S. 606 – 1228.
36. Horn S. “Die Juden müssen in Deutschland ausgerottet werden!” Arnold Ruge und die Radikalisierung des Antisemitismus nach 1919 // Geflüchtet – Unerwünscht – Abgeschoben. Osteuropäische Juden in der Republik Baden (1918 – 1923) / hrsg. von Nils Steffen & Cord Arendes. Heidelberg: Universitäts-Bibliothek Heidelberg, 2017. S. 73 – 95.
37. Nikitine B. L’Emigration Russe // Revue des Sciences Politiques. 1922. № 45. P. 190 – 216.
38. Oltmer J. Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. / Hrsg. von J. Oltmer. IMIS-Schriften, Bd. 12. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2003. S. 85 – 122.
39. Oltmer J. Flucht, Vertreibung und Asyl im 19. und 20. Jahrhundert // IMIS-Beiträge, 20. Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 2002. S. 107 – 134.

40. Poniatowska A. Die Polen in Berlin // Zwischen Abgrenzung und Assimilation – Deutsche, Polen und Juden. Schauplätze ihres Zusammenlebens von der Zeit der Aufklärung bis zum Beginn des Zweiten Weltkrieges. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, 1996. S. 79 – 88.
41. Sheldon R. Shklovsky's "Zoo" and Russian Berlin // The Russian Review. 1970. Vol. 29. No. 3. pp. 262 – 274.
42. Wim C. A Life Between Fact And Fiction: The History Of Vladimir G. Orlov // Revolutionary Russia. 2008. № 21:2. pp. 179 - 202.
43. Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / hrsg. von Karl Schlögel. München: Beck, 1994. 448 S.
44. Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / hrsg. von Karl Schlögel. Berlin: Akad. Verl., 1995. 550 S.

Диссертации и авторефераты

1. Винник А.В. Российская реэмиграция из Германии в 1920-е годы. / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Тверь: ИРИ РАН, ТГУ, 2002. 21 с.
2. Львов К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии (1920 – 1939 гг.). / Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М.: РГГУ, 2002. 205 с.
3. Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции, 1920-1930 гг. / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. РГГУ. М.: 2000. 24 с.
4. Хрусталёва Н.С. Психология эмиграции. Социально-психологические и личностные проблемы. / Автореф. дисс. на соискание ст. д-ра психологических наук. СПб, 1996. URL: [<http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy>] (дата обращения: 03.02.2019).

Справочные издания

1. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-пресс, 2003. 666 с.
2. Незабытые могилы [Электронный ресурс]: Т. 1. URL: https://forum.vgd.ru/341/74254/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 14.08.2020).
3. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: В 6 т. Т. 6. Кн. 3. X – Я. / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. 704 с.
4. Религиозные деятели русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/gi/G_633.htm (дата обращения: 29.04.2020).
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. - 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 1, 4.

6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 1, 4.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Том XLА (80): Электровозбудительная сила – Эрготин. СПб: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1904. 509 с.

Приложения

Приложение № 1

Неопубликованные источники

GStA PK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz)

I HA Rep. 84a. Justizministerium. №№ 56757, 17489, 57252.

I HA Rep. 90A. Staatsministerium, juengere Registratur. № 1810.

LAB (Landesarchiv Berlin)

A Pr. Br. Rep. 030-05. Polizeipräsidium Berlin - Theaterpolizei. № 930.

A Pr. Br. Rep. 030-02-04. Polizeipräsidium Berlin – Kriminalpolizeileitstelle - Ausländer. №№ 571, 628.

A Rep. 358-01. Generalstaatsanwaltschaft beim Landgericht Berlin – Strafverfahren 1919 - 1933. №№ 264, 863, 2075, 2438, 2070, 260.

Периодическая печать

5. Skrinnikoff Theodor // Deutsches Fahndungsblatt. 1924. den 18. Oktober.

48. Ein beruehmtes Schwindlerquartett // Deutsches Fahndungsblatt. 1924. den 22. November.

1. Djawroff // Deutsches Fahndungsblatt. 1926. den 30. August.

2. Orlow // Deutsches Fahndungsblatt. 1926. den 4. November.

4. Sogolow // Deutsches Fahndungsblatt. 1926. den 22. Dezember.

6. Hertschikoff // Deutsches Fahndungsblatt. 1927. den 17. September.

17. Festnahme eines internationalen Scheckbetrügers // Deutsches Kriminalpolizeiblatt. 1931. den 26. März.

9. Achtung. Internationale Brillantenepper in Berlin // Deutsches Kriminalpolizeiblatt. 1928. den 7. Juli.

17. Festnahme eines Räubers // Deutsches Kriminalpolizeiblatt. 1929. den 23. Oktober.

2. Flüchtiger Landeinbrecher // Deutsches Kriminalpolizeiblatt. 1932. den 9. März.

18. Wegen Diebstahls gesuchte Russin Amalie Shapir. Bis 10 000 M. Belohnung // Tagesbericht. 1922. den 6. Januar.

19. Internationale Scheckbetrüger // Tagesbericht. 1922. den 3. Februar.

11. 30 000 M. unterschlagen // Tagesbericht. 1922. den 7. März.

8. Unterschlagen // Tagesbericht. 1922. den 11. April.

24. Festnehmen // Tagesbericht. 1922. den 9. Juni.

21. Platinschwindler gesucht // Tagesbericht. 1922. den 21. Juli.

5. Viele Millionen Mark // Tagesbericht. 1922. den 15. August.

15. Diebstahl an einem Ausländer. Hohe Belohnung // Tagesbericht. 1922. den 26. September.

2. D-Zug-Diebstahl // Tagesbericht. 1923. den 28. März.

6. Flüchtig // Tagesbericht. 1924. den 4. Januar.

1. Flüchtiger Räuber // Tagesbericht. 1924. den 29. Januar.

8. Abschwindlung von zwei wertvollen Brillanten durch Kuvertfalle // Tagesbericht. 1924. den 22. Februar.

20. Ein „berühmtes“ Schwindlerquartett // Tagesbericht. 1924. den 18. Oktober.

18. Goldwarenschwindler festnehmen // Tagesbericht. 1924. den 30. Dezember.

4. Entführung bzw. Mädchenhandel // Tagesbericht. 1928. den 24. Februar.

19. Diebstahl von 24 Persianerfellen // Tagesbericht. 1928. den 14. Dezember.

Хроника // Руль. 1920. 24 декабря.

Хроника // Руль. 1921. 4 января.

Хроника // Руль. 1921. 15 мая.

Арест русского афериста // Руль. 1922. 23 февраля.

Хроника // Руль. 1922. 24 февраля.

Похождение русской придворной дамы // Руль. 1922. 28 марта.

Хроника // Руль. 1922. 14 апреля.

Арест поддельвателя коммунистических документов // Руль. 1922. 16 мая.

Великосветский чекист // Руль. 1922. 7 июня.

Хроника // Руль. 1922. 17 августа.

Хроника // Руль. 1922. 5 сентября.

Хроника // Руль. 1922. 10 сентября.

Хроника // Руль. 1923. 10 февраля.

Русский нотариус на скамье подсудимых // Руль. 1923. 3 мая.

Хроника // Руль. 1923. 19 июля.

Хроника // Руль. 1923. 17 августа.

Хроника // Руль. 1923. 11 сентября.

Хроника // Руль. 1924. 25 января.

Кража из канцелярии Помощи русским гражданам // Руль. 1924. 29 января.

Арест русского авантюриста // Руль. 1924. 6 февраля.

Хроника // Руль. 1924. 6 апреля.

Е.К. Дело о фальшивых паспортах // Руль. 1924. 10 апреля.

Хроника // Руль. 1924. 9 мая.

Хроника // Руль. 1924. 13 июня.
Хроника // Руль. 1924. 19 августа.
Хроника // Руль. 1924. 20 августа.
Хроника // Руль. 1924. 6 сентября.
Хроника // Руль. 1924. 7 сентября.
Хроника // Руль. 1924. 24 сентября.
Хроника // Руль. 1924. 25 сентября.
Хроника // Руль. 1924. 28 октября.
Хроника // Руль. 1924. 8 ноября.
Хроника // Руль. 1925. 25 февраля.
Хроника // Руль. 1925. 29 марта.
Хроника // Руль. 1925. 27 мая.
Убийство в Груневальде // Руль. 1925. 19 августа.
К убийству в Груневальде // Руль. 1925. 20 августа.
На суде // Руль. 1925. 22 августа.
Хроника // Руль. 1925. 25 августа.
Дела эмигрантские // Руль. 1925. 16 сентября.
Хроника // Руль. 1926. 16 января.
Хроника // Руль. 1926. 3 апреля.
Дело графа Тарновского // Руль. 1926. 18 июня.
Ограбление русского профессора // Руль. 1926. 18 июня.
Хроника // Руль. 1926. 24 июля.
Хроника // Руль. 1926. 14 сентября.
Хроника // Руль. 1926. 24 декабря.
Торговцы наркотиками // Руль. 1927. 14 января.
Хроника // Руль. 1927. 9 апреля.
Дело русского адвоката // Руль. 1927. 28 мая.
Хроника // Руль. 1927. 15 июля.
Хроника // Руль. 1927. 7 сентября.
Судьба эмигранта // Руль. 1927. 30 октября.
Свадьба Зубкова // Руль. 1927. 22 ноября.
Хроника // Руль. 1927. 30 декабря.

Хроника // Руль. 1928. 26 февраля.
Русская драма // Руль. 1928. 19 апреля.
Хроника // Руль. 1928. 1 июля.
Хроника // Руль. 1928. 7 июля.
Крах И. Левина // Руль. 1929. 24 января.
Друг Зубкова // Руль. 1929. 7 мая.
Дело Манассе Фридлиндера // Руль. 1929. 26 июня.
Дело Склярек // Руль. 1929. 12 октября.
Арест полк. Михайлова // Руль. 1929. 15 октября.
Грабитель сознался // Руль. 1929. 19 октября.
Уральцев в качестве гипнотизёра // Руль. 1930. 10 января.
Допрос Уральцева // Руль. 1930. 11 января.
Хроника // Руль. 1930. 19 февраля.
Сумасшествие Манассе Фридлиндера // Руль. 1930. 19 марта.
Опасный мошенник // Руль. 1930. 19 марта.
Арест русского // Руль. 1931. 3 января.
Неудавшееся бегство // Руль. 1931. 6 января.
Дело Манассе Фридлиндер // Руль. 1931. 13 февраля.
В Берлине // Руль. 1931. 21 февраля.
Процесс Уральцева // Руль. 1931. 1 марта.
Судьба эмигранта // Руль. 1931. 28 апреля.
Арест графа Тарновского // Руль. 1931. 3 октября.

Приложение № 2

Георг Гросс. Карикатура «Цыганская музыка», «Волга, Волга» или «Эмигрантское заведение» (1924) (Grosz G. Zigeunermusik. Sign. und num. Orig. – Fotolithografie. Düsseldorf. Galerie Flechtheim, 1924 // Ketterer Kunst. URL: <http://www.kettererkunst.de/kunst/kd/details.php?obnr=411501715&anummer=426&detail=1> (дата обращения: 14.04.2018)). На другом экземпляре этой карикатуры пьющие шампанское под цыганскую музыку русские эмигранты изображены с подписью “Gott, segne den Zaren” («Боже, царя храни»), что подчёркивает их монархические взгляды (Гросс Г. Мысли и творчество / пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1975. С. 99.).

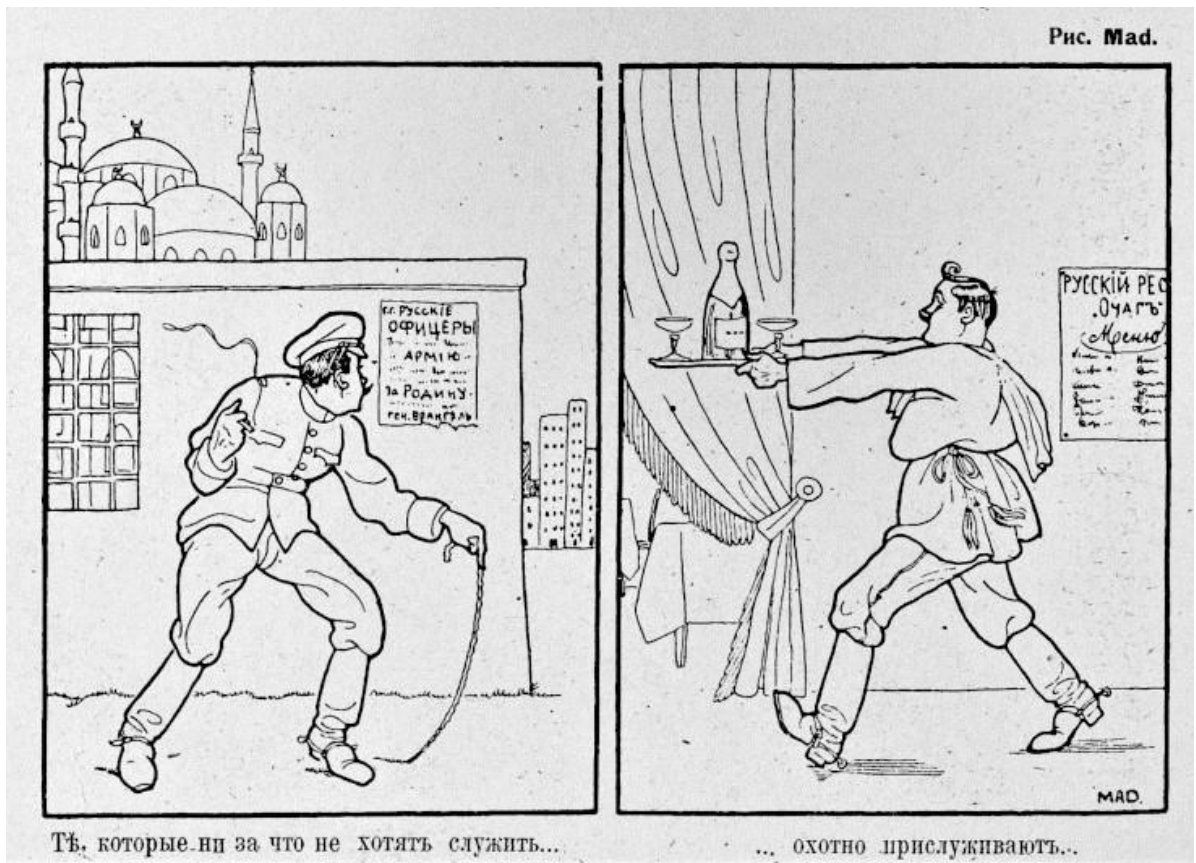
Приложение № 3

Результаты численного анализа рекламных объявлений газеты «Руть» в 1920 – 1921 гг.

Категория объявлений	Кол-во	Доля
Торговля драгоценностями (ломбарды, ювелирные магазины)	2 059	16,82%
Торговля (все другие товары)	3 237	26,46%
Услуги (медицинские, туристические, гастрономические, юридические, ремонт и др.)	3 972	32,48%
Образование	559	4,56%
Культурные мероприятия (русские балы, спектакли, концерты, благотворительные вечера)	556	4,54%
Предложение работы	454	3,71%
«Розыски» - объявления о поиске людей	1 167	9,53%
Прочее (некрологи, предложение обмена марками, жильем, предложения сотрудничества и др.)	233	1,9%
Всего	12 237	100%
На немецком языке	92	

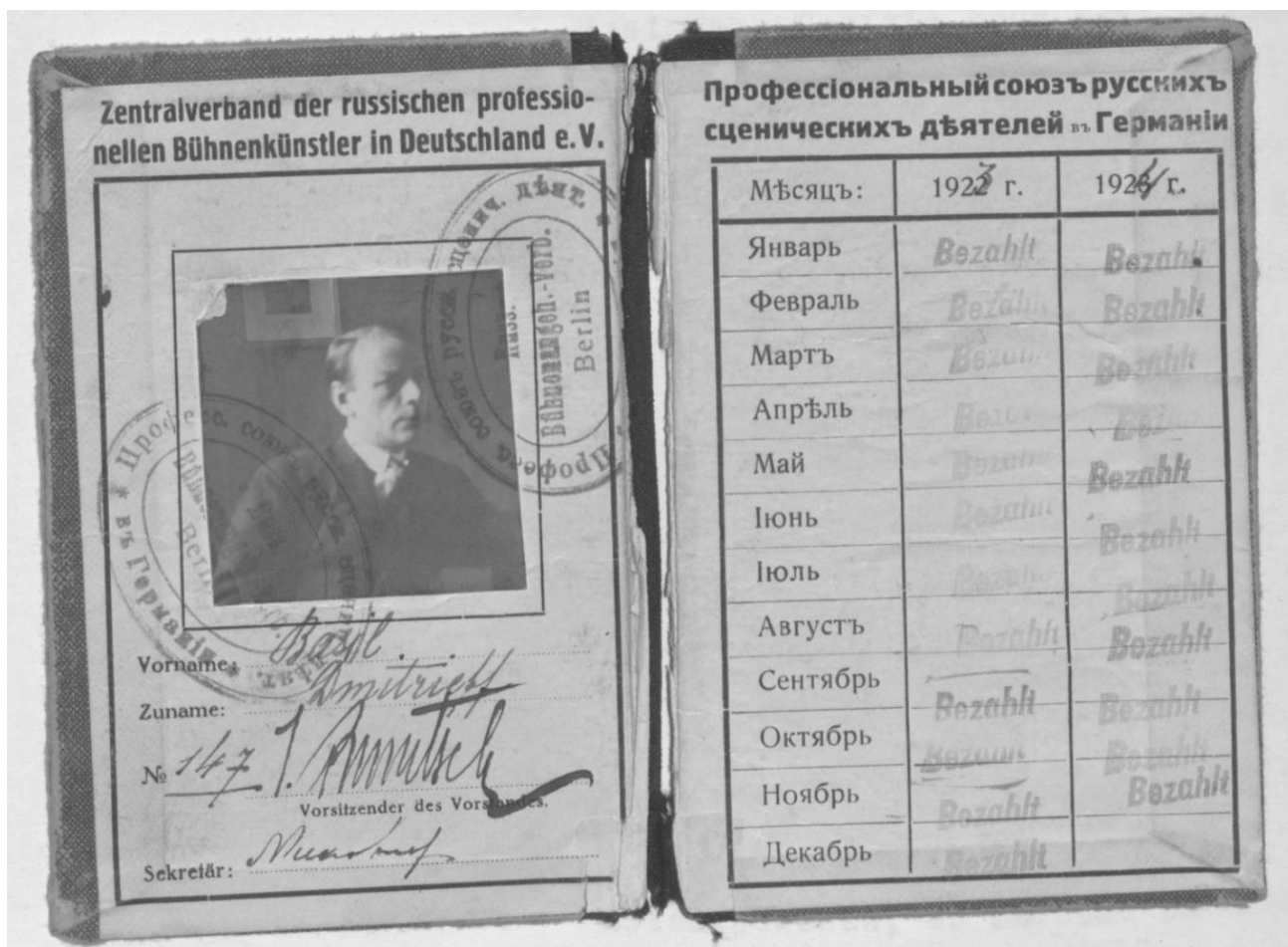
Подсчёт вёлся по номерам газеты «Руть», опубликованным в 1920 – 1921 гг. В этот период в свет вышел 341 номер газеты, из них в распоряжении автора оказался 321 номер, в выборку не вошли следующие номера: №№ 1-4, 13, 14, 18, 25, 35-39, 41-42, 46, 48, 55, 58, 218, 227.

Приложение № 5

Карикатура 1920 г. (Мад. Русские беженцы // Бич. 1920. Август. № 1.).

Приложение № 6

Удостоверение члена Союза русских сценических деятелей в Германии с подтверждением оплаты членских взносов за 1923 – 1924 гг. (ЛАН. А. Реп. 358-01. Nr. 405. Bd. 5.).

Приложение № 7

Vertrauensstelle
für russische Flüchtlinge in Deutschland
Berlin N.W. 40
in den Zelten 16.

Russische Delegation in Berlin.
Empfehlung zur Ausstellung eines
Personalausweis Nr. 2982

Die Russische Delegation bescheinigt hiermit, dass der Vorzeiger dieses tatsächlich die unten beschriebene Persönlichkeit ist.
(Vorliegender Ausweis ist vom Inhaber dem Polizeipostamt Hamburg Berlin vorzuweisen.)

Familiennamen Nicolov
Vorname Nathalie
Staatsangehörigkeit russisch
Beruf —
Ständiger Wohnsitz H. Petersburg
Gegenwärtiger Aufenthaltsort mit Adresse Hamburg
Wagnerstrasse 44
Geboren am 4/IV 88 Alter 34
Geburtsort H. Petersburg
Gestalt mittel
Haar dünn
Augen grün
Gesichtsform oval
Bes. Kennzeichen —

Unterschrift des Inhabers

Die Photographie und eigenhändige Unterschrift des Inhabers wird hiermit beglaubigt
Berlin, den 11 Dezember 1922.

Der Leiter: Sparschuh Jevz

Удостоверение личности, выданное Русской Делегацией Н.И. Никольской, 1922 г. (ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 216. Л. 1.).

